К. П. ШОВУНОВ

КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

ЭЛИСТА 1992

СОЮЗ КАЗАКОВ КАЛМЫКИИ

КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

К.П. Шовунов

КАЛМЫКИ
В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

(вторая половина XVII-XIX вв.)

Элиста – 1992

ББК 63.3 (2Р – 6Ка)
Ш 78

Отв. редактор Наберухин А.И., кандидат исторических наук.
Рецензент Команджаев А. Н., кандидат исторических наук, доцент.

Спонсоры: Малое предприятие «Горизонт».
Калмыцкая межобластная автобаза главка.
Чёрных земель и Кизлярских пастбищ.
МРПО «Элистаагропромхимия».
Акционерное общество «Ойрат».
Калмыцкая казачья агропромышленная
кампания «Хазг».
Племсовхоз «Чкаловский».

ШОВУНОВ К.П.

Ш 78 Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII-XIX вв.) – Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий институт общественных наук, 1992 – 320 с. с илл.
ISBN 5-7539-0232-6.

Монография К.П. Шовунова посвящена возникновению и формированию калмыцких казачьих поселений в составе российского казачества. В ней исследуется период с 70-х годов XVII в. Монография состоит из трёх частей. Первая часть посвящена возникновению калмыцких поселений. Во второй части исследуются вопросы социально-политического развития и экономического положения калмыков-казаков. В третьей части показаны все формы военно-казачьей службы калмыков.

ISBN 5-7539-0232-6 **ББК 63.3 (2Р – 6Ка)**

Светлой памяти крупнейшего военного историка, профессора Л. Г. Бескровного, моему доброму учителю посвящаю.

ВВЕДЕНИЕ

Тема и основные задачи исследования

С XV в. начался процесс колонизации южных и восточных окраин Российского государства (территория так называемого "Дикого поля"), продолжавшийся вплоть по первую половину XIX в. На начальном его этапе под давлением усиливавшегося феодально-крепостнического гнёта в движение пришли крестьяне и горожане центральных районов России. Заселяя эти земли, они вынуждены были вести тяжелейшую борьбу против грабительских набегов кочевников. Под влиянием этого обстоятельства колонизация сопровождалась образованием военных общин казаков. Сформировавшиеся казачьи общины и сами были не прочь совершать походы за "зипунами".В XV в. началось формирование общин донских, днепровских и гребенских казаков, в конце XVI столетия образовалось сибирское казачество, а в середине XVII в. на Левобережной Украине – слободское.

Создание новых казачьих войск продолжалось и в XVIII в., но уже в рамках правительственной политики. Для защиты восточных и юго-восточных границ государства от ногайцев, казахов, башкир были образованы в 30-е годы Астраханское, Волжское, в 1755 г. – Оренбургское и ряд других казачьих войск. На протяжении этого времени казачество освоило огромные пространства плодородных земель на юге и востоке страны.

С последней трети XVII в. стало привлекаться на казачью службу калмыцкое население. Основной процесс возникновения и формирование калмыцких казачьих поселений протекал в XVIII в. Правительство, принудительно включая одни группы, одобряя и поддерживая добровольный переход в казачество других, стремилось использовать калмыков главным образом как военную силу в охране расширяющихся границ государства. Вместе с этим существовал ряд других обстоятельств, способствовавших росту численности калмыков в составе казачества. Массовое бегство крепостных крестьян наносило большой ущерб помещикам-крепост-

никам. Причисление их в казаки наращивало бунтарский дух казачества и превращало его в эпицентр многих антикрепостнических выступлений. Поэтому с конца XVII, а ещё более с начала XVIII в. правительство стало ограничивать массовый приём беглых людей в казаки. С другой стороны, чтобы стать "добрым казаком",надо было обзавестись конём, воинским оружием, а для этого требовались определённые средства[1]. Этим условиям вполне отвечали калмыки, обладавшие значительными табунами лошадей, к тому же являвшиеся отличными воинами-всадниками. Совместные боевые походы калмыков и казаков против общих врагов укрепляли взаимоотношения между ними и порождали тягу к совместной жизни.

Возникновение калмыцких казачьих поселений может быть понято только в тесной связи с историей всего калмыцкого народа. Калмыки-казаки, несмотря на свою территориальную оторванность от основной массы сородичей на Волге и на всё усиливавшуюся экономическую и политическую разобщённость с ними, сохраняли язык, религию, культуру, психологический склад и многие черты традиционного быта и хозяйственной деятельности. Кроме того, между калмыцкими казачьими поселениями и ханством поддерживались религиозные и брачные контакты. Н.А. Нефедьев, посетивший в 1817 г. ставропольских (на Волге) калмыков, писал: "Эти калмыки ничем не разнятся от обитающих в Астраханской губернии; они также ведут жизнь кочевую и занимаются скотоводством, а о хлебопашестве, кажется, никогда не думали и не думают, отдавая пожалованные им земли, луга, леса и воды в оброк русским крестьянам ближайших поселений, что доставляет им возможность быть счастливыми арендаторами"[2]. За исключением приобщившихся к земледелию небольшого числа калмыцких семей, в целом по отношению к основной массе ставропольских крещёных калмыков Нефедьев был прав. Такое же явление наблюдалось и в других калмыцких поселениях, о чём будет сказано в соответствующих разделах.

Освещаемая тема является важнейшей частью истории как всего калмыцкого народа, так и казачества России в целом. Она охватывает период с 70-х годов XVII до конца XIX века. История калмыков-казаков предполагает исследование ряда проблем, которым соответствуют отдельные части и главы монографии.

Первая часть книги посвящена возникновению калмыцких поселений. Выяснение особенностей социально-политического и экономического развития Калмыцкого ханства и политики правительства России в отношении калмыков раскрывает общие предпосылки перехода части калмыцкого населения в казачество. Первому, причём самому многочисленному, казачьему поселению на Дону посвящена самостоятельная глава, другие поселения рассматриваются в последующих двух главах.

Во второй части книги исследуются вопросы социально-политического развития и экономического положения калмыков-казаков. Этим проблемам уделяется в работе основное внимание, так как именно они дают возможность проследить процесс превращения бывших номадов в военно-служилое сословие и оседлое население. Социально-экономическая политика центрального правительства в отношении казачества в XVIII-XIX вв. и предпринимавшиеся им меры по организации управления в казачьих войсках непременно касались калмыков-казаков.

В третьей части книги ставится задача показать все формы военно-казачьей службы калмыков-казаков, являвшейся главной их обязанностью на протяжении двух с половиной столетий.

Хронологически исследование не переходит грани XIX-XX веков, поскольку первые два десятилетия нынешнего века, особенно время второй и третьей российских революций и роль казачества в них, а также ликвидация казачьего сословия требуют нового, переосмысленного подхода. Поэтому изучение их следует проводить специально.

Обзор литературы

Отдельные аспекты истории калмыков-казаков начали освещаться ещё в 60-е годы XVIII в. С активизацией исторической науки в России в XIX в. на страницах многих работ о казачестве нашла отражение жизнь всех казаков-калмыков. Однако специальные труды в виде статей и кратких очерков посвящены только калмыцкому кочевью на Дону. Первой среди них, в 1824 г. появилась статья в журнале "Северный архив" за подписью А.К. Ку-м[3]. Автор начал своё повествование со времени откочёвки калмыков из Джунгарии и довёл его до XIX в. Он предпринял попытку выяснить причины перехода калмыков на Дон. В частности, одна из них правильно связывалась с межфеодальными противоречиями в калмыцком обществе. В трактовке других вопросов автор не избежал противоречий. Например, определяя начало возникновения Донского поселения калмыков, в одном месте он указывал на то, что калмыки начали поселяться на землях войска Донского с 1702 г., а в другом отмечал, что "Значительное их на Дону приращение началось с 1699 г." Видимо, автор допускал, что калмыки могли перекочевать сюда для несения службы в составе казачества несколько раньше указанной даты. Далее, А.К. Ку-м не совсем верно связывал основание Донского поселения с джунгарским улусом Баахана Тайши[4]. В статье отсутствуют хотя бы приблизительные данные о численности калмыков в составе казачества. Несмотря на указанные недостатки, эта публикация, несомненно, положила

начало изучению Донского поселения калмыков и вызвала интерес к этой теме у последующих исследователей.

Почти полвека спустя появилась другая статья под названием "Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта"[5], автором которой являлся донской священник А.Л. Крылов. Занимаясь миссионерской деятельностью среди нехристианского населения, в частности среди калмыков, он преследовал политику ассимиляции. В своей статье Крылов прямо заявлял, что "религия христианская сделает из дикарей или полудикарей – русских"[6]. Эта идея выражала философию великодержавного шовинизма, неприятие своеобразной культуры, образа жизни, уникального быта, психического склада и нравственных устоев нерусских народностей. Изучая предмет своего исследования, автор попытался воссоздать целостный образ донских калмыков, выявляя их отрицательные и положительные черты. Кроме того, он осветил некоторые детали их быта.

По замыслу и содержанию близка к вышеупомянутой работе статья анонимного автора Л-н (по всей видимости Лыткина) "Быт донских калмыков"[7].

В связи с реализацией буржуазных реформ на Дону в 70-80-е годы активизировалось изучение экономических аспектов истории казачества. В русле этого направления в 1874 г. было опубликовано первое серьёзное и довольно подробное исследование Н.А. Маслаковца[8]. Его работа состоит из четырёх глав. В первой из них прослеживаются взаимоотношения войска Донского с Калмыцким ханством с самого начала возникновения последнего на Нижней Волге, а также выясняется процесс образования иноязычного поселения на Дону, получившего название "Калмыцкое кочевье". Следующая глава посвящена эволюции административного устройства Калмыцкого кочевья в составе Войска, а в третьей – довольно подробно анализируется демографические процессы в этом поселении.

Весьма ценной является четвёртая глава, в которой впервые дан глубокий анализ хозяйственной деятельности калмыцкого населения на Дону, правда, на отрезке времени только в 30 лет (с 1840 по 1870 год). Интересными представляются сведения о приобщении кочевников к земледелию, явившегося основой перехода их к оседлости. Однако главное внимание автор уделил развитию животноводства в Калмыцком кочевье. Рассматривая отдельные его отрасли (коневодство, разведение крупного рогатого скота, овцеводство), он попытался определить удельный вес хозяйства калмыков-казаков не только в экономике Области войска Донского, но и в целом юга России.

Разумеется, в книге есть и спорные моменты. Вряд ли можно согласиться с автором относительно времени приёма калмыков в

казачество, с его чрезмерной идеализацией деятельности войсковой администрации по устройству жизни калмыков-казаков и т.д. Однако они никак не снижают научный и информационный уровень этой работы.

Вновь возрос интерес к жизни донских калмыков у местных историков Дона в начале XX в. Вышли в свет статьи С. Браиловского, Н. Немцова[9], С. Павловского[10], книга П. Сурожского[11], очерк И.И. Попова[12]. Несколько слов о последнем из них. В очерке Попова показана генетическая связь донских калмыков с далёкими предками – монголами ещё времён Чингис-хана. Однако наиболее сильную и интересную сторону работы составляют такие аспекты, как духовно-нравственные характеристики бузавов, некоторые этнографические зарисовки их быта, обычаев и традиций.

В исторической литературе в целом по донскому казачеству обращают на себя внимание две работы исследователей Донского края – В. Броневского[13] и С. Номикосова[14].

В сочинении первого, представлявшем собою "грустную компиляцию со всех сочинений, в которых что-нибудь говорилось о Доне"[15], отведено заметное место донским калмыкам, образованию поселения которых, по мнению автора, предшествовала целая полоса времени, позволившая им установить тесные соседские и вполне дружественные отношения с казаками. "Донские казаки,– писал Броневский,– полюбя соседей за удальство, охотно принимали их беглых"[16]. Но в освещении других вопросов автор, в сущности повторив факты и положения А.К. Ку-м, не внёс в историю донских калмыков чего-либо нового.

Огромнейшее значение для изучения экономической жизни донского казачества, в том числе Калмыцкого округа войска, имеет капитальный труд Номикосова. Анализируя развитие калмыцкого скотоводства по отраслям, автор привёл реальные сведения по общему количеству лошадей, рогатого скота и овец, определил место и роль хозяйства калмыков-казаков в экономике и торговле юга страны. Впервые он рассмотрел становление коневодства в Калмыцком округе. Однако Номикосов уделил мало внимания эволюции земледелия у донских полукочевников.

В отечественной историографии мало места отведено истории Чугуевского казачьего поселения калмыков. Надо сказать, что в работах Филарета Гумилевского[17] и Д.И. Багалея[18] чугуевские калмыки не являлись предметом специального исследования и сведениям о них уделено мало внимания. Но тем не менее именно эти авторы стали первыми исследователями калмыков Чугуевского поселения. Наиболее ценным, на наш взгляд, в данной ими информации было сообщение Филарета Гумилевского о поселении калмыков в Чугуеве в 1679 г. При сопоставлении с другими материалами его мнение можно считать приблизительно правильным.

В работе Багалея была дана вполне определённая оценка службы чугуевских калмыков. Сравнивая её со службой в слободских полках сербских поселенцев, автор писал: "Гораздо больше пользы... принесли калмыки, поселённые в Чугуеве"[19]. Но, на наш взгляд, оба автора неверно трактовали причины ухода некрещёных калмыков из Чугуева в 1748 г. Они утверждали, что калмыки не были довольны казачьими порядками. На самом же деле, их не смогли разместить на территории Чугуевского уезда из-за нехватки земель.

Обстоятельные и подробные исследования о ставропольских (на Волге), оренбургских и яицких калмыках оставили П.И. Рычков[20] и В.Н. Витевский[21].

Рычков по праву относится к одному из первых и добросовестных исследователей Оренбургского края XVIII в. Важнейшим его трудом считается "Топография Оренбургская". Заметное место было уделено в нём Ставропольскому калмыцкому поселению, значительно меньше – Оренбургскому и Яицкому. Вместе с тем автор, довольно подробно осветив историю первоначального поселения и гражданское устройство, почти не затронул военную организацию и службу этих калмыков.

В 1891 г. в Казани была издана солидная по объёму и содержанию монография об Оренбуржье видного историка этого края В.Н. Витевского. В основу книги лёг большой круг документов местного архива и богатейшая папка со сведениями об этом крае уральца И.И. Железнова. Автор посвятил поселению крещёных калмыков многие страницы своего труда. Признавая несомненные достоинства монографии в целом, следует указать на явную идеализацию Витевским политики царского двора по отношению к калмыкам, переселённым не по своей воле на территорию края. "Выгоды поселения ставропольских калмыков и заботы о них правительства и местной администрации,– писал Витевский,– весьма благоприятно отозвались на всём пространстве Поволжья и Дона"[22]. Однако это не отвечало действительности. После ряда подобных рассуждений автор вынужден был признать, "что положение ставропольских калмыков значительно изменилось к худшему... Коллегия иностранных дел хорошо осознавала теперь всю сложность задачи"[23]. Иначе говоря, реальное положение дел у ставропольских калмыков противоречило стремлению Витевского прославить "мудрость" правящих кругов по отношению к "инородцам" Оренбуржья. В книге также не было уделено должного внимания освещению истории яицких и оренбургских калмыков. Кроме того, её автор также, как и Рычков, совершенно не остановился на вопросах военной жизни трёх калмыцких поселений.

Ценные сведения о военном устройстве, участии в войнах Российского государства, о численном составе ставропольских,

оренбургских и уральских калмыков-казаков содержатся в работах учёных-историков, войсковых чиновников и военных специалистов В.Х. Козина[24], П. Чуйкевича[25], Ф.М. Старикова[26], Лобова[27], Г.Н. Прозрителева[28], П. Небольсина[29], А. Рябинина[30], И. Дебу[31], И. Жуковского[32], А.Ф. Рязанова[33], Н. Бородина[34]. Каждая из этих публикаций даёт множество различных информаций по многим аспектам жизни трёх восточных калмыцких казачьих поселений.

Относительно истории Астраханского казачьего войска ограничимся кратким анализом всего лишь двух работ: подполковника Генерального штаба М.П. Хорошихина[35] и астраханского историка И.А. Бирюкова[36]. В сочинении первого автора рассмотрены лишь отдельные сюжеты становления и развития войска. Во второй работе, написанной по поручению губернской администрации, история войска была представлена с момента его формирования и доведена до начала XX в., причём исследование проведено на солидной источниковой базе. Историю Астраханского казачьего войска автор начал с комплектования калмыцкой команды из 300 человек. Она была образована на основании указа Сената от 4 января 1737 г., а не в 1727 г., как считал Хорошихин. Более того, вся последующая история войска была связана с вовлечением в него лиц калмыцкого происхождения.

Специальных работ, написанных в дооктябрьский период по истории Терского поселения калмыков немного: насколько нам известно, их всего пять[37]. Первой публикацией явилась статья К.И. Костенкова, главного попечителя калмыцкого народа. К статье "Статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии", как отмечал автор, он сделал "необходимое прибавление", правда небольшое, под названием "Калмыки Моздокского казачьего полка". По-видимому, не имея достаточных источников, он ограничился главным образом описанием истории их происхождения.

Более подробную работу по истории терских калмыков написал Н.Ф. Бурдуков, чиновник по особым поручениям Министерства земледелия и государственных имуществ, использовав новые архивные источники и даже устные предания самих калмыков. Всё это позволило ему выяснить, почему вначале терских калмыков называли "митричин кристен", охарактеризовать деятельность православной церкви по христианизации этой группы, а также показать районы расселения калмыков в Предкавказье и описать их хозяйственную жизнь.

Жизнь кочующих на землях Терского казачьего войска калмыков была настолько тяжёлой, что Бурдуков, будучи представителем официальной власти, призванным всячески идеализировать политику царизма по отношению к окраинным народам, вынужден был не скрывать этого. Он откровенно писал, что "отношение к калмыкам было крайне небрежным"[38]. Но ни Бурдуков, ни его предшественники не задавались целью выяснить истинные причины неустроенности кочевников на протяжении 140-летнего их пребывания на Северном Кавказе.

Губанов, воспитанник Кубанской учительской семинарии, освещая жизнь терских калмыков, в основном остановился на описании их хозяйственной деятельности. Однако, в его работе отсутствуют конкретные цифровые данные, попытки их анализа. Тяжёлое положение терских калмыков не оставило равнодушным и этого молодого семинариста. "Калмыки – самые несчастные существа: их жизнь – не жизнь, а скорее прозябание",[39] – горько констатировал автор.

По истории калмыцких казачьих поселений в дооктябрьский период последним аккордом прозвучало юбилейное издание "Столетие Военного министерства"[40]. Сведения о них содержатся в четвёртом томе, написанном А.Т. Борисевичем, офицером Главного штаба, и в девятом томе, составленным А.И. Никольским, офицером Главного управления казачьи войск. Эти авторы должны были обобщить историю всех казачьих войск за весь период их существования и довести её до 1902 г., юбилейной даты Военного министерства. В ходе изложения истории всего российского казачества было уделено определённое внимание и калмыкам-казакам. Следует отметить, что очерки упомянутых авторов являются единственными на сегодня сочинениями, в которых была сделана попытка последовательно осветить основные этапы истории калмыцких казачьих поселений и их военную организацию.

Белым пятном в историографии осталась история калмыков Николаевского (Азовского), Павловского казачьих полков и Новой Днепровской линии.

Таким образом, отечественные исследователи дореволюционного периода внесли заметный вклад в освещение истории калмыцких казачьих поселений. Сравнительно подробно рассмотрены в указанных выше работах история их возникновения, быт и хозяйство. Однако оставались заметные пробелы в освещении службы калмыков, их военной организации, боевой деятельности. История отдельных небольших групп калмыков, также исполнявших казачью службу, не получила какую-либо известность и в наши дни.

Многочисленные сочинения историков России о казаках, как уникальном явлении мировой цивилизации, вызвали немалый интерес за рубежом. За перо взялись иностранцы[41]. Источниковой базой для их книг о казачестве послужили труды русских авторов. Вместе с этим на страницы иностранных публикаций проникли сведения о калмыках-казаках. Зарубежных писателей конца XVIII-

XIX вв. прежде всего интересовали военные успехи казачьей конницы, секреты "всесокрушающей" силы казаков, которых многие из них считали "врагами всякой культуры, всякой государственности"[42].

Определённый интерес к истории калмыцких казачьих поселений проявили некоторые советские исследователи, в частности, калмыцкие историки Н.Ш. Ташнинов[43] и М.И. Гучинов[44]. Первого из них интересовало главным образом положение жителей Дона в первой половине прошлого столетия. Обращает на себя внимание вводная часть работы. Как и большинство досоветских авторов, Ташнинов считал, что казачья служба калмыков в войске Донском началась с 1699 г., а началом истории донских калмыков являлся, по его мнению, 1731 год. Обе эти даты, на наш взгляд, являются ошибочными.

С точки зрения привлечения источников большую ценность представляет работа Гучинова. В своём исследовании автор поставил две задачи: показать характер казачье-калмыцких отношений во второй половине XVII в. и раскрыть социально-экономические причины поселения калмыков на Дону. Если первая проблема оказалась раскрытой более полно и наглядно, то вторая – не вполне убедительно. Автор прав, утверждая, что калмыцко-казачьи отношения в целом носили дружественный характер. Можно согласиться с мнением исследователя и относительно времени первоначальных сношений калмыков с казаками. Однако следует заметить, что автор придерживается сходного с предшественниками мнения о начальной дате образования Донского поселения. Правда, указывая на 1690 г., как начало возникновения этого поселения, Гучинов вместе с тем допускает предположение, что дербетовские группы могли быть не первыми на Дону, однако вопрос оставил открытым. На наш взгляд, недостаточно полно автором выявлены причины поселения калмыков на землях войска Донского.

Т.И. Беликовым в его книге "Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины"[45] предпринята попытка обобщить сведения о калмыках-казаках по трудам дореволюционных исследователей. Этот же автор проделал заметную работу по ставропольским калмыкам, введя в научный оборот немалое количество документов Госархива Оренбургской области. Он основательно изучил положение калмыцких низов в Ставропольском ведомстве, что позволило широко показать предпосылки активного участия их в Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачёва[46].

Тема калмыцкого казачества вызвала немалый интерес у современного поколения историков Республики Калмыкия – Хальмг Таңһч[47]. Изучение одной из славных страниц истории России активизировалось особенно в связи с широким движением в стране за возрождение казачества.

По-прежнему казачество, в том числе калмыцкое, остаётся в поле зрения современных учёных за рубежом. Вышел в свет ряд монографических работ. В частности, в 1980 г. опубликована работа американского профессора Араша Борманжинова "Лама Чубанов, его предшественники и преемники. Очерк истории Калмыцкой ламаистской церкви в Области донских казаков России"[48]. Очерк состоит из двух частей[49]. В первой дается краткая историческая справка о калмыках вообще и донских в частности, сжатая история ламаистской церкви на Дону, сведения о 13 главных бакши, носивших титул бакша-лама. Вторая часть посвящена герою очерка Аркад Чубанову. Безусловно, книга является ценным вкладом в историю донских калмыков, особенно в неразработанные вопросы об их религиозных воззрениях.

В 1987 г. вышла книга профессора Массачусетского университета (США) Роберта Макнила, специализирующегося по русистике и советологии, под названием "Царь и казаки"[50]. Автор, используя российскую периодику, дореволюционную и советскую историческую литературу, характеризует Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска и мобилизацию их на театр военных действий в промежутке времени между Крымской и Первой мировой войнами[51].

Характеристика важнейших источников

Основными источниками для настоящего исследования послужили документы и материалы одиннадцати архивохранилищ страны, которые найдут в разной степени характеристику ниже.

Подавляющее большинство источников сосредоточено в Центральном государственном военно-историческом архиве России (ЦГВИА). Здесь сконцентрированы документы Военной коллегии (XVIII в.), военных учреждений XIX в., материалы о войнах России. Нам удалось установить, что более 30 фондов архива содержат материалы, касающиеся всех калмыцких казачьих поселений. Невозможно дать характеристику всем этим фондам, но из них наибольший интерес для исследователя представляют: "Канцелярия Военного министерства" (ф. 1), возникшая в 1802 г., "Гарнизонная экспедиция Военной коллегии" (ф. 9); "Казачьи дела Московского отделения общего архива Главного штаба" (ф. 13, 1728-1812 гг.); "Приказной стол канцелярии Военной коллегии" (ф. 17, 1720-1812 гг.); "Казачья экспедиция при канцелярии Военной коллегии" (ф. 103). Коллекции документов бывшего Военно-учёного архива (ВУА) были преобразованы во множество новых фондов, из которых нами использованы: "Главное управление казачьих войск" (ф. 330); "Комитет об устройстве войска

Донского" (ф. 331); "Казачий отдел Главного штаба" (ф. 400); "Департамент военных поселений" (ф. 405) и др.

Безусловно, нет возможности передать содержание всех перечисленных фондов, но на некоторых, связанных особенно с новыми фактами, даже открытиями, мы остановим своё внимание.

В фонде "Канцелярия Военного министерства" (ф. 1) обнаружены оригинал и копия с копии двух правительственных указов по Ставропольскому калмыцкому войску, которые не попали ни в "Полное собрание законов Российской империи", ни в "Акты исторические". Они не упомянуты и в других изданиях документальных материалов. Первый из них – "О добропорядочном Ставропольской крепости крещёных калмык содержания, о градском порядке и о протчем" с приложением полного штата войска был принят 19 февраля 1745 г. Второй документ под названием "Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Оренбургской канцелярии в Ставропольскую канцелярию" был подписан 18 мая 1760 г. Его издание было связано с причислением джунгарцев, принявших подданство России, к Ставропольскому калмыцкому войску. Исключительно важные дела о калмыках, служивших в Азовском полку и на Новой Днепровской линии, обнаружены в фондах "Гарнизонной экспедиции Военной коллегии", "Приказного стола канцелярии". Благодаря документам этих фондов в настоящей работе восстановлены забытые страницы истории ещё двух групп калмыков-казаков[52]. В этих же фондах нами выявлено до 150 дел, отражающих различные стороны жизни чугуевских калмыков и Ставропольского калмыцкого войска. Документальные материалы ЦГВИА, особенно фондов 330, 331, 400, 405 позволили осветить многие аспекты истории донских калмыков. В работе использованы картографические материалы по калмыцким казачьим поселениям, выявленные в фондах 414, 416, 331 бывшего ВУА. Карты, атласы и схемы были составлены в связи с генеральным межеванием земель в стране в середине XVIII и первой четверти XIX в. В описаниях к картографическим изданиям содержатся сведения об административном делении на улусы и сотни, данные о демографическом и хозяйственном состоянии поселений.

Итак, материалы ЦГВИА на первый взгляд содержат разрозненные факты, однако их систематизация даёт возможность воссоздать более или менее целостную историю калмыков-казаков. С другой стороны, к недостаткам материалов этого архива, с точки зрения полноты содержащихся в них сведений, следует отнести малочисленную и весьма разрозненную информацию об участии калмыков-казаков в военных кампаниях. Не всегда и не во всех случаях информации источников оказываются достоверными и они требуют критического подхода в оценке того или иного исторического факта.

Ряд документов по истории некоторых групп калмыков-казаков хранятся в Центральном государственном архиве древних актов России. Они отложились в фондах "Посольского приказа", "Кабинета Петра 1" (ф. 9), "Донские дела" (ф. 111), "Калмыцкие дела" (ф. 119). Материалы этих фондов весьма полезны при освещении участия донских казаков, в том числе калмыков, в Северной войне, особенно в первые её пять лет.

Ценные материалы отложились в Центральном государственном историческом архиве России (ЦГИА) и других архивах г. Санкт-Петербурга. Значение документального состава этих архивов заключается в том, что с помощью их можно пополнить подробными сведениями историю почти всех калмыцких казачьих поселений. Большой интерес представляют дела фондов "Земского отдела министерства внутренних дел" (ф. 1291), "Канцелярии министра земледелия" (ф. 381), "Указов императора по секретным делам" (ф. 1329). В качестве примера можно привести отчёт по командировке профессора Петербургского университета А.М. Позднеева к калмыкам Терской, Уральской областей и Оренбургской губернии в 1911 г. с целью изучения их религиозного состояния. Собранные профессором материалы были необходимы для разработки готовившегося государственного законопроекта по духовным делам буддистов-ламаистов. Кроме всего этого, они содержат ряд сведений, касающихся других сторон жизни калмыков-казаков указанных регионов. Фонд "Указы императора по секретным делам" (ф. 1329) вобрал в себя ряд важных актов, касающихся устройства Ставропольского (на Волге) калмыцкого поселения и реорганизации Чугуевского конно-казачьего полка. Если тексты самих законов отражают правительственную политику, то их констатирующая часть содержит обильный материал по конкретным вопросам жизни ставропольских и чугуевских калмыков.

Рассредоточение калмыцкого казачьего населения по разным регионам Российской империи обусловило накопление массы материалов, кроме столичных, в архивах многих других городов: Киева, Ростова-на-Дону, Оренбурга, Астрахани, Ставрополя, Омска и Элисты.

Основной источниковой базой для освещения истории ставропольских, оренбургских и уральских калмыков является Госархив Оренбургской области (ГАОО). Материалы о них отложились в основном в фондах "Канцелярия Оренбургской экспедиции" (ф. 1), "Оренбургская губернская канцелярия" (ф. 3), "Дело оренбургского военного генерал-губернатора" (ф. 6). Из этих фондов использована интересная переписка оренбургского губернатора И.И. Неплюева с Сенатом, Коллегией иностранных дел и Военной коллегией по делам ставропольских калмыков. Весьма ценным является донесение Неплюева Сенату и Коллегии иностранных дел от 29

декабря 1744 г., связанное с зачислением калмыков в Яицкое казачье войско. В этом документе важны не только постановка вопроса об увеличении численности Яицкого войска дополнительным контингентом из кочевников, но и те сведения, которые характеризуют службу ранее принятых калмыков. Органически увязывается с этим донесением новое представление Неплюева в Военную коллегию от 18 ноября 1754 г. В нём отражена жизнь яицких калмыков и изложены многие факты истории возникновения ещё одного калмыцкого поселения в Оренбургском казачьем войске.

Для написания истории донских калмыков основной источниковой базой можно считать Госархив Ростовской области (ГАРО). Если дела архива, связанные с этой группой калмыков в XVIII в., разбросаны по всем фондам, то материалы XIX в. сосредоточены в целом в двух фондах "Калмыцкое правление" (ф. 36) и Х.И. Попова (ф. 55). Первый из них берёт своё начало с 1 января 1836 г., со времени учреждения Калмыцкого правления на основании "Положения" 1835 г. Здесь хранятся списки служилых и отставных калмыков-казаков, отчёты о составе урядников и казаков, дела о приводе к присяге и наряде на службу новобранцев, о наградах участников войн. Материалы фонда раскрывают и такие важные вопросы, как численный состав калмыцкого населения, хозяйственную жизнь и переход калмыков к оседлости через внедрение земледелия и сенокошения среди кочевников. Освещение быта, обычаев, нравов, религии донских калмыков позволяют сделать материалы фонда Х.И. Попова.

Немало материалов о службе калмыков в Чугуевском конно-казачьем полку в XVIII в. выявлено в Центральном государственном историческом архиве Украины (ЦГИА Украины). Эти документы хранятся в фондах "Генеральной войсковой канцелярии", "Походной генеральной войсковой канцелярии", "Военно-походной канцелярии фельдмаршала Румянцева-Задунайского", "Чугуевской воеводской канцелярии", "Канцеляриях Харьковского и Воронежского генерал-губернаторов", "Чугуевской приказной избы". Использование материалов перечисленных фондов позволило описать военно-гражданское устройство и снабжение чугуевских калмыков, определить не только численный состав калмыков-казаков полка, но и членов их семей.

Документальные материалы Центрального государственного архива Республики Калмыкия – Хальмг Таңһч безусловно уступают вышеназванным архивохранилищам. Но в фонде Н.Н. Пальмова (Р-145) имеется ценнейшая его рукопись "Донские калмыки" и материалы к ней, использованные в данном исследовании.

Документы Государственного архива Омской области (ГАОмО) имеет косвенное отношение к истории калмыков-казаков, но тем не менее, те, которые связаны с направлением джунгарцев в Оренбург и далее в Ставропольский уезд, значительно пополнили ценными сведениями обстоятельства формирования трёх джунгарских рот в составе Ставропольского калмыцкого войска.

Весьма ценные материалы обнаружены в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, фонды которого скомплектованы из личных архивов известных государственных деятелей, видных историков-ориенталистов и коллекций различных материалов. Здесь сохранилась в хорошем состоянии рукопись под названием "Исторические и статистические сведения о калмыках, состоящих в войске Донском, составленные по распоряжению высочайше учреждённого Комитета об устройстве войска Донского сенатором, генерал-лейтенантом Богдановичем и офицерами того же войска". Работа была написана в 1834 г. в Новочеркасске и адресовалась царю. Её авторы осветили развитие калмыцко-казачьих отношений и пришли к выводу о том, что эти контакты, скреплённые боевой дружбой в ходе борьбы против общего врага, обусловили в начале 70-х годов XVII в. складывание калмыцкого поселения в составе донского казачества. В числе причин они указали и на вольную жизнь казаков, и на "просторы поля", которые не могли не привлечь калмыков для обоснования на Дону. В сочинении отражён процесс постепенного пополнения первоначального ядра донских калмыков за счёт переселения к ним соотечественников из Волжских степей. Авторы снабдили свою работу рисунками, отражавшими жизнь и быт донских калмыков. Очень ценны рукописи, докладные записки, составленные монголоведом А.М. Позднеевым для Общества востоковедов и правительства. "Докладная записка министерства внутренних дел министру П.А. Столыпину с отчётом о командировке А.М. Позднеева в калмыцкие улусы Астраханской и Ставропольской губерний и Области войска Донского" даёт дополнительный добротный материал для исследователя.

В книге использованы сборники законодательских актов и материалов правительственных и военных учреждений России, различные сборники документов и материалов, приложения документов к капитальным трудам дореволюционных историков и другие печатные источники. Названия их приведены в библиографии настоящего исследования.

Часть 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАЛМЫЦКИХ КАЗАЧЬИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Глава 1. КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО (XVII – XVIII ВВ.): ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕХОДА ЧАСТИ КАЛМЫКОВ В КАЗАЧЕСТВО

Хозяйственное развитие Калмыцкого ханства

С самого начала поселения на Нижней Волге и вплоть до XX в. в хозяйственной жизни калмыков доминирующим оставалось кочевое скотоводство. Однако будет ли правомерным утверждать, что оно в своей основе оставалось таким же, каким было на прежней родине калмыцкого народа? С нашей точки зрения, сама постановка вопроса применительно к новым условиям в России заслуживает того, чтобы остановиться на нём подробно.

С разрешением территориального вопроса калмыки получили обширные пространства, удовлетворявшие потребностям размещения многочисленного калмыцкого скота. Кажущиеся на первый взгляд полупустынные земли, особенно на правобережье Волги, оказались вполне пригодными для круглогодичного выпаса скота кочевников, не занимавшихся заготовкой кормов на зиму. Заметным стимулятором развития калмыцкого скотоводства явился российский рынок. Выполнение калмыками своей главной повинности перед Российским государством – несения военной службы – требовало содержания многочисленной конницы, а это в свою очередь обязывало калмыцкие хозяйства развивать коневодство как для собственных, так и общероссийских нужд. Спрос на калмыцких лошадей со стороны военных ведомств, помещичьих и крестьянских хозяйств оставался высоким на протяжении всего рассматриваемого времени. Таким образом, названные факторы безусловно изменили в значительной степени характер скотоводства у калмыков не только в количественном, но в некоторой степени и в качественном отношении. К сожалению, отсутствие конкретных цифровых данных, характеризующих скотоводство XVII-XVIII вв., не даёт возможности воссоздать в целом ясную картину

хозяйственной жизни калмыков. По самым приблизительным подсчётам, надо полагать, до 70-х годов XVIII в. население Калмыцкого ханства содержало более 3 миллионов голов крупного рогатого и мелкого скота. Бедные семьи имели 2-3 лошадей, 5 голов крупного рогатого скота, до 20 овец. Семье среднего достатка принадлежало 10-50 лошадей, 10-30 голов крупного рогатого скота, 60-150 голов овец[1]. Феодальная знать имела в своём распоряжении многотысячные конские табуны, сотни и тысячи голов крупного и мелкого скота[2].

В хозяйстве калмыков, особенно крупных феодалов, главной отраслью являлось коневодство. Лошади для калмыцкого населения являлись не столько источником питания и средством передвижения, сколько служили материальной базой комплектования войска. Поэтому нам представляется неправомерным положение, зафиксированное в "Очерках истории Калмыцкой АССР", о том, что "к 20-30-м годам XVIII в. ...значение конского поголовья падало, что отражало развивавшийся процесс падения военной активности калмыцких тайшей"[3]. Во-первых, для такого вывода нет фактических данных, во-вторых, правительство России вплоть до 70-х годов придавало военной силе Калмыкии важное значение. Но если даже обратиться к данным за XIX в., то у приволжских калмыков число лошадей далеко превосходило поголовье крупного рогатого скота: в 1803 г. у них число лошадей достигало 238330, а крупного рогатого скота – 160628 голов[4].

В ходе постепенного процесса вхождения калмыков в состав России и в дальнейшей их истории проблема торговли наряду с территориальным вопросом занимала главенствующее место. В многочисленных шертях, подписанных калмыцкими тайшами, почти не было ни одной, где бы они не включали требование о предоставлении торга на русских рынках. На раннем этапе русско-калмыцких отношений центрами торгового обмена являлись сибирские города Тобольск, Тара, Тюмень, Томск. По мере продвижения калмыцких улусов на запад, к Яику и Волге, торговые связи калмыков с Россией осуществлялись через Яицкий городок, Уфу, Астрахань, а в XVIII в. им были предоставлены рынки городов Саратова, Оренбурга, Самары, Тамбова, Владимира и даже Москвы.

Правительство России всячески поощряло торговлю с калмыками. Их товары стоимостью до 3 тыс. рублей освобождались от уплаты торговых пошлин[5], а для калмыцких торговых людей были приняты охранительные меры. Так, например, когда в 1686 г. тайша Замсахан пригнал на продажу в Астрахань на татарский базар триста овец, сорок коров, 10 лошадей, то русские власти назначили его торговым людям караульную охрану. В дальнейшем Замсахан просил Волынского установить для него подобные льготы на постоянно[6]. Вместе с этим правительство запрещало калмыкам торговать за пределами российских рынков. В 1685 г. посол ас-

траханского воеводы Ишей Кашкаров передал Аюке указание царя о запрете калмыкам перегонять лошадей в Крым, а торговать ими в Астрахани[7]. Ещё более строгие требования в этом вопросе были предъявлены Аюке в 1690 г., когда он был предупреждён о том, что ему следует прекратить всякие торговые сношения с Крымом. В случае же невыполнения этих требований перегоняемый калмыцкими торговцами скот должен был приходоваться в пользу войска Донского[8].

Основными покупателями калмыцких лошадей являлись военные ведомства. В 30-х годах XVIII в. только в одном Саратове драгунскими полками закупалось лошадей ежегодно на сумму 7 тыс. рублей[9].

На российских рынках калмыки приобретали в основном товары повседневного быта. Однако отдельные тайши кроме этого нелегально покупали порох, свинец, огнестрельное оружие. Так, в 1726 г. тайша Дондук-Омбо закупил у саратовского сотника Якова Нечаева пороху и свинца на сумму 50 руб., сверх того две пушки. Столько же пушек было приобретено владельцем Галдан-Данжином у комиссара Ахтубинских селитренных заводов Михаила Молоствова[10].

Производство промышленных изделий в Калмыкии ограничивалось рамками домашнего ремесла. Круг его определялся в значительной степени военными нуждами. На самом деле, временами общее число воинов в ополчениях достигало 40 тысяч и более. Следовательно, без собственного производства оружия, защитных средств, конского снаряжения, ориентируясь на приобретение их только извне, невозможно было снарядить такое число людей. В данном случае мы ограничимся освещением состояния тех видов ремесла, которые обеспечивали оружием калмыцкие военные ополчения.

В законах 1640 г. среди натуральных повинностей зависимых людей была предусмотрена и такая повинность, как изготовление лат, панцирей и железных наконечников для стрел. Кроме того, ”Великое уложение” обязывало виновных платить штрафы панцирями[11]. Эти факты свидетельствуют о том, что в калмыцком обществе издавна занимались изготовлением железных изделий.

Несмотря на систему экономических санкций царского правительства, запрещавших продавать подвластным народам оружие, металлические изделия и заводить кузницы, калмыцкие тайши организовывали у себя в улусах простейшие кузницы. Поэтому им приходилось постоянно обращаться к русской администрации с просьбами отпустить железо, свинец, порох. Так, в январе 1686 г. Аюка извещал астраханского воеводу о том, что ему ”надобно железа” прислать, а в ноябре его купцы ездили в Астрахань для покупки железа. К воеводе Мусину-Пушкину обращался сын Аюки Арабтан, чтобы его торговым людям продали ”повольно

железа и свинца”[12]. В одной из статей договора, подписанного в 1697 г. главой Казанского приказа Б.А. Голицыным и Аюкой, предусматривалось выдавать калмыкам ежегодно 20 пудов пороху и 10 пудов свинца[13].

Калмыцкие мастера в большом количестве изготовляли луки и стрелы. Стрелами обеспечивались не только собственные воины, но они, в силу высокого качества, пользовались большим спросом у соседних кочевых народов, в частности у казахов[14]. В 20-30-х годах XVIII в. в улусе Дармы-Балы, одной из жён хана Аюки,было организовано примитивное производство по отливу пушек малого размера калмыцким мастером Санджи Дарханом. Известно, что на производство огнестрельного оружия была установлена государственная монополия. Поэтому правительство, усмотрев в данном факте нарушение российских законов, начало расследование. В ходе его выяснилось, что мастер ”льёт медные малые пушки, токмо де чисто не выливает, и через два де года только вылил три пушки”[15].

В улусе Дондук-Омбо было налажено производство пороха. В упомянутых выше документах сообщалось, что он перевозил готовый порох на десяти специальных верблюдах под строгим секретом. Если учесть, что верблюд поднимал груз в 250 кг, то можно предположить, что количество изготовленного пороха составляло 2-2,5 тонны. Изготовление пороха продолжалось и в 40-е годы калмыцкими мастерами Омолонгом и Хартой Мергеном, для чего у русских промышленников закупалась сера[16].

Место и роль Калмыцкого ханства в системе военной организации и внешней политики России

Социально-политическое развитие Калмыцкого ханства в последней трети XVII – первой четверти XVIII вв. характеризовалось с одной стороны укреплением централизованной ханской власти, с другой – сепаратистскими устремлениями отдельных крупных феодалов. Эти две тенденции постоянно сталкивались между собой, порой вызывая ожесточённую межфеодальную борьбу. В неменьшей степени потрясала калмыцкое общество борьба за власть между наследниками ханов.

После смерти Мончака, в 1669 г. власть перешла к его сыну тайше Аюке. К началу его правления численность калмыков выросла за счёт прикочёвки из Джунгарии хошутовского тайши Кунделена Убуши с 3 тысячами кибиток дербетовских улусов, ставших здесь собственностью Солом-Церена, а также тёти Аюки Дорджи-Раптан с 1000 кибитками. Новый правитель ханства активно и настойчиво приступил к укреплению своей власти над

старыми и вновь прибывшими улусами. Когда-то признавшими над собой власть Мончака, дербетовские и хошутовские предводители попытались вернуть свою независимость при его наследнике. Подобным настроениям были подвержены родственники молодого правителя Дугар, Назар и другие. Конец 60-х – начало 70-х годов XVII столетия прошли в ожесточённой борьбе Аюки с этими непокорными тайшами, закончившись победой первого. Некоторые из этих тайшей, сознавая свою слабость в борьбе с грозным и сильным Аюкой, вынуждены были спасаться бегством за пределы ханства. Так, в 1669 г. на Дон откочевал тайша Дугар, а на следующий год вслед за ним по той же причине последовал другой тайша – Бок. Уходы калмыцких групп продолжались и в дальнейшем, о чём подробнее будет сказано далее в соответствующем разделе.

Социально-политическое развитие Калмыцкого ханства нашло довольно подробное изложение в литературе дореволюционных и советских историков. Не вдаваясь во все нюансы этого вопроса, остановимся на тех, которые имеют непосредственное отношение к исследуемой теме.

Одна из важнейших задач внешней политики России в конце XVII – XVIII в. сводилась к тому, чтобы приобрести выходы к морям и утвердиться на их берегах. Настоятельно необходимой являлась также организация борьбы против крымских и кубанских татар на юге, совершавших постоянные грабительские набеги на русские пограничные города и сёла. Экономическое укрепление страны проходило за счёт усиления эксплуатации крестьянства, что вызывало с его стороны активное противодействие, выливавшееся в народные волнения и восстания. Назревшие внутренние и внешние проблемы требовали ускоренного перехода от постоянной армии к регулярной. В основу создания русской регулярной армии Пётр 1 положил рекрутскую систему комплектования, соответствовавшую социально-экономическому строю России того времени. Но и созданная регулярная армия не могла всё ещё удовлетворить растущие потребности страны в войсках. Правительство предпринимало меры по совершенствованию других форм военной организации и особенно большое внимание уделяло иррегулярным войскам. Остро встал вопрос о дополнительных военных контингентах в годы Северной войны. Борьба с могущественной Швецией требовала колоссального напряжения сил и носила затяжной характер. Русская армия испытывала острую нужду в кавалерии, а для создания хорошо обученной регулярной конницы, способной противостоять отлично подготовленной кавалерии Карла XII, требовалось продолжительное время, большое число лошадей и опытные инструкторы. В создавшейся обстановке Россия не имела ни того, ни другого. Правительство видело единственный выход в том, чтобы срочно пополнить малочисленную регулярную кавалерию лёгкой конницей казаков, калмыков и башкир.

Пётр 1 возлагал большие надежды в данном вопросе на Калмыцкое ханство. Официальное мнение царского двора о калмыках в период Северной войны высказал канцлер Г.И. Головкин в письме от 28 марта 1712 г. казанскому губернатору П.М. Апраксину, в котором подчёркивал: "...Извольте, мой государь, выразумя содержания оных, потому поступать и с ними (калмыками – К.Ш.) обходитца ласково, ибо нынешнее время есть в них нам нужда, о чём к милости вашей пишу имяным его царского величества указом..."[17]. В этих строках было отражено сложное положение в стране по ряду проблем.

На самом деле, в затянувшейся войне большие потери несла действующая армия, иссякали годные к войне людские ресурсы русского населения. Например, только в войске Донском, составлявшем основную часть иррегулярных войск, число казаков с 30 тысяч перед Булавинским восстанием сократилось до 20 тыс. после него, а общее число всех казачьих войск составляло всего лишь 40-45 тыс. всадников[18]. Нерусское население Поволжья (мордва, черемисы, татары, башкиры и др.), которое могло бы составить внушительный резерв для армии, вынуждено было подниматься вместе с русскими крестьянами на борьбу против усиливавшегося произвола помещиков-крепостников и чрезмерного роста эксплуатации. Это вызывало недоверие к ним со стороны царского двора, и очевидно по этой причине в Северной войне участвовало всего лишь 1000 башкирских воинов[19], хотя Башкирия располагала большим потенциалом лёгкой конницы. В данной ситуации правительство перенесло свои усилия на вовлечение в войну Калмыцкого ханства, считавшегося в то время среди "инородцев" более надёжной военной силой. В состав действующей армии в Прибалтике от ханства было направлено до 6,5 тысяч воинов[20].

Придавая важное значение охране южных рубежей и окраин страны, в конце сентября 1708 г. Пётр 1 направил казанского губернатора Апраксина к хану Аюке. Цель этой миссии заключалась в том, чтобы убедить калмыцкого правителя во "всегдашнем его при Волге пребывания и защищении низовых городов от всех неприятелей". Поэтому в первой статье договора было записано: "Он, Аюка-хан, говорил и обещал великому государю служить до смерти своей во всякой верности непременно и кочёвки улусов своих от Волги реки, он, Аюка-хан, отходить не будет"[21]. Кроме того, Апраксин обратил внимание хана на неспокойную обстановку в районе Терека и просил его подготовить против чеченцев и ногайцев пятитысячный отряд, на что Аюка пообещал направить на Северный Кавказ требуемое число воинов во главе со своим сыном Чакдоржапом.

Между тем обстановка в стране усугубилась восстаниями Булавина и башкир. Ими были охвачены значительные районы Юга, Среднего Поволжья и Башкирии. Правительство Петра 1 считало, что на подавление народных движений целесообразно направить

военные силы вассального ханства. Такой вариант позволял не отвлекать армейские части с театра войны. Ещё в январе 1708 г. поступило Аюке указание Петра 1 о том, чтобы "... тех ратных людей в наш великого государя поход не посылать", а вместо этого 20-тысячную конницу ханства направить против Булавина и башкир[22].

В 1711 г. назрела новая необходимость встречи представителей царской администрации с правителями ханства. Переговоры были вызваны надвигавшейся войной против Турции. В ханскую ставку вновь прибыл Апраксин. Во время встречи был обсуждён вопрос о подготовке калмыцкого войска к войне. На основании подписанного обеими сторонами договора Калмыкия направила против турецких войск 7 команд общей численностью 20474 человека[23].

После успешного разрешения балтийского вопроса внешнеполитический курс Российского государства был направлен на решение черноморской и каспийской проблем. Именно здесь назревали серьёзные события, в связи с чем приводились к боевой готовности армия и флот. Но продолжительная война за Балтику поглотила заметную часть русской армии, в результате которой она испытывала значительный недокомплект, в том числе в кавалерии.

Большой дефицит именно в коннице испытывали русские войска под командованием Петра 1 во время Персидского похода 1722-1723 гг. Следуя к Астрахани, 13 мая 1722 г. Пётр 1 встретился под Саратовым с Аюкой. На встрече был поднят вопрос о комплектовании калмыками 10-тысячного отряда для предстоящей войны. Но у них не было реальных возможностей выставить требуемое количество конницы. Также, как и в целом Россия, ханство не успело оправиться от предыдущей войны. В конечном итоге Пётр 1 согласился снизить численность калмыцкой команды до 7 тыс. человек[24].

Говоря о привлечении калмыков к войнам с Турцией и Ираном, надо иметь в виду то обстоятельство, что царское правительство избегало использовать народы России, исповедовавшие мусульманскую религию. Например, при отправке калмыцкого войска в Персидский поход было дано указание Аюке, "чтоб он послал одних калмык, а татар чтоб ни одного не было и хотя б при них и некубанцы были"[25]. Опасения русской администрации имели под собой реальную почву. Чтобы обеспечить себе политическое и экономическое господство, башкирские, равно как и татарские феодалы стремились перейти в подданство к соседним кочевым ханам, оторвать башкирский народ от Русского государства. Здесь же сказывались элементы подстрекательства Турции и Крымского ханства. Однако эти стремления не находили прочной поддержки со стороны рядовых башкир[26]. Но зато у правительства не было каких-либо сомнений в отношении использования калмыков в войнах с Турцией и Крымом. Наоборот, подобные столкновения с южными татарами вписывались в общие рамки самодержавной политики "разделяй и властвуй". Вот почему вопрос о калмыцком

войске в военных кругах России не снимался с повестки дня и во второй четверти века.

Несмотря на то, что так называемые "разнородные" команды не состояли на учёте Военной коллегии, тем не менее в 1730 году была создана правительственная комиссия, которая наряду с другими важными вопросами, начала обсуждение вопроса о казачьих войсках и калмыках[27]. Постановка данной проблемы на столь высоком уровне диктовалась опять-таки неукомплектованностью русской конницы. К 1732 г. регулярная кавалерия состояла из 320 рот или 30988 человек. Иррегулярные войска насчитывали 44,5 тыс. всадников[29]. Безусловно, наличная численность кавалерии далеко не отвечала реальным потребностям России в предстоящих военных кампаниях.

Наибольшую актуальность приобрёл калмыцкий вопрос в военных планах России к середине 30-х годов XVIII в., накануне войны с Турцией. Правительству Анны Иоанновны необходимо было в отношении калмыков решать одновременно две задачи: не допустить мятежного Дондук-Омбо с его многочисленным войском к союзу с крымским ханом и вместе с этим любыми средствами добиться подключения калмыков к начавшейся Русско-турецкой войне 1736-1739 гг. Разрешение этих важных вопросов было поручено донскому старшине Даниле Ефремову, получившему от правительства вполне конкретную инструкцию: "Дондук-Омбо с калмыцкими войсками к походу всячески склонять... обнадёживая его ея императорского величества милостию"[30]. В результате продолжительных переговоров Ефремова калмыцкий тайша поклялся в своей верности Российскому престолу и, подтверждая это на деле, в 1736 г. выставил на театр войны 40-тысячную конницу. Теперь являвшийся по существу вспомогательным северо-кавказский театр войны был обеспечен надёжной силой.

При подготовке к кампании 1737 г. возникли дополнительные трудности. План рекрутского набора к декабрю 1736 г. не был осуществлён. К тому же сложные отношения со Швецией вынуждали держать значительное количество войск на северных границах. На театр войны с Турцией удалось дополнительно мобилизовать всего 40 тысяч солдат. Нелегко было с комплектованием конского состава. К апрелю было приобретено лишь 16 тысяч лошадей, что далеко не удовлетворяло потребности армии. Правительство продолжало закупку лошадей, главным образом в Калмыкии и Поволжских губерниях. С командируемыми офицерами посылались люди, "которые калмыцкий язык и обыкновения знают, к тому же и в лошадях искусство имеют"[31]. Участием калмыцкого войска во втором году войны была озабочена лично сама императрица. Она потребовала от Коллегии иностранных дел, чтобы деньги в первую очередь выдать калмыкам и кабардинцам и "отправить ныне без всякого умедления"[32].

Чтобы нагляднее представить место и роль калмыков в системе военной организации России середины и второй половины XVIII в., следует в общих чертах рассмотреть состояние русской конницы в 50-х годах. Накануне Семилетней войны вся регулярная конница состояла из 41 полка общей численностью более 49 тыс. чел. и иррегулярных войск в 36 тысяч всадников. Регулярная кавалерия не была готова к такой серьёзной кампании, как Семилетняя война: слабым был конский состав, не соответствовала требованиям боевая выучка всадников из-за отвлечения их на работы по заготовке сена, к форпостной и полицейской службе, на вооружении было только колющее оружие (шпаги)[33]. Иррегулярные войска состояли из 4 тыс. гусар, 15 тыс. донских казаков (на полевой службе – 9 тыс.), 5 тыс. слободских казаков, а "разнородные" команды, находившиеся на полевой службе, включали в себя 8 тыс. волжских калмыков, 2 тыс. татар, башкир, мещеряков и ставропольских калмыков. Таким образом, среди иррегулярных войск численный состав калмыков, находившихся на полевой службе, приравнивался к донским казакам.

Конференция (Военный Совет), учреждённая для руководства русскими войсками в Семилетней войне, в начале 1756 г. обсудила вопрос о привлечении калмыцкой конницы. Вскоре, 10 апреля был опубликован указ правительства по поводу наряда четырёх тысяч волжских калмыков "о-двуконь" на Украину. Вместе с указом Коллегия иностранных дел направила инструкцию по комплектованию войска. Необходимо было подготовить 4 тыс. отборных воинов, каждому из которых иметь по две добрых лошади, ружьё и холодное оружие. 18 апреля 1756 г. Конференция приняла новое решение мобилизовать дополнительно ещё 4 тыс. калмыков для отправки в действующую армию. К лету все указы были выполнены: наготове находилось 8-тысячное войско из двух партий: одна – во главе с владельцем Бахан Лавангом, другая – под руководством Асарху[34].

Столь же актуальным оставалось значение военной силы Калмыцкого ханства и в военных планах России в 60-е годы. Об этом свидетельствует тот факт, что во время войны с Турцией в 1768-1774 гг. Калмыкия мобилизовала все наличные свои войска.

Таким образом, начиная со второй половины XVII в. и до 70-х годов XVIII в. военные ведомства России проводили твёрдую линию в вопросе пополнения русской армии многочисленной, боеспособной калмыцкой конницей. В политике, осуществляемой правительством России по отношению к калмыкам, была заложена идея постепенного превращения их военной силы в составную часть русской армии. Она явственно прослеживается в методах и формах привлечения калмыков к военным акциям. Во время Северной войны и войны с Турцией в 30-е годы царская администрация создавала видимость договорных начал с правителями Калмыкии. Однако уже в скором времени преобладающими стали

методы директивных указаний государственных и военных ведомств по отношению к ханской власти.

Социальные противоречия в калмыцком обществе и миссионерская деятельность православной церкви среди калмыков

Сохранившиеся источники по истории калмыков слабо отражают социальные противоречия в кочевом обществе. Говоря о положении низов и классовой борьбе, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что у калмыков довольно долго сохранялись патриархально-родовые пережитки. Несмотря на то, что они затушёвывали развивавшиеся антагонистические противоречия между степной знатью и рядовой массой, тем не менее они были налицо. В основе роста классовых противоречий лежали следующие социально-политические факторы. Во-первых, централизация ханской власти, особенно при Аюке, укрепляла феодальные порядки и усиливала эксплуатацию народных масс. Во-вторых, междоусобная борьба феодалов разоряла неустойчивое кочевое скотоводство, в первую очередь слабые хозяйства рядовых калмыков.

Во время феодальных войн более сильными тайшами и нойонами захватывался скот, домашний скарб побеждённых улусов. Прямым их следствием явилось тяжелейшее положение калмыков в улусах Дондук-Омбо, откочевавшего в конце 20-х годов на Кубань. Прибывший туда в 1735 г. донской старшина Данила Ефремов сообщал в Москву: "Богатые люди непроча впредь едят свой скот, а убогие продают кубанцам детей своих и на то получают у них просо и тем питаются"[35]. Отдельные калмыцкие партии спасались от междоусобицы уходом в отдалённые от Волги места. Одна из таких групп в 1725 г. кочевала на Яике. Когда посетившие её представители царской власти спросили: "Желают ли они от Яицкого в калмыцкие улусы идти?", ответ был отрицательный: "...они на степе помереть намерены, а в те улусы идти не намерены, засим тамо по своему не имуществу никакого исправности получить не имеют..."[36].

Классовая борьба в Калмыцком ханстве выступала в различных формах. Как уже упоминалось, наиболее распространённой формой протеста был самовольный уход феодально зависимых людей от их нойонов. Массовое бегство калмыков на Дон, Урал, Украину, Северный Кавказ продолжалось и во второй половине XVIII в. С данной формой протеста были связаны успехи миссионерской деятельности православной церкви среди калмыцкого народа.

Калмыки, получив территорию для кочевьев в европейской части Российского государства, в отличие от казахов, бурят и других кочевых народов, оказались в непосредственной близости и

окружении русского и украинского населения. Это обстоятельство позволяло царскому правительству получать от новых подданных военную и экономическую пользу. Вместе с этим самодержавие во второй половине XVII и на протяжении XVIII в. проводило курс на осуществление ассимиляторской политики наряду с народами Поволжья, Европейского Севера и Сибири и по отношению к калмыцкому народу.

В этом деле оно возлагало большие надежды на миссионерскую деятельность православной церкви. А.П. Волынский, находившийся на должности астраханского губернатора с 1719 по 1725 гг., говорил, что крещение калмыков является выгодным для России не только в церковном отношении, но и в политическом. Этим путём, как он считал, скорее можно привести калмыков "в совершенную покорность русской власти и ассимилировать их в образе жизни к русским"[37]. Спустя более чем 150 лет апологет политики ассимиляции К. И. Костенков, характеризуя состояние христианизации калмыков, писал: "А между тем из этого народа в продолжение такого периода давно уже можно было бы сделать полезных слуг для государства, слив его незаметно с господствующим населением, и в этом случае религия послужила бы главным связующим звеном. Итак, просветить калмыков божественными истинами евангельского учения и внушить им понятия благоустроенного общества всегда было и остаётся нравственною обязанностию правительства, принявшего этот народ под своё покровительство"[38].

Принятие калмыками христианства следует рассматривать как следствие классовой борьбы. Факты свидетельствуют, что в большинстве случаев переходили в чужую веру рядовые калмыки, совершившие антифеодальные действия против своих тайшей, нойонов, зайсангов. Единственное средство защиты от предстоящей жестокой расправы они видели в крещении. Разумеется, результаты такой борьбы в первую очередь испытывали на себе калмыцкие феодалы: с одной стороны, им наносился материальный ущерб, с другой, они теряли очередную партию зависимых людей. Смысл акта принятия христианства в подобных случаях был понятен и представителям царской администрации. Это убедительно подтверждает одна из статей договорной грамоты, подписанной Б.А. Голицыным и Аюкой в 1697 г., в которой было предусмотрено следующее: "Которые улусные его калмыки, своровав, учнут бегать в государевы города, одни или с жёнами и детьми, и их не принимать и не крестить, а задерживать их в городах и писать от них к Москве и к нему, Аюкаю, а которые воеводы крестят за указом, тем нашим воеводам платить денег по 30 руб. за человека и отдавать ему, Аюке, если же градские люди то учинят, и те деньги взыскивать по тому же на воеводин, а их писать в службу"[39]. Как видно из приведённого текста, в тех случаях, когда классовые противоречия были налицо в обществе

подданных, абсолютистское государство с пониманием относилось к требованиям его феодальной верхушки и шло им на уступки, даже в ущерб своей политике.

По мере дальнейшей христианизации калмыков правительство стремилось изолировать всех крещёных от некрещёной массы сородичей, поселяя их среди оседлого населения, с последующим превращением в военное сословие или припиской к казачьим войскам. Такой путь был наиболее удобным средством увеличения иррегулярных войск, не требовавших от государства больших материальных затрат.

Какова же история распространения христианства между калмыками?

Правительство России приступило к активной деятельности по христианизации калмыков не с 80-х годов, как утверждал Костенков[40], а с 70-х годов XVII в. Впервые об этом официально говорилось в шертной записи Аюки, подписанной им в феврале 1673 г. на реке Солёной (приток Волги) во время визита воеводы Одоевского. Один из пунктов шерти гласил: "Калмык их и татар (подвластных Аюки – К.Ш.), которые будут уходить в российские города, и таковых не крещёных отдавать им возвратно"[41]. Не подлежит сомнению, что процесс крещения кочевников начался далеко до подписания приведённого документа. Ещё более определённей об этом процессе говорилось в другой договорной грамоте, заключённой князем Щербатовым и Аюкой в январе 1677 г. Теперь уже обоюдно признавался тот факт, что стремление калмыков к православной вере не должно караться со стороны калмыцких предводителей и они не должны "бить челом" по поводу возврата крестившихся своих людей[3]. При всей щепетильности данного вопроса, представители русской власти гибкими средствами продолжали настойчиво добиваться намеченной цели и склонять калмыцких тайшей к окончательному признанию этого явления. В 1683 г. при очередной встрече Аюки с князем Андреем Голицыным был окончательно узаконен переход подвластных калмыков в православную веру. В договоре об этом говорилось следующее: "Буде которые калмыки по своим желательствам похотят в православную христианскую веру креститься и о тех нам, тайшам и улусным нашим людям, не просить и великим государям не бить челом"[42]. Надо отметить, что до XVIII в. крещение калмыков не предусматривало каких-либо прав и привилегий. Документы того периода не сообщают и о численности новокрещёных.

В начале XVIII в., после некоторых успехов в миссионерской деятельности, правительство приступило к осуществлению конечной цели политики ассимиляции. Первая такая попытка предпринимается в 1700 г. Для всех новокрещёных калмыков была построена слобода с церковью на реке Терешке, выше Саратова. Вскоре хан Аюка, совершив набег на слободу, её сжёг, а жителей вернул

себе. В 1716 г. правительство приняло официальный документ, по которому всех крещёных калмыков стали отсылать в Чугуев или в слободские полки[43], а по указу 1717 г. разрешалось отсылать и селить их под Киевом[44].

Среди принявших православную веру были и представители калмыцкой знати. В конце XVII в. со своими подвластными крестился тайша Черен, сын Дугара[45]. В 1724 г. один из претендентов на ханский престол, старший сын Чакдоржапа Досанг, отправил в Петербург своего брата Баксадая Дорджи, который должен был просить защиты и помощи у царя. Царский двор устроил Баксадаю радушный приём, а его заявление о желании креститься было встречено здесь с большим удовлетворением. Вот почему при крещении калмыцкого тайши крестным отцом его стал сам Пётр 1. Баксадай вернулся на родину с новым именем – Пётр Тайшин. Именным указом ему было определено жалованье в 1000 руб. и 500 четвертей хлеба на год[46]. В 1744 г. в Петербурге была окрещена семья покойного хана Дондук-Омбо: жена Джана (по происхождению кабардинка) стала княгиней Верой, дочери Бунигер – Надеждой, Делек – Любовью, сыновья Арандул – Петром, Добда – Алексеем, Асарай – Ионой, Джабасар – Филиппом. Сыновья получили титулы князей и фамилию Дондуков[47].

В 1725 г. к Петру Тайшину был назначен иеромонах Никодим Ленкевич, получивший от святейшего Синода особую инструкцию "о просвещении новокрещёных калмыков учением христианской веры"[48]. С его именем связаны дальнейшие успехи миссионерской деятельности православной церкви среди калмыков. С 1732 по 1734 годы Никодим (уже в сане архимандрита) привлёк в христианство 1232 калмыка, а всего за всё время пребывания среди калмыков – 1664 человека[49]. После ухода Ленкевича на покой по старости в 1734 г. активность миссионерской деятельности церкви снизилась почти до нуля. В основе этого явления лежали те причины, о которых сообщал Никодим ещё в 1729 г. Во-первых, основная масса калмыков переходила в православие не по убеждению, а в поисках защиты у российской администрации от возможных наказаний со стороны собственных владельцев, во-вторых, на них продолжало оказывать большое влияние калмыцкое духовенство и веками сложившиеся национальные традиции. К 1737 г. перешли обратно в ламаизм 1594 человека (532 кибитки) из владений самого Тайшина, Чидана и Дондук-Даши[50]. Этот тревожный сигнал заставил правительство предпринять экстренные меры по изоляции крещёных калмыков путём переселения их в отдалённые от ханства места.

Таким образом, миссионерская деятельность православной церкви имела главной целью ассимилировать кочевников и подчинить их общеимперским законам, а в ходе отделения от ханства

внедрить в их жизнь казачьи порядки и использовать в иррегулярных войсках.

Характеристика особенностей социально-экономического и политического развития Калмыцкого ханства и политики правительства России по отношению к калмыкам позволяют сделать следующие выводы:

– хозяйство калмыков в форме кочевого скотоводства способствовало мобильной жизни;

– междоусобные войны и борьба за престол среди ханских наследников разобщали калмыцкий народ и толкали побеждённую часть владельцев с подвластными людьми окончательно покинуть патронимию. Внутренние войны и распри между владельцами вконец разоряли рядовых калмыков, что вызывало с их стороны крайнее недовольство. Классовая борьба в Калмыкии в силу особенностей общественно-политического строя проявлялась в форме бегства отдельных семей, массовых переходов в православную веру;

– в разрушении целостности калмыцкого народа существенную роль играла традиционная сепаратистская тенденция феодалов этнических групп, перенесенная из прежней родины в Россию. Стремление к независимости дербетовских, хошутовских и джунгарских владельцев от ханской власти наполняло жизнь Калмыцкого ханства;

– боеспособная калмыцкая конница, способность калмыков к военной службе определяли стремление правительства России пополнять ими казачьи войска, которые использовались для колонизации и защиты вновь заселённых и освоенных земель.

Глава 2. КАЛМЫЦКО-КАЗАЧЬИ ОТНОШЕНИЯ В XVII В. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАЛМЫЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ

Укрепление калмыцко-казачьих контактов

В русско-калмыцких отношениях и во внешних связях Калмыцкого ханства не последнюю роль играли донские казаки. Правительство России, считая войско Донское своим аванпостом на юге, возложило на него часть функций государственных органов в общении с калмыцкими тайшами. Да и самим правителям калмыков во внешнеполитических делах невозможно было обойти казаков. С одной стороны, географическая близость (непосредственное соприкосновение границ), взаимовыгодная торговля, с другой стороны, общность интересов в борьбе с крымскими и кубанскими татарами определяли необходимость широких контактов между ними. В некоторой дореволюционной исторической литературе и в ряде трудов советских историков основной акцент ставился на

негативных моментах калмыцко-казачьих отношений и в целом они рассматривались как враждебные. Однако более глубокое изучение этого вопроса показывает совершенно иную картину.

Связи калмыков с донскими казаками восходят к началу поселения первых на Волге. Ещё в 1642 г., когда казаки вынуждены были уступить Азов Турции, они обратились к своим новым соседям-калмыкам за помощью в их борьбе с азовскими и крымскими татарами. Этот факт вначале насторожил, а затем привёл к глубокому беспокойству крымского хана Магмет Гирея. В 1643 г. он предупредил русского посла в Крыму, а в следующем году направил в Москву специального гонца Османа Челебеева с грамотой, предъявив требование о прекращении дальнейших связей донских казаков с калмыками[1].

Вопреки этому в 1648 г. во время похода тысячного калмыцкого отряда на Крым предводители отряда и казачьи атаманы подписали договор о заключении оборонительного и наступательного союза против татар, а также о поддержании в будущем постоянных дружественных отношений[2].

Установившиеся мирные отношения с казаками в немалой степени способствовали переходу ряда крупных калмыцких улусов на правобережье Волги и заселению ими в период с 1647 по 1649 гг. степных просторов между Волгой и Доном. Сложившееся близкое соседство калмыков с казачеством ещё более усилило их контакты. В связи с этим в 1660 г. на Дон была прислана царская грамота с объявлением похвалы за удачный поход на Крым с воеводою Иваном Хитровым, а также за установление устойчивых мирных отношений с калмыцкими тайшами. В дружественных связях нуждались обе стороны. Поэтому для подписания договора о мире с казаками Дайчин-тайша и его сын Мончак-тайша (к этому времени он стал фактически правителем Калмыкии) незамедлительно снарядили большое посольство во главе с Бахтыркой Янгилдеевым, которое в подтверждение верности договору оставило в войске Донском двух калмыцких аманатов. В этом же году со своей стороны донская администрация направила послов атамана Степана Разина и Фёдора Буданова. Они вернулись на Дон с калмыцким отрядом в 500 чел., который принял участие в походе казаков 1661 г. в татарскую степь под Каланчинские башни. Установление дружественных отношений казаков с калмыками и привлечение их к борьбе с кубанскими и азовскими татарами обратили на себя внимание правительства. 10 марта 1662 г. была направлена на Дон царская грамота, в которой говорилось: "Да приговорили к нам, великого государя, в службу ...калмыков и аманатов у них в войско имали, а к ним аманаты посылали казаков, и посланцом калмыцким, которые в Вам в войско приходили, для нашего великого государя имени воздали честь и их дарили"[3]. А в конце апреля 1662 г. московское правительство снова извещало войско Донское о необходимости продолжения военных действий против Крымского ханства совместными силами царских конных и пеших войск, кабардинских узденей К.С. Черкасского, калмыцкой конницы и запорожских черкасов (казаков – К.Ш.)[4].

Почти ежегодное участие калмыцких отрядов в походах русских войск первой половины 60-х годов против враждебных России соседей на юге, успешные действия воинов-калмыков в сражениях окончательно убедили русские власти, в том числе казачью администрацию, в верности новых подданных интересам России и в необходимости представления им кочевьев на Куме, по Манычу, Салу, Иловле, Бузулуку и Хопру. Такое близкое соседство калмыцких улусов с донскими казаками ещё больше упрочило взаимоотношения между ними, а встречи на уровне посольств стали настолько частыми, что правительство России сочло необходимым определить войску Донскому ежегодный отпуск 200 ведер вина для торжественных приёмов калмыцких послов и видных тайшей[5].

Укрепившиеся боевое содружество и торговое сотрудничество калмыков и казаков открыло следующий этап в их отношениях: первые получили право кочевать на землях войска Донского. Освещая данный процесс, мы остановимся на тех перекочёвках калмыцких улусов, которые не были связаны с переходом калмыков в состав казачества.

Как упоминалось выше, в 1669-1670 гг. на Дон перекочевали улусы Дугара и Бока. Потерпев поражение в борьбе с Мончаком и Аюкой, эти владельцы оказали помощь Степану Разину, а за это могли беспрепятственно кочевать на землях казаков. Летом 1671 г. к Разину приезжали послы от Аюки и заключили договор о дружбе, а в июле донской есаул Степан Игумнов докладывал в Посольском приказе о том, что "...те посланцы со всем войском по своей вере шерть учинили... говорили, что они великому государю с ними, казаки, служить рады и если где услышат про приход на государевы которые места наших людей, и им про то в войске сказывать и битись с ними заодно. А которые их калмыцкие люди прикочевав, похотят у них жить на Дону, и им за тех людей не стоять и у них, казаков, назад не просить. И живучи, им меж собою никаких обид не чинить, а кому такая обида учинитца и им про то на обе стороны разыскивать правду". Такое же обязательство брали на себя и казаки: "Они, казаки, им, калмыкам, никаких обид чинить не учнут. А им, калмыкам, от ково какая обида учинитца, и им, казакам, с ними, калмыками, стоять заодно. А буде кто из донских казаков в их калмыцкие улусы перейдёт и похочет у них жить, а им потому ж за них не стоять и назад их не просить. А кочевать им, калмыкам, по реке Дону"[6]. Цитируемый документ показывает: те и другие относились друг к другу как к равным партнёрам; несмотря на то, что время заключения догово-

ра совпадало с крестьянской войной, калмыки подчёркивали своё вассальное положение от "великого государя" и готовность верно служить России; в обязательстве казаков-повстанцев звучали ноты некоторой неуверенности в успехе борьбы с помещиками-крепостниками и в целях спасения от предстоящих репрессий со стороны правительства предусматривали возможный свой переход в калмыцкие улусы. Но главным в договоре была мысль о проживании калмыков на территории войска Донского. Казаки в то время не ощущали недостатка в земле, поскольку сами ещё мало занимались хлебопашеством, но зато хорошо понимали, что присутствие калмыцких улусов на Дону прочнее укрепит их союз. Калмыцких же тайшей привлекали просторные, богатые растительностью и водой Донские степи. В неменьшей степени импонировал им казачий уклад жизни: военная организация, почти подобная калмыцкой, быт, законы и традиции, а главное, в казаках видели надёжного союзника.

Были периоды, когда союзнические отношения калмыков с казаками прерывались возникавшими противоречиями, доходившими порой до вооружённых столкновений. Особенно они стали натянутыми в 1677-1678 гг. и продолжались с перерывами до 1682 г. За это время донские казаки совершили несколько нападений на калмыцкие улусы, расположенные по Волге ниже и выше Царицына[7]. Казаки использовали именно тот момент, когда калмыцкие команды находились на театре войны под Чигириным и на Кавказе. Ответный поход на казачьи земли калмыки совершили в 1678 г. после возвращения из военного похода. Они прошли "по многим городкам, по Хопру же коней и коров поотгоняли"[8]. Безусловно, такая обстановка на юге не удовлетворяла правительство России и оно немедленно приступило к улаживанию отношений между калмыками и казаками. Царский двор направил несколько грамот в Астрахань и на Дон. Две грамоты были адресованы астраханскому воеводе: в первой от 2 февраля 1678 г. указывалось убедить казаков, чтобы они "с калмыками ссор и задоров не чинили и войною на них не ходили"[9]. Вопросы по урегулированию калмыцко-казачьих отношений были поручены К.М. Черкасскому и Кузьме Козлову.Царь поручал им организовать встречу между тайшами и на съезде "мимошедшие ссоры и недружбы разыскать и успокоить и учинить на обе стороны крепость, чтобы впредь того не было"[10]. Русское правительство усматривало в этих отношениях лишь "мимошедшие ссоры", следовательно не видело стоявших за ними существенных, принципиальных противоречий. Поэтому представителям царской администрации удалось довольно быстро урегулировать возникшие разногласия. Документальные факты говорят о том, что калмыцко-казачьи объединённые войска плечом к плечу сражались в Русско-турецкой войне 1677-1681 гг.

В 1682 г. донской атаман Фрол Минаев писал в Москву, что "с калмыками донские казаки ныне в миру и задоров между них никаких нет ...многие калмыки и пригнали на продажу быки и овцы и на Дону меняли на запасы и вино". В дальнейшем он ещё раз подтвердил, что с Аюкой и другими тайшами "помирились вечным миром" и организовали совместный поход на крымскую сторону калмыцко-казачьего отряда во главе с Мазан-Батыром и Василием Пятиизбенским[11].

Вышеизложенное показывает, что калмыцко-казачьи отношения в целом складывались на взаимовыгодной и дружественной основе. Контакты войска Донского устанавливались как с Калмыцким ханством, так и с отдельными улусами и небольшими группами калмыков.

Вхождение калмыков в состав войска Донского

Процесс перехода калмыцких групп и целых улусов на земли войска Донского с целью постоянного жительства явился прямым следствием межфеодальных войн,нараставших классовых противоречий в калмыцком обществе, сепаратистских тенденций у разноэтнических феодалов,а также складывавшихся добрососедских калмыцко-казачьих отношений. В конечном итоге эти отношения приводили не только к заключению оборонительного и наступательного союза, но и к совместному проживанию. Поэтому массовый приход калмыков на Дон происходил исключительно на добровольных началах. Однако в интенсивной миграции калмыцкого населения на территорию казаков необходимо точно установить те партии, которые переходили туда с целью вступления в казачество.

По поводу происхождения донских калмыков нам известны две точки зрения. С одной стороны, существовало предание самих донских калмыков о том, что якобы они происходят от особой группы выходцев из Джунгарии, ничего не имевшей общего с торгутами[12]. Отголоски этой же мысли проскальзывают и у А.К. Ку-м, автора статьи "Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле войска Донского"[13]. Однако видный калмыковед Н.Н. Пальмов, определяя происхождение и этнический состав донских калмыков, считал первоначальным ядром донского поселения торгутов, а хошуты и в особенности дербеты, по его мнению, пополнили их ряды гораздо позже. В 80-90-х годах XVII столетия поселение донских калмыков выросло за счёт джунгарцев, в которых Пальмов видел хойтов, близко родственным дербетам[14]. Этот вывод Н.Н. Пальмова основывался на сравнительных данных прихода калмыцких улусов на территорию войска Донского, но тем не менее, хотя исследователь не подтвердил своё заключение фактами, мы считаем его точку зрения правильной. Однако следу-

ет заметить, что Пальмов, как и другие исследователи, не определил время начального поселения калмыков на Дону. По выявленным архивным и литературным данным первое упоминание о калмыках, принятых в донское казачество, относится к 1670 г. В результате феодальных распрей от Аюки отделились торгутские улусы: в 1669 г. Дугара, а в 1670 г. Бока и откочевали к Азову, причём улус Бока остался в войске Донском на постоянное жительство[15]. Весьма любопытен и другой документ, датированный 1675 г., в котором говорится, что осенью 1674 г. 150 калмыков из улусов Аюки-тайши, совершая набег на Крым, обратились в Черкасске к князю Петру Хованскому[16] за помощью. Одобряя замыслы калмыцкого отряда, князь выделил для усиления "калмык же человек с 40, которые кочуют меж Ратного[17] и Черкасского городков"[18], т.е. тех, которые уже проживали на Дону. В архивных материалах и опубликованных документах нами не обнаружены факты, свидетельствующие о дополнительном приходе калмыцких групп на Дон между 1670 и 1675 гг.

Таким образом, из приведённых данных видно, что, во-первых, основателем донского казачьего поселения калмыков является торгутский улус Бока, во-вторых, начало основания этого поселения следует датировать 1670 годом.

Между 1675 и 1682 годами на Дон прибыли ещё два улуса владельцев Ильбека-Батыря и Етисан-Батыря, которые вместе с Боком в 1682 г. принесли присягу атаману Фролу Минаеву и "с своими улусными людьми куран целовали" в доказательство верной службы в интересах государства и войска Донского[19]. В 1686 г. к Черкасску перебазировались ещё 200 калмыцких семей, которые также были приняты донской администрацией на постоянное жительство[20].

Значительный рост численности калмыцкого населения на Дону последовал в 1690 году. С этого времени донские казаки чаще вступали в контакты с дербетовскими улусами. В апреле 1690 г. от имени царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича была дана донским казакам похвальная грамота за содействие к переходу на Дон улусов владельца Сетеря и тайши-Батыря. Как же происходило это событие на самом деле? В 20 числах марта на Дон прибыл улус владельца Четеря, тем самым освободившись от власти Аюки. В улусе насчитывалось одних только воинов до 300 человек, а всех людей более 1000. По прибытии к Черкасску Четерь дал клятву в верной службе великим государям жить на Дону вместе с казаками по примеру донских юртовых калмыков. Московское правительство дало указание донской администрации разместить эту группу на остроге вместе с юртовыми калмыками.

Вслед за Четерем послал своих послов к войску Донскому Черкес-батырь, сын тайши Солом Серен, с улусом, в котором "боевого люду" 500 чел. Придавая огромное значение этому факту,

Москва указала казачьему руководству немедленно снарядить к нему посольство от войска и принять все меры к его переходу на Дон. В случае согласия, для окончательного решения вопроса о включении улуса Черкеса в войско Донское, правительство готово было принять в Москве калмыцкое посольство. Итак, Четерь со своим улусом поселился под Черкасском. В январе 1698 г. был совершён поход казацко-калмыцкого отряда на Кубань, в котором его калмыцкую часть в 500 человек возглавил сам Черкес-Батырь. В мае этого же года была скомплектована ещё одна казачье-калмыцкая команда в 300 человек для похода на Крым[21].

Из объяснений Черкеса-Батыря причина его ухода от Аюки заключалась в следующем: после смерти его отца Солом Серена хан увеличил подати на его улус, а подвластных стал раздавать своим родственникам и приближённым. Принимая вновь прибывших калмыков в войско, казачья администрация напоминала правительству о проживании в войске калмыков, "кои переехали в прежних годах издавна и служат, вам, великим государем, с нами заодно, без всякого прекословия"[22]. Войсковой круг, заранее надеясь на положительное отношение русского правительства, отвёл улусам Черкеса и Четеря для кочёвки территорию в междуречье Дона и Северского Донца[23]. Такая значительная убыль из ханства не могла не встревожить Аюку, который в подобных случаях применял не только уговоры,но и силу оружия, чтобы только добиться возврата подвластных ему калмыков. Зная тяжелую руку Аюки,Черкес просил донское руководство построить для него надежную крепость на реке Бузулуке и, кроме того, ходатайствовал о назначении ему "государева жалованья"[24]. Царское правительство не только положительно отнеслось к подобной "самодеятельности" донского руководства, но и удовлетворило просьбу Черкесова относительно жалованья. Почему же администрация донского казачества и тем более Москва так быстро и легко отреагировали на все просьбы новопришельцев? Дело в значительной мере заключается в том, что двадцатилетнее пребывание прежде принятых калмыков в составе войска Донского явилось как бы экзаменом для остальной части их сородичей. Казаки и центральные власти окончательно убедились в полезности службы калмыков в интересах государства и в безупречном отношении их к своему долгу. Прямое подтверждение этому можно найти в отписке донского атамана в Москву за 1694 г., где отмечается, что калмыки "дерзостно устремляются на неприятелей", от чего и казакам "под неприятельскими мести спорно к воинскому делу и к боям". В заключении отписки читаем вывод: "...и нам холопем вашим, оне, калмыки, крыле и бодрость, а неприятелем страх"[25].

О полезности совместной борьбы калмыков с казаками против кубанских и крымских татар Москва знала и прежде. Теперь же в Москве ещё больше понимали, что откочёвавшие из ханства

тайши в поисках покровительства русских властей от посягательств более сильных сородичей становились послушным и лёгким инструментом в руках правительства. Вполне ясно, что царизм на деле поощрял подобную политику донской администрации, хотя на словах поддерживал претензии калмыцких тайшей против известной политики местных властей к откочевавшим калмыкам и, как правило, в решении этого вопроса или затягивал время, или ограничивался обещаниями. Очевидно и то, что калмыки на этот шаг шли вполне осознанно, выбирая из двух зол меньшее. Если и в новых местах обстановка складывалась в их пользу, то они оставались на постоянное жительство, в противном случае могли покинуть Донские степи. Вот почему правительство, отвечая на вышеприведённую отписку казаков, с одной стороны, давало указание надежней изолировать улусы Черкеса от ханства, удовлетворить более реальные просьбы тайшей и немедленно привлечь их к казачьей службе. Другими словами, делалось всё, чтобы удержать столь значительную военную силу в пограничных с враждебными татарами землях. Но в то же время в царской грамоте выражалось сомнение в искренности новых пришельцев. В этой связи высшие власти советовали принять все меры, предупреждающие возможную откочёвку упомянутых улусов к крымским татарам или к горским князьям. В то же время, не исключался и обратный их отход к калмыцким кочевьям[26].

Между тем приток калмыков на Дон после 1690 года продолжался и казаки извещали Москву, что "и мы, холопи ваши, радостно их принимаем"[27].

Как уже отмечалось выше, убедившись в полезности калмыков на службе у казаков, в 1694 г. войско Донское официально провозгласило для них статус казачества с привлечением к обязательной казачьей службе. Так образовалось Донское поселение базовых или юртовых калмыков. Были узаконены земли под калмыцкие кочевья, но без указания точных границ, в казачьих размерах назначалось постоянное жалованье, для чего правительством было утверждено ассигнование в размере 500 руб. на год[28].

Численность калмыцкого населения на Дону не была постоянной: она зависела от внутренних и внешних обстоятельств в Калмыцком ханстве. В 1690 г. число годных для службы донских калмыков достигало 1400 человек[29], а к середине 90-х годов, после откочёвки трёх дербетовских улусов, таковых оставалось 600 человек[30]. В 1698 г., после захвата Азова, Пётр 1 распорядился направить на усиление азовского гарнизона 400 калмыков. Вместе с этим он обратился к Аюке, чтобы тот направил к Азову ещё своих подвластных. В результате было переселено сюда 3 тысячи кибиток, часть которых осталась здесь на постоянное жительство[31].

Казаки стремились любыми средствами закрепить на Дону всех прикочевавших калмыков, о чём свидетельствует следующий факт.

В 1697 г. тайша Мунко-Темир через царицынского воеводу попытался вернуть бежавших туда 25 кибиток. Однако казаки Паншина городка ответили воеводе: "Калмыцких выходцев не отдадим и отдать нам их нельзя, и впредь принимать станем; к нам из войскового Черкасского городка писано, чтоб таких уходцев принимать от погонщиков и от всяких людей оберегать и в обиду некому не давать; если калмыки придут к нам за своими уходцами войною, то мы их не отдадим и драться за них станем"[32].

В 1701 г. началась новая междоусобная война хана Аюки со своими сыновьями и внуками, в ходе которой многие улусы, особенно соблюдавшие нейтралитет, вынуждены были удалиться из ханства. Вновь откочевали в войско Донское дербетовские улусы Мунко-Темира, его сына Четеря и Черкеса. Самостоятельно прибыли сюда джунгарские улусы Баахана-тайши, его брата Даши-Батыря и Чюрюма-Батыря[33].

Во время обратной откочёвки Мунко-Темира на Волгу донские власти убедили остаться в составе войска владельцев Дюдюля, Даки, Болгака, Кичика, Кады, Кашку, Мамута Кашку с подданными в 555 человек, способных к службе[34]. Эти имена указывались в царской грамоте от 18 июля 1704 г. Правительство предлагало раздать им государево жалованье в виде золотых червонцев, сукна, необходимых бытовых товаров, лисьих мехов, которыми они вознаграждались за активное участие в военных действиях против шведов и за бдительную пограничную службу на юге. Москва рекомендовала пригласить предводителей этих улусов на войсковой круг и торжественно объявить им о царской милости. Кроме того, руководству войска указывалось призвать калмыков продолжать верно служить и постоянно жить на Дону, в районе Черкасска и Азова.

В 1713 г. вернулись на Дон 40 кибиток зайсанга Батыря Омбу, которые относились к давним юртовым калмыкам, но откочевавших за Волгу во время восстания Булавина[35].

Новый значительный приток калмыков на Дон происходил в 20-е и особенно в первой половине 30-х годов XVIII в., чему способствовала завуалированная политика царизма по разжиганию межэтнической розни в ханстве. Например, в 1728 г. А.П.Волынский получил секретный указ правительства, которым в третий раз дербетовскому владельцу Четерю разрешалось отделиться от хана и свободно кочевать на Дону[38]. Стало совершенно очевидным, что был снова задействован испытанный приём царизма по осуществлению задачи ослабления власти хана посредством отторжения от ханства оппозиционно настроенных калмыцких феодалов. Разрешая дербетовскому улусу перекочевать на земли казаков в 1725 г., А.П. Волынский напоминал правительству: "Ничто так не потребно для обуздания калмыцкого ...народа, токмо чтоб они на двое разделены были, и хотя одни пожелают куда пойти, но другая

сторона с малою прибавкою российских войск могут их к тому не допустить"[39].

Между тем Четерь с Лобан-Дондуком появились на Дону в 1723 г. третий раз, а в течение последующих трёх лет число калмыцких кибиток выросло до 14 тысяч. Всем им была отведена территория в междуречье Дона и Северского Донца. Улус Четеря старался кочевать обособленно от юртовых и беглых калмыков, проживавших у Черкасска. Последние состояли в ведении донской администрации и служили вместе с казаками[40]. Это же отмечал и Н.Н. Пальмов в своей рукописи "Предание донских калмыков": "Калмыков, уходивших за Дон с Четерем, а также с торгутскими и хошутскими владельцами в 1726 г., надо отличать от так сказать коренных "базовых" донских калмыков, хотя в числе последних кроме джунгарцев были и выходцы из торгутов, хошутов и тех же дербетов"[41]. Наместник ханства докладывал в Петербурге, что в 1728 г. перешло на Дон ещё 2 тысячи калмыцких кибиток и их разместили у Черкасского[42]. Руководство войска Донского обычно оставляло в этих местах именно те группы, которых оно стремилось зачислить в свой состав. Правительство, не упуская из поля зрения "базовых" калмыков, всячески их оберегало. Так, указом Верховного тайного совета Военной коллегии от 18 июля 1729 г. было подтверждено: "донским юртовым калмыкам в команде быть попрежнему у войска Донского, а чтоб от того Донского войска тем юртовым калмыкам наглости и грабительства никакого никогда чинено не было, о том к Донскому войску послать нашу грамоту и в Военной коллегии с крепким подтверждением"[43]. Таким образом, 10 тысяч юртовых калмыков были отделены от основной массы соплеменников и причислены в непосредственное ведение войска Донского. Они же упоминались в документе за 1753 г.

Неоднократный переход владельца Будучжапа (младший сын Баахана-тайши) со своими улусами на Дон завершился в 1733 г. окончательным зачислением их в казачество[44].

Массовая миграция калмыцких улусов на Дон и обратно на территорию Калмыкии обеспокоила ханскую и казачью администрации, которые поставили в известность царское правительство. В связи с этим в 1736 г. был издан указ Коллегии иностранных дел о причислении к войску Донскому всех прикочевавших сюда калмыков[45]. Видимо, этот документ возник не без участия казачьей администрации. Ещё в 1735 г. войсковой атаман Данило Ефремов заключил с Дондук-Омбо договор, в котором было записано, чтобы "пришедшим в Черкасск до того его ханства из разных владений калмыкам быть при его войске Донском, и ему, Дондук-Омбе, их не требовать". Из сообщения Ефремова в Коллегию иностранных дел в 1753 г. видно, что калмыцкий хан в то время строго соблюдал данный пункт договора[46]. Следовательно, именно этот документ был положен в основу правительственного указа 1736 г., вызвав-

шего недовольство со стороны калмыцких феодалов. После смерти Дондук-Омбо вступивший на ханский престол Дондук-Даши с 1742 г. начал забрасывать Петербург просьбами вернуть в ханство всех ушедших на Дон и Урал калмыков. Хотя эти просьбы долгое время игнорировались правительством, наконец, в 1753 г. оно вынуждено было издать указ, частично удовлетворявший просьбу калмыцкого хана. Вопрос получил следующее решение: калмыки, переселившиеся на Дон до 1736 г. должны были остаться в войске Донском в силу того, что они уже находились на действительной службе и "отправляли оную наравне с донскими казаками"[47]. Таким образом, правительство вторично, после 1729 г., приняло официальный документ о зачислении находившихся на Дону калмыков в казаки. С другой стороны, донская администрация должна была вернуть на Волгу все подвластные ханству улусы, поселившиеся на Дону после 1736 г., но и калмыцкие владельцы должны были возвратить войску Донскому калмыков-казаков, оказавшихся по тем или иным обстоятельствам на территории ханства, в противном случае разрешалось донским властям прибегнуть к баранте.

Итак, используя силу указа, Дондук-Даши вернул в ханство 366 кибиток (1515 чел.)[48]. С целью упорядочения передвижения калмыцких групп между ханством и казачьими поселениями, этим же указом были введены специальные паспорта как для ханских, так и для донских калмыков, что в дальнейшем дало определённые результаты в пользу калмыцких феодалов[49].

В 30-е годы XVIII в. донские калмыки были в административном отношении разделены на три улуса – Верхний, Средний и Нижний. Каждый улус делился на сотни и, соответственно, первым управлял владелец, вторыми – зайсанг[50].

Несмотря на опубликованный документ 1736 г., правительство всё-таки нередко нарушало его и позволяло новым группам переходить на Дон. Так, в 1744 г. был послан указ на имя войскового атамана Ефремова о причислении к казакам 400 кибиток калмыков-томутов, происходивших от смешения калмыков с башкирами и казахами и исповедовавших магометанство[51].

Ко всем обстоятельствам, влиявшим на интенсивное передвижение калмыцких групп на Дону, надо добавить и то, что в целях пополнения своих рядов активную агитацию среди калмыков проводило руководство Николаевского (Азовского) и Чугуевского казачьих полков. Например, в 1743-1744 гг. в результате уговоров коменданта крепости Святой Анны И.М.Вырубова двинулось в пределы Николаевского полка 650 калмыцких семей. Только настоятельная просьба войскового атамана Данилы Ефремова убедила правительство в необходимости их перевода обратно на Дон[52]. Следует заметить, что донских калмыков иногда приводили к недовольст-

ву и побуждали их покинуть вольный Дон незаконные поборы скота и денег отдельными войсковыми атаманами и толмачами[53].

Таким образом, хотя правительство России неоднократно принимало решения об официальном зачислении калмыков в состав войска Донского, но реализовало эти документы только в 1753 г. Поэтому временем окончательного оформления донского поселения калмыков следует считать первую половину 50-х годов XVIII в.

Итак, на протяжении 80 лет до середины XVIII в., происходила массовая миграция калмыцкого населения, в которой можно выделить до 20 крупных групп в виде улусов и отдельных партий. Однако имеющиеся документы не дают ясной картины о том, какие из них остались на Дону на постоянное жительство и какова была их численность. Но тем не менее можно определённо сказать, что в войско Донское были включены часть улуса тайши Бока, группа, состоявшая из 200 кибиток, сборная группа из 3400 кибиток, часть подвластных калмыков Мунко-Темира, группа в количестве 2 тыс. кибиток, улус Будучжапа, 400 кибиток томуткалмыков. Подавляющая часть этих калмыков мигрировала обратно на Волгу и в другие ближайшие регионы страны. Надо предполагать, что средняя численность юртовых калмыков на Дону колебалась от двух до трёх тысяч кибиток или от 8 до 12 тыс. душ обоего пола.

Глава 3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРУГИХ КАЛМЫЦКИХ КАЗАЧЬИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII-XVIII ВВ.

Причисление калмыков в Чугуевский и Павловский казачьи полки.

В конце 70-х годов XVII в. образовалось ещё одно калмыцкое казачье поселение – Чугуевское. Что же из себя представлял Чугуев? Он был построен в царствование Ивана Грозного на правой (Крымской) стороне Донца и являлся самым крайним пограничным острогом на пути нашествия татар на Русское государство с юга. Позже Чугуев стал центром одноименного воеводства в составе Белгородской губернии. По писцовой книге стольника и воеводы князя Якова Волхонского за 1639 г. жители Чугуева состояли из 140 детей боярских, 50 станичных ездоков, 300 казаков, 200 московских стрельцов, 200 разногородных, 30 пушкарей, 6 воротников, 2 кузнецов и 1 плотника, в общей сложности 929 человек.

С учреждением военного поселения на Слободской Украине Чугуев стал местом пребывания главного штаба всех слободских полков. С 1780 г. в стране вводится система наместничеств. В связи

с этим Чугуев передаётся в подчинение Харьковского наместничества и становится уездным городом. В уезде насчитывалось 84 слобод, сёл, деревень и хуторов с общей численностью 66216 душ обоего пола[1]. Город имел свой герб, который представлял щит, разделённый на три части: в первой – две сабли в золотом поле, сложенные крест на крест; во второй – три серебряных месяца, обращённых вверх рогами, на поле красного цвета; в третьей части на серебряном поле были изображены три виноградные кисти[2].

В 1797 г. Чугуев получил статус самостоятельного города, а административные учреждения были переведены во вновь учреждённый уездный город Змиев[3].

Калмыки, прежде чем быть принятыми в Чугуев, проходили ритуал крещения и после этого считались православными. Первая немногочисленная группа кочевников, поселённая в Чугуеве, была вся крещёная, по-видимому ещё в начале 70-х годов XVII в. Затем, в 1716 г. правительство распорядилось всех крещёных калмыков направлять в Чугуев[4], а на следующий год был издан ещё один указ, которым предписывалось отсылать их как можно дальше от ханства и селить вблизи Киева или в слободских полках[5]. В 1725 г. правительство сочло необходимым издать третий указ (27 октября), ориентирующий на то, чтобы крестившихся по своей воле калмыков продолжать отправлять, но теперь уже только в Чугуев[6]. Таким образом, православная церковь, проводя миссионерскую деятельность, имела самое прямое отношение к судьбе чугуевских калмыков. В возникновении Чугуевского поселения нашла наглядное отражение ассимиляторская политика царизма.

Наиболее раннее упоминание о калмыках, поселившихся в Чугуеве, относится к концу 70-х годов XVII столетия. Ещё до царствования Петра 1 в Белгородском полку служила группа калмыков, для содержания которых собирали с жителей Чугуева хлеб, скот и вино[7]. В 1679 г. эти калмыки во главе с владельцем Алексеем Кобиным, приняв православную веру, с разрешения правительства поселились в пригородной слободе Осиновка. Ф. Гумилевский указывает: "В 1679 г. калмыки приняли в Чугуеве дворовые посты на землях Успенского и Рождество – Богородицкой церквей"[8].

Т.И. Беликов, полемизируя с Ф. Гумилевским, обвиняет его в том, что "автор не определяет хотя бы приблизительной даты их поселения". На самом же деле, Гумилевский довольно достоверно указывал время поселения калмыков в Чугуеве, ссылаясь на такой документ, как "Выписи на дворовые и сенокосные места". Мы считаем весьма сомнительным вывод самого Беликова о том, что "приход их (калмыков – К.Ш.) в эти места можно датировать концом 60-х – началом 70-х гг. XVII века". В основу такого утверждения брать сведения П.С. Преображенской о том, что "калмыков

можно было видеть беспрепятственно кочующими... по обоим берегам Дона"[9] – вряд ли будет правильным.

В 1699 г. по распоряжению Петра 1 новокрещёным калмыкам, участникам первого Азовского похода Андрею Харину, Василию Харламову, Гаврилу и Ивану Петрикеевым, были отведены земли под Чугуевым, в соседстве с калмыками Алексея Кобина[10].

В 1700 г. в Чугуеве проживало 47 калмыцких семей[4], а по переписи 1712 г. значится 50 семей с общим числом 287 человек (119 мужчин и 168 женщин)[11]. В 1730 г. указанное число калмыков возросло на 98 человек[12]. В 1735 г. Военная коллегия разрешила поселиться в Чугуеве ещё 118 донским калмыкам, за которыми был командирован ротмистр Чугуевской команды калмык Александр Заря[13]. Всего к этому году в Чугуеве проживало 165 крещёных и некрещёных калмыцких семей[14].

Вновь прибывшие калмыки не обеспечивались жалованьем и сенокосными угодьями. В ответ на неоднократные ходатайства чугуевского начальства перед центральными органами власти вышел указ от 15 февраля 1744 г., чтобы вновь принятым в команду калмыкам "выделять покосы и пастбища на свободных местах". Но из-за отсутствия свободных земель указ остался невыполненным, хотя существовала острая необходимость в пополнении Чугуевской команды служилыми казаками[15]. Именно это обстоятельство вынудило вновь принятых калмыков удалиться в 1748 г. на свои прежние места. Поэтому нельзя согласиться с Гумилевским, утверждавшим, что удаление калмыков было связано с недовольством по поводу уравнения жалованья казаков и калмыков, а также давлением местных властей на некрещёных в целях принятия ими православной веры[16].

В 1750 г. в Чугуевском полку находились на службе 204 человека, а по переписи того же года в Чугуеве насчитывалось 204 калмыков-казаков, включая несовершеннолетних и отставных[17].

В Слободской Украине в начале XVIII в. проживала и находилась на военной службе в составе Павловского конно-казачьего полка ещё одна группа калмыков. Следует оговорить, что мы имеем в своём распоряжении ничтожно малое количество материалов о них и о самом Павловском полку.

После Азовских походов, в 1698 г. Пётр 1 основал Таганрог как крепость и базу русского Азовского военно-морского флота. Для прикрытия его окрестностей на р. Миусе была построена крепость Св. Павла, чаще называемая Павловском. Вместе с этим учреждается конно-казачий полк, для службы в котором были приняты калмыки. Дальнейшая судьба крепости сложилась следующим образом. На реке Осереде, притоке Дона, существовало селение, принадлежавшее Острогожскому черкасскому полку. Здесь Пётр 1 в 1709 г. заложил крепость и построил корабельную верфь. В 1711 г. со сдачей туркам Азова и ликвидацией крепости Св. Павла он перевёл сюда павловский гарнизон. Город Осеред был переименован в Павловск. После русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Павловский полк был оставлен на жительство в крепости Св. Анны[18]. Откуда и как появились калмыки в Павловском полку, нам неизвестно, но надо полагать, что они являлись одной из тех калмыцких групп, которые мигрировали из войска Донского на рубеже XVII и XVIII вв. В 1739 г. на службе в Павловском конно-казачьем полку значились 180 служилых калмыков, а вся группа, принадлежавшая этому полку, состояла более чем из 700 душ обоего пола[19].

Калмыки Азовского казачьего полка

Кроме указанных казачьих войск ещё одна группа калмыков несла казачью службу при Азове. На страницах известной нам литературы она совершенно не упоминается. Нами сделана попытка на основании архивных материалов восстановить историю этой группы калмыков.

Часть калмыков, кочевавших на Дону, были привлечены на службу в Николаевский полк, который комплектовался из "охочих людей" после второго (1696 г.) Азовского похода. В функцию полка входила охрана вновь построенных пограничных городков от недовольных властями (в официальных документах их называли "воровскими") казаков, азовских, кубанских и крымских татар[20].

Полк в начале своего возникновения состоял из 5 рот. По штатному расписанию в полку числилось: полковник, полковой есаул, писарь, 5 ротмистров, 5 поручиков, 5 хорунжих, 1000 казаков (по 200 человек в каждой роте). В 1712 г., после передачи Азова Турции, полк был переведён в крепость Святой Анны. В конце 20-х годов к Азову были переведены 1000 калмыков в качестве резерва для пополнения полка[21]. Указом 1729 г. из этого количества калмыков 51 человек зачисляется в его состав сверх штата. Здесь же было оговорено, чтобы служившим калмыкам в период их пребывания в походах платить жалованье в размере 3-х рублей и 3-х четвертей муки в год за счёт средств неукомплектованных полков Украинского корпуса. С 1733 года жалованье стали получать из Воронежа[22].

К этому периоду полный штат полка, утверждённый ещё в 1712 г., составлял 263 человека. Насильственное переселение казаков к Азовской и Таганрогской крепостям вызывало на Дону недовольство, поэтому полк постоянно оставался неукомплектованным. В 1733 г. в нём насчитывалось всего 208 казаков и 51 калмык (сверх

штата), до полного комплекта недоставало 55 человек. Руководство крепости Азова вынуждено было с помощью находившихся в нём калмыков привлекать с Дона дополнительную группу калмыцких семей. Подобная мера не удовлетворяла администрацию войска Донского и она обратилась в Сенат с просьбой вернуть переселившихся к Азову калмыков на прежние места. Однако генерал Шувалов обосновал необходимость оставления калмыков при данном полку. Идя навстречу тем и другим, Сенат постановил: более 100 калмыков в полк не принимать, остальных вернуть назад[23]. 14 января 1734 г. вышел указ о зачислении 101 калмыка в штат полка с жалованьем 3 рубля в год. Согласно новому штату полк насчитывал в своём составе 364 человека. В 1736 г. полк, ранее посланный к крепости Святой Анны, переводят снова к Азову. С января следующего года полк стал называться Азовским[24]. К 1736 г. в полку состояли: полковник, полковой есаул, полковой писарь, в пяти ротах по одному ротмистру и одному хорунжему, 235 рядовых казаков, один калмыцкий мурза (старшина) и 83 рядовых калмыка[25], до полного комплекта недоставало 32 человека.

Основные функции полка оставались теми же, что и при его создании. Из донесения командира полка Ивана Стрекалова от 24 июня 1731 г. видно, что во второй половине 20-х и в начале 30-х годов XVIII столетия полк находился в постоянных разъездах по обеим сторонам Дона, имея два форпоста: первый – за Доном, на границе с кубанскими татарами, второй – на границе с Крымом, у речки Темерника. Полк был разделён на группы, состоявшие из 20 казаков и калмыков. Каждая такая группа сменялась через неделю. В сенокосный период группы увеличивались до 30 человек. Кроме того, в обязанности полка входило патрулирование на всех пограничных дорогах партиями до 50 человек. Личный состав полка использовался для сопровождения торговых караванов и почтового транспорта в Воронежскую губернию, Харьков, Бахмутскую крепость, на Царицынскую линию[26]. Ко времени Русско-Турецкой войны 1735-1739 гг. служба полка проходила в крепости Святой Анны. Полк охранял крепость и прилегающие к ней территории[27].

В дальнейшем штат Азовского полка был увеличен до 465 человек, в том числе до 100 служилых калмыков. В 1768 г. он состоял из 572 человек при том же количестве калмыков и охранял крепость Св. Дмитрия[28].

Места кочевья этих калмыков были расположены по р. Тузлову. В засушливые годы им разрешалось пасти скот по соседству с черкасскими выгонами по рекам Мокрый Чулек, Донской Чулек, Санбек и Миус. Однако временами калмыки переходили и на Задонскую территорию, в район крепости Св. Дмитрия, что вызывало частые ссоры и столкновения с местными казаками. В связи с этим перед руководством полка возникла проблема о пересмотре территориальных границ крепости Св. Дмитрия с войском Донским. В случае запрещения калмыкам пасти скот на соседних землях с черкасскими казаками, они, как справедливо указывалось в одном из документов, "...свой скот могут довести в упадок, а сами останутся не токмо бедны, но и к службе непригодны". В этом случае была вероятность перехода их на территорию Калмыцкого ханства[29]. Поэтому было решено Задонскую часть территории крепости Св. Дмитрия передать Черкасску, а пустующие земли черкасских казаков по рекам Мокрый и Донской Чулек, Санбек и Миус передать калмыкам[30].

В 1769 г. Азовский полк был переименован в Дмитриевский конно-казачий[31]. К середине 70-х годов XVIII в. Азов и Таганрог находились в пределах территории войска Донского. Поэтому 25 июня 1775 г. вице-президент Военной коллегии, шеф иррегулярных войск граф Г.А. Потёмкин составил доклад об упразднении Азовского и Таганрогского казачьих полков и заменить их нарядом команд из войска Донского[32]. После указа, в 1777 г. последний был вообще расформирован, а служившие в нём калмыки были переданы в ведение войска Донского для продолжения службы[33].

Возникновение Яицкого (Уральского) поселения и астраханских калмыков-казаков.

Служба калмыков в составе Яицкого войска началась в 1725 г. По разрешению Военной коллегии из 684 калмыков, кочевавших по Яику, 110 человек в октябре 1725 г. были зачислены на казачью службу. Остальные калмыки были приняты в Яицкое войско в течение 1738-1739 гг. с разрешения тайного советника Татищева и в 1742 г. – по указанию Военной коллегии[34].

Оренбургский губернатор И.И. Неплюев дал высокую оценку службе этих калмыков. В своём донесении в Военную коллегию он сообщал, что "...калмыки немало и с немалым им (калмыкам – К.Ш.) подспорьем и исправности во все наряды обще с русскими употребляются, ибо они натурально люди военные и воинскому действию легчайшие..."[35].

В конце декабря 1744 г. Неплюев вновь обратился в Сенат и в Коллегию иностранных дел с просьбой пополнить Яицкое войско калмыками старшины Цой Берды и Лоры-Гецюля (у последнего 70 кибиток), так как крепости на новой линии "казаками оскудевают". Правительство в принципе не возражало, но оно было ограничено договором с правителями Калмыкии о том, чтобы без их согласия подданных ханства никуда не принимать. Однако Сенат, осознавая трудности с заселением территории новой губер-

нии, указом от 12 июня 1745 г. разрешил этим калмыкам поселиться в Оренбурге, откуда их можно было легко зачислить в Яицкое войско. Круг обязанностей калмыков сводился к сопровождению обозов и доставке почты[36]. Жалованье за службу им не выплачивалось.

В 1746 г. согласно правительственному указу было принято ещё 62 кибитки калмыков[37] и в 1748 г. в войске насчитывалось 470 калмыков. Они добровольно исполняли казачью службу за предоставление свободных кочевий по Яику и право беспошлинной торговли на этой территории.

В 1749 г. калмыцкий хан настоятельно требовал вернуть бывших своих подданных с Яика на Волгу. Однако калмыки во избежание возврата приняли православную веру и остались в составе войска[38]. В 1751 г. Военная коллегия разрешила губернатору зачислить новые группы православных калмыков владельца Семёна Хошоутова и зайсанга Василия Дельдеша в штат Оренбургского войска. Первого из них предполагалось использовать на должности полковника во вновь организуемых ротах из калмыков и мелких нерегулярных соединений с выплатой жалованья 120 рублей в год, а второго – назначить к нему же старшиной. Но поскольку Сенат не утвердил им оклады, то губернское начальство вынуждено было выплачивать им соответственно 10 и 3 руб. в год из местной казны.

В 1753 г. Военная коллегия поручила И.И. Неплюеву провести реорганизацию Яицкого войска с целью усиления охраны пограничных районов от набегов, организуемых казахской знатью, а также для усмирения возможных волнений среди крепостных крестьян, казацкой бедноты и нерусских народов. По проекту Неплюева планировалось довести численный состав Яицкого войска до 3572 человек и разделить их на семь станиц. Однако при решении этого вопроса стал ощущаться недостаток в людях. Поэтому Неплюев предложил пополнить эти войска калмыками, кочующими в количестве 59 кибиток под Оренбургом и их сородичами, возвращавшимися значительными партиями из казахского плена.

При реорганизации Яицкого войска в нерегулярный корпус Неплюев включил в него свободных от службы уже известных нам калмыков во главе с С. Хошоутовым и В. Дельдешем. Войсковым атаманом (полковником) корпуса был назначен С. Хошоутов с годовым жалованьем 120 рублей. Штат корпуса состоял из войскового есаула с окладом 80 рублей, 10 сотников, одним из которых был зайсанг Дельдеш с окладом 50 руб. и 1000 казаков. Из-за малых размеров жалованья в свободное от службы время рядовым казакам и калмыкам разрешалось заниматься торговлей и различными промыслами[39].

В связи с окончанием устройства Царицынской укреплённой линии в 1720 г. на охрану её были переселены 1057 семей с Дона,

А. Зауэрвейд. Уральский казак и калмык. Конец XVII в. Гравюра.

образовавшие в 1737 г. Волжское войско. Почти одновременно началась организация Астраханского казачьего войска. В 1727 г. из городовых казаков Астрахани и крещёных калмыков была укомплектована трёхсотенная команда для отбывания службы на линии от Астрахани до Царицына. В 1737 г. эту команду преобразовали в Астраханский пятисотенный казачий полк. В него привлекли казаков, проживавших в Астрахани и Чёрном Яру, разночинцев, стрелецких и казачьих детей, а также дополнительные группы крещёных калмыков и татар[40]. Функции полка были обширны: часть его посылалась в качестве курьеров в Царицын, Кизляр, на Кавказ и в Крым; остальные содержали по Волге разъезды и форпосты, которые командировались к морю для предотвращения набегов со стороны казахов; охраняли рыбные и соляные промыслы, дороги от Астрахани до Кизляра; часть употреблялась для сопровождения почтового транспорта. Постепенно побережье от Астрахани до Чёрного Яра стало застраиваться станицами Астраханского полка. Вместе с казаками в эти станицы стали селиться калмыки, постепенно переходившие к оседлости[41].

В 50-60-е годы XVIII века были построены станицы Лебяжинская, Замьяновская (по имени калмыцкого владельца Замьяна), Сероглазовская и другие – всего 10 станиц. С переводом казаков Волжского войска в 1770-1777 гг. на Терек, функции Астраханского полка расширились. Привлекаются в него новые партии калмыков[42] и к 70-м годам их число достигает 600 человек[43].

В период службы в этом полку некоторым калмыкам удавалось продвигаться по служебной лестнице, но крайне медленно. В списках полка за 1764 г. числился на должности хорунжего лишь один калмык Андрей Ажгил, начавший службу ещё в 1745 г. и получивший этот чин лишь в 1757 г. один урядник из калмыков Николай Михайлов и в должности капрала калмык Алексей Фёдоров[44]. В списках чинов полка за 1765 г. появился ещё один калмык – Николай Уржин. Этими именами и ограничивался командный состав калмыцкого происхождения в Астраханском полку. В 60-е годы полк находился на Башмачаговской заставе. Астраханское войско было подчинено гражданским губернским властям, поскольку его служба носила чисто полицейский характер[45].

Отделение крещёных калмыков от ханства и учреждение Ставропольского (на Волге) поселения

О миссионерской деятельности православной церкви говорилось выше в общих чертах, в данном же разделе мы приведём конкретные факты, послужившие предпосылками к возникновению Ставропольского поселения.

Вопрос об изоляции крещёных калмыков от основной массы калмыцкого населения поднимался с 1724 г. астраханскими губернаторами Волынским, фон-Менгденом, Измайловым, а также чиновниками, заведовавшими калмыцкими делами, Бахметевым и Беклемишевым. Они неоднократно представляли в Коллегию иностранных дел проекты "с ясными доказательства неполезности в тамошних пограничных местах содержать крещёных калмык..."[46]. В 1739 г. иеромонах Никодим Ленкович, видный миссионер среди калмыков, входил в Синод с предложением для "новокрещёных иметь особое место для жительства". Синод сообщил об этом в Сенат, но до 1737 г. дело не получило дальнейшего развития[47].

К тридцатым годам XVIII века число крещёных достигло 5282 душ обоего пола или 1446 кибиток. В 1735-1736 гг. в дела крещёных калмыков вмешался новый наместник ханства Дондук-Омбо. Он требовал, чтобы некоторую часть крещёных передать в его ведение. В грамоте императрицы было сказано, "что о крещёных калмыках будет поступано по прежним обыкновениям и по шертовальным записям предков их, и те крещёные калмыки отданы будут в команду владельца крещёного брата его Петра Тайшина". Не получив положительного решения на свои просьбы, Дондук-Омбо стал настаивать на том, чтобы всех православных калмыков удалить от Волги в "дальние российские места". Зная настойчивый характер Дондук-Омбо в стремлении добиваться своих планов и крутой его нрав, правительство в вежливой форме ответило, что оно учтёт предложения наместника, а все крещёные калмыки будут направляться к Петру Тайшину. В 1736 году входит с предложением в Коллегию иностранных дел и сам Пётр Тайшин. Он просил: 1. отдать ему полностью собственный улус; 2. улусы ближайших родственников, которые должны принадлежать ему по праву наследства; 3. отдать ему всех крещёных калмыков, находящихся в разных местах; 4. построить ему при устье р. Иловли в удобном месте городок[48]. В этом же году Коллегия иностранных дел поручила это дело А.И. Румянцеву, который предлагал поселить калмыков в междуречье Кинеля и Сока, богатом просторными степями. Почему же правительство России сочло необходимым поселить крещёных калмыков именно здесь, на Закамской линии? Рассмотрим сложившуюся обстановку на востоке страны к началу 30-х годов XVIII в.

В первой четверти столетия Урал превратился в металлургический центр промышленности. Здесь работали 9 казённых и 12 частных горно-металлургических заводов, которые в 1718 году выплавляли 6,5 миллионов пудов чугуна, 200 тыс. пудов меди. На заводах были заняты 5422 рабочих, а все население составляло 20 тыс. человек[49].

Для дальнейшего расширения промышленности на Урале правительство намеревалось укрепить этот регион в военном отноше-

нии. Вместе с этим Пётр 1 стремился развивать торговые сношения с Средней Азией и Индией. В 1717 г. была снаряжена экспедиция Бековича-Черкасского, в задачи которой входило присоединение к России Хивинского ханства. Одновременно экспедиция должна была отыскать старое русло р. Аму-Дарьи и направить её воды в Каспийское море. Таким образом можно было проложить водный путь в Среднюю Азию по р. Волге до верховьев Аму-Дарьи. Однако отряд Бековича-Черкасского погиб в Хиве. Пётр 1 предполагал и другой вариант: проложить торговый путь через казахские степи, которые он называл "ключом и вратами в Среднюю Азию". Смерть Петра помешала осуществить данный план.

Этой идеей занялся обер-секретарь Сената И.К. Кириллов, интересовавшийся географией и статистикой. Он настаивал на том, чтобы основать на юго-востоке страны новый военно-административный и торговый центр. В осуществлении этого мероприятия существенную роль сыграло добровольное вхождение в 1730-1733 гг. казахов в состав Российского государства. В 1734 г. проект Кириллова был утверждён правительством. В этом же году была направлена экспедиция во главе с ним в Башкирию. Но она была враждебно встречена башкирскими старшинами, которые начали вооружённое сопротивление. Оно положило начало в 1735 г. восстанию башкирского народа, продолжавшегося до 1740 г. Несмотря на это, правительство упорно осуществляло претворение плана в жизнь. 15 августа 1735 г. был заложен г. Оренбург. В феврале 1736 г. вышел указ, разрешавший покупать и арендовать у башкир земли, что увеличило колонизационный поток переселенцев из центральных районов страны. Продолжалась закладка новых крепостей по рекам Сакмаре, Самаре, Яику и Миясу таких, как Оренбург (впоследствии переименованный в г. Орск), Губерлинское, Озёрное; вместе с ними были учреждены форпосты: Бердский, Сорочий, Тоцкий; укрепления: Бузулукское, Табынское, Красно-Уфимское, Ельдяцкое, Миясское, Чебаркульское, а всего за год было заложено 21 укрепление. Восстание башкир не утихало.

Несмотря на то, что акт добровольного вхождения казахских джузов в состав России был оформлен юридически, однако ещё долгое время российской администрации приходилось отлаживать взаимоотношения с казахами. В силу этой причины правительство вынуждено было строить укреплённые линии на границах с казахскими джузами и содержать на них сторожевые отряды, в основном из казаков. Поэтому численное увеличение казачьих войск оставалось насущной задачей администрации Оренбургского края.

В такой обстановке было решено переселить православных калмыков ближе к Оренбургскому краю. Согласно указу, принятому 7 апреля 1737 г., началось поселение их внутри Закамской

линии. Одновременно для калмыцкой княгини Анны Тайшиной построили крепость Ставрополь в урочище Кунья Волошка[50]. Калмыки были поселены в радиусе 25-100 км от этой крепости, по рекам Черемшану, Соку, Кондурче, Липовке. В районе этих рек построили для них Воскресенскую (Ягодное), Благовещенскую (Сускань), Богоявленскую (Курумочь), Гвардейскую, Предтеченскую (Красное поселение) и Преображенскую слободы, Калмыцкую Санчу (Верхнее Якушкино), Кобельму, Тенеево, Раковку, Чекалино и другие селения. Места расселения калмыков располагались по вновь строящейся Закамской линии. В течение года в эти места было переселено 2104 человека, составлявших 700 кибиток[51].

В течение последующих 10 лет в Ставропольское поселение было переведено ещё 573 кибитки калмыков, а в 1754 г. всего проживало здесь 8695 душ обоего пола[52].

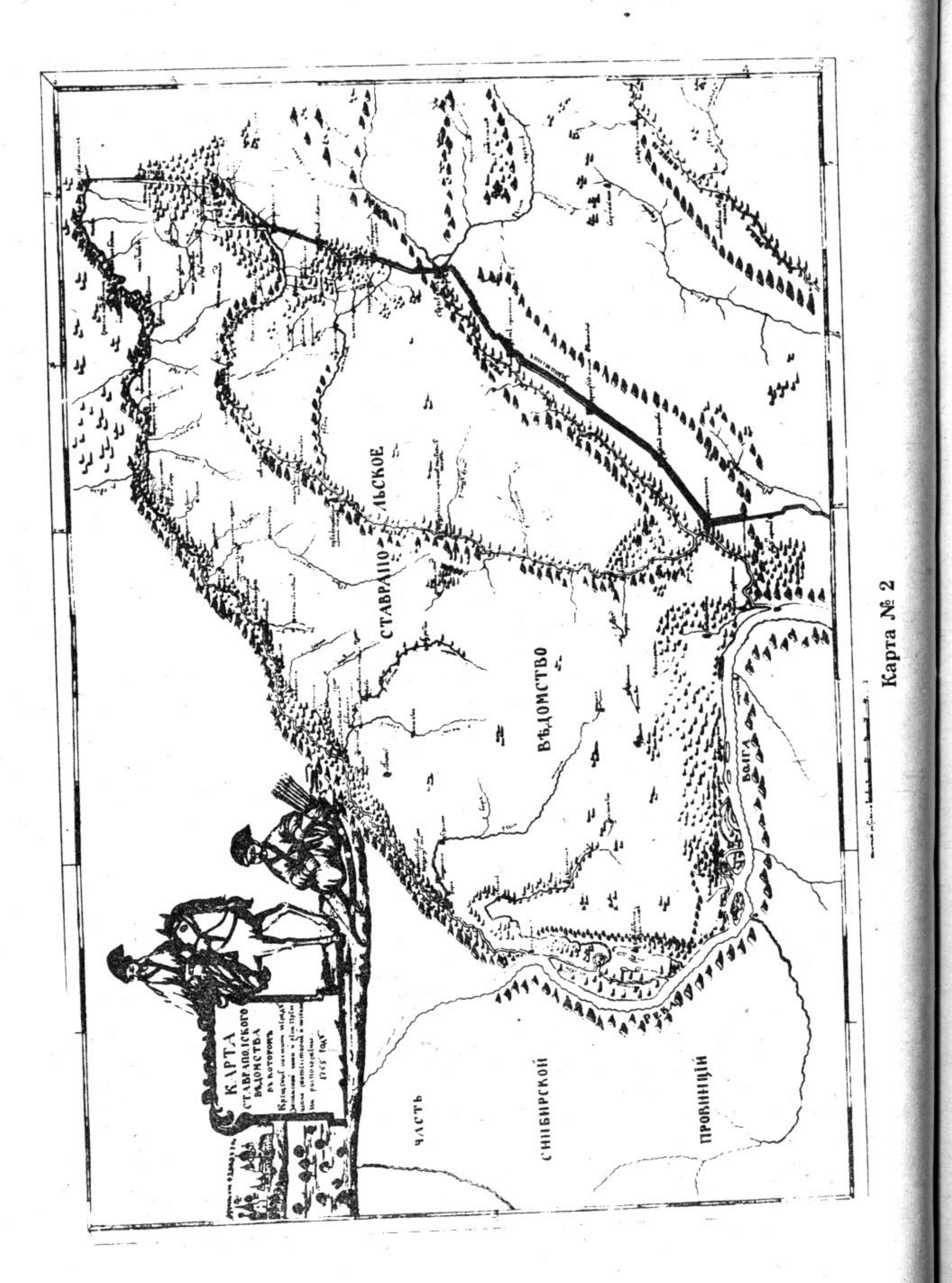
Занимаясь переселением калмыков в район новой Закамской линии, царизм преследовал цель превращения их в военно-охранную силу с минимальными затратами средств из государственной казны. По этому поводу в пункте 8 указа Коллегии иностранных дел от 9 января 1744 года говорилось: "...главным источником к существованию ставропольских калмыков должны были сделаться разные промыслы, а не служба"[53]. Исходя из этого, правительство приступило к проведению у ставропольских калмыков ряда мероприятий экономического и социального характера.

Переустройство хозяйственной жизни новопоселенцев определялось царским указом 1737 года. В частности в инструкции Сената, составленной во исполнении данного указа, отмечалось: "...велено им в отведённых местах зверей ловить, лес и дрова рубить и скот пасти и в реках рыбную ловлю иметь свободно, теми и другими способами казать им удовольствие и приохачивать, чтоб они сперва к кошению сен и к пашне хлебов, а потом к поселению вызымели охоту..."[54]

В местах поселения каждой калмыцкой семье было выделено 20 четвертей пахотной земли, сенокосный участок в расчёте на 100 копен, 450 квадратных сажен усадебного участка для огородов и, кроме того, лесные наделы "по писцовому наказу каждому порознь"[55]. Для обучения калмыков земледельческому ремеслу по указанию Сената были мобилизованы солдаты ставропольского гарнизона[56].

Но всё это не привело к желаемому результату. С одной стороны, Коллегия иностранных дел, в ведении которой находились ставропольские калмыки, не в состоянии была из Петербурга оперативно решать все вопросы и постоянно контролировать положение дел, а с другой стороны, сами калмыки не могли в короткий срок приобщиться к земледельческому хозяйству.

В 1744 году калмыки были переданы во вновь образованную Оренбургскую губернию, а дальнейшее переустройство Ставро-

Карта № 2

польского поселения было поручено губернатору И.И. Неплюеву. В 1745 году был издан новый указ[57], по которому пахотные наделы составили: войскового старшины – 100, ротных старшин – по 80, зайсангов – по 40, войскового писаря – 50, рядовых калмыков – по 20 четвертей земли[58]. Была введена общественная запашка. Для этого объединяли несколько семей или соседние поселения для совместной обработки земли. Часть урожая оставляли на семена для будущего посева, другая по определению калмыцкого суда, делилась между членами общины и выдавалась преимущественно калмыкам, не имеющим своего скота[59].

Калмыки стали заготавливать на зиму дрова и сено. Как отмечает Лепехин, "...они научились сами косить сено"[60]. Были отведены места для рыболовства с указанием "рыбные ловли содержать добрым порядком"[61]. Но несмотря на все усилия русских властей приобщить калмыков к земледелию, они всё-таки предпочитали заниматься скотоводством и оставались большими мастерами в этом деле. "Сколько они унижены перед другими в хлебопашестве,– отмечал Лепехин,– столько превосходят в скотоводстве"[62]. Приверженность калмыков к скотоводству в значительной степени препятствовала их переходу к земледелию и связанной с ним ломке старого кочевого уклада.

Наряду с хозяйственными преобразованиями было проведено административное устройство новопоселенцев. Оно осуществлялось согласно царским указам от 3 апреля и 2 декабря 1737 года, а также от 22 марта 1738 года. Устройство калмыков было приведено к типу казачьих войск. Так, штат управления состоял из полковника, войсковых есаула и писаря, 7 ротмистров, 2 ротных есаулов, 4 урядников[63].

Однако, работа по административному устройству, как и в хозяйственной жизни, не давала желаемых результатов. Отсутствие контроля со стороны Коллегии иностранных дел привело к многочисленным злоупотреблениям местных властей по отношению к калмыкам[64]. Сложившееся положение в Ставропольском поселении вынудило правительственные органы пойти на изменение системы подчинения. Сенат указом от 16 апреля 1744 года определил "Ставропольской крепости... по близости быть в ведомстве Оренбургской губернии"[65]. Об этом подробнее будет сказано в последующих разделах исследования.

Существенно изменились отношения между знатными и простыми калмыками. Вместо национальной формы устройства создаётся военно-казачье поселение, в основных своих чертах сходное с аналогичными русскими поселениями, являющимися порождением российской феодально-крепостнической системы того времени. Высшая администрация и военная власть в Ставропольском ведомстве после его реорганизации стала принадлежать коменданту города.

В осуществлении всех намеченных преобразований в поселении большая роль отводилась православной церкви. По этому поводу в указе 1745 года отмечалось, что "...добропорядочному их содержанию одно другому способствует: добрый порядок без благочестия, равно же и благочестие без порядка установлено и содержано не может..."[66]

Обращено было внимание также на организацию и содержание калмыцкой школы. Обучение русскому языку, русским обычаям и толкованию догматов православной веры должно было решить задачу подготовки национальных кадров, верных царизму[67].

Зачисление калмыков в Оренбургское казачье войско

Ко времени зачисления калмыков в состав Оренбургского казачества этому войску насчитывалось уже 12 лет. Оно возникло отличным от других казачьих войск путём. Если Донское, Яицкое, Терское войска образовались из беглых крестьян, холопов и служилых людей, то Оренбургское было сформировано в административном порядке правительством России. Поэтому оренбургские казаки никогда не имели вечевого устройства "вольных казачьих общин" с их широким демократизмом. Первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев ходатайствовал перед правительством об оставлении всех беглых крестьян в построенных крепостях. После разрешения Петербурга они в числе 2415 человек были зачислены в казаки и составили первую военно-административную единицу Оренбургского войска – Оренбургский нерегулярный корпус.

Ещё в самом начале освоения Оренбургского края царизм выдвинул не только экономическую задачу, но и антинациональную политику, в основу которой был положен принцип "разделяй и властвуй". Так, перед экспедицией Кириллова царское правительство поставило следующие задачи: удерживать казаков в потельство посредством милостей, подарков, строгостей и страхов; виновении посредством милостей, подарков, строгостей и страхов; наблюдать за башкирами и казахами, и в случае, если те и другие будут волноваться, то "употребить один народ против другого"[68].

Именно эти принципы частично определили военно-административное устройство края. Оренбург стал главным узлом укреплённых линий. От него расходились линии крепостей:

1. Самарская линия, соединяющая г. Оренбург с Самарой. Эта линия разделяла между собой башкир и калмыков, кочевавших между реками Яиком, Самарой и Волгой. Она состояла из 8 крепостей и 3 редутов.

2. Сакмарская линия соединила крепости, построенные внутри Башкирии по реке Самаре, и связывала их с г. Уфой, Мензелинском, Бирском и Осой. Важнейшими крепостями считались Предтеченская и Воздвиженская.

Государственный исторический музей. Зал 23.
Калмык (оренбургский – К. Ш.). Гравюра.

3. Нижне-Яицкая линия, начинавшаяся от крепости Чернореченской и кончавшаяся на берегу Каспийского моря. На линии располагались Яицкий городок, Илецк, Гурьев, крепости: Кулагина, Калмыково, Сахарная и 19 казачьих форпостов. Сюда, кроме яицких казаков, командировались 5000 калмыков с Волги.

4. Верхне-Яицкая линия, начинавшаяся от г. Оренбурга и растянувшаяся на 561 версту до Верхне-Яицкой пристани. Она включала в себя 8 крепостей и 16 редутов и делилась на две дистанции: Красногорскую и Орскую.

5. Уйская линия начиналась от Верхне-Яицкой пристани и кончалась в крепости Звериноголовской. Протяжённость её составляла 753 версты и имела 9 крепостей и 9 редутов.

Итак, получался большой четырёхугольник, в который была замкнута территория Башкирии[69].

Осуществляя генеральную линию в национальной политике царизма, И.И. Неплюев приложил немало усилий по привлечению к ней наряду с русскими людьми калмыков, представлявших собою иноверцев в отношении казахов и башкир.

В мае 1755 г. Сенат утвердил штат Оренбургского войска в числе 5877 человек, состоявших из Оренбургского нерегулярного корпуса, казаков Яицкого войска, казаков Ставропольского ведомства (Ставропольского калмыцкого войска) и казаков Уфимской и Илецкой провинций. Из указанного числа казаков 1797 получали жалованье от казны и назывались "жалованными" казаками, а остальные служили за свой счёт, пользуясь за службу земельными угодьями.

Для управления ими была учреждена должность войскового атамана и при нём войсковая канцелярия. До учреждения Оренбургского казачьего войска в этом крае кочевало небольшое число крещёных калмыков. Однако к 50-м годам XVIII века их численность настолько увеличилась, что они стали использоваться для охраны края.

В декабре 1753 г. губернатор И.И. Неплюев представил в Коллегию иностранных дел проект комплектования в составе Оренбургского корпуса особой калмыцкой роты из 100 человек под руководством Семёна Хошоутова[70]. Однако Сенат, как отмечалось выше, разрешив учредить роту, не утвердил предложенное штатное расписание и денежные оклады. "Жалованья оренбургские калмыки никакого не получают,– писал впоследствии П.И. Рычков,– токмо даётся означенному владельцу по десяти, да зайсангу по три рубля на месяц"[71]. Но всё-таки всех крещёных калмыков зачислили в штат войска на правах казаков. В летнее время оренбургские калмыки распределялись по казачьим форпостам.

За усердную службу многие калмыки были произведены в офицерские чины. Со временем командиром корпуса был назначен полковник из калмыков Андрей Анчуков, начавший службу ещё в

1743 году. Кроме того, в штате корпуса состоял в звании сотника калмык Иван Чавдыр, хорунжий Илья Басанов, три капрала Василий Видоков, Василий Церин, Прокофий Батыр[72].

В июле 1764 г. Анчуков, командуя частью корпуса, находился при Сухореченском форпосте. Здесь же службу несли Василий Церин и Прокофий Батыр. Иван Чавдыр в должности ротного сотника находился при Худоложском форпосте, а Илья Басанг, пребывая всё ещё в чине хорунжего, был назначен командиром над калмыками, кочевавшими на реке Чусихе. Капрал Василий Индонов был командирован на форпост за Яик[73].

По документам середины 60-х годов Оренбургский нерегулярный корпус (в некоторых сведениях – нерегулярное лёгкое войско) состоял из 10 рот. Например, по данным 1766 г. его штат включал: одного полковника (Андрей Анчуков), одного войскового писаря (калмык Василий Могутов), 10 ротных сотников (в том числе два калмыка), 20 урядников, 10 ротных писарей, 40 капралов (в т.ч. три калмыка), 1000 рядовых казаков (в т.ч. 200 калмыков)[74]. Войсковой старшина Андрей Анчуков получил в этом году армейский чин секунд-майора. Хорунжий Илья Басанг был возведён в звание сотника, а остальные пребывали в прежних чинах[75].

В дальнейшем число служилых калмыков увеличивается за счёт притока из Джунгарии, беглых из казахского плена, а также семей, покинувших Калмыцкое ханство и принявших православную веру.

Таким образом, в Оренбургском казачьем войске числилось несколько сот служилых калмыков. Они не только были приравнены в правах к казакам, но, как видно из текста, некоторые из них получили командные посты.

Переход калмыков на Терек и Новую Днепровскую линию

Возникновение Терского поселения калмыков, с одной стороны, являлось результатом характерного явления для калмыцкой феодальной среды XVII-XVIII вв. – междоусобной войны. С другой, царское правительство и местные власти, как правило, стремились использовать возникшие распри в целях разобщения этого народа (такая политика царизма активизировалась после упразднения Калмыцкого ханства с привлечением затем некоторой его части для пополнения тех казачьих войск, которые были малочисленными).

Именно такая ситуация возникла в 70-е годы XVIII в. в Яндыковском улусе, когда здесь разразились споры между владельцами родов. В ходе споров более сильные владельцы и зайсанги органи-

зовывали нападения и угоняли скот у более слабых соседей. Кроме того, беднота была задавлена непосильными налогами. Всё это возбуждало протест со стороны угнетённых калмыков. Поднялся на борьбу с эксплуататорами во главе с Цоригом и Ахацатановый род Яндыковского улуса. В поисках пути освобождения из-под власти владельца они обратились к астраханскому епископу с просьбой о принятии их в православную веру. Вначале таких семей было 40, а потом к ним примкнули многие семьи из других родов и число их достигло 200[76]. В 1774 году состоялся акт крещения. Безусловно, принятие христианства калмыками было вызвано отнюдь не искренним их стремлением перейти в новую веру, оно служило лишь щитом от посягательств на них прежних владельцев и зайсангов. После некоторых попыток внедрить христианские постулаты в умы калмыков и, видя бесплодность своих усилий, миссионеры прекратили свои проповеди.

Таким путём эта группа калмыков освободилась от зависимости своим феодалам.

Если касаться внешних предпосылок образования описываемого поселения, то они были следующими. К концу Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. укреплённая линия по Тереку оказалась недостаточно обеспеченной казаками. Так, от Каргалинской станицы до Кизляра, на протяжении 18 вёрст в трёх станицах располагались семейные (терские) казаки числом в 500 чел., в самом Кизляре – 190 казаков Терского войска; от Каргалинской до станицы Червлёной, в промежутке 83 вёрст, было расположено 5 станиц, в которых несли службу 373 гребенских казака. Далее пограничная линия в 100 вёрст до самого Моздока охранялась 767 казаками Моздокского полка[77]. По условиям Кючюк-Кайнарджийского мирного договора Кабарда перешла в подданство России, а Крым объявлялся независимым. В связи с этим южная государственная граница заметно расширилась и возникла необходимость укрепить её новыми крепостями и казачьими станицами. В 1777 году правительство перевело на Терек дополнительно казаков Волжского войска и казаков из Хоперской крепости. В их числе подверглись переселению на территорию Наурской станицы крещёные калмыки.

О времени прихода калмыков на Терек существуют различные мнения. И.В. Бентковский сомневался в первоначальной дате образования этого поселения. Однако большинство авторов, касавшихся истории терских калмыков, их начальный приход на эту территорию связывают с 1777 г. Это же утверждают и сами терские калмыки во "Всеподданнейшем прошении" от 25 марта 1906 г.[78].

Подавляющая масса терских калмыков происходила из Яндыкского улуса, их основное ядро составил Ахацатановый род, к которому позднее примкнули калмыки Гецеленкинского, Шараманганского и Цоросского родов[79].

В литературе и официальных правительственных документах о них утвердилось представление как о крещёных. Но было ли это так на самом деле? Данный вопрос интересовал почти всех предшествующих исследователей и особенно много внимания ему уделил Бурдуков, который в поисках истины обращался к документам церковных организаций Астраханской и Кавказской губерний. Однако из выявленных материалов он не получил исчерпывающего ответа[80]. Первая группа, перешедшая на Северный Кавказ, как уже упоминалось выше, действительно была крещёной. Неразрешённость этого вопроса у исследователей породила дополнительную версию, пытавшуюся объяснить термин "крещёные калмыки" из созвучия русского слова "крестьянин" с его калмыцким произношением "кристен"[81].

На наш взгляд, и остальная часть калмыков при переходе в Притеречье прошла ритуал крещения. Во-первых, это был для них единственный канал, дававший юридическое право выхода из состава улуса; во-вторых, миссионеры православной церкви не могли упустить подходящий момент "распространения евангельского учения между людьми неозарённых светом", в данном случае, среди калмыков, стремившихся к отделению от своего улуса; в-третьих, правительству и местной казачьей администрации при зачислении их в казаки было удобней иметь дело с крещёными; в-четвертых, через православие облегчалось решение главной задачи царизма – превращения кочевников в оседлое население. Изложенные аргументы, исходившие из существа официальной политики в отношении перевода калмыков в казачество, равно как и других инородцев, дают нам основание судить, что термин "крещёные" возник в процессе действительного акта принятия калмыками православной веры.

Вначале все калмыки, кочевавшие на Тереке, были отданы под управление военного чиновника помещика И.Д. Савельева. Приняв их под свою опеку и преследуя узкокорыстные цели, он стремился превратить скитальцев в личных крепостных крестьян (откуда и произошло название "митричен кристен"). Новые, непривычные природно-климатические условия на землях Савельева вызывали массовую заболеваемость и большую смертность. С согласия правительства местные власти вынуждены были искать другой выход. Они обратились к помещику Всеволожскому с просьбой принять часть калмыков на свои земли, располагавшиеся к югу от Кизляра, по побережью Каспийского моря. Видя в этом явную для себя выгоду, новый крепостник охотно удовлетворил просьбу властей. Как свидетельствует анонимная рукопись, они "...не нашли себе покоя у помещика, подались на север Кумы"[82]. Некоторая часть калмыков использовалась в имении помещика Реброва в слободе Бергон-Можары. Ушедшие в верховья Кумы

калмыки в 1780 г. в числе 200 семей были зачислены в состав Моздокского казачьего полка. Никакой оплаты из казны они не получали, а каждый должен был служить за счёт своих средств.

Калмыки привлекались главным образом на охрану Можарского и Гайдукского соляных озёр. Ежемесячно от них отправлялись 25 человек в распоряжение смотрителя Можарского озера, который распределял их по постам. Кроме этого каждой весной направляли по 40 человек в Наурскую станицу на заготовку сена для полковых лошадей. Остальные вместе с казаками назначались для доставки казённых пакетов[83].

Позднее численность терских калмыков увеличивалась за счёт притока новых семей. К концу XVIII в. они были разделены на три улуса. Два из них, кочевавшие на станичных землях, назывались хуторскими. Они делились на Верхний улус, расположенный ближе к Моздоку, и Нижний – у Кизляра. Третий улус состоял из кумских калмыков, поселившихся между реками Кума и Гайдук вплоть до Каспийского моря. В трёх улусах насчитывалось 895 кибиток с общим числом в 4392 души обоего пола, причём на долю хуторских приходилось 514 кибиток, а кумских – 375[84].

Таким образом, к концу XVIIIв. сложилось ещё одно калмыцкое поселение калмыков исполнявших казачью службу на Терской укреплённой линии.

Материалы Центрального государственного военно-исторического архива России позволили восстановить историю ещё одной группы калмыков на казачьей службе, ранее неведомых исторической литературе. Насколько позволяют выявленные документы данного архива, мы попытаемся осветить новую страницу истории калмыцкого народа.

В 70-х годах XVIII в. возникла необходимость создать в Приднепровье так называемую Новую Днепровскую линию. Здесь проходила основная дорога, соединяющая Дмитриевский уезд с Бахмутской провинцией и дальше до Кубани, по безлюдным степям на протяжении нескольких сот вёрст. Усилия азовского губернатора Черткова заселить указанные места поселенцами оставались безрезультатными. В 1777 году Чертков писал Потёмкину: "...По недостатку леса, а паче достаточно воды никого к переходу и к заведению укреплённых селений по многим стараниям до сего преклонить не могут всегда содержать"[85]. В этой связи был вновь поднят вопрос о привлечении на линию калмыков расформированного Дмитриевского полка. После решения правительства о передаче их в ведение войска Донского они самовольно ушли к крещёным калмыкам, кочевавшим на территории Азовской губернии по рекам Берде и Каратыше. Последних насчитывалось 15 кибиток и 54 человека обоего пола[86]. Неожиданное появление добровольцев для поселения на Новой Днепровской линии было очень кстати. К тому же калмыки дали обязательство содержать форпост у местечка Токмак-Могилы, в каком числе людей приказано будет, не требуя от казны никакого жалованья[87]. В июле 1778 г. Чертков сообщал Потёмкину: "...3 минувшего марта ...их калмыцкий мурза и есаул да пять человек лутчих калмык ...просили неотступно, чтоб им весьма неотменно перейтить туда (на новую Днепровскую линию – К.Ш.) позволить, по елику Донское войско переходить никакого желания не имеют, вследствии чего уважая то их прошение и желание... и предписал об отпуске всех туда... которые, при речке Балгино расположились..."[88].

Потребность в этих калмыках была и в войске Донском, тем более, что находясь на постоянной службе в Дмитриевском полку, они представляли из себя обученных казаков. Поэтому донской атаман Иловайский настаивал на исполнении ранее принятого Потёмкиным решения и требовал возвратить их на Дон[89].

В ответ на просьбу Черткова и Иловайского 30 марта 1778 г. поступило указание Потёмкина составить 2 списка этим калмыкам: в первый включить всех желающих перейти "на новую Днепровскую линию и о совместном жительстве с кочующими калмыками по рекам Берде и Каратышу", в другой – желающих служить в войске Донском. Из списков видно, что всего насчитывалось 195 кибиток с количеством 855 человек обоего пола. На Новую Днепровскую линию пожелала перейти 161 семья, насчитывавшая 708 человек (мужчин – 378, женщин – 330), в том числе 73 служилых, а в войско Донское – 34 семьи (147 человек, из них 9 служилых)[90].

Калмыки создали форпост у местечка Токмак-Могилы, "весьма в небезнужном и совсем необитаемом месте". За службу на новом месте калмыки от казны жалованья не получали[91]. К переселённым причислили 15 калмыцких кибиток (54 души обоего пола), ранее кочевавших в этих местах[92].

Царское правительство в отношении калмыков проводило завуалированную политику ассимиляции. В этих целях оно умело использовало междоусобную борьбу калмыцких феодалов, само по себе вносившую раскол в целостность ханства. Оно изыскивало такие удобные каналы для разобщения народа, как христианизация калмыков и перевод их в состав казачества. Последнее служило средством превращения кочевников в военное сословие, а в конечном итоге – в оседлое население империи.

На протяжении последней трети XVII-XVIII вв. возникло девять казачьих поселений калмыков в различных регионах страны: в войске Донском, на Северном Кавказе, на Левобережной Украине, на Средней Волге, на Яике и в Оренбуржье. В литературе упоминается ещё одна, десятая группа калмыков, служивших в числе 180 человек в Павловском кампанейском казачьем полку, но история возникновения этого поселения из-за отсутствия архивных и других сведений для нас остаётся до сих пор загадкой. По

самым приблизительным подсчётам в десяти казачьих поселениях проживало от 25 до 30 тысяч человек обоего пола (12% всего калмыцкого народа).

Создание калмыцких казачьих поселений явилось средством практического осуществления политики царизма по включению части калмыцкого населения в состав русскоязычных регионов империи, а с другой стороны, ускорило процесс постепенного врастания улусно-родовой военной организации калмыков в систему вооружённых сил России. Правительство довольно гибко и продуманно подходило к вопросу политического и военно-административного устройства калмыков-казаков: оно старалось найти формы, сочетающие в себе казачье устройство и элементы калмыцких государственных институтов.

Часть 2. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЛМЫКОВ-КАЗАКОВ

Глава 1. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КАЛМЫЦКОМ КОЧЕВЬЕ НА ДОНУ. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ

Реорганизации жизни донских калмыков в последней трети XVIII в. и вопросы демографии

К середине XVIII в. у донских калмыков сложилось собственное внутреннее устройство, которое было признано и администрацией войска Донского. По этому поводу донской историк И.И. Попов писал: "Донские калмыки, перейдя в ведение Войска, сохраняли сначала свою исконную, принесённую из азиатских степей администрацию, находясь в первой инстанции под ведением их родовых князей..."[1] Из войсковых и правительственных документов за 1753 г. видно, что центральные и местные власти делили своих подопечных на три улуса (Верхний, Средний и Нижний) и сотни. В основе образовавшейся структуры лежала родо-племенная принадлежность калмыцких групп. Каждое подразделение возглавлялось владельцем или зайсангом (русские казаки называли их князьями). В официальных документах войсковой администрации улусного предводителя именовали атаманом (т.е. улус был приравнен к станичному звену), а сотенного – сотником. Так, в деле Военной коллегии за 1745 год, связанном с разбором жалобы калмыцких предводителей Верхнего улуса на войскового атамана Данилу Ефремова, улусные и сотенные предводители в своих объяснениях подписывались: если глава улуса, то атаман, если сотни – сотник. Например, под объяснительной запиской от Нижнего улуса стояла подпись: "о сём доносит Нижнего улуса атаман Бату Менко". Предводитель Верхнего улуса в своём объяснении бригадиру Вырубову писал: "Я, Мамбет, бывшим войсковым атаманом Андреем Ивановичем Лопатиным (он занимал этот

пост в 1723-1735 гг.) учреждён был над Верхним улусом атаманом..."[2]. Следовательно, система атаманского правления у юртовых калмыков на Дону была введена в конце 20-х—начале 30-х годов XVIII в. Казачьи атаманы и старшины проводили в отношении калмыков гибкую политику, избегая открытого вмешательства в их внутреннюю жизнь. Обычно войсковое начальство передавало свои распоряжения, наряды на службу, судебные и другие вопросы через специальных войсковых толмачей, а предводители улусов и сотен, в свою очередь, самостоятельно осуществляли исполнение указаний казачьего руководства. Таким образом, внутренняя жизнь калмыков развивалась фактически независимо от административной системы казаков[3].

К последней трети XVIII в. изменилось международное положение России на юге. С присоединением к России Азова и Крыма донское казачество оказалось вне всякой опасности извне. С этого времени донская администрация могла больше внимания уделять своему внутреннему устройству. Вместе с этим отпала необходимость содержать калмыков как заградительную силу на пограничных землях войска с Крымским ханством. С другой стороны, в низовьях Дона происходил численный рост калмыков за счёт притока других партий. Возникла территориальная теснота для кочевников. Все эти обстоятельства привели к тому, что с 1786 г. калмыцкие сотни стали кочевать по всей территории войска Донского[4]. Большие организационные мероприятия в последней трети XVIII в. среди калмыков были связаны с приходом из Большедербетовского улуса.

После смерти владельца Ценден-Дорджи в 1785 г., буквально через год, дербетовские улусы были причислены к казённому ведомству и, разделённые на четыре группы, попали под надзор русских приставов Кавказской и Саратовской губерний. Естественно, такой шаг самодержавного правительства, ликвидировавший неограниченную власть калмыцкой верхушки над улусными людьми, вызвал у неё недовольство. Часть дербетовского населения, получившая самоназвание большедербетов, во главе с владельцем Екремом Хапчуковым в 1788 г. самовольно покинула волжские степи и двинулась на земли войска Донского.

Прибывшие на Дон калмыки понимали, что своё поселение на новых местах необходимо юридически закрепить волей царского правительства. С этой целью в 1794 г. владельцы улуса отправили в Петербург депутатов, которые, по их мнению, должны были получить положительный ответ на своё прошение. Однако в Петербурге не одобрили самовольство своих подданных и не удовлетворили их просьбу. Позиция царского правительства в этом вопросе вполне понятна: оно усматривало в поступке калмыков неповиновение царской воле.

В 1795 г. большедербетовцы вынуждены были оставить пределы войска Донского и двинулись на левобережье Волги, в направлении к казахским кочевьям[5]. Но и здесь они, встретив враждебное отношение казахов Букеевского жуза, не обрели спокойной жизни. Правительство не могло оставаться безучастным к судьбе своих странствующих подданных. Со стороны Государственного совета и местных властей были предприняты меры по урегулированию отношений между казахами и прикочевавшими калмыками, однако они были безуспешными. Борьба за кочевья между ними не угасала[6].

В 1798 г. от большедербетовских калмыков вновь были отправлены послы в столицу с повторной просьбой разрешить им войти в состав донского казачества. На сей раз Сенат с согласия Павла 1 вынужден был удовлетворить просьбу, т.к. правительственные круги опасались возможного их бегства в пределы Китая вслед за ушедшими в 1771 г. сородичами.

30 августа 1798 г. на имя войскового атамана Иловайского был направлен высочайший рескрипт. В нём говорилось: "По присланным от вас прошениям дербетовской орды от владельца Ефрема и зайсангов, снисходя на оное, повелено вам причислить оных для отправления служб к войску Донскому, о чём дано знать астраханскому губернатору, вам же поручаю исполнение повеления, данного им о наряде и отправлении 495 калмык для содержания кардоны..."[7].

16 февраля 1799 г. вышел указ Сената об отмене прежнего сыскного начальства от войска Донского и об учреждении специального правления в составе трёх лиц: генерал-майора, штабофицера и владельца улуса. Правление было подчинено войсковой канцелярии. Оно начало свою деятельность с организации покибиточной переписи калмыцкого населения по установленным образцам войсковой канцелярии, деля всё мужское население на три категории: подростков, служилых, отставных. Затем необходимо было в кратчайшие сроки провести ряд мероприятий, как-то: укомплектовать местное руководство из калмыцких зайсангов в намечаемых административных подразделениях; организовать обучение калмыков военному делу и привлечь их к казачьей службе; в каждой сотне установить наблюдение за порядком, для чего к калмыцкому правлению прикомандировывалось несколько оберофицеров и сотня рядовых казаков. Кроме того два представителя войскового правления были постоянно закреплены в качестве официальных наблюдателей за поведением калмыков и их владельцев[8].

Во вновь образованных подразделениях предусматривалось сочетание традиционного национального самоуправления с казачьей системой.

После окончания переписи калмыки были разделены на пять частей. Одна из них в количестве 57 кибиток с общим числом в 145 человек отводилась владельцу Екрему Хапчукову, остальные четыре по старым калмыцким традициям были разделены на правую и левую руки.

В итоге устройство калмыков приобрело следующую структуру.

Название крупных подразделений	Хурулы	Кол-во сотен при хурулах	Кол-во кибиток в сотнях	Количество людей м.п. в сотнях					
				Всего	Из них				
					годн. к службе	духовенство	малолетки	негодные к службе	отставные
Подвластные владельца Хапчукова	–	–	57	145	37	13	68	1	26
"Правая рука"	Ламан	6	955	2475	556	410	1115	27	367
	Эки	7	1127	3008	604	478	1456	39	431
"Левая рука"	Дунду	3	842	1891	380	341	866	24	280
	Бага	4	743	2006	439	374	918	23	252
Всего:	4	20	3764	9525	2016	1616	4423	114	1356[9]

По мере проведения мероприятий по устройству калмыков стала всё явственней проглядываться сущность политики, проводимой казачьими властями по указаниям центра. Царизм стремился любыми средствами максимально ограничить былые вольности кочевников и подчинить их общеимперским законам и порядкам. Правящая верхушка дербетовских калмыков всё более убеждалась в том, что она теряет самостоятельность, лишается прямой власти над зависимыми от них рядовыми калмыками. Владельцы и зайсанги стали постоянно сталкиваться с грубым обращением войсковых чиновников, доходившим до прямого оскорбления их достоинства.

Всё это привело к новой откочёвке калмыцких улусов в пределы Астраханской губернии. Позднее, обосновывая свой уход с Донской земли в Приволжские степи, владельцы и зайсанги писали астраханскому губернатору Кнорингу, "...что они живя наперёд спокойно, видят ныне на Дону под собою никогда невиданное и

неслыханное и никаким великодушием перенести немогущее бедствие, и потому просят принять под защиту и покровительство"[10]. Инициаторами ухода выступили представители духовенства, и с 10 мая 1800 г. первые партии калмыков стали покидать пределы войска Донского.

Руководство войска приложило немало усилий по задержанию большедербетовцев. В конце концов на переговоры с калмыцкими владельцами и хурульной верхушкой выехал сам войсковой атаман Орлов, но и эта попытка не принесла положительных результатов. Войсковое правление вынуждено было доложить царскому двору о случившемся. По этому поводу в циркуляре Сената говорилось: "А что войско Донское лишится тех калмыков, то и ништо им; зачем не умели держать на своей земле"[11].

В.Б. Броневский по этому поводу с сожалением писал, что донская администрация "лишилась 9457 добрых конников, храбростью отличных, к службе всегда готовых и ревностных и так необходимых для хозяев пастухов и коновалов, войску весьма полезных"[12].

16 августа 1800 г. в Петербурге депутатам большедербетовских калмыков вручили императорский указ. Отныне им предоставлялся ряд новых привилегий, разрешалось избрать себе нового начальника и состоять в прямой зависимости от государя. Былая зависимость от донской администрации аннулировалась. Большедербетовцы могли свои просьбы адресовать Коллегии иностранных дел, а земельные вопросы решать через генерал-прокурора[13].

Что касается базовых калмыков, стародавних жителей Дона, то они оставались на своих местах.

До XIX в. трудно определить абсолютное число калмыков Донского поселения. Первая официальная перепись была проведена в 1799 г. в связи с мероприятиями по устройству прибывших на Дон большедербетовских калмыков. Но эта перепись была, во-первых, далеко не точной, во-вторых, базовые или юртовые были показаны в общем числе всех калмыков.

В 1800 г. было зарегистрировано 2262 человека мужского пола базовых калмыков, начиная с 17-летнего возраста[14]. Известно, что на данный период было принято считать состав калмыцкой семьи из 2,5 человек обоего пола. Если исходить из 2100 взрослых мужчин и брать за исходное число такое же число семей, то всё калмыцкое население на Дону в начале XIX в. составляло более 5 тысяч.

Калмыцкое население выросло к 1803 г. за счёт переселения и причисления к войску Донскому беляевских[15] и чугуевских калмыков. На 1819 г. сотня беляевских калмыков насчитывала 175, а чугуевские – 438 кибиток[16].

Значительный рост населения донских калмыков происходит в 1818 году. В июне этого года майор Ю. Тапилин, исполнявший

обязанности пристава над калмыками, докладывал Иловайскому 5-му о том, что до трёх тысяч кибиток дербетовских калмыков нелегально перешли границы и кочуют по землям войска Донского, на территории Калмыцкого кочевья[17]. Правда, дальнейшая судьба этих переселенцев неясна, но не исключено, что они были приписаны к юртовым калмыкам. Дело в том, что, с одной стороны, на протяжении девятнадцати лет (с 1800 по 1819 г.) численность калмыцкого населения на Дону не могла увеличиться в два с лишним раза за счёт естественного прироста, а с другой, даже беглый подсчёт калмыков в войске с учётом прикочевавшей группы даёт цифру, приближённую к официальным данным войсковой администрации. Они были следующими. По данным Калмыцкого правления на 1819 г. числилось 3907 калмыцких семей (кибиток) и общее количество населения составляло 13326 душ обоего пола, из которых мужская половина насчитывала 6589 человек. Наиболее многочисленными были 2-я и 4-я сотни Верхнего, 2-я и 3-я сотни Нижнего улусов, на долю которых приходилось 4445 человек, а самой малочисленной являлась 5-я Беляевская сотня (672 чел.)[18]. К 1822 г. численность калмыков возросла по данным Номикосова до 13622 человек, в том числе мужского пола – 6772 души[19]. Интересно отметить, что средний показатель состава калмыцкой семьи возрос до 3,4 человека.

Правильный статистический учёт населения войска Донского, в том числе и калмыцкого, наладился к середине 30-х годов в связи с вводом в действие нового положения о войске Донском. С 1840 года появляется возможность пронаблюдать состояние населения Калмыцкого кочевья ежегодно, а с 1860 г.[20] можно уже оперировать подробными сведениями о погодовом движении населения.

Динамику роста калмыцкого населения в период за 1834-1871 годы по пятилетиям характеризуют следующие данные:[21]

Годы	Число людей	Мужчин	Женщин
1834	16505	7840	8665
1840	19415	–	–
1850	20317	–	–
1855	20529	–	–
1860	21204	10457	10747
1865	21935	10872	11083
1869	24521	12232	12289[22]
1871	26136	13039	13097

Надо заметить, что до 1820 года численность калмыцкого населения росла за счёт притока в основном из Астраханской, а также Оренбургской и некоторых других губерний. В последующие годы, в результате тщательного учёта, удалось выявить дополнительные группы калмыков на всей территории войска Донского, которые проживали среди станичных юртов других округов, работали табунщиками и пастухами у конезаводчиков и донских помещиков, а также занимались рыболовством в низовых станицах.

Движение внутри калмыцкого населения в рассматриваемый период отличалось тем, что несмотря на низкую рождаемость по сравнению с русским казачьим населением, число людей увеличивалось благодаря низкой смертности. Например, за 1860 год родился в калмыцких кочевьях 611 человек, а умерло 403[23], и естественный прирост составил 208 человек. По данным 1871 г. калмыцкая семья в среднем увеличилась до 4,57 человек. За 10 лет, т.е. к 1882 г. калмыцкое население выросло на 2,5 тыс., что составляло 2 процента от всего населения Дона[24].

По первой Всероссийской переписи населения 1897 г. на Дону калмыков насчитывалось 31992 человека, в т.ч. мужчин 16568. Переход донских калмыков на сплошную оседлость сопровождался образованием крупных населённых пунктов. К моменту переписи на территории Сальского округа возникло 25 станиц и хуторов с населением в 500 и более жителей. В них было сконцентрировано 17231 человек калмыцкой национальности, в том числе по шести станицам – 6014. Многолюдными были и хутора, некоторые из них насчитывали даже более тысячи жителей[25].

Калмыцкое население рассредоточено было и по другим округам Области войска Донского. За пределами Сальского округа проживало 4030 калмыков, из которых 2063 человека были сосредоточены во 2-м Донском, 1097 – в 1-м Донском, 357 – в Донецком округе[26].

Преобразования общественно-политической жизни донских калмыков в первой половине XIX в.

К началу XIX в. прежнее положение донского казачества всё ещё не соответствовало государственному устройству России. Необходимо было структуру войска Донского унифицировать в соответствии с "общими государственными правилами". К 1804 году правительство вплотную занялось коренными преобразованиями по организации власти и управления на Дону, однако они были прерваны в связи с осложнением международного положения России и особенно Отечественной войной 1812 г. После окончания войны вплоть до 1819 г. последовал ряд частичных изменений в системе управления Доном, но это не являлось ещё коренным переустройством войска Донского[27]. Что же касается калмыков, то проводимые в войске преобразования внесли глубокие перемены в

их жизнь. С одной стороны, расселение калмыцких улусов по всей территории войска Донского, как отмечалось выше, в условиях интенсивно развивавшегося земледелия на Дону ни в коей мере не могло совпадать с интересами русских казаков и крестьян. В адрес войсковой администрации стали поступать жалобы от казачьих станиц и крестьянских хозяйств на потраву калмыцким скотом хлебных и сенокосных угодий, а также о случаях воровства калмыками личного и станичного скота. С другой, проводя реорганизацию в калмыцких кочевьях в рамках общевойсковых мероприятий, самодержавие преследовало цель сконцентрировать калмыков в одном месте и максимально приблизить их к условиям жизни оседлого русского населения.

По существу первые попытки разрушения прежнего устройства и введения общеказачьих порядков для калмыков начались в 1799-1801 годах. В 1801 г. была создана специальная комиссия, которая вошла с предложением к войсковому атаману Платову об отводе для калмыков левобережья Дона (Задонской стороны), а именно: весной они должны были кочевать по рекам Кагальнику и Салу, летом – по рекам Большой и Малой Куберлам и Гашуну, осенью – в окрестностях Манычских соляных озёр, зимой – по реке Манычу[28].

В 1803 г. последовало распоряжение Платова, в соответствии с которым началось расселение калмыцких улусов в указанных местах[29]. Однако начатое мероприятие было прервано. С одной стороны, калмыцкие приставы пустили его реализацию на самотёк, а с другой – калмыки понимали, что отведённые земли по своим почвенно-климатическим условиям значительно уступали прежде занимаемым ими территориям. Поэтому многие группы самовольно покинули отведённые им места и отправились на поиски лучших пастбищ ближе к Дону и водным источникам.

В марте 1806 г. войсковая администрация вновь разработала более строгое повеление, исполнение которого было поручено калмыцкому приставу Кутейникову[30]. Теперь все улусы и каждая сотня получили конкретные территориальные участки с определением строгих границ. В частности, Верхний улус получил земли по левой стороне р. Сал, выше слободы Несмеяновой, по речке Малой Куберле и далее по рекам Большому и Малому Гашунам. Вместе с этим нельзя было затрагивать и стеснять казачьи хутора и помещичьи слободы, уже размещённые на указанной территории. Средний и часть Нижнего улусов расположились по реке Манычу, начиная с местечка Мечеть вверх и по притокам Маныча до устья Большого Егорлыка. Остальной части Нижнего улуса и Беляевской сотне достались земли по рекам Кагальнику, Ельбузде и Ейку, также исключая наделы казачьих и помещичьих хуторов[31]. Сложившаяся географическая ситуация подтверждается картой 1835

года под названием "Кочевья калмыков, состоящих в войске Донском"[32].

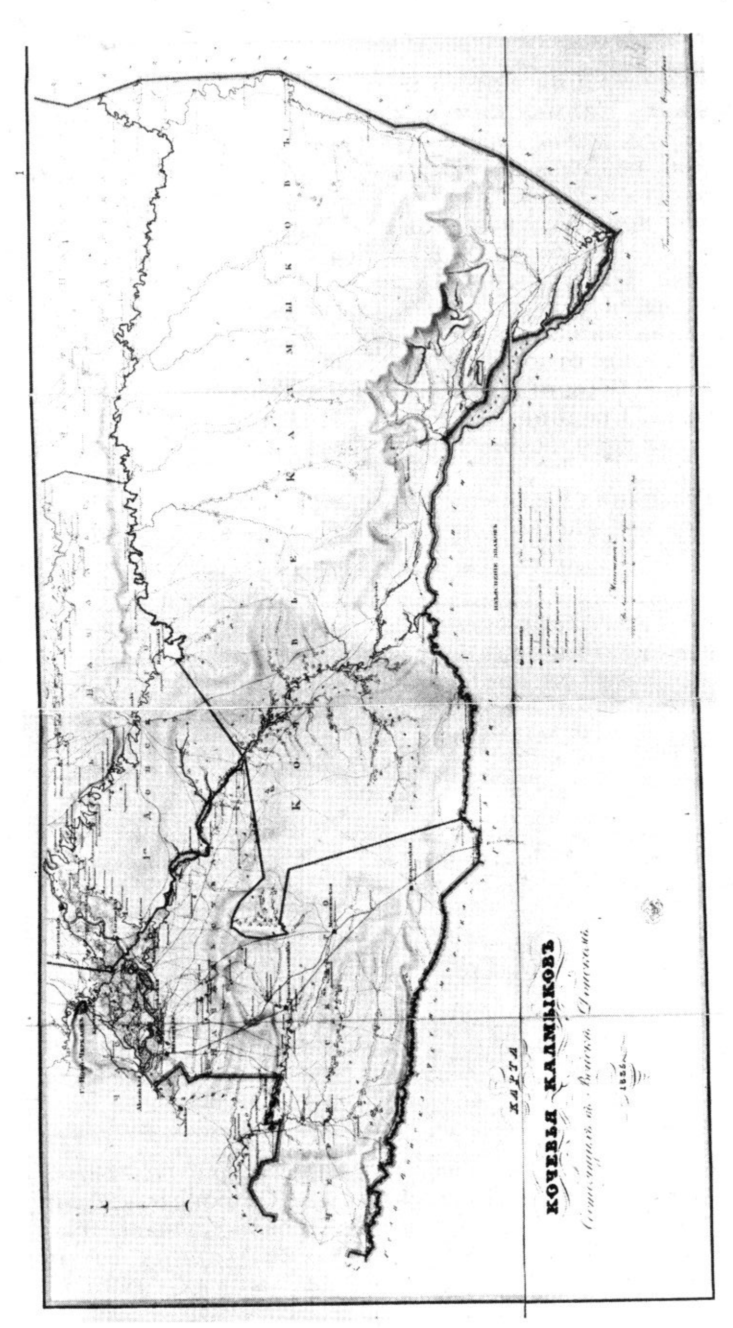
Донская администрация с этого времени указанную территорию стала называть Калмыцким кочевьем. Внимание пристава было обращено на то, чтобы строго проследить за распределением кочевьев для сотен, размеры которых не должны были превышать 20 вёрст, определить и указать точные их границы и запретить калмыкам той или другой сотни выходить за пределы своих сотенных территорий,. Также были определены строгие границы для хотонных кочевий. Ответственность за нарушение этих правил возлагалась на сотников и хотонных приказных[33]. Кроме того была введена коллективная ответственность в рамках хотона.

В административном отношении донские калмыки были разделены на три улуса – Верхний, Средний и Нижний. Верхний улус состоял из четырёх, Средний – из пяти, Нижний – из четырёх сотен. Каждая сотня делилась на хотоны, состоявшие из 25 и более кибиток[34].

В результате создания Калмыцкого кочевья на Задонской степи административное устройство донских калмыков выглядело следующим образом[35].

Название улусов №№ сотен	Верхний улус	Средний улус	Нижний улус
1.	Харьковская (Цевднякин)	Верхне-Таранниковская	Эркетинская
2.	Бемдякинская (Ики-Чонос – Большие волки	Чоносовская (Бага-Чонос – Малые волки	Бултуковская (Богшракинская)
3.	Намровская (Ики-Бурул)	Нижне-Таранниковская	Бурульская (Бага-Бурул)
4.	Рынцановская (Зюнгар)	Балдырская (Потаповская)	Багутовская
5.		Беляевская	

Из названий сотен в составе улусов на 1806 г. вырисовываются компоненты, из которых складывались бузавы. О происхождении этого самоназвания существуют две версии. Первая связывается с рекой Бузулук, по которой кочевала часть калмыцких сотен; вторая увязывается с процессом перехода калмыцких групп на

Карта № 4

оседлость, т.е. обзаведением калмыков базами – стационарными постройками для скота. По нашему же мнению, это название связано с получением статуса казачества в 1801-1806 гг. всеми донскими калмыками. Акт перехода в казачье сословие сами калмыки образно назвали словами "бу заав" ("вручили ружьё"). И в этом самоназвании заключена главная обязанность казаков – исполнение постоянной военной службы.

В основе формирования калмыцких улусов и сотен лежал принцип этнического происхождения и время появления их в составе казачества. Верхний улус был скомплектован из четырёх аймаков (сотен), две из которых были зюнгарскими (Харьковская–Цевднякинская, Рынцановская), две – дербетовскими (Бемдякинская – Ики-Чонос и Намровская – Ики-Бурул). На наш взгляд, калмыки Рынцановской и Харьковской сотен являлись частью потомков джунгарских улусов Цаган-Батора и Даши-Батора. Эти улусы прикочевали в пределы Калмыцкого ханства в 80-90-е годы XVII в, часть из которых почти сразу отсюда ушла на Дон[36].

Для подтверждения наших предположений приведём выписку из очерка И.И. Попова "Донские калмыки-казаки": "Ещё в 90-х годах прошлого столетия были живы совершенно обедневшие и утратившие значение в глазах донской администрации потомки князей донских калмыков. Тем не менее, сами калмыки признавали их за истинных князей и оказывали им должное почтение. Представителями донской княжеской линии, по сообщенным нам очень многими лицами сведениям, были: 1) Родоначальник Батур-Тайджи. 2) Его сын Санджи-Джаб. 3) Его внук Санджи-Арши. 4) Его правнук Цэ-бэдин. По его имени 1-я сотня Верхнего улуса называлась Цэ-бэдинекинской. 5) Его праправнук Джимбэ-Шараб; о личности этого князя существуют записанные нами сказания и песня. – У Джимбэ-Шараб было 3 сына: 1. Букани... 2. Намджил... 3. Ганджанг, у которого был лично известный нам сын Эрэнджэн (правильнее, Ринчэн), проживавший в 1-й сотне Верхнего улуса"[37].

Из приведённой генеалогии зюнгарского рода на Дону мы приходим к выводу, что эти две сотни происходили из одной зюнгарской группы, впоследствии разделившейся на две и принявших названия по именам своих предводителей, в частности Цэбдина и Эрэнджэна (Ринчэна). Из других источников видно, что зюнгарцы появились на Дону во главе с Батуром-Тайджи в начале XVIII в. вместе с одноплеменными улусами Баахана-Тайджи, Даши-Батыря и Чурюма-Батыря[38]. Бемдякинская сотня, как видно из сведений калмыка-казака Шарапа Габунова, участника Отечественной войны 1812 г., сообщённых донскому историку Ф. Троилину, кочевала на Дону уже в начале XVIII века. Образовалась она из

этнической группы Ики-Чонос (Большие волки)[39] и являлась частью Дербетовского улуса Ильбека-Батыра, прибывшего в войско Донское между 1675 и 1682 годами. Намровская сотня, образовавшаяся из Икибурульской этнической группы дербетовского улуса, также пребывала на Дону в составе войска Донского с конца 80-х годов XVIII в. Эта сотня осталась на Дону от основной массы калмыков Большого Дербета во время их прикочёвки сюда в 1788 г.[40].

Средний улус на раннем этапе в своём составе имел пять аймаков (сотен). Кроме Чоносовской, эти сотни не имели тесных контактов с остальной массой донских калмыков. Верхне- и Нижне-Таранниковские сотни до 1839 г. кочевали соответственно в верховьях и низовьях реки Кагальник и занимались сушением тарани на рыбоспектных заводах[41]. Поэтому они были причислены к Калмыцкому кочевью номинально. Беляевская и Балдырская или Потаповская (чугуевские калмыки) сотни, как упоминалось выше, были причислены к войску Донскому в 1803 г. Чоносовская (Бичкин-Чонос) сотня как самостоятельная образовалась в результате деления Бемдякинской.

Нижний улус состоял из четырёх аймаков (сотен), три из которых (Эркетинская, Бултуковская (Бохшракинская) и Багутовская относились к торгутовской этнической группе[42]. По всей видимости, население этих сотен являлось потомками первоначальных выходцев на Дон из улусов ханов Аюки и Дондук-Омбо. Бурульская сотня (Бага-Бурул) являлась отпочковавшейся группой Бурульского отока дербетовского этноса. Время прибытия её на Дон можно совместить с Намровской сотней.

По новому административному устройству каждой сотней руководил сотник и два пятидесятника, хотон возглавлял хотонный приказной. Надо заметить, что администрация по управлению улусами не была предусмотрена и они находились в непосредственном ведении пристава Калмыцкого правления. Эта особенность в новом устройстве донских калмыков была связана, на наш взгляд, с задачей приведения управления калмыцкими кочевьями к единой военно-административной системе войска Донского, а через это "в единообразие с прочими обывателями" Российской империи[43].

Сотники, пятидесятники и хотонные приказные избирались из служилых или отставных зажиточных калмыков на собрании населения сотен и хотонов. Они были наделены гражданскими, военными и полицейскими полномочиями. Калмыцкое руководство в сотнях и хотонах должно было заниматься конкретной реализацией указаний вышестоящих инстанций, подготовкой калмыков-казаков на службу и направлением скомплектованных партий к местам сборов донских полков, налаживанием в вверенных им

сотнях и хотонах надлежащего общественного порядка, разбором гражданских дел подвластных калмыков[44].

Решение всех гражданских судебных дел было возложено в каждой сотне на двух выборных судей из среды зажиточных калмыков, которые руководствовались национальными обычаями и традициями, а также голосом совести[45].

К концу второго десятилетия XIX в. в структуре административного деления Калмыцкого кочевья произошло существенное изменение. Для наглядности административное устройство представим в виде таблицы[46].

Наименование улусов	№№ сотни	Число кибиток	Духовенство			Численность населения		Всего
			гелюнг	гецюл	манж	м.п.	ж.п.	
Верхний	1	310	16	3	–	497	500	997
	2	370	25	–	2	587	591	1178
	3	312	14	–	1	518	540	1058
	4	182	8	1	1	310	374	684
Средний	1	321	30	1	4	697	710	1407
	2	350	25	1	2	691	763	1454
Нижний	1	148	12	–	1	263	299	562
	2	360	26	2	1	802	785	1587
	3	290	19	–	1	688	665	1359
	4	193	15	–	1	340	345	685
	Беляевская	175	2	1	1	327	345	672
	В-Таранник	260	10	–	1	497	460	957
	Н-Таранник	168	5	2	5	372	360	732
Итого:	13	3439	226	9	18	6589	6737	13326

Что касается последних трёх сотен, то они к Калмыцкому кочевью были причислены номинально. Фактически Беляевская, Верхне-Таранниковская и Нижне-Таранниковская сотни вели самостоятельную жизнь, не касаясь других калмыков.

К реализации политики по отношению к войску Донскому, начатой ещё в начале XIX в., самодержавие вернулось в 1819 году. 29 мая был издан Манифест об учреждении временной комиссии для подготовки нового Положения о войске Донском. Этим актом царизм преследовал далеко идущие цели. Они были связаны с

дальнейшей ликвидацией остатков политической самостоятельности донского казачества, одновременным ограничением олигархического правления войсковой старшины, пресечением захватов ею войсковых и юртовых земель и т.д.[47].

В орбите этой же политики царизма оказались и донские калмыки. Для своевременного проведения предстоящих преобразований незамедлительно началось организационное укрепление Калмыцкого управления. Комитетом по устройству войска Донского от 20 августа 1819 г. было принято решение, что пристав и его помощники должны избираться согласно порядку выборов окружного военного начальства и подчиняться войсковому управлению. В связи с этим, было определено годовое жалованье приставу – 1200 (оклад служащего обер-офицера), двум помощникам – по 450, писарю – 200, двум писцам – по 100 руб. Кроме этого в штат управления были введены должности четырёх рассыльных с двумя помощниками при них из переведённых во внутреннюю службу казаков-калмыков. Вся сумма расходов Калмыцкого управления составляла 2820 руб[48].

Работа комитета продолжалась на протяжении 16 лет. Это объяснялось тем, что царизм в своей политике по отношению к казачеству не мог ещё выработать твёрдой линии. Ему необходимо было, с одной стороны, сохранить казачье войско, с другой он не решался, а вернее не хотел ущемлять классовые интересы казачьего дворянства. В такой неопределённости проводил свою работу комитет 1819 г.

Наконец, "Положение об управлении Донского войска", представленное комитетом, было утверждено Николаем 1 26 мая 1835 г.[49], а учредительное заседание Калмыцкого правления по обнародованию "Положения..." 1835 г. и реализации его среди донских калмыков состоялось 25 января 1836 г. На заседании от центральных властей присутствовали сенаторы – генерал-лейтенант Б.Я. Княжнин и тайный советник В.И. Болгарский. Войсковое правление было представлено недавно назначенным наказным атаманом Д.Е. Кутейниковым. На заседании присутствовали также уже назначенные судья Калмыцкого правления войсковой старшина Исаев, заседатель суда сотник Демьянов и избранный депутатом от калмыцкого населения казак Чурюм Бальзаров. Сенаторы открыли заседание чтением указа Сената от 9 августа 1835 г. о "Положении об управлении Донского войска". Учредительное заседание закончилось церемонией дачи клятвенного обещания судьёй, заседателем и депутатом Калмыцкого правления[50].

Часть третья "Положения..." 1835 г. определила новую структуру гражданского управления Донского войска, а глава десятая этой части была посвящена устройству Калмыцкого правления.

Для руководства Калмыцким кочевьем учреждалось особое правление с официальным названием "Калмыцкое правление".

Оно состояло из судьи (с годовым окладом 600 руб.), двух заседателей (по 400 руб.) и двух депутатов (по 100 руб.). Судьи и заседатели назначались наказным атаманом из состава войсковых русских чиновников, а депутаты – из калмыков, один из которых представлял сословие зайсангов, другой – духовенства. Кроме того в штате правления для канцелярских дел были предусмотрены должности секретаря (300 руб.), двух старших писцов (по 100 руб.), двух младших писцов (по 75 руб.) и одного переводчика с русского и калмыцкого языков (200 руб. в год). Кроме переводчика, на остальные должности назначались лица русского происхождения из войсковых чиновников. Жалованье всему составу правления было определено из войсковой суммы. Правление имело собственную печать. Оно должно было занимать срединное положение в Калмыцком кочевье, но как и прежде, размещалось в слободе Ильинке[51].

В то время, как управление Калмыцким кочевьем было приближено к общегубернскому, местное (сотенное) правление оставалось почти не тронутым. По-прежнему донские калмыки делились на три улуса, каждый из которых состоял из сотен, последние из хотонов, к тому же названия их не изменились. Сотня возглавлялась сотником с двумя его помощниками, которые пользовались правами станичных судей. Для ведения делопроизводства была предусмотрена штатная единица писца. Хотоном управлял приказной, подотчётный по всем вопросам сотнику. Местное руководство избиралось на сотенном и хотонном собрании мужской частью населения на три года[52].

"Положение" определило правовой статус Калмыцкого правления. По военной части оно было подведомственно начальнику Войскового дежурства, по гражданской – Войсковому правлению. Круг военной деятельности правления был весьма обширен: необходимо было наладить точный учёт годных к службе мужчин и систематически представлять их списки в Войсковое дежурство; контролировать правильность и очерёдность призыва казаков-калмыков на службу и рассматривать жалобы о нарушениях правил местным руководством; направлять их специальным представителям военной власти; постоянно изучать реальное состояние готовности калмыков к очередному призыву на службу, в случае необходимости принимать должные меры[53].

По гражданским вопросам "Положение" 1835 г. предусматривало частные дела рассматривать и принимать по ним решения на сотенном сборе, причём в исковых и тяжебных делах не должны были применяться общероссийские судебные формы, а при решении их основываться калмыцкими обычаями[54].

В целях повышения мобильности управления калмыцким населением кочевья были разделены на две части (дистанции),

каждая из которых находилась под присмотром заседателя правления.

С февраля 1836 г. началась реализация принятого Положения. Из рапорта заседателя первой дистанции сотника Демьянова видно, что были проведены выборы и укомплектованы сотенные и хотонные правления. Для примера воспроизведём полную картину по сотням первой дистанции. Каждая сотня избирала для участия в выборах членов правления своих выборщиков. Так, в 1-й сотне Среднего улуса были избраны выборщиками 33 человека, в 3-й сотне Нижнего улуса – 37 человек, в 5-й Беляевской – 29 человек и т.д. Нижеследующая таблица характеризует ход выборов и состав правления[55].

Кто избран	Число голосов	
	за	против
1	2	3
1-я сотня (Чонса амиг) Среднего улуса		
Сотником:		
служилый казак Цугла Джаванов	30	3
Помощниками:		
отставной казак Шарап Ундуков	28	5
отставной казак Шараманжи Данаров	20	13
Судьями:		
отставной казак Дензин Шантанов	29	4
служилый казак Цеден Мукинов	27	5
Членами суда:		
отставной казак Шине Манжи Ширвинов	22	11
отставной казак Менис Нагунов	20	13
Хотонными приказными:		
служилый казак Унко Тютбинов	20	13
служилый казак Дамбо Даржинов	19	14
3-я сотня (Багуда амиг) Нижнего улуса		
Сотником:		
служилый урядник Намро Саринов	37	–
Помощниками:		
служилый казак Мамо Дамбинов	37	–

1	2	3
отставной казак Нахошка Иногинов	28	9
Судьями:		
отставной казак Чубан Абушинов	36	1
отставной казак Зодбо Абузинов	33	4
Членами суда:		
отставной казак Шоуче Артабинов	28	9
отставной казак Ильяте Ноянов	26	11
Хотонными приказными:		
служилый казак Дарсадуми Аршинов	19	10
служилый казак Пётр Уланов	20	9

Таким же образом были укомплектованы другие сотенные и хотонные правления.

На выборах уполномоченным лицом был начальник дистанции, который являлся организатором выборов, составлял бюллетень итогов голосования и представлял его в Калмыцкое правление. Последнее, в свою очередь, направляло сводный бюллетень наказному атаману Области войска Донского, который по количеству голосов "за" утверждал сотников, их помощников и судей. Хотонных приказных утверждало Калмыцкое правление. Процедуры выборной кампании завершались ритуалом дачи клятвенного обещания. Срок полномочия правлений был установлен в 3 года[56].

Хозяйственная жизнь калмыков по новому "Положению" была направлена на дальнейшее приобщение их к оседлости, т.е. начатая русскими властями в начале века политика была теперь закреплена законодательным правительственным актом. В "Приложении к наказу гражданскому правлению Донского войска", в главе 4 "О хозяйстве калмыков" был определён круг хозяйственной деятельности, приближавший полукочевников к быту оседлого населения. В частности, калмыки должны были заниматься сенокошением и запасаться кормами для скота на зиму, в обязательном порядке приспосабливаться к хлебопашеству. Кроме того, всем, кто желал перейти к оседлости, предусматривалась выдача бесплатного леса для строительства домов.

На калмыков возлагались и земские повинности: они должны были сопровождать арестантов, перевозить командированных чиновников, нарочных казаков, служебные бумаги[57].

"Положение" 1835 г. узаконило общественное землепользование в форме казачьей общины – юрта. Главной повинностью калмыков за землю являлась полевая и внутренняя служба с личным

конём, в полном обмундировании и вооружении. Прежние границы Калмыцкого кочевья "Положение" оставило без изменений.

В разделе "О землях для кочевья калмыков", в 83-м параграфе были ещё раз уточнены границы: на севере они проходили по реке Сал на протяжении 120 вёрст, на востоке – по границам с Астраханской губернией на 150 вёрст, на юге – по Большому Лиману реки Маныч на 75 вёрст и на западе – по балке Голой-Тройной и речке Большая Куберла на протяжении 95 вёрст. Площадь калмыцких кочевий составляла 988012 десятин удобной земли. Параграф 84 декларировал, что "пространство сей земли должно служить постоянным для кочевья уделом[58]. Но в дальнейшем разрешалось частным конезаводчикам устраивать зимовники по левому берегу Сала и Егорлыка и обоим берегам Маныча, что приводило к частым неурядицам между калмыками и конезаводчиками.

Эти споры были решены правительственным положением 1846 г. в пользу последних. В результате калмыцкие кочевья значительно были сокращены, т.е. вся южная часть Задонской степи была отведена для частных конзаводов, а северная, малопригодная для земледелия и сенокошения часть – калмыцким сотням.

Несмотря на заметное сокращение калмыцких кочевий, войсковое правление признало возможным создать ещё так называемую "Запасную калмыцкую степь", разделённую на три отделения общей площадью более 68 тыс. десятин. Эта часть земли подлежала продаже в откупное содержание на определённый срок офицерским чинам и купцам, а вырученная сумма денег предназначалась для нужд Калмыцкого правления. На приобретённых участках временные владельцы имели право пользоваться пастбищами, водопоями для скота, заниматься сенокошением и хлебопашеством.

Для удобства торговли отделения были разбиты на более мелкие участки, причём отделение № 1 – на шесть, № 2 – осталось без дробления, № 3 – на восемь участков. Покупатели могли приобретать эти участки сроком на 3 года или на 10 лет. Цены участков составляли от 3,5 до 8 коп. серебром за десятину[59]. С января 1853 г. по 1 сентября 1856 г. "Запасная калмыцкая степь" была продана полковнику Денисову в размере 10 тысяч десятин, остальная часть – генерал-лейтенанту Иловайскому, полковнику Улиткину, сотникам Дёмину и Саблину, а с 1858 г. откупная земля была продана сроком на 10 лет тому же Улиткину, подполковнику Двухжонову, есаулу Савельеву и купцу Добродееву, которые во время торга предложили более высокие цены, чем другие конкуренты[60].

Таким образом, если преобразования, проводимые среди донских калмыков до 1835 г., носили эпизодический характер, большинство из которых внедрялось по усмотрению донской администрации, то Положения 1835 и 1846 гг. и связанные с ними дальнейшие переустройства в калмыцких кочевьях носили общеправительственный характер, а перевод донских калмыков к оседлости принял силу государственного закона.

Введение в действие Положения 1835 г. имело для донских калмыков положительные последствия. Во-первых, они получили собственное управление, максимально приближенное к их быту, обычаям, хозяйственному укладу; во-вторых, территория была совершенно обособленной от оседлых станичных юртов, причём настолько обширной, что на каждую мужскую душу приходился надел более 100 десятин удобной земли; в-третьих, был образован специальный фонд из войсковых денежных сумм для помощи обедневшим семьям; в-четвёртых, калмыки получили возможность обучать детей в любых войсковых школах на общих основаниях со всеми казачьими детьми и т.д.[61].

Территориально-земельный вопрос для донских калмыков в течение последней трети XVIII-XIX вв. претерпел большие изменения. Этот вопрос зависел от многих факторов, но главным образом, от конъюнктурных изменений в политике центральных и местных властей по отношению к донским калмыкам.

По положению 1846 г. произошли существенные изменения в административном устройстве калмыцких кочевий. Если количество улусов и сотен осталось прежним, то сами сотни были перераспределены совершенно иначе и устройство их приняло следующую структуру.

Название улусов / №№ сотен	Верхний улус	Средний улус	Нижний улус
1.	Харьковская (Цевднякинская)	Чоносовская (Бага-Чонос) или Таранниковская	Рынцановская (Зюнгарская)
2.	Беляевская	Бемдякинская (Ики-Чонос)	Бултуковская (Богшракинская)
3.	Балдырская (Потаповская)	Геленгекинская	Багутовская
4.	Эркетинская	Кебютская	Намровская (Ики-Бурул)
5.		Бурульская (Бага-Бурул) или Таранниковская	

Новое административное устройство калмыцких кочевий показывает прежде всего, что, кроме известных ранее наименований сотен, появляются совершенно неизвестные прежде названия: Геленгекинская и Кебютская. По сведениям пожилых информаторов, уроженцев этих сотен (Джелачинов Э.Б., Бембетова Л.А., Денисов Н.) в прошлом они представляли единую Кебютовскую сотню. Существование аймака в Малодербетовском улусе (ныне п. Первомайский Ики-Бурульского района Калмыкии) наводит на мысль, что когда-то крупная этническая группа (род) после раздела прикочевала на Дон. Попытаемся восстановить время и причины откочёвки части Кебютовского рода. В конце 20-х – начале 30-х годов в Малодербетовском улусе сложилось крайне тяжёлое экономическое положение. В завершение всего суровая зима 1831 года окончательно разорила калмыков. В результате многие калмыцкие группы стали разбегаться на территорию Большого Дербета и Области войска Донского. По сведениям калмыцкого пристава П.А. Ломоносова в 1832 г. насчитывалось в бегах 875 кибиток Ульдючинова, Чоносова и Кебютовского аймаков. Несмотря на принятые властями меры по возвращению их обратно, 300 кибиток оставались в Ставропольской губернии, а 275 пробрались на Дон[62]. Следовательно, надо полагать, что 4-я Кебютовская сотня Среднего улуса возникла в 1832 г.

Следующая особенность административного устройства донских калмыков заключалась в том, что некоторые малочисленные сотни были объединены между собой. Например, Чоносовская сотня (Бага Чонос) была слита с Верхне-Таранниковской, образовав 1-ю сотню Среднего улуса, Бурульская (Бага-Бурул) и Нижне-Таранниковская образовали 5-ю сотню того же улуса.

С переводом калмыков на отдельную территорию и введением общевойсковой системы управления среди них отчётливей стал проявляться процесс классовой дифференциации. Дело в том, что при прежнем устройстве классовые различия были завуалированы существовавшими общественными отношениями. Вот почему некоторые некомпетентные наблюдатели не могли заметить социального неравенства в калмыцком обществе. Например, А.Л. Крылов, побывав в калмыцких кочевьях, констатировал: "В европейских странах наряду с богатством соседствует голодная смерть. У калмыков этого нет. У них нет даже нищих, тогда как в самой маленькой нашей деревне это явление неизбежно"[63].

Среди бедного калмыцкого населения заметную часть составляли так называемые байдуши, не имевшие не только какого-либо хозяйства, но даже средств передвижения. В силу этого байдушам разрешалось проживать в хотонном порядке на казачьих станичных землях под присмотром станичного начальства. По данным 1819 г. на учёте Калмыцкого правления состояло 105 семей байдушей, в которых насчитывалось 379 человек. Они были расположены на землях станиц Манацкая, Багаевская, Нижне-Михайловская, Кочетковская, Семикаракоровская, Раздорская, Кагальницкая, Троилинская и др.[64].

Рост бедняцкой массы среди калмыков наблюдается особенно в 30-е годы. По данным калмыцкого пристава Тапилина за 1833 год, представленным комиссии по обеспечению народного продовольствия, одних только "пребывающих в крайней бедности" калмыков имелось 4716 человек, или 30 процентов от всего населения. Меры по спасению их от неминуемой гибели решались на правительственном уровне. По указанию Сената донская администрация выделила им на приобретение продовольствия 12917 руб. Ясно, что эта мера носила единовременный характер[65].

Были нередки случаи, когда призывающийся на службу калмык не имел никаких средств на приобретение амуниции и лошадей. Например, в 1835 г. в Калмыцкое правление поступил рапорт сотника 3-й сотни Нижнего улуса о том, что "Якугинов по бедному состоянию ничего к военной службе не имеет". Позднее приобретение снаряжения для бедных калмыков Положением 1835 г. возлагалось на Калмыцкое правление[66]. На 1836 г. из 110 призывающихся в полевые полки не могли подготовиться к службе 45 человек из-за отсутствия каких-либо средств, а между тем для подготовки казака к призыву необходимо было приобрести 17 наименований обмундирования, оружия и других различных вещей на общую сумму около 300 руб. Из названных наименований бедная семья могла обеспечить призывника в лучшем случае только одной лошадью[67].

Массовое обнищание калмыков приводило донскую администрацию к финансовым затруднениям, и она вынуждена была искать приемлемый выход. Учитывая природную любовь к лошадям и традиционные знания калмыков в деле коневодства, донские власти стали ещё с начала XIX столетия широко привлекать их беднейшую часть к присмотру за лошадьми на конзаводах, при станичных и частных табунах. Это дело получило настолько широкое распространение на Дону, что уже к концу 20-х годов среди калмыков образовалась новая социальная прослойка под названием табунщиков. Если на 1819 год насчитывалось 384 табунщика[68], то в 1828 г. их число достигало 805 человек, причём из среды служилых и малолетков 17-19 летнего возраста – 442, из среды причисленных на внутреннюю службу – 363[69].

Учитывая растущий спрос на них со стороны русских и калмыцких конезаводчиков, донского старшины и станичных обществ, в январе 1828 года правительство официально узаконило использование калмыков в качестве табунщиков. Специальное положение определило для них следующие правила: набор калмыков в табунщики проводился с разрешения начальника Главного

штаба Военного министерства; постоянное количество табунщиков не было определено, оно находилось в прямой зависимости от потребностей наёмщиков; калмыки, поступившие в табунщики, пользовались правами торговых казаков, освобождались от полевой и внутренней службы до тех пор, пока пребывали в табунах и содержались за счёт общевойсковых средств; за использование калмыков табунщиками была установлена ежегодная плата в пользу военного капитала, в частности, за служилого – 75, за малолетка от 17 до 19 лет – 50, за причисленного на внутреннюю службу – 25 руб. Общая сумма, оплаченная хозяевами за калмыков-табунщиков в военную казну, вкладывалась с приростом процентов в кассу московского опекунского совета. Следует отметить, что этот доход составлял для военных ведомств внушительную сумму. Например, в 1828 г. она достигла 27,5 тыс. руб.[70].

Войсковое руководство установило единые образцы билетов для калмыцких табунщиков. На лицевой его стороне был напечатан текст: "Предъявитель сего Среднего улуса первой сотни служилый калмык Васка Манжиков определён табунщиком на тысяча восемьсот пятьдесят шестой год к табуну генерал-лейтенанта Кузнецова, состоящему из 1300 поголовьев лошадей, находящемуся в округе Калмыцкого правления на табунной земле при зимовнике. Следующий за него оклад 21 руб. 43 коп. при выдаче билета, получен. Дан из Калмыцкого правления за подписью и приложением печати. Ноября 9 дня 1855 года. Примечание. Если же он Манжиков окажется не при означенном табуне, а при другом и у другого хозяина, то поступить с ним и семейством его, как с бродягой".

На обороте билета:

Особые сведения

При табунщике находятся

Семейство			Имущество				
	лета	отметка для умерших и вновь родившихся		лошадей	скот	овцы	кибитки
1	2	3	4	5	6	7	8
Отец Манчик	62		состояло	2	9	–	2[71]
Мать Бедна	62						
Жена Адуш	22						
Сыновья							
Дочери Моте дочь	6		состоит				
дочь Туры	2						

В дальнейшем численность табунщиков заметно возросла: в 1853 году насчитывалось 745 семей, определённых в табуны[72], а в 1871 году – 2579 человек[73] (19% от мужской части калмыцкого населения). Эта прослойка донских калмыков эксплуатировалась как собственной знатью, так и донскими дворянами и старшиной.

Во многих официальных документах и высказываниях руководящих лиц отмечалось, что отстранение калмыков от этих занятий могло бы принести непоправимый ущерб дальнейшему росту поголовья лошадей на Дону и привело бы к необходимости дополнительных значительных затрат на покупку лошадей на стороне[74].

Табунщики, будучи новой калмыцкой социальной группой, по своему имущественному положению относились к беднейшей части донских калмыков. Об этом говорят следующие данные. У того же генерала Кузнецова работали табунщиками 10 калмыцких семей. Например, у Цедена Абуша Абушинова семья состояла из жены и дочери, и в личной собственности его находились 4 лошади, 15 голов рабочего скота и 1 кибитка. Иван Абушинов, имея семью из 8 человек, содержал 3 лошади, 15 голов рогатого скота, 2 кибитки; Денте Абушинов имел только одну кибитку; семья Альче Нехбирова состояла из 3 человек и имела одну кибитку; семья из 4 человек Кока Джамбинова содержала одну лошадь, 10 голов рогатого скота, одну кибитку[75].

Н.А. Маслаковец в известной своей книге писал: "Безвыходность нищеты и здесь (в Калмыцком кочевье – К.Ш.), как и в других, более промышленных и цивилизованных местностях наводит на печальное раздумье, теряющееся во множестве планов, одинаково доступных расчётам кабинетного деятеля и одинаково бессильных для искоренения этой больной раны общественного организма"[76].

Немалый удельный вес в калмыцком обществе занимали зажиточные калмыки-казаки. Например, в 4-й сотне Среднего улуса Иван Шикерденов содержал 20 голов рогатого скота, 10 лошадей, 160 овец; Шанта Лузорминову принадлежали 45 голов рогатого скота, 200 овец и т.д.[77].

Расслоение в калмыцкой среде приводило к выделению сотенных и хотонных чиновников, которые в силу своего положения пользовались лучшими угодьями и становились крупными собственниками. Весьма характерной является жалоба, поданная в январе 1861 г. военному министру Н.О. Сухозанету семнадцатью бедными калмыками-казаками 4-й сотни Нижнего улуса на своего сотника Андрея Манжикова и возникшее в связи с ней большое дело. В жалобе были отмечены девять случаев злоупотреблений властью со стороны сотника. Первое обвинение заключалось в том, что он самочинно разместил жителей своей сотни на непригодных выпасах, а сам занял лучшие земли с водоёмами и зимовниками для содержания 5 тысяч голов личного скота, овец и лошадей. Без согласия сотенного общества Манжиков построил плотину длиной в 7 вёрст на балке Ельмута и не допускал рядовых калмыков пользоваться водоёмом, сенокосом, пашнями. Если кто-либо пытался пригнать скот на водопой, то сотник отнимал одну голову скота или взыскивал с виновника штраф по своему усмотрению. Ежегодно на земли своих подчинённых допускал на зимовку до 1 тысячи рогатого скота посторонних жителей, за что взимал плату в свою пользу. Кроме того, содержал на юртовых землях сотни до 2,5 тысяч голов рогатого скота, принадлежащих судье Калмыцкого правления старшине Сидорову, тем самым стесняя скот собственных калмыков. В жалобе отмечалось, что в 1859 г. Манжиков отнял у десяти семей по одной корове и отдал их судье Сидорову. Излагались в ней и другие злоупотребления в отношении бедных калмыков-казаков, причём Манжиков всегда оставался безнаказанным[78].

К имущему классу относились конезаводчики и духовенство.

В "Экономическом журнале", издаваемом под редакцией А.И. Субботина, отмечалось, что "конезаводчики – наиболее состоятельный класс; они владеют громадными табунами лошадей, стадами рогатого скота и овец, они занимаются земледелием"[79]. Характеризуя калмыцкое духовенство, А.Л. Крылов писал: "Представители ламаизма всё своё влияние на народ в том и высказывают, что собирают с него деньги ...жрецы составляют высшую касту народа, так сказать аристократию"[80].

Среди беднейшей части донских калмыков было развито конокрадство, приводившее иногда к тому, что целые калмыцкие сотни лишались основ дальнейшего развития коневодства. "В основе воровства,– с горечью констатировал Номикосов, автор известной монографии,– лежит не уверенность в безнаказанности, не нравственная распущенность, а скорее бедность, экономическая беспомощность"[81]. К этому следует добавить, что кража скота поощрялась донскими старшинами, конезаводчиками, зажиточной частью калмыков, а также торговыми казаками, или, как их называли на Дону, пристанодержателями. Ворованный скот скупался по 5-10 руб. за голову, при перепродаже выручали по 25-30 руб. Такое безнравственное явление среди калмыков было порождено самим существом социального неравенства в эксплуататорском обществе. Оно возникало и как форма классового протеста против эксплуататоров со стороны калмыков-бедняков.

Положение донских калмыков во второй половине XIX в.

Во второй половине XIX в. в Области войска Донского реорганизации проводились в русле буржуазных реформ 60-70-х годов, однако эти реформы здесь затягивались. В "Истории Дона" отмечаются следующие особенности, которые были присущи и Калмыцкому округу: "1). по военному и гражданскому управлению край подчинялся Военному министерству; 2) хозяйственное и финансовое управление было отдельным от общегосударственного; 3) казачье сословие и причисленное к нему калмыцкое население несли поголовную, вынесенную на своеобразных началах воинскую повинность и имели свои особые права, освобождались от государственных податей и сборов, владели в области значительным количеством земли; 4) земские повинности выполнялись, в отличие от губерний, местными средствами и делились на общие – для всех сословий и губерний – и частные – для одного какого-нибудь сословия или общества; 5) отсутствовали городские поселения в том виде, в каком они существовали в губерниях"[82].

Административное устройство, учреждённое в 1846 г., оставалось в данном виде до 1876 г. "Списки населённых мест Российской империи" за 1859 г. характеризуют Калмыцкий (VIII) округ Области Донского войска, который делился на три улуса, следующим образом.

Верхний улус. 1-я Харьковская сотня (Цевднякин) располагалась на правой стороне р. Большого Гашуна и на левой стороне р. Джурак-Сала (площадь территории – более 195 кв. вёрст). Она имела свою хурульную кибитку. В её состав входили 672 кибитки (семьи) с общим числом населения в 2545 человек (из них 1263 муж. пола). 2-я Беляевская сотня, занимая земли по левой стороне р. Джурак-Сала (площадь – 77 кв. вёрст), состояла из 230 кибиток (708 человек, из которых мужчины составляли 230), также имела свой хурул. 3-я Балдырская сотня (Потаповская) была поселена на

площади 76 кв. вёрст по левой стороне р. Сала, включала в свой состав всего 228 кибиток (670 человек) и имела свой хурул. 4-я Эркетинская сотня занимала соседнюю с предыдущей территорию площадью 52 кв. вёрсты, состояла из 281 кибитки (608 чел.) и имела собственный хурул.

Нижний улус. 1-я Эренценова сотня (Зюнгар, в некоторых источниках – Рынцановская) размещалась на площади 150 кв. вёрст по левой стороне р. Большая Куберла и насчитывала 633 кибитки (2403 человека, 1200 мужчин). В сотне были построены 23 дома. 2-я Бултуковская сотня (Бохшранкин) получила земли в количестве 110 кв. вёрст на левой стороне р. Сала. Это была одна из наиболее крупных по численности населения сотен в Калмыцком округе. Она имела в своём составе 591 кибитку (2471 человек, мужчин 1251). В сотне было построено 5 домов, один хурульный дом вместо кибитки. 3-я Батлаевская сотня (Багуд), насчитывавшая 283 кибитки (1068 человек), располагалась на левой стороне р. Сала и балки Рясна и владела более 61 кв. верстой земли. Она отличалась от других сотен тем, что специализировалась на разведении лошадей для кавалерии и артиллерии. 4-я Намровская сотня (Ики-Бурул) являлась также одной из крупных сотен (565 кибиток, 2385 человек) и занимала плодородные земли (более 124 кв. версты) с хорошими пастбищами по правой стороне р. Маныч, вблизи Гремучего колодца и балки Ельмута. На её территории было построено 7 жилых домов и один хурул.

Средний улус. 1-я Чонусовская сотня находилась на левой стороне р. Сала по балке Большой Гашун (площадь 77 кв. вёрст), насчитывала в своём составе 361 кибитку (1371 человек) и имела хурульную кибитку. 2-я Бемдякинская сотня получила земли рядом с Чоносом площадью 21,5 кв. милей или более 160 кв. км. Она насчитывала 583 кибитки (1898 чел.), имела 11 жилых, 1 общественный и 1 хурульный дом. 3-я Геленгекинская сотня занимала земли также по левой стороне р. Сала площадью более 108 кв. вёрст. Её население составляло 2014 чел. или 542 кибитки, имела 1 жилой дом и хурульную кибитку. 4-я Кебютовская сотня располагалась рядом с предыдущей сотней, занимая площадь территории в 98 кв. вёрст. Население её составляло 2016 человек (547 кибиток). Здесь имелся 1 жилой дом и хурульная кибитка. 5-я Бурульская сотня (Бага-Бурул) находилась на балке Большой Гашун и занимала такую же площадь земли, как и Кебютовская. Она имела один жилой и один хурульный дома. Средний надел на мужскую душу в округе составлял 61 десятину земли[83]. Калмыцкий улус приравнивался к одной станице, поэтому войсковая администрация считала у калмыков три станицы.

По данным 1863 г. Калмыцкий округ в административном отношении оставался без особых изменений и для его характеристики приведём следующую таблицу[84].

Название населённых мест	Положение	Расстояние в верстах		Число кибиток	Число жителей		Церкви и молитвенные здания, учебные и благот. заведен., почтов. станции, ярмарки, базары, пристани, фабрики и заводы.
		от окружного уп-	от становой кварт.		муж. пола	жен. пола	
1	2	3	4	5	6	7	8
Калмыцкое правление находится в сл. Ильинке 2-го Донского округа							
Харьковская (Верхн. улуса 1 сотня)	По правой стороне Балки Большого Гашуна и по левой стороне р. Джурак-Сала	70	”	672	1263	1282	Хурульная молитвенная кибитка
Бурульская (Среднего улуса 5 сотня)	На балке Большом Гашуне	45	”	185	381	424	Хурульный молитвенный дом и один обывательский дом.
На просёлочной татарской дороге							
Беляевская (Верхн. улуса 2 сотня)	По левой стороне р. Джурак-Сала	65	”	230	335	373	Хурульная молитвенная кибитка
Балдырская (Верхн. улуса 3 сотня)	По левой стороне р. Сала	40	”	288	334	336	-- ” --
Эркетинская (Верхн. улуса 4 сотня)	По левой стороне р. Сала	10	”	281	312	296	Хурульная молитвенная кибитка и 1 обывательский дом.
Чоносовская (Средн. улуса 1 сотня)	По левой стороне р. Сала и балке Большой Гашун	16	”	361	699	672	Хурульная молитвенная кибитка

1	2	3	4	5	6	7	8
На просёл. линейном тракте							
Бемдякинская (Средн. улуса 2 сотня)	По левой стороне р. Сала	12	"	583	964	934	Хурульный молитвенный дом, 1 общественный и 11 обыват.домов
По просёл. Сальской дороге							
Геленгекинская (Средн. улуса 3 сотня)	По левой стороне р. Сала	35	"	542	936	1078	Хурульная молитвенная кибитка и 1 обыват. дом
Кебютская (Средн.улуса 4 сотня)	По левой стороне р. Сала	45	"	547	950	1066	-- " --
На солевозной больш. дороге и Сальской просёлочной							
Бултуковская (Нижн. улуса 2 сотня)	По левой стороне р. Сала	60	"	591	1251	1220	Хурульная молитвенная кибитка и 5 обыват. домов
На просёлочной солевозной дороге							
Батегаевская[x] (Нижн. улуса 3 сотня)	По левой стороне р. Сала и балке Ряски	70	"	283	518	550	Хурульная молитвенная кибитка и 2 обыват. дома
Намровская (Нижн. улуса 4 сотня)	На правой стороне р. Маныч у Гремучего колодца и балке Ельмате	90	"	565	1290	1295	Хурул, выстроенный на манер китайский для принесения в обыват.домов[85].

[x] Правильно – Батлаевская.

В 1867 г. был создан специальный комитет для пересмотра постановлений о войсковом правлении и окружных сыскных начальствах. На одном из своих заседаний 24 марта 1867 г. комитет рассмотрел вопрос о переустройстве Калмыцкого правления и пришёл к выводу о том, что "Калмыцкое правление, заведывая делами по служебной, судебной, полицейской и военной частям, не есть собственно административно-полицейское управление. Поэтому комитет признал преждевременным и нецелесообразным реформировать Калмыцкое правление только по полицейской части, не касаясь военной и судебной частей. На заседании было решено, не внося коренных преобразований в организацию данного правления до проведения общих преобразований всех административных и судебных мест в войске, произвести в нём следующие изменения: "1) судью Калмыцкого правления замещать на будущее время чиновниками, назначенных войсковым наказным атаманом на одинаковом основании с чинами вновь проектируемых окружных сыскных начальств и 2) усилить содержание всем чинам Калмыцкого правления из калмыцкого капитала в размере, проектируемом для чинов окружных сыскных начальников".

26 апреля этого же года войсковой наказный атаман направил рапорт военному министру с приведённым текстом решения комитета. Вместе с этим, комитетом был разработан проект штата Калмыцкого правления[86] в следующем виде:

Калмыцкое правление		Оклады содержания (серебром)					
		жалованье		столовые		всем	
		одному					
		руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
1. Общее присутствие							
судья	1	600		600		1200	
заседателей	2	300		300		1200	
депутатов из калмыков	2	42	90			85	80
2. Канцелярия							
секретарь	1	200		200		400	
переводчик	1	100				100	
писарей:							
старших	2	85	80			171	60
младших	2	64	35			128	70
На канцелярские расходы						285	
Итого:						3571	10

Земства на Дону стали создаваться только в 1876 г. Образованная здесь комиссия 1871 г. применила к Донской области общее "Положение о земских учреждениях России" и ограничилась лишь разработкой дополнительных правил, определявших особенность края[87].

При проведении земских выборов принимало участие и калмыцкое население, насчитывавшее 13 тысяч, точнее 13154 души мужского пола. Как известно, 13 аймаков (сотен) делились на три улуса, в каждом из которых создавался избирательный съезд. Калмыцкий округ, имевший собственное управление, по земскому представительству был причислен к 1-му Донскому округу и избирал по одному гласному от каждого улуса (станицы). Кроме того, в земское собрание 1-го Донского округа войсковой наказный атаман назначал одного члена, знакомого с жизнью калмыков, для "защиты интересов калмыцкого населения"[88].

В связи с земской реформой возникла необходимость административную структуру донских калмыков, сохранявшую некоторые национальные черты, унифицировать с новыми формами казачьего устройства. В рамках этих реформ был осуществлён ряд значительных перемен в жизни калмыков. По проекту 1876 г. реорганизация Калмыцкого округа предусматривала следующие изменения. 2, 3, 4-я (Беляевская, Балдырская, Эркетинская) сотни Верхнего улуса и 5-я (Бурульская) сотня Среднего улуса с населением в 1463 человека мужского пола должны были объединиться в станицу Бородинскую с наделом в 62434 десятины земли. Тарутинскую станицу составляла 1-я (Цевднякинская) сотня Верхнего улуса с числом 1679 человек и с общим наделом земли 73744 десятин. Малоярославскую станицу образовывали 1-я (Чоносовская) и часть 3-й (Геленгекинской) сотни Среднего улуса. Численность населения составляла 1095 человек, а общая площадь — земли — 48005 десятин. 2-я (Бемдякинская) и большая часть 3-й (Геленгекинской) сотен Среднего улуса должны были составить Березинскую станицу с населением в 2616 человек и земельным наделом в 112606 десятин.

В Полоцкую станицу входили 1-я (Зюнгарская) сотня Нижнего и 4-я (Кебютовская) сотня Среднего улусов. Численность населения доходила до 2416 человек, а земельный надел составлял 107291 десятину. 2-я (Богшракинская) сотня Нижнего и небольшая часть 4-й (Кебютовской — 135 чел.) сотни Среднего улусов образовывали Смоленскую станицу. Население её составляло 1676 человек и она должна была получить в надел 72952 десятины земли. Наконец, 7-я Платовская станица образовывалась из 3-й (Багутовской) и 4-й (Ики-Бурульской) сотен Нижнего улуса с численностью населения 2209 человек. Общая площадь станичного надела равнялась 98754 десятинам земли.

23 мая вышло утверждённое императором Александром II положение Военного совета, во 2-ом пункте которого указывалось: "Предоставить войсковому наказному атаману войска Донского: а) приступить к переводу калмыцкого населения на новые места по мере отмежевания назначаемых для него новых станичных юртов; б) войти в Военное министерство с особым представлением о мерах к устройству в калмыцких станицах начальных школ и к развитию между калмыками начального образования"[89].

Однако при реализации проекта 1876 г. он был существенно изменён. По этому поводу было опубликовано новое положение Военного совета, утверждённое царём 2 июля 1877 г. Согласно этому варианту положения из 13 сотен было образовано 7 станиц, названных именами бывших войсковых атаманов: Платовская — из 3 (Багутовской) и 4-й (Намровской или Ики-Бурул) сотен Нижнего улуса; Денисовская — из 2-й (Бухшракинской) сотни этого же улуса; Иловайская — из 1-й (Зюнгарской) сотни также Нижнего улуса; Кутейниковская была образована из 2-й (Бемдякинской) и 3-й (Геленгекинской) сотен Среднего улуса; Власовская объединяла 1-ю (Чоносовскую) и 4-ю (Кебютовскую) сотни Среднего улуса; Граббевская из 1-й (Харьковской или Цевднякинской) и 5-й (Бурульской или Бага-Бурул) сотен соответственно Верхнего и Среднего улусов; в Потаповскую станицу были включены 2-я (Беляевская), 3-я (Балдырская или Потаповская) и 4-я (Эркетинская) сотни Верхнего улуса[90].

В результате реорганизации Калмыцкого округа было изъято 431107 десятин земли, куда переселились более 10 тысяч крестьянских семей, расселившихся хуторами. В итоге, если раньше на одну мужскую душу калмыка-казака приходилось сто десятин земли, то после реорганизации норма душевого надела составила 43 десятины. Безусловно, калмыцкому экстенсивному скотоводству был нанесён громаднейший ущерб[91]. Общая площадь земельных наделов всех 7 станиц уменьшилась до 572786 десятин. Это количество земли было распределено на 13154 человека мужского пола из расчёта подушевой нормы.

Судебная реформа в Области войска Донского приобрела силу закона в 1873 году. Калмыцкое кочевье было отнесено к ведению Новочеркасского окружного суда[92]. В итоге гражданское управление Калмыцкого округа с центром в слободе Ильинке выглядело так. Управление возглавлял судья полковник Н.И. Машлыкин, его помощниками были два заседателя — есаул П.И. Дудкин и хорунжий И.Г. Жеребков, ведавшие Верхней и Нижней дистанциями; секретарём управления был назначен коллежский регистратор А.Л. Миронов. Депутаты, как и прежде, избирались из среды калмыков: один от духовенства — гелюнг Пурве Нелистов, другой от граждан — урядник Ильзете Учуров[93]. Следующее звено управления составляли сотенные сотники из калмыков. В Верхнем

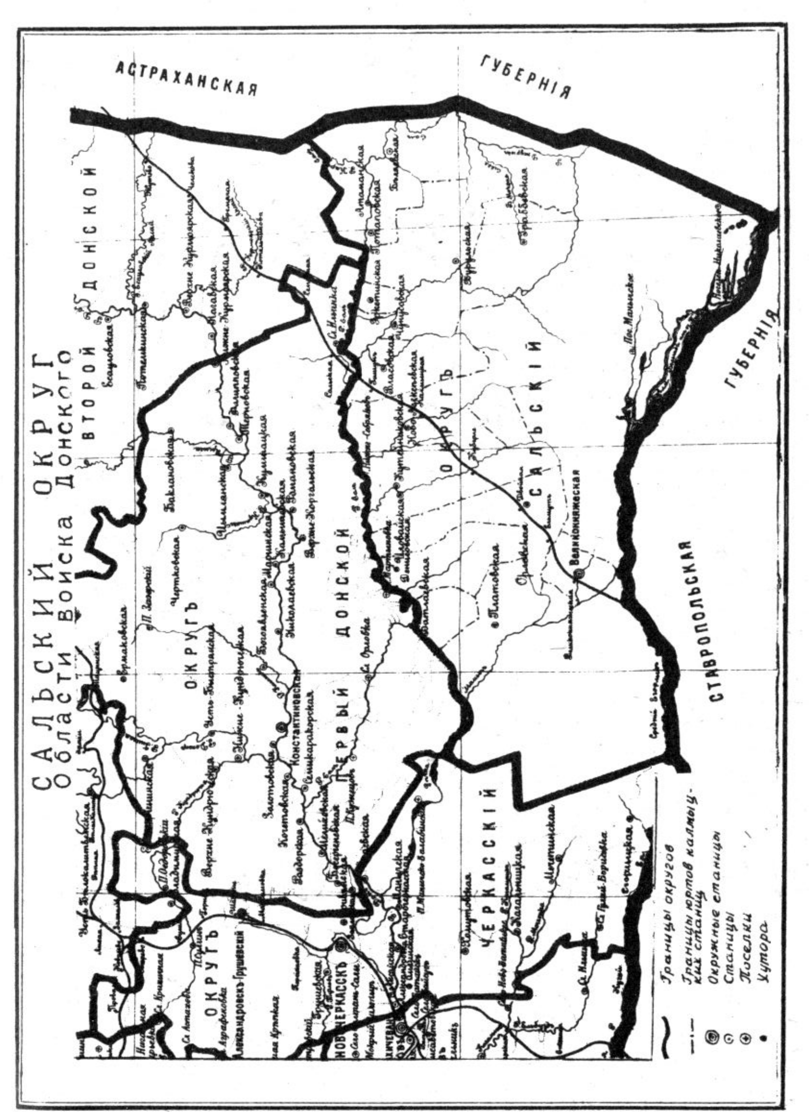
улусе на сотенных сходах были избраны: урядник Купро Давгинов, Учур Немгиров, Бук Бастинов, Чубар Цебеков; в Среднем улусе – урядник Илюмжа Емгенов, казак Урсяк Царенкинов, казак Суюке Джеоджинов, урядник Урсяк Лялин, урядник Пурве Ярморкин; в Нижнем – урядники Матвей Шургучиев, Бака Чангинов, Матвей Манунинов, казак Басан Утилинов[94].

В январе 1884 г. Государственный совет издал документ (положение), в VII статье которого указывалось об образовании в Области войска Донского 8-го гражданского округа. Это решение Военный совет реализовал только 13 февраля 1886 г. Новая административная единица стала называться 8-м Сальским округом. В его состав были включены: юрты семи известных калмыцких станиц; юрты станицы Атаманской, образовавшейся из части XII отдела войсковой земли и части бывшего Калмыцкого кочевья, заселённый казачьими хуторами Гуреевым, Белоусовым, Шебалиным и Крыловым, а также места, отведённые для пяти новых хуторских поселений; войсковая земля, оставшаяся после отмежевания семи станиц в Калмыцком кочевье. Эта земля стала именоваться черноползным запасом, разделённым на три части под названиями Нижний, Средний и Верхний, причём последний был отведён для калмыцкого конезаводства; посёлки Ильинский, Верхний- и Нижний Себряков и Траилин вместе с крестьянскими отводами; станица Великокняжеская с юртом; земля донского частного конезаводства с зимовниками; два участка Манычских соляных озёр с крестьянскими поселениями.

Границы Сальского округа были определены: на севере – по реке Маныч между устьями балок Хомутец и Ургучевой, по границе станиц Платовская и Денисовская до р. Сал, затем по реке Сал до хутора Гуреева станицы Атаманской; на востоке – по границе с Астраханской губернией; на юге – по границе со Ставропольской губернией; на западе – по генеральной меже Егорлыкской станицы, далее по границе VI отдела земли Черкасского округа, затем по балке Хомутец, смежными землями станицы Багаевской[95].

В связи с дальнейшим укреплением и совершенствованием казачества России 3 июня 1891 г. Государственный совет внёс на высочайшее утверждение проект положения об общественном управлении станиц Донского, Астраханского, Терского, Кубанского, Сибирского и Семиреченского казачьих войск. Положение вступило в силу с 1 января 1892 г.

Содержание положения оправдывало своё название – "общественное управление станиц". В его основе лежали принципы коллективности, демократии и гласности; они были неизменны. Общественное управление станиц состояло из станичного управления и хуторского управления. Станичное управление в каждом станичном обществе составляли: станичный сбор – высший орган, ста-

Карта № 5

ничный атаман, станичное правление и станичный суд. Полномочия станичного сбора были определены 26 пунктами, которые охватывали все основные стороны жизни казаков. Наиболее интересной, на наш взгляд, являлась статья 14 "Положения". В условиях господства частной собственности на средства производства в ней отдавался приоритет общественной (т.е. станичной) собственности, провозглашавшейся неприкосновенной. Этим преследовалась цель, "чтобы польза общая была всегда предпочитаема частной, чтобы все обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто не присвоял непринадлежащего ему..." Статья требовала от станичного сбора строгой хозяйственности и отчётности, а при установлении меры взыскания должны были соблюдаться "древние обычаи доброй нравственности по общежитию и в семействах". Неизменным принципом в работе станичного сбора являлось уважение к старшим. Статья призывала не оставлять без внимания вопросы, связанные с престарелыми, дряхлыми и больными, не имевшими своего крова, а всеми мерами создавать для них уютные условия жизни, проявлять заботу о сиротах, чтобы в будущем не было бродяжничества нищих, антиобщественных элементов, воров и жуликов. Положение предоставляло политические, экономические и социальные права всем казакам – домохозяевам. В целях расширения условий для реализации этих прав было предусмотрено ещё и хуторское управление. На этом уровне в решении общеказачьих проблем участвовали практически все казаки[96].

На калмыцких землях Сальского округа продолжалось учреждение станиц. В год принятия указанного положения была образована станица Граббевская из двух сотен 1-го Верхнего и 5-го Среднего улусов. Местом самой станицы стала 1-я (Харьковская) сотня (Цевднякна амиг), а из 5-й (Бурульской) сотни (Бурла амиг) был образован хутор под названием Бурульский. В составе станицы, в пределах Цевднякна амиг, были учреждены новые хутора Пандинский, Худжуртинский, Гашунский и Старохурульский с общим числом 4948 человек. Этим хуторам отвели 83258 десятин удобной и 85023 десятины неудобной земли. Во всех хуторах насчитывалось 499 домохозяев с 1103 паевыми наделами[97].

Несмотря на то, что учреждение калмыцких станиц началось в 1877 г., однако здесь всё ещё функционировала система сотенного управления. Положение об общественном управлении станиц было внедрено у донских калмыков только в 1897 г. распоряжением Государственного совета от 2 июня. Положение у них применялось в полном объёме, за исключением одного пункта, специально оговорённого в распоряжении: "1. При рассмотрении означенных дел сотенный сбор заменяется собранием стариков-отцов семейств, избираемых ежегодно станичным сбором в числе 15 человек с приглашением для убеждения совести депутата от местного ламайского духовенства". Недовольные решением собрания могли обжаловать его в Областное правление войска Донского[98].

В конце 1897 г. на основании распоряжения Государственного совета было проведено преобразование управления Сальского округа. Оно упраздняло окружное полицейское управление с использованием по мере возможности прежних должностных лиц в штате новой администрации. Новое управление Сальского округа образовывалось на основе штатного расписания, которое функционировало в других округах с июня 1885 г. Однако для Сальского округа разрешалось иметь две дополнительные единицы – помощника окружного атамана, ведающего делами донских частных и калмыцкого конзаводства и переводчика калмыцкого языка с годовым окладом по 300 руб. Эти должности по рангу были приравнены к XII классу.

Одновременно решением военного министра было разрешено в станицах Власовской, Граббевской и Потаповской учредить суды почётных судей[99].

В рамках проводимых реформ бывшие хотоны к 1897 году были преобразованы в 18 хуторов, относившихся как к названным станицам, так и к трём округам: Сальскому, Первому Донскому и Второму Донскому. К Сальскому округу относились 7 хуторов (Атаманский, Гуреев, Крылов, Садовский, Хурульный, Шебалин, Эльмутинский), по одному – к 1-ому и 2-му Донскому (соответственно Королев и Нагольный). Хутора по численности населения иногда превосходили станицы. Например, население станицы Граббевской составляло 540 человек, а хутора Граббевский – 891 человек. Русское население, переселившееся на земли Калмыцкого округа, в основной своей массе проживало на хуторах, относившихся к Сальскому, 1-му и 2-му Донским округам. Так, в хуторе Королева из 732 человек русских проживало 543; в хуторе Крылова из 732 душ русские составляли 622; в хуторе Шебалин проживало 696 человек, из них 585 русских; всего русское население составляло 3170 человек[100].

Вместе с политико-административными преобразованиями определённое внимание власти уделяли развитию народного образования у донских калмыков. В 1890 г. было открыто калмыцкое окружное двухклассное училище, для которого в этом же году построили каменное здание. В 1898 г. оно было внесено в опись войсковых построек, что означало перевод его на полное финансовое и хозяйственное содержание войсковой администрации. С 26 мая следующего года Военный совет своим решением преобразовывает это училище в трёхклассное и оно получает название Сальского окружного училища. В связи с этим была увеличена расходная часть сметы на 1432 руб. 23 коп. Теперь по штатному расписанию числились: штатный смотритель с годовым жалованьем в 350 руб., законоучитель (200 руб.), 3 учителя русского языка и наук с

окладом по 300 руб., учитель калмыцкого языка и веры (300 руб.), учитель рисования и черчения (200 руб.), учитель гимнастики (150 руб.). Сверх того было предусмотрено отпускать денежные средства на год: на преподавание бухгалтерского дела – 85 руб. 80 коп., на содержание библиотеки – 85 руб., на книги для награждения учеников – 15 руб., на добавочное содержание служащих – 825 руб., на содержание здания и прислуги – 750 руб. Годовой бюджет училища составлял 3860 руб. 80 коп.

С 1 сентября 1899 г. открывается приходское училище в хуторе Зундовском Иловайской станицы с годовым финансированием в 410 руб.[101].

Быт, обычаи и нравы бузаава

До 70-80 годов XIX в. калмыки в основной массе вели кочевой образ жизни в пределах территорий своих сотен. Компактными группами кочевали хотоны, они никогда не дробились на мелкие части. В 20-х годах XIX в. очевидцы писали, что "хутуны же никогда не разрываются. Они же представляют подвижные деревушки среди пустых степей, состоящих вместо изб из войлочных кибиток". Для зимнего кочевья калмыки выбирали самые лучшие места у больших речек, обеспеченные пресной водой, обильной травой и камышом. В летнее время они уходили на отдалённые от своих юрт земли, постоянно меняя участки, при этом всегда облюбовывали именно балки или лога (широкие овраги) с водой. При отсутствии её рыли копани (колодцы), из которых поили скот, изготовляя для этого глиняные корыта. В места зимнего проживания калмыки переходили в ноябре. Для скота, особенно овец, они строили из дёрна сараи, плотно покрывая их камышом, или же сооружали просторные базы из камышитовых плит[102]. Кочевое скотоводство обусловило жизненный уклад, придавая ему исключительно характер номадного быта.

Воплощением кочевой жизни являлась переносная кибитка (гер), представлявшая собой по понятиям архитектуры несложную конструкцию. В ней выделялись две главные части. Первую составлял деревянный остов из тонких, плоских и изогнутых посредине деревянных планок, соединённых в решётку (тэрмэ). Планки соединялись между собой продетыми в дырочки ремешками (удэрэ). Решётки были складными. Кибитка средней величины состояла из 6 решётчатых звеньев, а большая – из восьми. К деревянной части также относилась и дверь с высоким порогом, обязательно обращённая к югу. К решёткам с помощью петлей из волосяной верёвки крепились стропила в виде тонких жердей (унин). Верхний конец каждой унины был несколько заострён, чтобы они

могли разместиться в кругу (харачи) для дымового отверстия. Над отверстием устанавливались четыре обруча (цагрык). Вторую часть образовывал покров, отдельно для крыши и стены. Решётчатые стены закрывались полотнищами, отороченными шнуром из конского волоса (турга). Крыша закрывалась разделёнными на две одинаковые части полотняными покровами (дэвир). В случае непогоды дымовое отверстие закрывалось сшитым также из полотна башлыком (ерке). Полотнища прикреплялись к деревянным частям и соединялись между собой тесьмами из белой шерсти, обязательно с вплетённой в них чёрной тесьмой (хршлонг). На зиму стены кибитки прикрывались чаканами или циновками, а поверх них дополнительно обкладывались камышом[103].

Внутренняя обстановка кибитки была до аскетизма проста. Главным местом в ней считался "баран", состоявший из нескольких сундуков или кожаных мешков, сложенных друг на друга. Это место украшалось коврами. На верхнюю часть барана ставились изображения бурханов (богов), священные книги, лампады (зул). По обеим сторонам барана располагались кровати и другие предметы обихода. Кровати изготовлялись из досок на низких подставках. На них укладывали всю постельную принадлежность, состоявшую из нескольких войлоков, круглых пёстрых подушек. В богатых семьях кровать занавешивалась красной шёлковой занавесью. С правой стороны при входе в кибитку располагалась кухонная утварь, подвешенная на стенах. Она включала небольшой круг предметов: кожаные бурдюки разной величины, одну или две деревянные чашки, одно небольшое деревянное корыто и один чугунный котёл. Один из бурдюков был наполнен чиганом (кислым молочным напитком), в другом хранилось сливочное масло, которым запасались на зиму. Редко встречались деревянные чайники.

Посредине кибитки устраивался очаг для огня (галта). На это место ставился железный треножник, под который подкладывали кизяк (аргсун) и поджигали его. Здесь же готовилась пища и здесь же курилась водка (арка). Вокруг очага собиралась семья и гости; у всех в зубах были неизменные курительные трубки[104].

Кочевой образ жизни калмыков, преобладающее занятие скотоводством предопределяли калмыцкую кухню. В основном пища изготовлялась из мясных и молочных продуктов. Деликатесом считалась бурса, порезанное длинными и тонкими кусками высушенное мясо для летнего времени. Из неё варили супы. Любимым лакомым кушаньем считался милитин (дотур), блюдо, приготовленное из внутренностей животного. Перед тем как варить, сюда бросали куски мяса, добавляли кровь, собранную при резке животного в толстые кишки и перемешанную с солью. Всю эту массу варили в едином котле. Затем её мелко крошили, перемешивали в корыте и ели руками. Постоянным блюдом считался шолюн

(бульон), сваренный обязательно с мясом. Для вкуса сюда опускали лук. Вообще калмыки употребляли все виды мяса, не исключая свинину и конину, в варенном, копчёном изготовлении.

В отличие от остальных сородичей Калмыцкой степи, донские калмыки чаще употребляли мучные блюда, в чём сказывались близкие контакты с земледельческим населением и постепенное приобщение самих кочевников к хлебопашеству. Например, одно из таких блюд называли буданом. В воду закладывали пшено, римчук (адм), при непрерывном помешивании засыпали несколько горстей пшеничной или ржаной муки и заправляли сливочным маслом. Этот суп употребляли в основном зимой. Для престарелых родителей, больных, для близких гостей готовили блюдо, изготовленное из масла и муки под названием булмг. В кипящем масле пекли борцуки, сделанные из теста в виде различных фигур.

Из молока изготовляли различные напитки. В кипящую воду засыпали измельчённый кирпичный чай, в определённой пропорции наливали молоко, клали соль и заправляли сливочным маслом. Получался ароматный, питательный напиток, без которого калмыки не представляли своё существование. Распространённым напитком считался чигян (арьян). Способ его приготовления был несложным. Смешивали сырое и варёное коровье или кобылье молоко и заквашивали в кожаном сосуде. По мере употребления в остатки чигяна добавляли новую порцию молока. Чигян являлся как прохладительным, так и питательным напитком, т.е. в летнее время он служил продуктом питания[105].

Из чигяна гнали араку (молочную водку). По преданиям донских калмыков она изготовлялась ещё при Чингис-хане. Предание гласило: "Дочь августейшего хана Чингиса сказала: "Я буду изготовлять так называемую водку". "А какова она по своему действию?" – спросил её старший брат. "Как выпьешь первую чару, защекочет, защиплет внутри, как выпьешь две, загорится тело и пойдёт со лба пот, а когда выпьешь три, станешь бросаться, не усидев на одном месте, как будто полизав слюну бешеной собаки". "А из чего она делается?"– спросил тогда брат. "Надо смешать кровь из щёк красивой девушки, пот со лба доброго молодца и слюну бешеной собаки. Как смешаешь эти три вещи, то и сделается водка",– отвечала сестра[106]. Однако это всего лишь предание, но свидетельствующее о том, что способ её приготовления знали предки калмыков в далёкой древности.

Молочная водка изготовлялась путём перегона перебродившего чигяна. Его наливали в большой чугунный котёл (хасюн) и накрывали деревянной крышкой (бюркэсэн) с двумя отверстиями: одно из них закрывалось во время курения глиняной пробкой, в другое вставлялась изогнутая трубка (цорго). Котёл с чигяном соединялся с помощью цорго с другим котлом, помещённым в холодную воду.

При нагревании большого котла образовавшийся в молоке спирт в виде пара продавливался в малый котёл, здесь он охлаждался и превращался в водку (араку), в жидкость прозрачного цвета.

Калмыки считали, что из кобыльего молока крепость водки была намного выше. Калмыцкие мужчины, да и женщины были страстными охотниками до этого напитка, поэтому в летнее время перегоняли её ежедневно. Еще более крепким напитком считался дан, полученный вторичной перегонкой араки, которая смешивалась с костями животных и салом. В свою очередь дан, смешанный с костями и мясом, перегоняли в третий раз, получая почти что спирт под калмыцким названием арза[107].

Гуща, оставшаяся после перегона водки, называлась "бозо". Его вычерпывали из котла деревянным ковшом (шанга) в холщёвый мешок и подвешивали для стока жидкости. Из этой сгустившейся массы приготовляли сыр (ээзго), или продавливали через пальцы рук тонкие пластинки. Их просушивали на солнце и готовый продукт назывался адам (или римчук). Иногда из этой же гущи делали куски в виде лепёшек с отверстием посредине, чтобы после просушки нанизать на верёвку. Этот продукт назывался хюрус. Адам и хюрус оставляли на зиму и добавляли в будан[108].

Таким образом, вплоть до XX в. основной пищей калмыков-казаков служила продукция животноводства.

При описании одежды мы будем пользоваться источниками за 1822 г. и данными И.И. Попова, собранными в конце XIX века и на протяжении почти двух десятилетий XX века, что позволяет проследить эволюцию одежды донских калмыков за целое столетие.

Праздничной верхней одеждой для мужчин из состоятельных семей служил бизе, сшитый чаще всего из красного, иногда из белого сукна. Его рукава были короткими и узкими и закидывались на плечи. Края этой одежды украшались золотым или серебряным пазументом, с золотыми кистями на груди. Под бизе одевали кафтан из шёлковых или хлопчатобумажных тканей разных цветов с пуговицами с петельками на груди до пояса. Кафтан подпоясывали красным или другого цвета кушаком.

Повседневной одеждой для мужчин служил кафтан из белой или чёрной китайки и кожаные шаровары. Летом они носили рубашку (килик) и шаровары (шалвур) из синей прочной материи (дабы). Обязательно затягивались поясом (бюсе) с серебряным или металлическим надором. Оригинальной зимней одеждой являлся ергак (доха) из кожи жеребёнка мехом наружу. В морозную погоду одевали шубы (дэвэль). Но чаще всего отставные калмыки-казаки использовали казачий костюм, а в праздничные дни наряжались в парадные мундиры.

Головным убором являлись казачья фуражка с красным околышем или национальная шапка, наподобие польской конфедератки, с четырёхугольным верхом из жёлтого сукна (хаджилга) и

В. Тимм. Семья донского калмыка. (1849 г.)

красной короткой кисточкой или помпоном (зала). На зимнее время шили тёплую шапку, тоже с верхом из жёлтого сукна и отворачивающимися на лоб и уши меховыми краями (бюшлячи). Обувью для калмыков служили сапоги с внутренними и наружными каблуками. Они были очень удобными для верховой езды, но мало пригодны для ходьбы. К праздничному костюму одевали красные сапоги.

Если для мужчин одеждой служили и национальные костюмы, и казачья форма, то женщины носили только национальную одежду. Нижнее бельё состояло из короткой, ниже колен рубашки (килик) и шаровар (шалвур), также ниже колен. Престарелые и молодые женщины обычно одевали одно на другое сразу три платья. Из них верхнее называлось цегдык, сшитый из шёлковой материи без рукав, длиной до пят. Второе платье называли березе, но оно было с длинными рукавами и пуговицами до пояса, третье – культе шили с короткими рукавами. Два последних платья изготовлялись из шёлковой материи, преимущественно красного цвета. Повседневно калмычки носили первые два платья из черной китайки. Женщина заплетала две косы, помещённые в черные плисовые или бархатные чехлы (шивирлык), которые располагались на груди. Девушки носили разновидность халата под названием бизе, доходившего в длину до щиколоток. Грудная часть платья была плотно закрытой. Под бизе девушки устраивали корсеты для стягивания грудей, которые по понятиям калмыков должны были казаться такими же плоскими, как у мужчин.

Зимняя одежда женщин состояла из шубы (дэвэль). Эта шуба и пояс на ней (элькубчи) воспета в одной из песен:

С обложкой (каймой) в 4 пальца твоя шуба, твоя шуба
Прострочена, выстрочена 44 рядами.
Твой поясок, твой поясок с выкроенными бабочками,
Каждая бабочка прострочена, вышита.

Женщины на ноги одевали чулки (эмсон) и сапоги, не отличающиеся от мужских. Волосы девушек заплетались сзади в одну косу, причём в неё собирались волосы со лба, темени и затылка, а височные оставались не заплетёнными, придавая голове распушенный вид. Головным убором служили шапки наподобие мужских (бюшлэчи и хаджилга) или специальные, сшитые из парчи, которые назывались алтан халвунг[109].

Трудовая деятельность в обществе донских казаков дифференцировалась строго по половым признакам. До недавнего времени считалось постыдным делом, если особенно мужчина занимался не свойственным для него трудом. Причём за этим ревностно наблюдала сама из старших женщин в семье, роду.

Как было заведено, мужчины ухаживали и присматривали за скотом, летом занимались заготовкой сена, она продолжалась до глубокой осени. Сено косили, убирали только в утренние и вечер-

Молодой калмык в бешмете, халате и дохе. (Собрание Донского музея)

Замужняя женщина-калмычка, держащая в руках кожаную флягу-бутылку биирбе. (Собрание Донского музея)

ние часы, отдыхая в жару. В калмыцких сотнях и хотонах были и свои шорники, которые изготовляли сёдла и различные приборы для верховой езды. Часть мужчин занималась плотничьим ремеслом, делая для кибиток решётки и унины, а также все деревянные предметы для домашнего хозяйства. Были в Калмыцком кочевье искусные ювелиры, мастерившие поделки из серебра и меди. Довольно искусно украшали драгоценными и цветными металлами трубку (ганзу), чубучейки, деревянные чайники и другие вещи. Были здесь мастера иконописи, прошедшие подготовку в специальных школах Дербетовского улуса.

Основная тяжесть в быту донских калмыков падала на женщину. Под её опекой находился весь домашний скот, трёхразовая в день дойка коров. Она сбивала на зиму необходимый запас сливочного масла, делала римчук (адам). Сама шила на семью всю одежду, вплоть до обуви, занималась скорняжным делом, утром и вечером перегоняла водку. Изнурительной работой считалось валяние кошмы для кибитки и других потребностей. Женщины вили арканы из конских волос, занимались шитьём посуды из кожи, для чего употреблялись большая игла, а в качестве ниток и дратвы – жилы животных. Во время жатвы женщины из бедных семей уходили на заработки в станицы и помещичьи селения убирать хлеб, весной нанимались на разделывание рыбы. На её же плечи ложились все тяготы по воспитанию детей и уходу за стариками. Таким образом, женщина-калмычка была универсальной мастерицей и великой труженицей[110].

Обычаи и нравственность – настолько переплетающиеся между собой понятия, что при их характеристике многие их черты сами по себе сливаются воедино.

Повседневная жизнь донских калмыков протекала в рамках определённых законов, сложившихся у них, с одной стороны, из древних национальных кодексов, с другой, из правил общежития донских казаков, которые в XIX в. постепенно приводились к единообразию с общероссийскими законоположениями. Старинные законы "Цааджин Бичик" 1640 г. служили руководством в таких сферах гражданской жизни, как власть мужа над женой, развод супругов, раздел имущества, усыновление и т.д. При проведении процессуальных обрядов, связанных с решением этих вопросов, калмыки присягали перед бурханом Емандугой, а по окончании присяги целовали его образ. А вообще по всем уголовным и гражданским вопросам калмыки должны были руководствоваться юридическими правилами, функционировавшими в Области войска Донского[111].

Главными вехами человеческой жизни всегда являлись рождение ребёнка, брак и его кончина. Вокруг этих событий складывались многие обычаи народов, в частности донских калмыков.

Начнём с описания свадебных обрядов. В калмыцком языке слово "брак" отсутствовало, а вместо него употреблялось образное выражение "гер авх" (взять дом). По-видимому оно было связано с тем, что для новобрачных строилась новая кибитка (гер), в которой не готовилась пища, не велись другие работы по хозяйству с той целью, чтобы она была всегда чистой, не закопчённой[112].

Выбор невесты зависел от парня, но обязательно с согласия и совета его родителей, которые в редких случаях могли отвергнуть выбор сына. Жених объявлял родителям имя понравившейся девушки. Отец, выяснив о ней всё, посещал хурул и обращался к зурхачи (астрологу) с подачей сведений о годе, месяце и дне рождения молодых. Согласно указаниям астрологических справочников зурхачи давал положительный или отрицательный совет. Затем отец жениха посещал дом девушки с водкой, но при первом посещении не сообщал истинную цель своего приезда, а придумывал другой повод, например, купить у хозяев что-либо из скота. Однако дальше при разговоре он предлагал хозяевам кибитки продолжить знакомство и даже дружбу, а на прощанье обещал приехать за покупкой. При повторном приезде, также с водкой, гость объявлял уже истинную цель своего визита. Однако родители девушки обычно не давали сразу положительного ответа под предлогом совета с родственниками, но назначали время для третьей встречи. На этот раз явившийся гость приглашался в кибитку в том случае, если сваты были согласны породниться с ним. Бывали и такие случаи, когда невестина сторона, выпив водку, отказывала сватам. В этой ситуации согласно существовавших сбычаев родители невесты должны были возместить отцу жениха стоимость всех презентов в двойном размере. При согласии же обеих сторон родители невесты назначали срок четвёртого визита[113]. Это считалось предсвадебной встречей, куда послы от жениха привозили в большом количестве мяса, водки, сливочного масла и подарки вещами. Они также передавали хозяевам кирпичный чай как залог будущей обильной жизни молодых, клей, скрепляющий супружеский союз, и ремень для его прочности[114]. Здесь же отец невесты требовал от свата денег для исправления дочери к свадьбе. Исходя из своих возможностей, родители жениха преподносили 100, 200 или более рублей. Предварительные переговоры и приготовления к свадьбе длились год, два и больше.

В день, определённый астрологом, начинался главный обряд бракосочетания – свадьба. В кибитке или в доме невесты собирались все её родственники с отцовской и материнской сторон. Сюда приезжали сваты с женихом, обычно к вечеру, но обязательно перед заходом солнца. Всю ночь продолжалось угощение гостей и всеобщее гуляние. С восходом солнца по установленному знаку увозили невесту. Друзья жениха – молодые парни и мужчины старшие возрастом сажали невесту на лошадь одного из физически

крепких, сильных мужчин, который на всём пути очень бережно и надёжно её придерживал. Эту лошадь брал на аркан другой, скачущий впереди, а между ними располагались два всадника с полотном наподобие знамени, закреплённым на двух длинных шестах. Лошади скакали во весь опор. Невеста принимала притворно-отчаянный вид. Остальные члены свадебной делегации скакали вслед за невестой, один из них бережно вёз чашку или мешочек с римчуком, взятые из дома невесты. Подъехав к кибитке жениха, невесту ссаживали с лошади и вводили в кибитку или в дом. А в это время на улице разыгрывался ритуал по отнятию мешочка с римчуком у верхового. Каждый из участвовавших в этом сценарии пытался выхватить мешочек или чашку и бросить у дверей кибитки новобрачных. Между тем невеста находилась в кибитке, сидя на постели за занавесью.

Молодые мужчины и женщины до прибытия приданого невесты занимались застольем, пели и плясали. При подходе верблюда, навьюченного вещами невесты, все женщины со стороны жениха вступали в борьбу по отнятию вещей с сопровождавшими женщинами, при этом с криком наносили щадящие удары плетьми друг другу. Наконец, женихова сторона овладевала приданым и поспешно уносила в кибитку молодожёнов. Сюда же приглашались сопровождавшие гости. Гулянье продолжалось весь день. К вечеру молодые в сопровождении женщин трижды обходили вокруг своей кибитки, а затем новую чету подводили к дверям отцовской кибитки и ставили на колени на ковёр.

Мать жениха выносила из кибитки небольшой кусок говяжьего сала и подавала невестке, которая смазывала им свои руки. Этот ритуал предвещал в будущей жизни изобилие во всех отношениях[115].

Но самыми главными ритуалами свадебного обряда считались: поклонение невесты и жениха в присутствии духовенства солнцу, а затем совместное держание ими берцовой кости задней ноги овцы (шага чимгн). Последнее означало знак неразрывного содружества, сохраняемого до конца жизни. Держась за кость, новобрачные несколько раз кланялись солнцу и бурхану, призывая их в свидетели своего бракосочетания. При этом акте духовенство распевало соответствующие молитвы, среди которых наиболее важной была следующая: "Подобно тому, как августейший хан Чингис и другие могущественные повелители устраивали радостные брачные пиры, точно также и ныне, по нашим древним заветам, привезли мы эту благонравную девушку торжественно и чинно. Посадивши её с женихом, мы призываем благословение на их союз". Затем совершались жертвоприношения огню, в который клали мясо, жир, масло, молоко и другие продукты. Всё это духовенство сопровождало молитвой: "Могущественный повелитель огня, вкусив эти жертвы, соизвольте преподать покой, блеск, долгоденствие и богатство брачующимся. Да исполнится всё благое, ими задуманное,

Всесовершенные Будды! Соизвольте исполнить брачующихся единомыслием и здравием, увеличением рода и полным согласием в деятельности на благо священного учения и всего доброго. Да уподобятся брачующиеся производящим всяческую пользу и добро небесам и матери земле. Да просветятся их мысли, подобно солнцу, и да будут они чисты и возвышенны, как луна"[116].

По окончании этих процедур молодую чету заводили в их кибитку и невесту ставили на колени в супружеское ложе, а жениха рядом – на коврик. Гелюнг, совершавший обряд бракосочетания, садился с правой стороны постели, читая молитвы, бросая зёрна, что означало изгнание из кибитки нечистого духа, чтобы он в первую брачную ночь и в последующем не подстрекал бы и не соблазнял невесту к аморальным поступкам, к измене. Затем гелюнг смазывал священной водой с молоком голову, шею, руки, груди молодых, а оставшуюся смесь они должны были выпить. По завершении этого последнего обряда гелюнг оставлял молодых одних, а находившиеся вне кибитки мужчины и женщины троекратными выкриками извещали о завершении предбрачных обрядов.

По калмыцким обычаям устанавливались следующие возраста для бракосочетания: девушки могли выходить замуж на 15 году, а мужчины могли жениться на 17, 19, 21, 23 и т.д. Чётные годы предвещали какое-либо несчастье молодожёнам или их близким родственникам[117].

Безусловно, соблюдение всех этих обрядов требовало огромных материальных затрат, не всем это было под силу. Поэтому, среди донских калмыков бытовало немало случаев, когда с согласия невесты увозили её негласно. У девушки расплеталась коса и заплеталась в две, после чего она оставалась жить в семье понравившегося парня[118].

Следует отметить, что свадебные обряды в торгутовских и дербетовских улусах за малой разницей были такими же[119].

В строгих рамках обычаев оказывалась молодая женщина после свадьбы. Молодожёны находились в полной зависимости от родителей мужа. Долгое время невестка не имела права не только разговаривать со свёкром, но и смотреть на него. В кибитку родителей могла входить только в отсутствие свёкра. В случае, если она заставала его дома, то должна была, закрыв своё лицо, немедленно удалиться. Отца и старших братьев мужа не имела право называть по имени. Более того, не могла обращаться по именам даже к их тёзкам. Это могло продолжаться до тех пор, пока не снимет запрет сам свёкор. При всех случаях невестка должна была оказывать отцу мужа почтение и уважение.

Со своим родным отцом и родственниками после свадьбы молодой женщине, если и позволялось видеться, то запрещалось входить в отцовский дом в продолжении года, двух и более лет, до тех пор, пока отец не разрешит прийти в гости. В назначенное

время она направлялась в отчий дом с мужем или другими близкими родственниками с водкой и подарками. У дверей кибитки с улицы зажигала клочок сена, то же повторяя войдя во внутрь, у порога и посредине. После этих процедур усаживались все за стол и пили принесённую водку. Отец одаривал дочь лошадьми, рогатым скотом, овцами и верблюдами, исходя из своих возможностей. Визиты наносились и другим близким родственникам, которые также дарили ей скот и вещи[120].

Власть мужа над женой была неограниченной и он распоряжался ею, как вещью. Муж мог развестись с женою без особых на то причин в любое время. Однако, определённое семейное право в обществе донских калмыков существовало. Например, уважительными причинами считались: бездетность (в этом всегда считалась виновной женщина), отсутствие у жены рачительности по хозяйству, распутство. Если жена обладала даже положительными качествами, но не нравилась мужу какими-то другими сторонами, то муж должен был заявить об этом отцу или матери, при их отсутствии – близким родственникам и гелюнгу, а затем выдворить жену из дома, отдав ей полностью привезённое приданое. Если брак расторгался по случаю бездетности, то муж выделял жене по своему усмотрению только часть совместного имущества. Выступать инициатором развода женщина не имела права. Исключением из этих правил могли служить случаи необоснованных жестокостей, граничивших с садизмом, а также, когда муж оказывался потенциальным вором или разбойником. В такой ситуации родственники жены должны были подать жалобу сотнику, судьям, почётным старикам. Последние троекратно требовали от мужа прекращения тиранства и подавления в себе указанных пороков. Если это не имело воздействия на виновника, то жена могла уйти от него, причём дети и имущество, включая приданое, оставались у мужа. Иногда по желанию мужа дети могли уйти с матерью, но при этом имущество отдавалось по установленной норме на ребёнка. Разведённые супруги могли вступать в новый брак[121].

Рождение нового человека являлось у калмыков событием огромной важности и радости. У богатых оно сопровождалось широким пиршеством (по-калмыцки называлось "милянгудын херим") с одновременным наречением имени и освящением ребёнка (кюкед аршалху). Обычно духовное лицо согласно священной книге назначал день освящения – омовения новорожденного. Прочитав молитвы, гелюнг брал чашку с водой, подливал туда немного молока и добавлял соки ароматных трав (благовоний). Затем на эту кружку или другой сосуд клал священную книгу, после чего смесь считалась освященной. Сопровождая дальнейшие ритуалы дуновением и таинственными словами (тарни), гелюнг смачивал раствором средний палец левой руки и проводил им трижды по губам ребёнка. Далее небольшой порцией священной

воды он смачивал его лицо, головку и нарекал имя рождённому, определяя, какой из богов станет его хранителем и покровителем. На шею ребёнка надевалась небольшая сумочка с зашитыми в неё записями молитвы. Этот талисман у калмыков называли бу[122]. Отец с матерью давали своему ребёнку другое имя, которое могло быть названием урочища, где проживала семья, или именем первого вошедшего в кибитку человека, или названиями предмета, попавшего первым на глаза. В повседневной жизни становилось известным второе имя[123].

Донскими калмыками обращалось большое внимание на соблюдение обрядов похорон умерших. Сложные ритуалы были обусловлены воззрением буддистов на потусторонний мир. В священных книгах писалось, что в предсмертном состоянии чувства человека постепенно угасают, лекарства и врачи, равно как и пища и питьё, теряют для него всякий смысл. Окружённый родственниками, он прощался с окружающим миром, при этом больше всего боялся владыки ада. Последним актом жизни являлось прерывание дыхания. Затем открывался рот, оголялись зубы, лицо умирающего принимало улыбающийся вид. Усопший вступал в состояние величайших страданий и шествовал в другой мир. Он впадал в кромешную тьму, падал в бесконечную бездну. Гонимый вихрем судьбы, он летел, не имея места для остановки, и созерцал ужасы дурных, зловещих перерождений. Именно в это время для умершего не было никакой защиты, спасения и надежды, кроме как веры.

Вот почему родственники безнадёжно больного обращались прежде всего к духовенству, посредникам между людьми и всемогущими богами. К умирающему приглашали гелюнга, который садился у ног и читал молитву "зурдайн судур". В ней содержались сведения о том, что должна встретить и испытать душа, разлучившаяся с телом. В частности, молитва утверждала: если ушедшему в иной мир покажется озеро с плавающими гусями, то он возродится в стране великанов (улюмджи Баятийн-Теб); покажется какой-то прекрасный город – возродится в нашем свете (Замбо-Теб); увидит рогатый скот и людей – это признак возрождения в стране скотоводов (укюр Эдлюкчи-Теб); покажутся деревья, значит обеспечено возрождение в стране зловещего голоса (Му дута-Теб); покажется прекрасное, нарядное здание – возрождение произойдёт в царстве небожителей (тэнгэри); покажется обгорелый пенёк – быть у безобразных чудовищ (биритов); и, наконец, если послышатся насмешки или же покажутся мрачный, красный дом, пустынная степь и чёрная дорога – быть в аду (тамыйн орон). Молитва призывала умирающего пробудить в себе стремление возродиться в царстве людей(Замбо-Теб).

После прекращения дыхания все покидали кибитку и оставляли умершего одного. Родственники обращались к зурхачи (астрологу) за консультацией о способах и времени погребения. Всеми

ритуалами похорон занимался буянчи. Он обмывал покойника, приводил его в нужную позу и руководил устранением всего того, что считалось дурными приметами для живых родственников. Например, если у покойника открыт рот, то он заклеивал его бумагой, на которой были нарисованы два скрещивающихся "очира" (богослужебная принадлежность в виде маленького скипетра); если у покойника были открыты глаза, то их прикрывал чёрной материей и т.д.

Способы погребения по канонам буддизма должны были соответствовать пяти явлениям вселенной – земля, вода, огонь, воздух и дерево. Это означало: умерший должен быть закопан в землю, брошен в воду, сожжён на огне, подвешен в воздушном пространстве, уложен на дерево. У донских калмыков покойники закапывались в землю или сжигались на огне[124]. В первом случае умершего оборачивали полотняной материей и закапывали в землю. Поминовение проводилось несколько раз в году. Кибитку, в которой умер человек, переносили на другое место, после чего приглашали духовенство для её освящения.

Ритуал сжигания применялся редко. Этого обряда удостаивались лама, бакша-гелюнг и почитаемые знатные люди. Умершего обворачивали красной материей, клали на носилки и выносили из кибитки, сопровождая этот обряд трубными звуками и барабанным боем при пении молитв. Похоронная процессия трижды обходила помещение хурула и доставляла тело к месту погребения. Дрова и сливочное масло для костра приносили жители хотонов. После сожжения кости покойника тщательно собирали в серебряный сосуд, через некоторое время превращали их в порошок и небольшими порциями смешивали с глиной, а из полученной смеси лепили круглые чашки в форме шаров до пяти и более тысяч, которые расставлялись прямыми рядами в гроте, сооружённом из дёрна и накрытом камышом. В первые годы гелюнги приходили сюда три раза, читали и пели молитвы[125].

Нравственные черты донских калмыков были предметом неоднократных наблюдений и изучений со стороны этнографов, историков и просто интересующихся этим народом. Сохраняя монгольские черты лица, цвет кожи, по словам И.И. Попова, "дети же, а особенно женщины, могут похвалиться совершенно белыми лицами с ярким румянцем на них. Под влиянием суровой кочевой жизни калмыки в большинстве своём были среднего роста с крепким телосложением, часто среди них встречались высокого роста". "Что касается до духовных способностей,- продолжал И.И. Попов, долгое время обучавший калмыцкую молодёжь,– то калмыки выгодно отличаются от других наций хорошей памятью, остроумием, умением красноречиво говорить, усидчивостью в учении, терпением, внимательностью и охотою к нему. Нам приходилось обучать русской и монгольской грамоте очень много калмыцких

мальчиков. Среди них была, конечно, разница в способностях, но не было ни одного лентяя и совершенного тупицы"[126]. Многие исследователи жизни калмыков на Дону отмечали и положительные и отрицательные черты в их нравственном облике. Стороннему наблюдателю прежде всего бросалось в глаза гостеприимство. Любой странствующий путник, человек, терпевший беду, будь это чужие или свои, могли найти в калмыцкой кибитке приют на ночлег, угощение, помощь и сочувствие, причём безо всякой задней мысли и желания получить за это какую-либо плату или подарок. Итак, бескорыстие являлось врождённым качеством калмыков. С другой стороны, они готовы были вдвойне и втройне ответить на содеянное кем-либо добро. Народная мудрость, бытовавшая среди них, гласила: "Не воздать за благодеяние – признак глупости, сделавши благодеяние, не говори после о нём". Исследователи всегда отмечали их откровенность с людьми и доверчивость к любому человеку.

Калмыки с большим почтением относились к старшим по возрасту и старикам, особенно к отцу, матери, к старшему брату и т.д. Это правило жизни распространялось и на военную службу, когда калмыцкий казак мог беспрекословно выполнять приказы начальства. В жизни калмыков-казаков ценилась и поддерживалась верность супругов, особенно со стороны женщины.

Социально-моральное положение женщины и отношение к ней у донских калмыков было гораздо выше, чем у других восточных народов.

В калмыцких сотнях на Дону исключено было преднамеренное убийство друг друга. Калмык был весьма умерен в пище и питье, мог легко переносить голод и жажду, холод и жару.

Калмыцкое общество отмечалось сплочённостью, взаимопомощью. Наконец, они никогда не говорили о том, что негативно могло бы затронуть престиж народа, руководства и духовенства.

Наблюдатели замечали малую склонность калмыков ко сну, они обычно поздно ложились и рано вставали. В любой ситуации никогда не унывали, их не покидали весёлый нрав и характерный для них юмор. Недаром они любили рассказывать коротенькую сказку про воробья, выражавшую их характер[127].

Как у любого народа, у донских калмыков можно было наблюдать пороки, которые не красили их общество. Для представителей земледельческого народа, незнакомых с кочевой жизнью, казалось, что среди некоторой части калмыков, не приобщившихся к хлебопашеству, много бездельников. Безусловно, специфика кочевого скотоводческого хозяйства требовала значительно меньше затрат труда, чем у земледельцев, что давало повод характеризовать калмыцких мужчин как ленивых. Но здесь же А.Л. Крылов замечал, что "порок этот не всеобщий, или по крайней мере есть многие счастливые исключения и, прежде всего, нужно исключить женщин"[128].

В обществе донских калмыков были исключены случаи воровства вещей, домашнего скарба, грабежи, однако здесь бытовало воровство лошадей, скота. Это считалось не столько источником обогащения, а сколько проявлением молодецкой удали, признаком какого-то нездорового интереса или хобби. Довольно распространённым явлением в общественном быту являлось пьянство и связанные с ним последствия. Однако, как отмечает Крылов, оно здесь проявлялось в меньшей степени, чем у русских казаков и крестьян[129]. Таким образом, быт, обычаи, морально-нравственные устои носили в целом национальные черты.

Весёлый нрав, наличие постоянного юмора, социально-хозяйственное положение донских калмыков определяли содержание народного искусства, характер песен и танцев, народных гуляний.

В праздники молодые мужчины, женщины и девушки (багчуд) собирались в назначенное место для веселья (надм). Эти праздники и вечера были единственной возможностью и местом проявления способностей в исполнении песен и плясок. Наиболее любимой плясовой песней считался "Савардин". Она была распространённой ещё в начале XIX в. Текст её сохранился в рукописях за 1822 год в следующем изложении:

По каждой ноте пляшут наши молодки,
А вы, любезные мужья, с радостию на них смотрите
Савардин 2
Пляшите, нежные и прекрасные девицы,
А вы, женихи, приходите на них любоваться
Савардин 2
Твои умные поступки и нарядное платье,
Твои нежные руки и золотые перстеньки
Принудили меня полюбить тебя,
И кто же может за это меня обвинить?
Савардин 2

Единственным инструментом, под который плясали участники вечеров, была балалайка (домбр). На ней играли в большинстве случаев женщины и девушки и редко – мужчины. Во время танцев все присутствующие садились в кружок, в котором одна из женщин исполняла танец. Исполнив танец до конца, она касалась рукой плеча любой из сидящих женщин, та должна была заступить её место.

Танцы конструировались из различных элементов движения тела. Согласно тактам музыки строились различные фигуры руками, изгибались почти до самой земли, низко наклоняли назад голову. Как полагали сами калмыки, эти элементы составляли совершенство и приятность танца[130].

Многие поэтические произведения, а они существовали неразрывно с музыкой, воспевали военные походы казаков, удаль казацкую, трудности службы. Много песен было посвящено Отечественной войне 1812 года, в которой донские калмыки приняли активнейшее участие. Вот одна из них:

На трёх Манычских курганах
Собирал войско генерал Матвей[131],
А собранных генералом Матвеем
Инспектировал Андрей Митрич[132].
Проинспектированных же Андреем Митричем
Отправлял на службу сотник Аля[133],
Как отправил нас на службу сотник Аля,
Мы ехали, печалясь о домашних.
Воду Старого Дона переехали мы с помощью наших верных коней,
А через воду Молодого Дона[134] переправились мы силой молитвы.
Может ли вода глубочайшей реки
Иссякнуть, входя в сыпучие пески?
Сияние восходящего солнца
Можно ли затмить ладонью руки?
Точно также и услышав тот прекрасный приказ (о походе),
Наши сердца исполнились удовлетворением[135].

Не легче служба калмыка-казака была и в начале XX в. О ней также была сложена песня, которая по-калмыцки звучала кротко и очень красиво. Приведём из неё лишь некоторые строки:

Выступая из Новочеркасска,
Садимся на огневую машину (поезд – К.Ш.)
На берегу Чёрного моря
Стоял я на карауле,
На берегу Белого моря (на Севере – К.Ш.)
Стоял я на часах,
Долго длится зимняя ночь
И прохладна серая шинель[136].

В течение каждого года калмыки отмечали три основных праздника. Первый из них – Цаган-Сара, учреждённый в честь бурхана Шагчи Чедухче. На этот счёт существует следующее предание. Через некоторое время после сотворения человека этот бурхан, видя, что нечистые духи начали совращать правоверных калмыков от истинной веры, начал в союзе с другими бурханами жестокую войну с духами, длившуюся 12 лет. Однако на протяжении всех лет войны бурханы не виделись между собой. Наконец, на 13 году 29 января (по буддийскому исчислению), когда Шагчи Чедухче одержал окончательную победу над нечистыми, бурханы вновь встретились и стали поздравлять друг друга с этим счастли-

вым событием. Главный бурхан вновь обратил калмыков в правоверных. Отсюда у них возник обычай жать руки при встрече. 30 января все гелюнги собирались в хуруле и в течение суток при звуках труб и барабанном бое читали и пели молитвы, в которых благодарили Шагчи Чедухче за спасение человеческого рода и просили его о том, чтобы ниспослал всем здоровья и благословил их на весёлый и благополучный праздник.

1 февраля (в месяц лу) начиналось всеобщее веселье с обязательным употреблением спиртных. Молодые мужчины устраивали скачки. Многие в них бывали в нетрезвом состоянии, что влекло ссоры, драки. Всадники вступали в единоборство с плетьми (маля), которыми нещадно били друг друга. Победители считались в народе удальцами.

Старики группами ходили из кибитки в кибитку и угощались праздничными блюдами и водкой. Пожилые женщины собирались своим кругом, девушки – своим, где наступало царство пения и танцев. Не отставало от светского веселья и духовенство. Празднование продолжалось семь дней и сменялось всеобщим молением жителей сотни на протяжении также семи дней. Все прихожане привозили с собой продукты и водку, а те, которые поминали своих родителей, пригоняли партиями овец, рогатый скот, спиртные напитки для угощения духовенства и мирян. Праздник заканчивался 15 февраля[137].

Следующий народный праздник Урюс-Сара начинался в месяц хен (овцы), по христианскому календарю 3 мая. Он посвящался бурханам, помогшим преодолеть людям и скоту "ужасы зимнего времени" (эвлин тамэ). Наступление Урюса, как и у всех калмыков на Волге, торжественно и весело праздновался в Сальской калмыцкой степи. В этот день хурулы и кибитки украшались зеленью. Ранним утром, ещё до восхода солнца, вырезались куски дёрна с сохранением травы ("сул боксо" или "урус овсон"). Дёрн укладывали перед бараном, пучки с лиловыми цветами прикрепляли к унинам против барана. Часть дёрна клали около "зэль" (привязи для телят, жеребят, ягнят и козлят). С восходом солнца старший по возрасту член семьи становился перед бараном и произносил молитву. Затем он наливал в чашку чигян и разбавлял водкой. Семейство выходило на улицу, где снова глава семьи, повернувшись к солнцу, произносил особую молитву. С окончанием молитвы, макая в чашку приготовленной смеси пучком травы, окроплял все четыре стороны света, головы членов семьи.

Следующий обряд связан с кроплением молодняка животных, сопровождаемый произношением магических слов: "ом-ма-хом-цок". Читая молитвы, калмыки поклонялись лазурному небу, светилам – солнцу и луне, центру вселенной – горе Сумару, якобы находившейся среди великого океана-моря. Возносились молитвы главе ламаистов-буддистов Далай-Ламе и всему духовенству. В этих молитвах вспоминались прежние места кочёвок за пределами России, в частности, снежные вершины гор Алтая, величественный Иртыш, особо упоминался августейший Чингис-хан. Надо заметить, что донские калмыки свято хранили и чтили историческое прошлое, традиции далёких предков, передавая их грядущим поколениям[138].

Зула-Сара начинался в месяц укур (25 сентября) и был учреждён в честь бурхана Зонкавы, который якобы, сойдя с неба, распространил среди калмыков религиозное учение под названием ламаизм. После долгих путешествий по земле Зонкава обратно вознёсся на небо. В память этого вознесения в хурулах и в каждой кибитке зажигали лампады (зул), изготовленные из теста и заправленные сливочным маслом. Лампады не выбрасывали, а как святыни употребляли в пищу. Молебен в хурулах продолжался пять суток без перерыва с участием всех жителей сотни. После окончания молебна в хурулах и во всех кибитках люди начинали ритуал, связанный с жертвоприношением огню. Его порядок был следующим. Вокруг очага в кибитке с трёх сторон натягивали тонкую баранью кишку. У огня в небольших чашечках из ржаного теста зажигали сливочное масло, а рядом втыкали в землю веточки, украшенные разноцветными лоскутками из шёлка. В огонь по порядку ложили бараньи рёбра, грудину и задние ноги. Время от времени подливали в огонь масло, сало, молоко, чигян, араку (водку). Когда же всё это сгорало, в огонь бросали натянутую кишку. Во время жертвоприношения гелюнгами читалась молитва. Сидящие вокруг по сигналу гелюнга взмахивали руками и восклицали троекратно: хурю, хурю, хурю, что означало зазывание ко всем здоровья и благополучия. Детям раздавали сваренное баранье сердце в залог будущего их здоровья и счастья. Перед погашением огня всем присутствующим в кибитке раздавали кусочками сваренные внутренности барана, язык и горло. После этого обряда пепел оставляли в кибитке на три дня, а затем выносили в отдалённое место, где люди не могли бы на него наступить[139].

Религия донских калмыков

Донские калмыки в подавляющем большинстве своём исповедовали одну из ветвей буддизма – ламаизм. Эта религия проповедует высочайшую любовь ко всему живому на Земле, доходившую вплоть до самопожертвования ради сохранения этого живого. Вера зовёт к безмерному состраданию к чужому горю и беде. Нравственная основа буддизма заполнена вечной борьбой духа с материей. Победителю в этой борьбе воздаётся вечное блаженство. Именно это является высшим совершенством идеальной чистоты и оно несравнимо ни с какими земными чувствами человека. И когда мы

писали раньше о нравственном облике донских калмыков, то положительные стороны их нравственной сферы развивались именно под влиянием этого высоко гуманного учения. В отличие от других калмыков-казаков, донские не испытывали на себе довлеющего влияния миссионерских организаций православной церкви. Степень их приверженности к своей религии была настолько высокой, что даже некогда крещёные чугуевские и беляевские калмыки после их причисления к Донскому войску, оказавшись среди своих соплеменников, вновь легко перешли к исповедованию ламаизма.

С самого начала перехода на Дон каждая отдельная сотня (аймак) имела свой хурул и довольно многочисленное духовенство. Известные нам материалы за 1839 г. позволяют выявить не только количество действующих хурулов на данный период, но и воссоздать историю их возникновения почти в каждой сотне. Вместе с этим приведённые ниже сведения в какой-то степени проливают свет и на вопрос примерного времени появления сотен в составе донского казачества.

Перейдём к рассмотрению сотенных или аймачных хурулов Верхнего улуса (по административному устройству 1806 г.). Первая Харьковская сотня (Цевднякин амиг) имела два хурула, первый из которых был учреждён с начала образования сотни (приблизительно 90-е годы XVII в.), второй – в 1766 г. с затратой на него сотенных средств по инициативе бакши Джамбы Азугинова. Во второй Бемдякинской сотне функционировали также два хурула: сотенный, учреждённый в начале формирования и бакшинский Габуна Дуланова, возникший в 1715 г. Третья Намровская сотня (Ики-Бурул амиг) имела также два хурула. Первый возник вместе с её формированием, второй – бакши Шарапа Джельданова был основан в 1759 г. на средства населения аймака. В четвёртой Рынцановской сотне (Зюнгар амиг) действовал один хурул, учреждённый вместе с её возникновением на Дону (по всей вероятности в 90-е годы XVII в.).

Как известно, Средний улус состоял из пяти сотен. Первой Верхне-Таранниковской сотне принадлежали три хурула: сотенный был построен зайсангом Санжой Аршой Санживиновым в 1766 г.; второй был основан по инициативе бакши Целенегва на народные средства в 1784 г.; третий – в 1805 г. Во второй Чоносовской сотне (Бага-Чонос амиг) действовали два хурула: первый сотенный был построен в 1733 г. зайсангом Петром Бододжаном, второй возник в 1734 г. Третья Нижне-Таранниковская сотня имела один хурул, учреждённый в начале возникновения самой сотни. Четвёртой Балдырской (Потаповской) сотне принадлежали два хурула, из которых, как нам известно, второй был основан в 1804 г. В пятой Беляевской сотне действовали два хурула: первый был основан в 1720 г., второй – в 1760 г. Наличие этих хурулов свидетельствовало о том, что беляевцы, проживая в Слободской Украине и считаясь крещёными, всё-таки нелегально оставались приверженцами своей религии.

По Нижнему улусу мы располагаем сведениями только по двум сотням из четырёх: по первой Эркетинской (Эркетнэ амиг) и четвёртой Багутовской (Багут амиг). Эркетинскому аймаку принадлежали два хурула, основанные в 1720 и 1770 гг., а Багутовскому – три, возникшие в 1715 , 1760 и 1831 гг. Всего в Калмыцком округе на 1839 г. насчитывалось 25 действующих передвижных храмов (без учёта двух сотен Нижнего улуса) с общим штатом в 150 служителей (1 бакша, 70 гелюнгов и 79 манжиков)[140]. В действительности же их было намного больше. На этот период, например, Зюнгарский аймак имел стационарное хурульное помещение, отстроенное по восточному типу с элементами тибетской архитектуры[141].

Многочисленные хурулы, как передвижные, так и стационарные, служили не только местами отправления обрядов, но и были центрами буддийской учёности и светского обучения чтению и письму[142].

Однако при таком количестве хурулов и многочисленности духовенства основная масса донских калмыков относилась к религии индифферентно, считая знание молитв и религиозных ритуалов обязанностью хурульных служителей. Они считали для себя вполне достаточным, если в течение дня несколько раз повторяли магические слова: ом-мани-падме-хом. Причина заключалась в том, что все молитвы были написаны и произносились на непонятном для калмыков тангутском (тибетском) языке. Духовенство толковало их по-своему, а иногда вообще не разъясняло смысл молитв своей пастве[143].

Иерархическая лестница духовенства донских калмыков делилась на пять ступеней. Главой духовенства Калмыцкого кочевья на Дону являлся лама. Он был толкователем веры и его мнению в вопросах религии никто не имел право возражать. До XIX в. по религиозным делам он отчитывался дербетовскому ламе, а с 1806 г. вопросы, связанные с утверждением самого ламы и определением хурульных штатов были переданы в компетенцию войскового атамана. Но в остальных делах лама имел полную самостоятельность. Только ему принадлежало право посвящения в звание гелюнгов и гецюлей. В 20-е годы XIX в. главная ставка ламы находилась на территории 4-й сотни Нижнего улуса (Ики-Бурул) амиг. По сведениям 1822 г. на этой должности находился Санга. На именах последующих мы не останавливаемся, так как о них довольно подробно сказано в очерке А. Борманжинова[144].

В 1896 г., в период наибольшей активизации миссионерской деятельности представителей православных церквей на Дону, местная казачья администрация упразднила институт лам у донских калмыков. Однако такое нововведение просуществовало недолго. В 1903 г. калмыцким хурулам было разрешено возобновить выборы ламы[145].

Старый и новый хурул в ст. Эркетинской. С фот. К. О. Крузе.

Первым заместителем ламы являлся бакша-гелюнг. Придавая огромное значение этой должности, лама тщательно подбирал подходящую кандидатуру из многочисленных гелюнгов, которая лучше других постигла догматы ламаистской веры и её обрядов. Однако по образу жизни и положению он особо не выделялся среди других гелюнгов.

Следующую ступень иерархической лестницы составляли гелюнги. В этот духовный сан посвящал сам лама, но обязательно с ведома войскового или наказного атамана. Этот акт проводился в приподнято-торжественное обстановке. В заранее определённый день в главный храм ламы приглашались все старшие гелюнги сотенных хурулов. На этот обряд посвящаемый должен был явиться с выбритой головой. Сложный ритуал начинался с омывания святой водой головы, рук и груди виновника торжества. Затем его трижды обводили вокруг главной хурульной кибитки или стационарного храма и вводили во внутрь. Здесь он становился на колени перед ламой, который восседал на своей постели. По обеим сторонам от ламы располагались его собственные и прибывшие гелюнги. Вместе со всеми лама читал и распевал молитвы. Закончив цикл молитв, он давал посвящаемому наставления о добродетели, богослужении, а затем выяснял его знания. В завершении всего гелюнги главного хурула наливали святую воду на голову посвящаемого, над которой держал свою руку лама, а тот омывал лицо, грудь и руки. Затем в новом одеянии гелюнга выдержавший экзамен обходил три раза вокруг всех хурульных кибиток или построек. Новоиспечённый гелюнг на протяжении семи недель должен был соблюдать пост и продолжал осваивать тайны религии.

Младшие гелюнги находились под надзором старших. О поведении и исполнении ими своих обязанностей последние отчитывались перед бакшой. За незначительные проступки наказание накладывал бакша, а более значительные нарушения или преступления разбирал сам лама, который в зависимости от степени тяжести мог отстранить провинившегося от должности временно или навсегда. В последнем случае гелюнг зачислялся в казаки и по установленному порядку призывался на военную службу.

По ламаистским канонам гелюнги не могли вступать в брак. Однако отступление от этих правил у духовенства донских калмыков не считалось за греховное преступление. Желающий вступить в брак обращался к ламе или бакше и, как правило, получал от них добро. Однако женатый гелюнг или любое другое духовное лицо теряли авторитет и уважение у прихожан.

В гецюли посвящали без всякого на то разрешения войсковой администрации, так как они несли военную службу наряду с гражданским населением. Одевались они в гелюнгский наряд без красного кушака через плечо.

Низшим звеном духовенства являлись манжики (послушники). Это были мальчики в основном из благочестивых семей,

Гелюнг. (Из собр. Донского музея).

отданные в хурул для обучения грамоте. Они осваивали также игру на хурульных инструментах. Более способные из них посвящались в гецюли[146].

Хурул представлял собою совокупность нескольких кибиток, где проходила служба и проживало духовенство. Кибитки размещались следующим образом: главная (старшая) кибитка, в которой находились все культовые предметы для богослужения, ставилась на передний план с дверями с южной стороны; все другие располагались по правильному кругу сзади. Каждая сотня имела свой хурул, но с разницей по количеству кибиток. В зависимости от численности населения и состоятельности сотни при хурулах насчитывались три, а то и от 8 до 10 кибиток. Число гелюнгов при хурулах должно было состоять не менее 8 и не более 20, гецюлей в иных совсем не было, в других один или два человека. Штат манжиков также не был определённым.

Каждый хурул был оснащён определённым количеством культовых инструментов и специальным оборудованием. Вот их названия. Дунг, музыкальный инструмент, представлявший собой белую раковину величиной в 6 вершков. Имелись цаны – медные тарелки, изготовленные в Дербетовском улусе или привезённые из Тибета. О последних существует следующая легенда. В одном из городов Тибета в специальном доме организована их продажа. Приехавшие сюда паломники кладут на стол определённую сумму денег и сразу удаляются из дома. В это время невидимая сила приносит с неба эти тарелки, кладёт на стол, забирает деньги и исчезает. Если оставлено на столе денег больше необходимой суммы, то эта сила откладывает в сторону излишки, а в случае недостатка денег тарелки сами разбиваются и остаются в таком виде на столе, а деньги разбрасываются по всей комнате. По сведениям 1822 г. во всём Калмыцком кочевье на Дону таких священных тарелок насчитывалось не более пяти пар и являлись они бесценной реликвией. Величина их в диаметре составляла две четверти.

Следующий инструмент назывался по-калмыцки бюшкюр. Это небольшая труба длиною в три четверти, изготовленная из чёрного дерева с металлическими концами. В ней было просверлено 8 отверстий. Играли с помощью пищика из чакана (рогозы), который не отличался от устройства на гобоях.

Большая труба называлась бюре, её величина доходила до трёх аршин с четвертью. Она изготовлялась из серебра или меди с серебряными поясами.

Очир был изготовлен из тёмной меди величиной в четверть и употреблялся вместе с колокольчиками. Не обходилось богослужение и без хонха-медного колокольчика величиной с четверть вершка. Название следующего инструмента – гандум. Он представлял собой искривлённую и плоскую трубу из серебра. Применялся также барабан (по калмыцки- тенгирге), обтянутый с обеих сторон

козлиной кожей. При богослужении он закреплялся на палке, по ней били искривлёнными палками, обтянутыми на концах кожей. Диаметр барабана составлял четыре с половиной четверти. Употреблялся серебряный кувшин (бомбо) на низких ножках, наполненный святой водой. Бакша-гелюнг павлиньими перьями окроплял положенные по обряду объекты. Чимак изготовлялся из узких шёлковых ленточек, он подвешивался около бурханов-статуэток, вылитых из металла и позолоченных сверху.

Перед началом богослужения манжик начинал играть на раковине, что являлось сигналом для сбора служителей хурула и населения. Позже к нему присоединялись два манжика или гелюнга, которые играли на бюре четверть часа, то повышая, то понижая звуки, затем этот оркестр пополнялся ещё двумя гелюнгами с бюшкюрами и все вместе играли в течение 10 минут. Этот обряд был связан с созывом в хурул тех бурханов, которым посвящалась служба.

Все служители хурула садились в два ряда лицом друг к другу. В голове первого ряда сидел бакша-гелюнг, рядом – управляющий хурулом. Перед ними лежала раскрытая книга с молитвами, страницы которой переворачивал гелюнг, сидящий справа. Перед бакшой на столике стояли серебряный сосуд (готбын) со святой водой, накрытый сверху шёлковой материей с изображением бурханов, колокольчик и очир, в руках бакша держал тарелки. Перед управляющим хурулом стоял медный сосуд с деньгами, куда гелюнги и прихожане клали серебряные и медные деньги. Такие же сосуды стояли снаружи хурула. Внесший пожертвование осыпался хлебными зёрнами. Перед всеми гелюнгами на скамейках лежали очир, колокольчики, серебряные и медные чашечки с зёрнами, у некоторых в руках были тарелки и трубы. Манжики сидели позади гелюнгов с барабанами и трубами. Они ударяли палками в барабаны в такт скорости чтения молитв, здесь же раздавались тихие звуки тарелок. В отдельные моменты в пение молитв включались все служители хурула, отбивая окончание каждого стиха на барабанах и тарелках. По завершении молитвы две минуты во всю силу играли на всех инструментах, били в барабаны и тарелки. Звуки труб, барабанов и тарелок, переходящие в рёв, означали радость по поводу посещения бурханами хурула. Затем бакша брал по два или три пшеничных зернышка и бросал трижды вверх, то же повторяли гелюнги. Этот обряд означал изгнание нечистых духов во время присутствия бурханов в хуруле.

Во время службы, особенно в праздники, собравшийся народ соблюдал следующий порядок. Пожилых и молодых мужчин строили повзводно, каждую группу отдельно обводили вокруг хурульной кибитки слева направо и, дойдя до двери, ставили в один ряд. Здесь они, поднеся сложенные руки ко лбу, отдавали три земных поклона. После прохождения мужчин в таком же порядке шли женщины[147].

Духовенство донских калмыков знало и проповедовало до пятнадцати видов молитв: Мехазам (начальная молитва), Ивел (исповедальная молящегося), Долан гешгату (семичленная молитва), Мандал (доказательство любви и милосердия молящегося к живым существам) и другие. Был переведён на калмыцкий язык ряд тибетских сочинений: Чавру (трактаты возвышения духа над материей), Джеви Сомзи (три степени нравственного и умственного совершенства), Чожад (правило жизни духовного лица), Джимбал Шалан (комментарии на Джеви-Самзи), Бага-Бодимер (буддийская этика – комментарий Зонкавы), Гол-Бодимер (основное учение буддийской этики – законы нравственного совершенства. Сочинение Чжу-Адиши), Чангта-Бодимер (расширенное толкование предыдущего сочинения Чжу-Адиши) Зонкавы и другие[148]. Кроме того, большой известностью пользовались и такие религиозные книги, как Дорджи-Джомдба, Зурдайн Судур, Гэгэн Толи, Мани Гомбо, Улигэриин Далай, Улигэриин ном, Аршани ном, Чихула кэрэкту-Тарбо-Ченпо, Бода мер, Алтан Гэрэль, громадный многотомный Ганджур-Данджур и др.[149]. Все эти молитвы и сочинения манжики должны были знать наизусть, не всегда вдумываясь в их содержание.

До XIX в. руководство войска Донского старалось не вмешиваться во внутреннюю жизнь донских калмыков, и в частности в религиозные дела. Однако с образованием отдельного Калмыцкого кочевья в 1806 г. общественное устройство было максимально приближено к общевойсковому. Как уже говорилось об этом выше, под контролем донской администрации оказалась и деятельность калмыцкого духовенства. Она регулировала численность духовенства и даже определила ограничительные нормы служителей хурулов, преследуя цель сохранения большего числа служилых казаков среди калмыков. Подтверждением тому является решение воинской экспедиции от 23 июня 1821 г., утверждённое атаманом Иловайским 3-м, которым разрешалось содержать во всех 13 сотнях только 52 богослужителя, т.е. по четыре в каждой сотне. Лишь они освобождались от полевой и внутренней службы. Однако такое решение было встречено в Калмыцком округе в штыки. В декабре 1826 г. ламаистское духовенство добилось через Петербург права содержать в главном хуруле при бакше 14 гелюнгов, 4 гецюля и 4 манжика. Этот штат служителей с согласия главного бакши и по представлению приставов утверждалось войсковыми, а позднее наказными атаманами[150].

При всём этом ни войсковое правление, ни центральное правительство не препятствовали донским калмыкам в исповедовании ламаизма. Так, в "Наказе гражданского управления войска Донского" (отделение XIII, гл. 1, § 3) было записано: "Свобода вероисповедания калмыцкого народа и все относящиеся к оному обряды остаются неприкосновенными"[151].

Но всё же администрацию Донского войска по-прежнему беспокоило чрезмерное разрастание числа служителей хурулов. В 1836 г. она ответила отказом на ходатайство руководства третьей Намровской сотни по поводу учреждения нового хурула. В повелении наказного атамана Калмыцкому правлению в сентябре 1836 г. отмечалось, что "калмыки прежде обходились существующими хурулами, а теперь настаивают на открытии новых, для которых нужно немалое число людей". Поэтому предписывалось продолжать по отношению к ламаистским священнослужителям ограничительную политику, чтобы не могли одни уклониться от службы, а другие чрез сие напрасно отяготиться оною"[152]. Эту идею поддержало Министерство внутренних дел. Управляющий этим министерством генерал-адъютант Строганов в своём отзыве согласился с предложением наказного атамана[153].

Именно политика руководства войска и его практические шаги определяли неравномерность показателей численности калмыцкого духовенства. На 1820 г. числилось 253 гелюнга, гецюлей и манжиков[154], в 1834 – 205[155], в 1857 – 145. Такое резкое их сокращение произошло в результате упразднения вторых хурулов 1, 2, 4 сотен Верхнего улуса, 2 и 4 сотен Нижнего улуса[156]. В 1860 г. духовенство насчитывало 127 человек, в 1865 г. – 161 и в 1870 г. – 150[157]. К 1876 г. произошло резкое увеличение духовных служителей до 258 человек[158].

Станица Платовская до 1898 г. имела два хурула. В конце года по распоряжению Военного совета один из них под названием "Бакшинский" был переведён в хутор Батлаевский, где собственный хурул ранее был закрыт[159].

Ламаистское духовенство являлось частью эксплуататорского класса калмыцкого общества на Дону. Оно, оторванное от центров буддизма и даже от общекалмыцкого ламы в Астраханской губернии, вело бесконтрольную деятельность. Зачастую попадали в его среду совершенно случайные люди, далёкие от истинной веры. Посетив в 1872 г. калмыцкие сотни с целью изучения отношения калмыков к религии, преподаватель донской духовной семинарии А.Л. Крылов писал: "Представители ламаизма всё своё влияние на народ в том и высказывают, что собирают с него деньги. Нравственно и умственно цивилизирующего влияния на народ со стороны жрецов ждать нельзя, потому что жрецы составляют высшую касту народа, так сказать аристократию, которая держит народ в почтительном отдалении и служит для него разве примером праздности, пьянства, продажничества и т.п., только ничуть не примером каких-нибудь добродетелей"[160]. При всём предвзятом отношении Крылова к ламаизму как миссионерского деятеля, многие его мысли отражали реальное положение дел. Эти же мысли были подтверждены ещё одним серьёзным исследователем Донского края Номикосовым. Он выразил свои наблюдения такими словами: "Духовенство пользуется своим положением и обирает народ при

всяком удобном случае, особенно во время смерти главы какого-нибудь семейства, когда значительная доля имущества покойного переходит в пользу духовенства"[161].

В 70-е годы XIX в. православная церковь предприняла попытку развернуть миссионерскую деятельность по вовлечению калмыков в христианство и даже открыла в Новочеркасске миссионерский комитет, а в административном центре Калмыцкого округа в слободе Ильинке – приют для мальчиков-калмыков с целью подготовки из них миссионеров. На содержание приюта было ассигновано 1000 руб. в год. Но всего в нём обучалось четыре мальчика. В 1875 г. архиепископ Платон, позднее ставший митрополитом Киевским, совершил поездку в кочевья донских калмыков и здесь вошёл в тесные контакты с главой духовенства бакшой Аркадом Чубановым. Однако все попытки православной церкви окончились безрезультатно.

Надо отметить, что на Дону число калмыков, желающих принять христианство, было больше в первой половине XVIII, чем в XIX в. В 1725 г. группа калмыков обратилась к руководству войска Донского с просьбой принятия их в православную веру. После крещения они были отправлены в Чугуевский полк[162]. В 1745 г. по указу Сената была оказана помощь в постройке домов для 650 кибиток крещёных калмыков владельца Будучара (после крещения – Пётр Фёдоров) в крепости Святой Анны. Эта группа калмыков, по всей видимости, перешла на Дон в конце XVII в. , так как отряд, сформированный из них, участвовал в составе донских команд в Северной войне, в Кубанском и Крымском походах 1711 года[163]. Но к концу XIX в. из этих крещёных калмыков мало кто исповедовал христианство. По данным на 1893 г. число ламаистов в Сальском округе Области войска Донского составляло 28859 человек, т.е. они представляли собой подавляющую массу донских калмыков[164].

Рассмотренные материалы показывают, что калмыки-казаки, особенно донские, несмотря на свою территориальную оторванность от основной массы сородичей на Волге и на всё усиливающуюся экономическую и политическую разобщённость с ними, сохраняли язык, религию, культуру, психологический склад и многие черты традиционного быта и хозяйственной деятельности. Можно с полным основанием утверждать, что калмыки-казаки оставались неотъемлемой частью калмыцкой народности. Донские калмыки оказались устойчивой группой, на которую могла повлиять настойчиво проводимая центральными и местными властями ассимиляторская политика.

Глава 2. ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТАВРОПОЛЬСКИХ КАЛМЫКОВ

Органы управления Ставропольского калмыцкого войска в XVIII в.

Под руководством Коллегии иностранных дел (КИД) местная администрация приступила к устройству жизни крещёных калмыков. Прежде всего, указом от 3 апреля 1737 г. были определены жалованья: княгине Тайшиной 500 руб. и 500 четвертей хлеба в год, зайсангам и рядовым – по усмотрению местных властей[1]. В дальнейшем указами Сената от 2 декабря 1737 г. и 29 марта 1738 г. при владелице учреждается Калмыцкое управление в центре и на местах из знатных зайсангов. Структура управления выглядела следующим образом.

Должности	Кол-во	Жалованье	
		годовой оклад (в руб.) на одного	сумма на всех
Полковник	1	50	50
Войсковой есаул	1	40	40
Войсковой писарь	1	40	40
Ротмистры	5	30	150
	2	25	50
Хорунжие	10	12	120
Есаулы	2	10	20
Урядники	4	6	24
Рассыльщики	4	6	24
Толмачи	2	6	12
Итого:	32	225	530[2]

Параллельно Калмыцкому управлению в крепости Ставрополе была учреждена русская администрация, исполнявшая роль представителя правительства. В неё входили полковник Змеев, три подъячих, толмач, архимандрит, три священника, семь церковных служителей. Вместе с канцелярскими расходами и церковными потребностями на их содержание выделялось в год 2550 руб. из Казанской губернской канцелярии[3]. Таким образом, из 16 штатных единиц 11 должностей были отведены представителям

церкви, поскольку намечалась большая работа по внедрению православно-христианских догматов в среду новой паствы – крещёных калмыков. В недалёкой перспективе российские власти, используя эту испытанную форму идеологического воздействия, стремились приобщить ставропольских калмыков к оседлости и в конечном итоге превратить их в казаков, верную опору царизма.

Отдельные группы рядовых калмыков, отдавшие предпочтение оседлости, снабжались продовольствием. Однако средства на это Татищев должен был изыскать из местных ресурсов[4]. Основная же масса поселенцев, оставаясь кочевниками, должна была обеспечивать себя за счёт скотоводческого хозяйства.

По указанию Сената в Ставрополе была открыта калмыцкая школа для детей знатных зайсангов, которой руководил протопоп Чубовской[5].

В военном отношении из калмыков Ставропольского поселения была создана небольшая команда, которую предлагалось использовать на Самарской укреплённой линии. Временами часть команды командировалась на Оренбургскую линию. В указе правительства от 19 февраля 1745 г. отмечалось: "Народ (калмыцкий – К.Ш.) в службе е.и.в. при всяких случаях воинских весьма способен есть, как то уже и ныне и с тех при Ставрополе пребывающих по другой год с немалою пользою на Оренбургской линии некоторое число употреблено и со всяким добрым порядком и послушанием..."[6].

Однако стремление к быстрому и коренному преобразованию прежних общественно-экономических отношений калмыков, предусмотренное в правительственных указах, тормозилось различными объективными и субъективными обстоятельствами. Прежде всего, сама система подчинения Ставропольского поселения непосредственно КИД привела к бесконтрольности и породила многочисленные злоупотребления со стороны местной администрации. Так, в письме в КИД калмыцкого полковника Кирилла Шарапа сообщалось: "...мы здесь, в Ставрополе, живём без настоящего командира, затем старания о нас приложить некому, також и дела и прошения наши производятся по-прежнему"[7]. Злоупотребления допускались и в школьном деле, о чём свидетельствуют слова того же К.Шарапа: "...из положенного им (ученикам – К.Ш.) жалованья 200 руб. не получили ни одной копейки".

Неопытные и неприспособленные к новым условиям жизни калмыки в течение непродолжительного времени лишились всех своих пахотных, сенокосных и водных наделов[8]. Местные власти с неоправданной лёгкостью относились к приёму в состав Ставропольского поселения новых калмыцких семей, что значительно осложняло расселение и землепользование новых поселенцев. Прикочевавшие из Астрахани и других мест калмыки вынуждены были, как свидетельствует документ, "жить между деревнями и пропитание своих от них иметь и весьма в крайнем убожестве находиться..."[9].

Организаторы устройства Ставропольского поселения не смогли обеспечить условия для нормальной военной службы. Если командные чины получали постоянное жалованье, то рядовой состав команды обеспечивался собственными средствами и только в период пребывания на службе получал установленные для казаков подъёмные деньги из доходов Казанской губернии[10]. Однако такая система для рядовых калмыков, лишённых своего скота и не успевших приспособиться к новому образу жизни, была весьма неудовлетворительной и многих поселенцев привела к полному разорению. Каждый служилый должен был за свой счёт содержать по две лошади, обмундировать себя, приобрести оружие. Подъёмных денег, выдаваемых в период нахождения на службе, явно не хватало. "За всё время их службы в Оренбурге,– пишет в своём донесении в Петербург полковник Кирилл Шарап – им дано было только по одному четверику муки и по одному рублю денег, так что, возвращаясь со службы домой, многие принуждены были лишиться своих лошадей и от того придти в убожество"[11].

Критическое положение ставропольских калмыков вынудило правительственные круги пойти на изменение их административного подчинения. Сенат указом от 16 апреля 1744 г. решил передать крепость Ставрополь в ведомство Оренбургской губернии[12]. Немало споров вызывал вопрос о характере Ставропольского поселения.. В Военной коллегии существовало мнение, что "всех оных калмык надобно числить, как и чугуевских, казаками и определённым в чины зайсангам их только командовать"[13].

С другим мнением выступил оренбургский губернатор И.И. Неплюев, который считал нецелесообразным учреждение военного поселения. Он полагал, что перевод калмыцких старшин в разряд военных чинов "может возбудить недовольствие", которое распространится на основную часть калмыков[14]. Неплюев предложил оставить за прежними владельцами их права и пока умалчивать о податях. Большое значение в проведении намеченной реорганизации Неплюев придавал церкви. В связи с этим были расширены функции духовенства. Вновь было обращено внимание на калмыцкую школу, в которой обучение русскому языку, русским обычаям и толкованию догматов православной веры должно было решить задачу подготовки национальных кадров, верных русскому правительству.

Наиболее важным в устройстве крещёных калмыков было учреждение собственного калмыцкого суда в Ставрополе. Внешне этот орган копировал Зарго в Калмыцком ханстве, но функции его существенно отличались от последнего. Суд состоял из 8 человек: на правах генерального старшины в него входили "градский командир" Останков, владелец Никита Тайшин, полковник Кирилл Шарап, войсковой судья Пётр Торгоуцкий, войсковой писарь

и три члена из зайсангов, первый из которых исполнял обязанности надзирателя или управителя улусов, второй – войскового есаула, третий – войскового квартирмейстера. При суде на штатной должности числились один толмач (переводчик) и рассыльщик из калмыков. Членам суда устанавливалось годовое жалованье соответственно: 500, 150, 140, 100 руб., надзирателю и есаулу – по 50 руб., квартирмейстеру – 30 руб.

Производство дел велось по так называемым "древним калмыцким обычаям", решение принималось коллегиально. В круг рассматриваемых вопросов входило в основном разрешение споров между зайсангами и простыми калмыками по земельным наделам, о владении улусами, регулирование отношений между русскими и калмыками, недовольственные решением суда могли обжаловать его в оренбургскую канцелярию.

Но главная задача суда заключалась в том, чтобы постепенно внедрять в жизнь калмыков общероссийские порядки. В частности, с учреждением суда постепенно ограничиваются права владельцев и зайсангов в отношении подвластных им калмыков[15]. Если в прошлом владельцы могли рядовых калмыков и даже зайсангов за какие-либо проступки тайно предать смерти, безнаказанно отобрать скот и имущество, то теперь подобные бесчинства строго запрещались[16].

Все ставропольские калмыки были разделены на 8 рот под начальством владельцев или зайсангов, которые по своим правам и обязанностям представляли собою разновидность казачьей старшины. В штате всех калмыцких рот состояли: 8 ротмистров, из которых двум было определено годового жалованья по 30 руб, троим – по 25 и остальным трём – по 20 руб; 8 хорунжих (два – по 20, 3 – по 15, 3 – по 10 руб); 8 есаулов (два – по 10 руб., 3 – по 8, 3 – по 7 руб.). Всего было утверждено 24 штатных должностей с отпуском 375 руб. в год на жалованье[17].

Обязанности и права ротных (улусных) владельцев и зайсангов в отношении к подвластным калмыкам носили военно-полицейский характер. По указу от 19 ноября 1745 г. на них возлагались функции: следить "за добрым порядком" в улусе, подчинённых не отпускать за пределы улуса без ведома "градского командира" или специальных комиссаров, а последние, рассмотрев необходимость такого выезда, выдавали просителям установленные паспорта. Начальники улусов обязаны были знать численность способных к службе людей своего улуса и "приводить их в такое состояние, чтоб они, когда и куда ни востребуются, в скором времени могли собраться во всей исправности..."[18].

Рядовой состав роты (будь то даже зайсанги), как и прежде, в мирное время жалованья не получали. Сенат предписывал "довольствоваться им своею экономиею", т.е. одежду, оружие и лоша-

дей в полном снаряжении они должны были приобретать за счёт своих средств, а кроме того каждые 10 семей обязывались приобрести для своей роты минимум по одному ружью.[19]

За время пребывания на службе каждому рядовому выдавался провиант и по 50 копеек деньгами независимо от продолжительности службы[20], а всего на 300 человек, посылаемых ежегодно в летний период на Оренбургскую линию, отпускались из Оренбурга 1000 руб. ежегодно[21]. Высшая административная власть в Ставропольском ведомстве после его реорганизации принадлежала коменданту города. На эту должность был назначен полковник Останков.

До выхода нового указа отношение Ставропольского коменданта к калмыцкому начальству было неопределённым. Он имел скорее значение временного правительственного агента, который должен был заняться только устройством калмыцких поселений и, закончив эту работу, предоставить управление ими калмыцкому полковнику. В данный момент коменданту принадлежала высшая полицейская власть в Ставрополе и во всём округе. Он командовал калмыцким войском, являлся председателем калмыцкого суда, контролировал работу всех улусных должностных лиц, при выявлении нерадивого отношения к своим обязанностям со стороны улусного начальства имел право заменить их более подходящей кандидатурой. При коменданте учреждалась канцелярия, состоявшая из секретаря, канцеляриста, трёх копиистов, двух толмачей и двух сторожей. Сверх указанного штата содержались лекарь и комиссар по торговым делам. На содержание и расходы канцелярии отпускалось 1090 руб.[22].

В осуществлении всех намеченных преобразований в поселении большое значение придавали, как и прежде, церкви. Предпринимались меры по объединению деятельности церкви и светских властей. По этому поводу в указе 1745 года отмечалось, что "...к добропорядочному их содержанию одно другому способствует, и добрый порядок без благочестия, равно же и благочестие без порядка установлено и содержано не может..."[23]. Калмыки, не исполнявшие христианские обряды, подлежали наказанию.

Для усиления воздействия православной церкви на калмыков предусматривалось, во-первых, подбирать наиболее грамотных священников и служителей, в обязательном порядке хорошо владеющих калмыцким языком, как "нынешней протопоп Андрей Чубовской"; во-вторых, протопоп обязан был дважды в год объезжать все улусы. За каждым священником закреплялось по несколько улусов и на него возлагалась ответственность за состояние духовных дел в подведомственных ему улусах[24].

В поселении учреждалась соборная церковь во главе с протопопом, одна приходская и 6 слободских церквей. Весь церковный штат состоял из 38 служителей, а их жалованье составляло суммарно 1526 руб.[25]. Кроме того, было выделено 476 руб. на содержание школы (1 учитель, 35 учеников 1-й, 2-й и 3-й статей, 1 сторож).

Таким образом, отношение между знатными и простыми калмыками существенно изменилось. Вместо прежнего политико-административного устройства, сохранявшего элементы родоплеменных пережитков, было создано военно-казачье поселение, являвшееся порождением российской феодально-крепостнической системы того времени.

В середине 50-х годов командование Ставропольским калмыцким войском было возложено на владельца Павла Торгоуцкого. В скором времени его сменил прибывший из войска Донского ротмистр Иван Дербетов, по назначению получивший казачье звание войскового полковника[26].

Значительная реорганизация в Ставропольском поселении была проведена в мае 1760 г. в связи с переводом в его состав джунгарцев.

В 1756-1757 гг. Джунгарское ханство окончательно потерпело поражение от цинского Китая. Его население, спасаясь от преследования китайских войск, обратилось к правительству России с просьбой о защите, а затем и принятии в подданство. Просьба была удовлетворена.

По данным материалов Государственного архива Омской области нами подсчитано, что на сибирских пограничных линиях в 1756-1757 гг. русскими властями было принято в подданство более 25 тысяч джунгарцев[27]. Из них основная масса была направлена на Волгу, в калмыцкое ханство, небольшая часть – на Дон, а 2961 человек был включён в состав Ставропольского калмыцкого войска[28].

Реорганизация заключалась в следующем. Состав суда был увеличен ещё на два члена из знатной части прибывших джунгарцев[29] с присвоением им звания войскового хорунжего: на первого возлагалась обязанность надзирателя над новыми улусами, второй исполнял обязанности члена суда. Им было установлено годовое жалованье в размере 60 руб.[30]. Из джунгарских калмыков образовали дополнительно три роты, поселив их особыми слободами: первую роту – при устье Большой Кобельной и по реке Кондурче, вторую – между городком Сергеевским и деревней Елшанской по реке Сок, третью – между крепостью Красный Яр и землями села Чесноковки. При каждой новой слободе построили церкви, на содержание которых выделялось 639 руб.[31].

Войсковому полковнику Торгоуцкому было поручено выяснить знатность прибывших владельцев и зайсангов и из них скомплектовать командный состав для вновь созданных рот. Ротмистром в первую роту был назначен Матвей Петров Дундук, во вторую – Павел Никитин Мамут, в третью – Дмитрий Семёнов Баян-Делгир; хорунжими были определены Яков Яковлев, Беде Демчи Сендуков, Александр Степанов, Леджиев Сергей, Семёнов Зундунов; есаулами (имя не ясно) Петров, Санбелек Арслатов, Иван Егорьев, Мамут Цериков, Пётр Иванов[32].

Вновь назначенным командирам были установлены следующие оклады: ротмистрам по 30, хорунжим – по 20, есаулам – по 10 рублей в год. Рядовой состав новых рот состоял наполовину из ранее поселённых волжских калмыков[33].

Ставропольское калмыцкое войско теперь насчитывало 11 рот. Оно было преобразовано в Ставропольский калмыцкий корпус. В корпусе состояло: 8 войсковых чиновников, в ротах: ротмистров – 11, хорунжих – 11, есаулов – 11; 870 рядовых калмыков; 680 отставных; 1103 человека, не достигших возраста службы[34]. На войско отпускалось из Казанской губернии на год 5700 руб.

Кроме того указывалось изготовить 3 ротных и 2 войсковых знамени (одно из них полковничье, второе – войсковое)[35]. Знамёна Ставропольского калмыцкого корпуса по макету Неплюева, представленному ещё в 1745 году и утверждённому Военной коллегией в 1756 году, выглядели следующим образом: в центре – изображение герба г. Ставрополя, вверху – крест с лучами, а по краям – орнамент для нерегулярных войск[36].

Поселение ставропольских калмыков занимало значительную территорию Симбирской губернии. Границы поселения проходили: на западе и севере по реке Черемшану, на востоке окаймлялись Закамской укреплённой линией, проходившей по левобережью реки Сок, а на юге – по левому берегу Волги. Бассейн рек Черемшана и Сока образовывали густую сеть больших и малых речек, среди которых речка Кундурча как бы рассекала всю территорию по диагонали с юга на север[37].

После пополнения Ставропольского поселения джунгарцами калмыцкое население в 60-е годы резко возросло. В частности, по ведомостям канцелярии Ставропольского войска на декабрь 1768 г. на территории Ставропольского ведомства проживало 8217 калмыков, в том числе 2219 джунгарских[38], а по данным 1771 г. всё калмыцкое население составило 14 тыс., из которых 1000 чел.[39] падало на джунгарцев[40].

Калмыцкие роты каждое лето поочерёдно направлялись теперь уже в количестве 400 человек на охрану границ Оренбургской линии, за Урал на Илецкую линию. Командному составу корпуса в период службы отпускались деньги, провиант и фураж в размере оклада донских казаков[41].

Перестройка социально-политической жизни ставропольских калмыков не внесла существенного улучшения в положение бедняков: одна форма феодальной зависимости и эксплуатации сменилась другой. Подвластные калмыки за непослушание зайсангам подвергались штрафу и телесному наказанию.

О тяжёлом и совершенно бесправном положении калмыков-бедняков свидетельствует письмо ставропольского протопопа Чубовского И.И. Неплюеву, написанное 2 мая 1747 года. В нём, в

частности, сообщалось: "...что же де до службы касается, то они не желают отрицаться, но и сами со охотою ездить хотят, только де нам трудно от податей всяких.... Павел Торгоутский ездит на их подводах и лошадь в прошлом году уморил. Он же на 5 руб. на 40 коп. овец съел; жёны их, например, господина Шарапа, ездят, про них покупают русских овец по рублю и менее, что мало и слыхано, к тому ж вина и прочее. . . Например и Григорию войсковому есаулу, нанимают людей, кибитку в услужение при Ставрополе держит, на 4 месяца по 3 руб. по 50 коп. и более. . . Берут ротные командиры, как оной же есаул, но под видом прошения в поход верблюда, лошадей и тех оно пропадут, ино уморят и платят всем улусом и прочее..."[42].

Сочетание всех видов эксплуатации, бесправное положение бедняцкой массы калмыков переполнили чашу их терпения. Поэтому не может вызывать удивления тот факт, что Е.И.Пугачёв нашёл благоприятную почву среди ставропольских калмыков.

Хорошо известно, что Е.И.Пугачёв придавал большое значение участию нерусских народов - башкир, татар, казахов и калмыков в войне, начатой под его знамёнами. В манифестах Пугачёва неоднократно провозглашались наделение крестьянской бедноты землёй, лесами, сенокосами, свобода вероисповедания, равенство всех народов перед законом[43].

Уже в первый период войны Пугачёв сумел привлечь на свою сторону значительное число сторонников из всех перечисленных выше народов, в том числе и из калмыков. Его армия к январю 1774 года насчитывала до 30 тыс. человек, имела более 100 пушек. В течение шести месяцев армия Пугачёва вела осаду г.Оренбурга, важного военно-политического центра на юго-востоке России. Возникли восемь сравнительно устойчивых повстанческих районов, среди которых Ставропольско-Самарский район, населённый преимущественно крепостными крестьянами и поселенцами-калмыками, стал третьим по значению районом гражданской войны.

О масштабах участия ставропольских калмыков в войне можно судить, например, по донесению ставропольской канцелярии в Военную коллегию о том, что число "бунтующих калмык" составляет более 5 тысяч, а 28 декабря того же года генерал Фрейман сообщал, что к Пугачёву пристали "ставропольские калмыки, вся башкир, чуваши, мордва и помещичьи крестьяне"[44].

Для усиления осаждённого повстанцами гарнизона Оренбурга губернатор Рейнсдорп командировал из Яицкого городка лёгкую команду майора Наумова, из Ставрополя 500 калмыков во главе с калмыцким старшиной Фёдором Дербетовым, а "из ближайших жилищ" 500 башкир и 300 сеитовских татар. Однако посланные отряды и 300 калмыков перешли на сторону пугачёвской армии[45] и до конца войны являлись одной из важнейших ее составных частей.

В середине декабря Пугачёв направил в Ставрополь-Самарский район два отряда: один русский - под командой крепостного крестьянина Ильи Арапова, другой калмыцкий - под командой Фёдора Дербетова. К приходу отряда Дербетова на территорию Ставропольского поселения основная масса калмыков уже восстала[46]. Из доклада Ставропольского коменданта И. фон Фегезена от декабря 1773 года явствует, что калмыцкие отряды совершили погром дворянских имений и тем самым подали пример татарам, чувашам, мордве и помещичьим крестьянам, которые сформировали такие же отряды и своё оружие направили против своих господ[47].

Калмыцкий отряд Дербетова без особого труда в ночь с 19 на 20 января 1774 года захватил Ставрополь. Оружие гарнизона крепости забрали в отряд, а офицеров перебили. В дальнейшем под преследованием царских войск отряд ушёл в район Черемшанской крепости, а "кочующие калмыки" — в направлении Оренбурга для соединения с армией Пугачёва[48].

Итак, ставропольские калмыки приняли самое активное участие в крестьянской войне 1773-1775 гг.

Говоря об участии основной массы ставропольских калмыков в крестьянской войне, мы не можем не отметить того весьма важного обстоятельства, что значительная часть ставропольских калмыков боролась против повстанцев, в том числе и против повстанцев-калмыков, на стороне царских войск. Так, например, в отряде полковника Чернышова, посланного на помощь осаждённому Оренбургу, находилось 500 ставропольцев во главе со своими командирами, 100 калмыков входили в состав крупного царского отряда, находившегося в Верхнеозёрской крепости[49].

Таким образом, твёрдого классового водораздела участия ставропольских калмыков в гражданской войне не было: и на стороне Пугачёва и на стороне царизма воевали такие же рядовые калмыки во главе со своими командирами, которые, как мы показали выше, были как правило, выходцами из калмыцкой феодальной верхушки.

Это обстоятельство позволяет утверждать, что выступление ставропольских калмыков на стороне Е.И. Пугачёва имело характер не собственно крестьянского, а скорее национального, антиколониального движения. В этом заключалось наиболее существенное отличие движения ставропольских калмыков от пугачёвского движения в собственно русских губерниях, где оно с самого начала и до конца имело характер крестьянской войны, антикрепостнического движения угнетённых крестьян против своих феодалов — помещиков-крепостников.

Гражданская война 1773-1775 гг. наложила большой отпечаток на жизнь в стране. Царское самодержавие провело ряд реорганизаций в государственном устройстве, направленных на укрепление крепостнических порядков, в том числе и в казачьих войсках. В

корне изменилось отношение центральных и местных властей и к судьбе ставропольских калмыков. Оно было вызвано, с одной стороны, их активным выступлением на стороне повстанческих войск, в силу чего царизм усматривал в лице калмыков опасных для себя "бунтарей", с другой — катастрофическим сокращением численности калмыцкого населения, приведшим к падению его значения как военной силы для государства.

Положение Калмыцкого корпуса продолжало ухудшаться. В связи с этим в феврале 1779 г. полковник Ф.И. Болоткоев подал на имя Екатерины II прошение о том, чтобы подведомственное ему войско уравнять по правовому положению с Донским и другими казачьими войсками. Одновременно он ходатайствовал о присвоении себе армейского чина[50]. В ответ на прошение Болоткоева князь Г.А. Потёмкин подчинил корпус непосредственно оренбургскому губернатору, урезав полномочия коменданта крепости Ставрополя[51]. Решением Потёмкина 27 мая 1779 г. Ф.И. Болоткоеву было присвоено армейское звание секунд-майора[52].

13 августа 1780 г. оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп докладывал Потёмкину о проведённой реорганизации в Ставропольском корпусе. Суть её заключалась в следующем: Рейнсдорп назначил секунд-майора Болоткоева командиром корпуса и ввёл систему прямого подчинения войска губернатору. Коменданту Ставрополя Цызареву и гражданской канцелярии было дано указание сложить свои полномочия в Ставропольском поселении. Тем самым промежуточное звено управления над калмыками было ликвидировано. Корпус был вновь переименован в Ставропольское казачье войско.

Существовавший калмыцкий суд, учреждённый ещё в 1745 г., реорганизовали в войсковую канцелярию с утверждением штатов и чинов войска[53]. Теперь штат войсковой канцелярии состоял из 1 полковника, 1 судьи, 1 хорунжего, 1 переводчика, 2 толмачей, 2 писчиков, 1 сторожа. Годовой расход для ведения канцелярских дел был утверждён в сумме 100 руб. Губернатор определил также штат чиновников, занимавшихся конкретной организацией дел по войску, в составе одного надзирателя, одного есаула, одного квартирмейстера, одного хорунжего. Штат каждой из 11 рот состоял из одного ротмистра, одного есаула и одного хорунжего. В целом штат Ставропольского калмыцкого казачьего войска насчитывал 47 чинов, 1020 казаков рядового состава. Войско имело к этому времени всего лишь одно ротное знамя, а на вооружении его числилось 500 ружей, 500 сабель, 500 лядунок[54].

Таким образом, Ставропольское калмыцкое казачье войско было подчинено системе централизованной власти и от какой-либо, даже половинчатой самостоятельности, не осталось и следа[55].

В ноябре 1780 г. четыре роты калмыков, проживавших при слободах Благовещенской, Воскресенской, Богоявленской и селе

Рожденственском, были переселены в ведомство Сибирского и Казанского наместничеств генерал-губернатора П.С. Мещерского, на территорию Западной Сибири. В ведомости, составленной Ставропольской канцелярией, были включены 363 служилых, 245 отставных казаков, 404 малолетки, а всего с учётом членов их семей – около 2740 человек. Изменился правовой статус: по военной части роты были оставлены в подчинении Ставропольского калмыцкого корпуса, по криминальным делам они относились к общим воинским судам, а по земельным вопросам были переданы в компетенцию Сибирского и Казанского наместничеств[56].

В 1785 г. была учреждена должность Симбирского и Уфимского генерал-губернатора с подчинением ему Оренбургского края. Он же являлся главнокомандующим над войсками, дислоцировавшимися в этом регионе. Генерал-губернатором был назначен барон О.А. Игельстром. Проведя инспекторскую проверку в войсках, в том числе и в казачьих, он признал их состояние неудовлетворительным и наметил ряд реорганизаций.

Одним из таких реорганизационных мероприятий явилось введение кантонной системы в Оренбургском казачьем войске.

10 апреля 1798 г. был издан именной императорский указ, направленный Игельстрому. В нём отмечалось, что при достаточном количестве контингента пограничных войск и безопасности границ имелись недостатки следующего порядка: во-первых, постоянно допускались злоупотребления при нарядах на границу со стороны Башкирского правления и земских исправников; во-вторых, местожительство казаков находилось в значительной отдалённости от пограничных линий; в-третьих, хозяйственное устройство казаков не удовлетворяло жизненные потребности, влиявшие и на их службу. Поэтому в проводимых мероприятиях преследовалась цель предельно унифицировать военно-феодальные повинности, а государственные средства, расходуемые прежде на пограничную службу казачьих и инородческих формирований, сократить на нет. Конкретно было намечено: 1. Подготовить точные списки способных к службе мужчин от 20 до 50 лет среди башкир, казаков и калмыков и разделить их на кантоны; 2. Всю Оренбургскую линию на основе кантонного устройства разделить на 5 дистанций; 3. Поставить во главе каждого кантона главного начальника с соответствующими полномочиями, который вместе с юртовыми начальниками и земскими исправниками должен был заниматься нарядом казаков; 4. Учредить должности походных начальников пограничных дистанций, в обязанность которых вменялось принимать кантонные команды, снабжать их в пути продовольствием, приобретая его у населения, даже у самих командированных. За всё это начальник дистанции должен был нести персональную ответственность; 5. Всем кантонам разрешалось содержать слесарного мастера с двумя помощниками для

ремонта ружей[57]. Изложенный выше указ предусматривал общие мероприятия в целом по Оренбургскому казачьему войску.

Ставропольское калмыцкое войско в силу своей малочисленности составило один кантон при тех же одиннадцати ротах. После проведённой реорганизации штат калмыцкого войска остался почти прежним, за исключением того, что добавился один атаман (он же кантонный начальник), а рядовой состав был доведён до 920 казаков[58]. В составе войска сверх комплекта числились 2 войсковых есаула, 2 хорунжих, 1 квартирмейстер, в ротах – 2 ротмистра, 8 есаулов, 3 хорунжих.

Если до введения кантонного управления Ставропольское войско ежегодно посылало на пограничную службу от 500 до 600 человек, то после реорганизации ежегодная норма командировки на линию составляла 400 казаков при одном войсковом старшине и 12 ротных чинах. Обеспечение питанием и выплата жалованья производились согласно указам Сената 1756 г. и государственной Военной коллегии от 10 ноября 1785 г., т.е. провиант отпускался по солдатской норме, фураж выдавался на две лошади в расчёте на 6 месяцев. Жалованье войсковому и ротным старшинам выдавалось в размере их годового оклада, а рядовым казакам-калмыкам по 12 руб. Была предусмотрена и выдача необходимого количества пороха и свинца[59].

Что касается вопроса о сравнении чинов войска с армейскими офицерскими званиями, то решение по нему оставалось половинчатым как со стороны центральных ведомств, так и местных оренбургских властей. По всей видимости, дело ограничилось тем, что только отдельным лицам были присвоены армейские звания. По документам 1800 г. такие чины имел весьма ограниченный круг войскового начальства: войсковой полковник Козмин получил чин подпоручика, войсковой судья Васильев, войсковые ротмистры Лавров и Гаврилин – прапорщиков[60].

Однако внутреннее управление войском функционировало по правилам, определённым Сенатом ещё в 1745 г. и продолжало рассматриваться войсковым судом, вновь преобразованным из войсковой канцелярии, по прежним калмыцким обычаям. Последнее положение должно было действовать до тех пор, "доколе (калмыки – К.Ш.) российские права познают". Суд состоял из "градского командира" (коменданта крепости Ставрополь), выполнявшего функцию генерального старшины, войскового атамана (полковник), войскового атамана (полковник), войскового судьи, войскового писаря, а также ежегодно сменявшихся знатных зайсангов в числе трёх человек, одного толмача и необходимого количества рассыльщиков. Недовольные решением суда имели право апеллировать в Оренбургскую губернскую канцелярию.

Кроме того войсковой суд был наделён правами принимать в свою среду новый контингент калмыков и поселять их на пожалованных землях, прежде обратив их в христианскую веру. Суд

должен был предпринимать все меры по приобщению новых калмыков к хлебопашеству. Как видно, правительство и местные власти продолжали настойчиво добиваться своей цели – превращения калмыков в оседлое население империи.

Позднее, в связи с отнесением Ставропольского ведомства территориально к Симбирской губернии, гражданские апелляционные дела калмыцкого населения представлялись симбирскому начальству. А дела, связанные с уголовными мотивами, со спорами о земле и об улусных территориях, рассматривались и утверждались в Оренбургской губернской канцелярии.

По положению 1745 г., действующему и в конце XVIII в., чиновникам войска присваивались казачьи офицерские звания, в которых высшей ступенью для калмыков, исключая атамана войска, являлся ротмистр, причём строго соблюдалось правило "не по наследству, а по заслугам и по достоинству". Право присвоения чинов принадлежало правительствующему Сенату, Военной коллегии и Оренбургской канцелярии. В положениях о Ставропольском войске неизменно присутствовал существенный пункт: "...и в оные (в офицерские чины – К.Ш.) никого из простых калмык, кроме зайсангов не производить и поступать в том так, как с обретающимися в службе императорского величества поступается"[61]. Феодально-крепостническое государство считало неприкосновенными классово-сословные границы во всех государственных и военных звеньях и свято их оберегало от каких-либо, даже случайных факторов.

Проведённые в рамках общевойсковой реорганизации изменения в Ставропольском войске свидетельствовали о сохранении, правда, весьма относительной самостоятельности калмыцкого поселения на Средней Волге. Сохранением такого штриха царизм стремился показать якобы особое своё отношение к крещёным калмыкам.

Дальнейшие реорганизации и социально-политическое положение Ставропольского поселения в первой половине XIX в.

Существенные изменения в области военно-административного устройства ставропольских калмыков произошли в начале XIX в. Они проходили в рамках общих реорганизаций казачьих войск, проводимых правительством Александра I.

Наряду с укреплением регулярной армии, царизм продолжал наращивать численность казачьих войск, являвшихся выгодным и более дешёвым источником пополнения армейских частей. Воинская комиссия 1801 г. отмечала: "Когда предстоит надобность, то может и кавалерия немедленно быть умножена казаками и другими нерегулярными войсками без излишних по содержанию

их в мирное время издержек"[62]. Л.Г. Бескровный, освещая вопрос об иррегулярных войсках первой половины XIX в., писал, что казачьи войска в этом случае превращались из вспомогательной конницы в регулярную и должны были выполнять все задачи, возложенные на последнюю"[63].

2 ноября 1803 г. вышло постановление министра военных сухопутных сил под названием "Об устройстве Ставропольского калмыцкого войска. С приложением штатов войска Калмыцкого полка и войсковой канцелярии". Этот вопрос ранее был поднят атаманом Ставропольского калмыцкого войска полковником (армейский чин – секунд-майор) Баглюновым.

Министр военных сухопутных сил, обосновывая проект положения, в докладе на имя императора писал: "Бытие в действительных походах и сражениях и, наконец, нынешнюю службу, которую несёт войско, командируя ежегодно в степи киргиз-кайсакские более 400 воинов наравне с прочими казаками, не может не уважить всеподданнейшего прошения от лица войска атаманом их в уравнении чинами подданного, и по сему ежели благоугодно будет вашему величеству снизойти на оное, то осмеливается постановить и образ устройства войска сего на следующем основании". Как видно, правительство всё ещё уделяло этому войску немалое внимание.

Положение 1803 г. отражало не только изменившиеся условия в Оренбургском иррегулярном казачьем войске, в частности в Ставропольском ведомстве, но и настойчиво утверждало идеи и цели, заложенные правительством ещё в период создания обособленного от Калмыцкого ханства поселения калмыков на Средней Волге. Особенно отчётливо эта мысль прозвучала в первом пункте положения. В нём подчёркивалось, что хозяйственная жизнь калмыков, как основа существования войска, должна оставаться такой, как было изложено в положениях 1739 и 1745 годов.

В связи с новым положением общая сумма расходов на содержание войска и его чиновничьего аппарата оставалась почти без изменений и составляла: на жалованье чиновникам – 1185 руб., на жалованье церковного причта – 1715 руб., на содержание школы – 624 руб., на семенной хлеб – 653 руб., на винный откуп – 500 руб. и всего – 4677 руб. Другие прежние статьи расходов на войско были ликвидированы. Вместо этого были увеличены расходы на жалованье полковым чинам и войсковую канцелярию согласно новому штату. Устанавливая новую систему оплаты жалованья в Ставропольском войске, Военная коллегия исходила, во-первых, из того, что в течение 60 лет после 1745 г. произошло удорожание цен на продукты, обмундирование, оружие; во-вторых, за указанное время в других иррегулярных войсках были значительно увеличены расходы на их содержание, а Ставропольское войско оставалось всё ещё на прежнем содержании. Безусловно, такое

различие в жизни калмыков отрицательно влияло и на их экономическое положение и военную службу. По новому положению рядовой получал походные деньги не за расстояние в 500 вёрст от дома, а за 100 вёрст, как было положено в других иррегулярных войсках, по прибытию же на службу выдавали им казачью норму жалованья, провианта и фуража.

Реорганизовано было и само внутреннее устройство войска. Оставляя Ставропольское ведомство в административном отношении одним из кантонов Оренбургского казачьего войска, калмыцкое войско преобразовали в полк тысячного состава. Штаты были составлены по образцу Оренбургского полка. На службу отправлялся половинный его состав, и только в исключительных случаях полк обязан был выступать полностью под командованием войскового атамана.

Войсковая канцелярия была учреждена в составе: войскового атамана (председатель) с годовым окладом 800 руб., двух непременных членов (штабных офицеров) или советников (по 250 руб.), одного ассесора, избираемого через каждые три года (200 руб.), необходимого числа канцелярских служителей, переводчика-чиновника 14 класса, секретаря также 14 класса, подчинённого губернскому прокурору, с годовыми окладами по 150 руб. Кроме того были предусмотрены два толмача при переводчике с окладом по 30 руб., два фельдшера с таким же окладом. На канцелярские расходы было предусмотрено 360 руб., а вся годовая сумма расходов в целом по войску составляла 2280 руб.

Канцелярия подчинялась по военным делам инспектору Оренбургской инспекции, по гражданской части была подведомствена симбирскому губернскому начальству. Компетенция канцелярии регламентировалась следующими правилами: войсковой атаман не имел права издавать постановления и проводить его в исполнение без согласия инспектора Оренбургского войска и утверждения Военной коллегии; войсковая канцелярия обязана была заботиться об обмундировании казаков, снаряжении лошадей, заниматься их покупкой или изготовлением на месте. Денежные средства на жалованье войсковой канцелярии отпускались вне службы от ведомства государственных казначейств, а во время службы – из комиссариатского, провиант и фураж – из провиантского ведомства.

Войсковой атаман Ставропольского калмыцкого войска назначался указом государственной Военной коллегии по представлению Оренбургской войсковой канцелярии. В 1780 г. им был назначен секунд-майор Ф. Болоткоев[64], в 1796 г. – полковник Дербетев (армейского звания не имел)[65], а после его смерти – войсковой полковник, армейский подпоручик Баглюнов, вскоре произведённый в капитаны, а в феврале 1806 г. получивший чин майора[66].

После проведённых реорганизаций в начале XIX в. Ставропольское войско состояло из 10 рот (Ягодинская, Авралинская, Сусканская, Кобельманская, Предтеченская, Преображенская, Тенеевская, Чекалинская, Раковская, Красноярская) и 34 улусов. Всего в них насчитывалось 185 дворов с общим числом населения около 3300 душ обоего пола. Численный состав улусов был различным. В частности, в Чесноковском улусе проживало 144 человека, Колошном – 33, Куромчинском – 172, Белом – 87, Чёрном – 70, Тростянском – 140, Сосновском – 140, Верхне-Солонцовском – 70, Нижне-Солонцовском – 73, Вислодубовском – 53, Цохоровском – 61, Цагантугском – 104, Потаповском – 110, Авралинском – 234, Чёрном (2-й) – 89, Емелькином – 87, Чедыровском – 68, Подстепенском – 63, Среднем – 36, Верхнедубровском – 66, Нижнедубровском – 103, Среднем (2-й) – 103, Чесноковском (2-й) – 130, Чёрном (3-й) – 185, Лузановском – 79, Хотоновом – 45, Улюмжиевом – 66, Белом (2-й) – 95, Ашвановском – 96, Краснопоселенском – 182, Менкоевом – 65, Турдуевом – 76, Анчуковом – 35, в г. Ставрополе – 28[67].

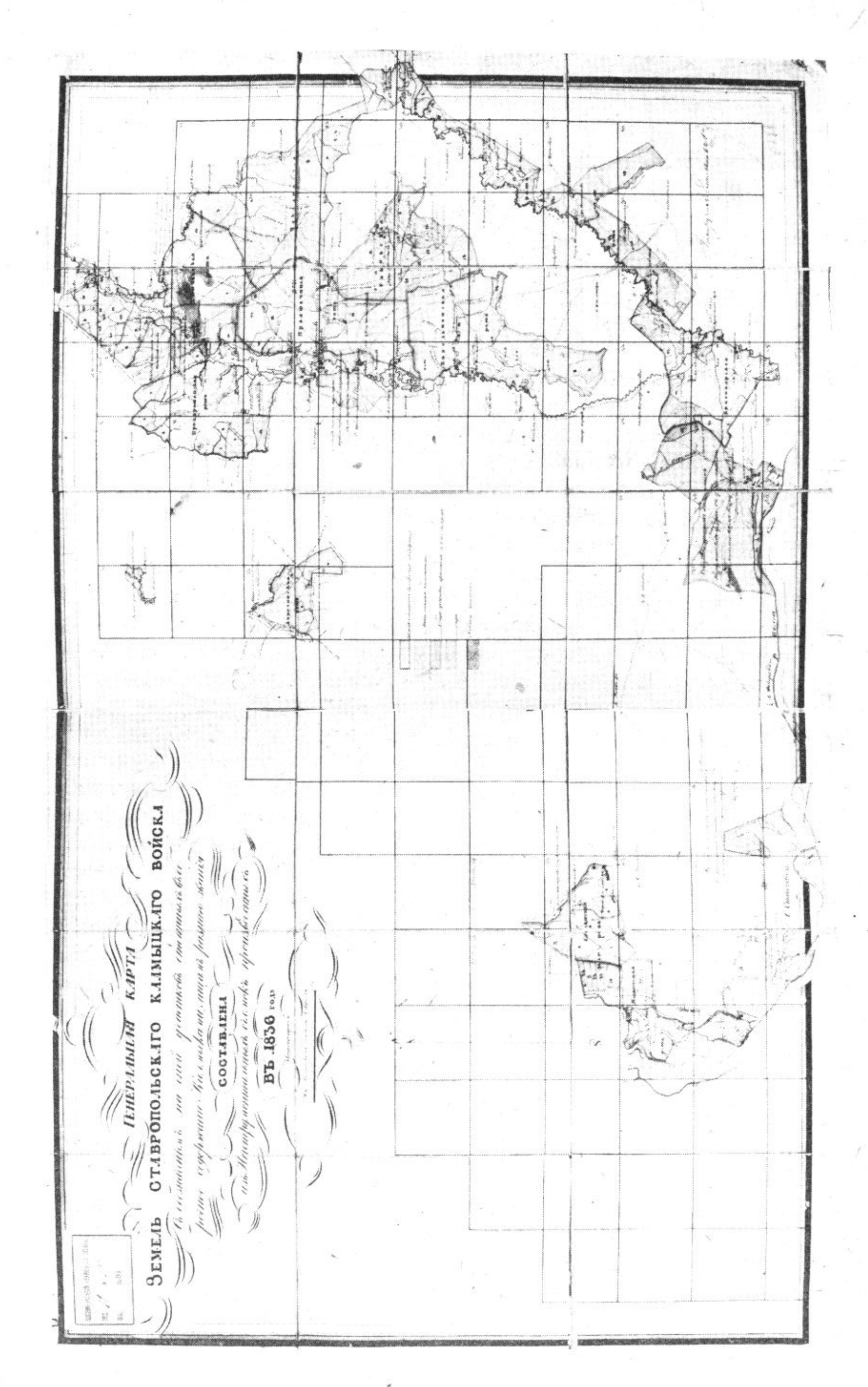
Исходя из карты "Симбирской губернии в Самарском уезде", составленной самарским уездным землемером Дмитрием Бурцевым в 1825 г.[68], можно судить, что каждая рота состояла из 3 улусов[69]. Однако в последующие 10 лет улусы были перераспределены по ротам от 1 до 5 улусов. После этого военно-административная структура на 1836 г. выглядела следующим образом.

№№ п/п	Роты	№№ п/п	Улусы	Кол-во дворов	Население		
					казаков	женщин	всего
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Чекалинская	1.	Подстепной	27	37	23	60
		2.	Микидосев	24	44	46	90
		3.	Кольщин	18	36	35	71
		4.	Цагантугский	24	54	43	97
2.	Ягодинская	5.	Дубровский	52	85	62	147
		6.	Хапчинский	24	25	28	53
3.	Сусканская	7.	Сусканский				
		8.	Средний	30	92	87	179
		9.	Чёрный	15	23	40	63
		10.	Курумчинский	22	41	65	106
4.	Красноярская	11.	Сосновский	29	61	64	125
		12.	Вислодубовский	25	49	50	99
		13.	Солонцовский	31	74	66	140
5.	Раковская	14.	Затонский	11	30	28	58

1	2	3	4	5	6	7	8
			15.Чесноковский	36	78	66	144
			16.Потапьевский	31	49	59	108
	6.Кобельманская		17.Чёрный	40	79	70	149
			18.Средний	30	44	58	102
			19.Чесноковский	36	70	60	130
	7.Предтеченская		20.Анчуковский	7	21	20	41
			21.Тордуевский	14	37	30	67
			22.Архипов	14	42	32	74
			23.Ашвановский	19	53	40	93
			24.Чистаев	31	53	52	105
			25.Тукшунский	12	30	30	60
	8.Авралинская		26.Авралинский	40	100	106	206
	9.Преображенская		27.Луканов	16	–	–	–
			28.Цибиков	4	8	3	11
			29.Емелькин	13	27	20	47
			30.Улюмжиев	23	64	53	117
			31.Чадырев	20	40	46	86[70]
	10.Тенеевская		32.Тростянский	23	58	55	113
			33.Супоневский	22	46	43	89
			34.Чёрный	22	38	38	76
	ВСЕГО:			**785**	**1588**	**1515**	**3103**

Таблица показывает, что в численном отношении роты были почти одинаковыми, поскольку каждая из них должна была выставлять на службу равное число казаков. Демографические данные по Ставропольскому поселению за 1842 г. дают основание утверждать, что по сравнению с 1836 г. численного роста населения не было, наоборот, обозначилась тенденция к его снижению.

Атаманом войска являлся прикомандированный подполковник Давыдовский. В штате войсковой канцелярии по части письмоводства работали: секретарём сотник Василий Беков, столоначальником зауряд-есаул Сергей Батырев 1-й, переводчиком зауряд-хорунжий Платон Батырев 3-й, казначеем зауряд-есаул Гаврил Зодбоев, переводчиком при канцелярии и преподавателем училища Андрей Шарабюргетов, на посту командира полка состоял сотник Михайло Церенжапов. Ротами командовали: Красноярской – хорунжий Ананий Дакбаев, Преображенской – хорунжий Козьма Лузанов 1-й, Тенеевской – хорунжий Степан Делеков 1-й, Раковской – зауряд-есаул Андрей Баянов, Кобельманской – зауряд-есаул Василий Ильцхаев, Чекалинской – зауряд-сотник Василий Баяртуев 2-й, Предтеченской – зауряд-сотник Иван Наянтаев, Сусканской – зауряд-сотник Дмитрий Ренцанов, Авралинской

Карта № 11

– зауряд-сотник Ларион Бютиков, Ягодинской – зауряд-есаул Василий Батырев 2-й. Кроме того насчитывалось 40 строевых и нестроевых урядников, из которых двое исполняли должность полковых писарей, 3 человека состояли при войсковой канцелярии, трое работали фельдшерами[71].

Войсковая канцелярия имела собственные финансовые средства (денежные суммы), складывавшиеся из поступлений денег за аренду (картому) земельных угодий, перечислений на жалованье аппарату управления из Сибирской комиссариатской комиссии и других источников финансирования. Например, на начало 1842 г. войсковые суммы составили 82857 руб. серебром, 115000 руб. ассигнациями. Расходы производились по статьям: на жалованье, на содержание лазарета, уездного и приходского училищ, на подготовку различных мастеровых (портных, слесарей, столяров и др.) в близлежащих городах и т.д.

В Ставропольском поселении были созданы и функционировали два училища – уездное и приходское с охватом 32 учеников. Накануне упразднения поселения в них преподавали Пётр Турдуев и Фёдор Чуматов.

В станице Велико-Петровской для калмыков была выстроена православная церковь с использованием имущества походной церкви, пожалованной Петром I калмыцкому владельцу Баксадаю-Дорджи при его крещении в 1725 г. в Петербурге. В новой церкви были размещены иконостас и образы святых, изображенные на материале из атласа, "царские врата", нарисованные также на атласе, с надписью "Повелением благочестивейшего государя – императора и самодержца Всероссийского, благословением святейшего правительствующего Синода, состроился храм сей походный Воскресения Христова и осветися 1725 г. февраля 17 и дадеся владельцу калмыцкому новокрещённому Петру Петровичу Тайше". Хранились в этой церкви и все богословские книги, выданные Тайшину из Синода[72].

Проведённая в 1803 г. реорганизация Ставропольского войска, хотя несколько и улучшила состояние знатной части калмыков, однако не смогла устранить нищенское положение калмыцких низов. Чрезвычайная обстановка в Ставропольском поселении, связанная с массовой смертностью, обратила на себя внимание правительства. В 1836 г. царь Николай I в поисках мер по предотвращению калмыков от полного вымирания предложил перевести их в гражданское сословие. Но оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский, осмелившись не согласиться с мнением царя, внёс другое предложение и мотивировал его тем, что среди полукочевого народа трудно внедрить сразу оседлый образ жизни. Перовский проектировал ввести в поселении общественное хлебопашество и увеличить состав войска причислением к нему калмыков Бузулукского уезда. Предложение губернатора было одобрено царём, но осуществить его не удалось[73].

Но какие бы меры не принимало царское правительство в целях укрепления экономического положения и совершенствования административного устройства ставропольских калмыков, причём в интересах знатной части, они не могли решить главного – повышения благосостояния населения в целом. Классовая ограниченность проводимых переустройств приводила к обнищанию всё новые группы полукочевников. Царское самодержавие с присущей ему антинародной и антинациональной политикой не в состоянии было предотвратить вымирания не только относительно небольшой группы ставропольских калмыков, но и целых народностей.

Бесперспективность неоднократных преобразований жизни калмыков, как отдельной военно-административной единицы, толкнуло правительство в другую крайность – к ассимиляторской политике путём упразднения калмыцкого поселения в Ставропольском уезде.

Накануне упразднения Ставропольского калмыцкого войска, в декабре 1840 г. вышло "Положение об Оренбургском войске" и была проведена кардинальная его реорганизация. Новое "Положение" определило следующий состав Оренбургского войска: белопахотные солдаты, ставропольские калмыки, нижние чины четырёх поселённых линейных Оренбургских батальонов, башкиры и мещеряки, все крестьяне, проживавшие на землях войска, государственные крестьяне пяти волостей вневойсковой территории[74].

"Положение" превращало казаков Оренбургского войска в замкнутое военное сословие без права перехода в другие сословия. Были изменены границы войска в сторону их расширения. Подверглось большой реорганизации военно-административное устройство. Кантоны и дистанции были разделены и заменены военными и полковыми округами. Всё войско теперь делилось на два военных округа, в каждый из которых было включено по пять полковых округов. Округ состоял в среднем из 2500 семейств, из него комплектовался казачий полк. Во главе этих военно-административных единиц были поставлены окружные начальники и полковые командиры. Общее руководство войском осуществлял наказный атаман с учреждённым при нём войсковым дежурством. Гражданскими делами стало ведать войсковое правление[75].

По справедливому замечанию М.Д. Машина, "Положение об Оренбургском казачьем войске" было пронизано откровенно казарменным духом. Всё войсковое население находилось под непосредственной опекой строевых командиров, насаждавших слепое повиновение начальству, солдатскую муштру не только в строевых частях, но и среди всего казачьего населения. Жестокий военный режим касался быта казаков и членов их семей, всего уклада жизни казачества[76].

В такие условия предстояло попасть и ставропольским калмыкам. Если для русского населения новая обстановка не требовала длительного времени для адаптации, то для калмыков она предпо-

лагала резкий скачок от полукочевой жизни к оседлой, повлекшего за собой изменение всего уклада жизни: хозяйственного, социального, бытового и психологического. Итак, в 1843 г., просуществовав сто с лишним лет, Ставропольское калмыцкое войско было ликвидировано.

Рассмотрение истории Ставропольского поселения калмыков позволяет сделать следующие выводы.

Ставропольское поселение возникло в результате экономического и социально-политического кризиса в Калмыцком ханстве и ассимиляторской политики царского самодержавия в отношении нерусских народов. Осуществляя эту политику, царизм стремился окончательно изолировать крещёных калмыков от их основной массы, а затем использовать как послушную военную силу. В этих целях правительство последовательно проводило комплекс мероприятий. Экономические нововведения были направлены на подрыв кочевого образа жизни калмыков и на приобщение их к оседлости и земледельческому труду, а социально-политические преобразования – на ликвидацию традиционных общественно-политических институтов, патриархально-феодальных отношений, национальных обычаев и на возможно более полную русификацию новопоселенцев. Этим же целям была подчинена деятельность православной церкви и калмыцкой школы.

Целям гражданских реформ соответствовали и военные преобразования. В основе всех преобразований лежал опыт организации нерегулярных казачьих войск. Основная задача заключалась в том, чтобы превратить калмыков в дешёвую боеспособную и вместе с тем послушную военную силу, которую можно было бы использовать в войнах, на охране границ и в полицейской службе.

Как показывает анализ вопроса, усилия царского правительства и местных властей далеко не во всех начинаниях дали ощутимые результаты. Экономические меры не принесли улучшения жизни рядовых калмыков. Введение нового административного устройства поселения не устранило массу злоупотреблений со стороны представителей местной русской и калмыцкой администрации, тем самым усугублялось и без того тяжёлое положение рядовых калмыков. Они противопоставляли антинародным преобразованиям различные формы борьбы, нежелание принимать насильно насаждаемую оседлость, групповые и одиночные побеги из поселения, активное участие в гражданской войне 1773-1775 годов. Последнее обстоятельство в корне изменило дальнейшее отношение правительства к ставропольским калмыкам и оно, в конце концов, сочло необходимым ликвидировать поселение калмыков как национальную административную единицу, а калмыцкое население рассредоточить мелкими группами по Оренбургской губернии.

Вместе с тем необходимо отметить, что образование и дальнейшее развитие Ставропольского поселения имело объективно положительное значение для калмыков. Они познакомились с земледелием, овладели навыками сенокошения, в какой-то степени приобщились к более высокой культуре русского народа. А самое главное заключалось в том, что тесное общение простых калмыков с русским крестьянством, казацкой беднотой, трудящимися нерусских народов Поволжья создавало предпосылки для возникновения и дальнейшего укрепления дружбы и классовой солидарности в борьбе с общими их угнетателями – русскими помещиками – крепостниками и местной феодально-родовой знатью.

Глава 3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЛМЫКОВ ДРУГИХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК

Оренбургские и уральские калмыки

По данным 1765 г. под Оренбургом проживало 200 кибиток тех калмыков, речь о которых шла раньше в соответствующем разделе. Однако в документах за 1836 г. обнаружилась ещё одна группа оренбургских калмыков. Откуда и как они появились здесь? Эти калмыки были поселены в Бузулукский уезд указом Сената от 19 июня 1745 г. Вначале решением Оренбургской канцелярии в декабре 1757 г. им была отведена отдельная территория для кочёвки, затем царским указом от 20 января 1765 г. произведена нарезка земли по казачьим нормам. По генеральному межеванию здесь оказалось 196758 десятин 2363 сажен удобной (пахотной) и неудобной земли. Этот надел межевая комиссия закрепляет за калмыками на постоянно. Правомерность отведённого надела была подтверждена в дальнейшем предписаниями оренбургского губернатора князя Путятина от 25 января 1762 и 23 января 1784 гг. Наконец, в июне 1798 г. Сенат также признал калмыков законными владельцами указанных земель. За пользование наделом они должны были исполнять казачью службу, но без жалованья. В свободное от службы время калмыкам разрешалось заниматься торговлей, рыболовством и охотой на зверей[1].

В поле зрения центральных властей и оренбургской администрации они оказались в 1836 г. 18 июля оренбургский губернатор Перовский известил министров финансов и внутренних дел о том, что он начал разработку нового положения о Ставропольском калмыцком войске с передачей ему бузулукских калмыков. В связи с этим намечалась распродажа земель, на которых они проживали, а на вырученные деньги предполагалось провести реорганизацию войска и открыть училище для оренбургских и

ставропольских казаков. К решению вопроса были подключены соответствующие правительственные ведомства, каждое из которых дало компетентные информации о жизни бузулукских калмыков. При обсуждении этого дела возникли различные мнения об их состоянии и дальнейшей судьбе.

Что касается численности бузулукских калмыков и их земельного надела, выяснилась следующая картина. В документе за 1844 год утверждалось, что по сведениям 7-й ревизии в Оренбургской губернии одних казаков-домохозяев, которые имели право на получение земельного надела, числилось 500 человек. В других документах, в частности Министерства финансов, приводится цифра 427, в которую включается всё население указанной группы. Однако, если отдать предпочтение последней цифре, то возникает вопрос, как власти могли выделить такой малочисленной группе кочевников столь огромный надел. Показатель "196734 десятин", исходя из нормы подушного надела земли на казака, свидетельствует о правомерности цифры "500". Тем более, что при проведении ревизии надела, принадлежавшего бузулукским калмыкам, Сенат вместе с Межевым департаментом на двух заседаниях общего собрания приняли указ от 30 января 1836 г. о законной собственности калмыков на эту землю. Следовательно, число домовладельцев составляло 500 человек, а общая численность группы доходила до 200 душ обоего пола. Более того, военный министр граф А.И. Чернышев склонен был признать вотчинное право калмыков на эту землю, но министр финансов отверг это мнение.

Обсуждение выдвинутого Перовским вопрос об учреждении отдельного полкового округа Оренбургского казачьего войска путём объединения ставропольских и бузулукских калмыков было признано нецелесообразным. Департамент военных поселений Военного министерства в марте 1837 г. настоял на том, чтобы бузулукских калмыков причислить к Оренбургскому полку № 20, в районе которого находились их земли. Итак, эти калмыки с 1837 г. пополнили один из полков Оренбургского казачьего войска[2].

Из калмыков, проживавших под Оренбургом, в конце XVIII в. удалось скомплектовать две самостоятельные роты в составе Оренбургского нерегулярного корпуса. Императорским указом от 10 апреля 1798 г., адресованным оренбургскому военному губернатору барону Игельстрому, вместе с учреждением кантонной системы в Оренбургском крае кордонная линия была разделена на 5 дистанций: 1-я – от Устьуйской крепости до Верхнеуральской, 2-я – от Верхнеуральской до Орской, 3-я – от Орской до Оренбурга, 4-я – от Оренбурга до г. Уральска, 5-я – от Уральска до Гурьева[3]. По новому устройству калмыцкие роты были расселены на 4-й дистанции по рекам Гусихе и Уралу. В начале 1798 г. в связи со смертью хорунжего Бохвостова в одну из этих рот сотником был назначен Василий Подуров[4].

Значительный рост численности калмыцкого населения в Оренбургской губернии произошёл с 1843 г.

В мае 1842 г. был издан указ об упразднении Ставропольского калмыцкого войска и переселении его населения на Оренбургскую линию. 30 мая отделение по иррегулярным войскам Департамента военных поселений при Военном министерстве направило командиру отдельного Оренбургского корпуса циркуляр с разъяснением порядка переселения калмыцких семей. Сам указ был предельно лаконичным и состоял всего лишь из двух пунктов: "1. Калмыков сего войска со всеми их семействами переселить по удобности во все полки Оренбургского казачьего войска, на новой линии расположенные и 2. Земли, состоящие в пользовании Ставропольского калмыцкого войска, как принадлежащие казне, передать в Министерство государственных имуществ"[5]. Указ явился прямым продолжением "Положения об Оренбургском казачьем войске" 1840 г., насаждавшего жестокий военный режим в жизни казачьего населения Оренбуржья. По крайней мере, мы не нашли ни одного документа, который свидетельствовал бы об участии самих ставропольских калмыков в решении вопроса о собственной их судьбе. Наоборот, в одном из документов подчёркивалось: "Объявить калмыкам, что они все должны беспрекословно переселиться на новые места и без всякого отлагательства и снисхождения, почему и старались устроить переход на новые места заблаговременно в удобное время и без дальних затруднений как себе, так и начальству"[6].

Будущее устройство ставропольских калмыков на новых местах было в целом предопределено в документах, составленных чиновниками губернского ранга, на которых была возложена ответственность за выполнение этого волевого акта правительства. В одном из первых проектов, подготовленном наказным атаманом Оренбургского войска генерал-майором Цукато, были изложены основные идеи дальнейшего устройства жизни переселенцев. Строго следуя традиционной политике царизма в отношении к малым народам, в своём проекте Цукато размышлял: "Калмыков Ставропольского войска я нахожу полезным разместить между казаками по частям, а не в одном месте, по тому уважению, чтобы новые пришельцы в скорейшем времени могли бы ознакомиться как с обычаями здешнего края, обработкою земли для хлебопашества, равномерно привыкнуть к новому быту..."[7]. Дальше шло изложение конкретного плана расселения калмыков на землях Оренбургского казачества, реализовывавшего вышеприведённую идею.

Калмыцким семьям предоставлялось время на продажу домов, хозяйственных построек и громоздких вещей. Предусматривалась также выдача им пособий из казны на основании Положения 1840 г. Для организованного осуществления столь ответственного ме-

роприятия по указанию наказного атамана ставропольские калмыки были разделены на две партии, а каждая партия – на пять отделов во главе со старшими чиновниками и урядниками Ставропольского войска. В первую очередь была отправлена вся кочевая часть населения, не связанная с оседлым хозяйством[8].

Вместе с калмыками переселялись на те же места так называемые белопахатные солдаты в количестве 1919 семей или 7955 душ обоего пола, проживавшие в четырёх уездах Оренбургской губернии: Бузулукском, Мензелинском, Бугульминском и Бугурусланском. Для калмыцких и русских переселенцев были отведены лучшие земли между Старой и Новой линиями в расположении 4-7, 9-10 полковых округов Оренбургского казачьего войска[9].

Каковы были причины учреждения "Новой линии" и что она представляла из себя? Соседствующие с землями Оренбургского казачьего войска казахи часто угоняли скот и лошадей у русских казаков, проживавших в приграничной зоне. Для прекращения участившихся воровских набегов со стороны казахов оренбургская администрация вошла в правительство с предложением перенести укреплённую линию с верховьев рек Урала и Уя вглубь степи и выдвинуть её перед лесистой местностью Джабык-Карагаем. Устройство Новой линии началось в 1837 г. Она протянулась от г. Орска на северо-восток через уезды Орский, Верхне-Уральский, Троицкий и заканчивалась в Челябинском уезде[10].

Между тем, 5 мая 1843 г. командир Ставропольского войска Давыдовский рапортовал командующему отдельным Оренбургским корпусом генерал-лейтенанту Обручеву, что первая партия, составленная из 14 улусов и разделённая на 5 отделений, была уже отправлена. В неё входили 1631 мужчина и женщина или 390 семей, имевших 1439 лошадей и 207 коров. Вторая партия, собранная из оставшихся 20 улусов (1690 человек), покинула родные места 1 июня. Сюда вошли зажиточные хозяева и совершенно бедные семьи, у которых не было средств передвижения[11].

Итак, со второй половины 1843 г. для ставропольских крещёных калмыков начался новый исторический этап, на котором они стали известны уже под другим названием – оренбургских. С чего же начался этот этап, какие основы были заложены на заре этой истории?

В пространстве между Старой и Новой линиями для поселения ставропольских калмыков, белопахатных солдат и казаков Оренбургского войска планировалось построить 27, а непосредственно по Новой линии – 7 станиц, каждая из которых получила свою нумерацию и название. В результате военно-административное устройство бывших ставропольских, а теперь оренбургских калмыков приняло следующую структуру.

Полковые округа	Название учреждённых станиц и их	№№	Кол-во семей	Название улусов бывшего Ставропольского войска
4-й	Кацбах	№ 9	20	Белый
	Асландская	№ 14	11	Колошнов
	Бриен	№ 15	46	Авралинский
	Кваркен	№ 16	16	Лузановский
	Адрианополь	№ 17	10	Хотонов
	Кульм	№ 18	51	Чесноковский
	Измаильская	№ 19	44	Куромчинский
	Браиловская	№ 20	29	Ашванов, Улюмжиев
5-й	Кассель	№ 1	14	Подстепенский
	Остроленская	№ 2	12	Средний
	Париж	№ 4	16	Верхнедубовский
	Велико-Петровская	№ 5	14	Менкоев
	Полтавская	№ 6	9	Ашванов
	Варшавская	№ 22	40	Средний, Турдуев
	Краснинская	№ 23	24	Чесноковский
	Орск	№ 24	38	Чёрный
	Куликовская	№ 31	21	Белый
	Разные станции на новой линии		26	Чёрный
6-й	Березинская	№ 25	40	Краснопоселенский
	Бородинская	№ 26	43	Солонцовский, Верхнедобровский
	Чесменская	№ 27	22	Солонцовский
	Тарутинская	№ 28	17	Емелькин
	Лейпциг	№ 29	19	Чедуровский
	Варна	№ 30	29	Тростянский
	Берлинская	№ 32	21	Чёрный
7-й	Софийская		18	Цохоровский
	Натальинская		25	Цагантугский
	Кирилловская		24	Потаповский
10-й	Надежинская		26	Пригород Ставрополя
	Веренская		26	Вислодубовский
	Варваринская		26	Сосновский[12]

Как видно из таблицы, большинство станиц были названы в честь городов и населённых пунктов, где сражался с наполеоновскими агрессорами в 1812-1814 гг. славный Ставропольский калмыцкий полк. В окончательном варианте калмыки были расселены по тридцати с лишним вновь учреждённым станицам пяти полковых округов. Основная масса калмыцких семей была рассредоточена в 4, 5, 6 округах. Целостность прежних улусов Ставропольского калмыцкого войска была сохранена, однако 6 малочисленных улусов были спарены по трём станицам. В эти же станицы вместе с калмыками были переведены белопахатные солдаты с семьями. В те станицы, где не было белопахатных солдат (Кассель, Остроленская, Париж, Велико-Петровская, Полтавская, Кацбах), переводились русские казаки пяти станиц третьего и пятого кантонов[13].

Следуя наставлениям царского правительства, местные власти стремились к тому, чтобы калмыки составляли или половину русского населения, или (это в большинстве случаев) среди 5-10 русских семей проживала бы одна калмыцкая. Например, в Аландской станице было поселено 98 белопахатных солдат, калмыков – 23, в станице Бриене соответственно 237 и 112, в станице Кульм – 333 и 117, Браиловской – 214 и 36 и т.д.[14]. В 1911 г. в отчёте о командировке в Оренбургскую губернию, Терскую и Уральскую области тайный советник А.М. Позднеев подтвердил эти же факты. Он писал, что "сделано было это в виду определения правительства всячески содействовать по переселению калмыков Оренбургской губернии, скорейшему их обрусению"[15].

Этим же целям соответствовали все организационные мероприятия оренбургского войскового руководства на начальном этапе жизни калмыков в новых поселениях. Первым делом всех поселенцев заставили заниматься хлебопашеством и посевом хлеба не менее трёх пудов зерна на одну душу, а также заготовкой сена. По окончании этих работ калмыки сразу приступили к заготовке леса для строительства домов и его вывозу в станицы. Постройки домов велись в установленном порядке, по существующим типовым планам застройки станиц. Дома и другие хозяйственные объекты покрывались тёсом, берестою или сосновыми дранцами. При недостаче леса всё это заменялось камышом, тонким плетнём из тальника, обмазанным слоем глины, или использовался дёрн. Дворы обносились плетнём или окапывались земляным валом. Перечисленные виды хозяйственной деятельности требовали наличия сельскохозяйственного инвентаря и плотницких инструментов.

Калмыцкие семьи, бывшие до недавнего времени в основной своей массе полукочевниками, а теперь, перейдя к настоящей оседлости, покупали семенное зерно, сабаны, плуги, бороны, косы, топоры, пилы. Для устройства жизни переселенцев на новых местах правительство предоставило им двухгодичные льготы по

военной службе и отменило денежные и земские повинности. Кроме того калмыцким семьям выдали ссуду на покупку семян в сумме 3535 руб., продовольственного хлеба – на 7870 руб., на наём вольных мастеровых-строителей – 11655 руб. За три года переселенцами было построено 2780 домов, 41 землянка, освоено 15340 десятин земли, засеяно 150467 пудов хлеба, накошено 20564 стогов сена. Однако новых жителей этого края преследовали стихийные бедствия. Так, в 1846 г. больше половины посевов погибло от ранних морозов, значительное количество скота пало из-за дальних перегонов, бескормицы и холодов. Население оказалось в крайне критическом положении[16].

Время показало, что политика ассимиляции ставропольских калмыков имела весьма трагические последствия. В 1882 г. была проведена первая перепись оренбургских калмыков, где было зарегистрировано всего лишь 1204 души обоего пола[17], а по данным 1893 г. числилось 1288 мужчин и женщин. От тяжёлых условий жизни некоторые калмыцкие селения вообще вымерли. Например, в посёлке Варваринском в 1843 г. был поселён 121 калмык, а через 30 лет в нём осталось всего 66 человек. Посетившие этот посёлок представители местных властей были поражены крайней бедностью жителей. Часть семей вообще не имела своего крова и влачила существование в грязных и тесных лачугах своих единоплеменных соседей[18].

Резкий переход от полукочевой жизни к оседлой очень тяжело отражался на всём калмыцком населении, так как с этим были связаны изменения в пище, в домашнем быту, в характере трудовой деятельности и т.д. Спустя сорок с лишним лет, в 1911 г. Позднеев, выясняя причины интенсивного сокращения калмыцкого населения, отмечал почти те же обстоятельства. Он писал, что в основе случаев массового вымирания лежал "насильственный и ускоренный перевод их из кочевого быта в оседлый. При кочевом образе жизни калмыки три четвёртых года проводили в кочевых кибитках, свободно допускавших в свои стены приток свежего воздуха. В Оренбургской губернии калмыки стали преследоваться за всякое проявление кочевой жизни: им запрещалось даже в летнее время ставить свои кибитки или палатки на собственных дворах и, заключённые в душные избы, они сильно страдали грудными болезнями и в большинстве умирали от чахотки... По сохранившимся преданиям, в каждом посёлке калмыцкие дома были построены среди русских так, что нигде не стояли рядом даже два калмыцких дома"[19].

На начало 70-х годов XIX в. калмыки были распределены в административном отношении по трём отделам Оренбургского войска: в 1 отделе, преимущественно в Троицком уезде – 303 человека, в Верхне-Уральском уезде 2 отдела – 1736, в Орском

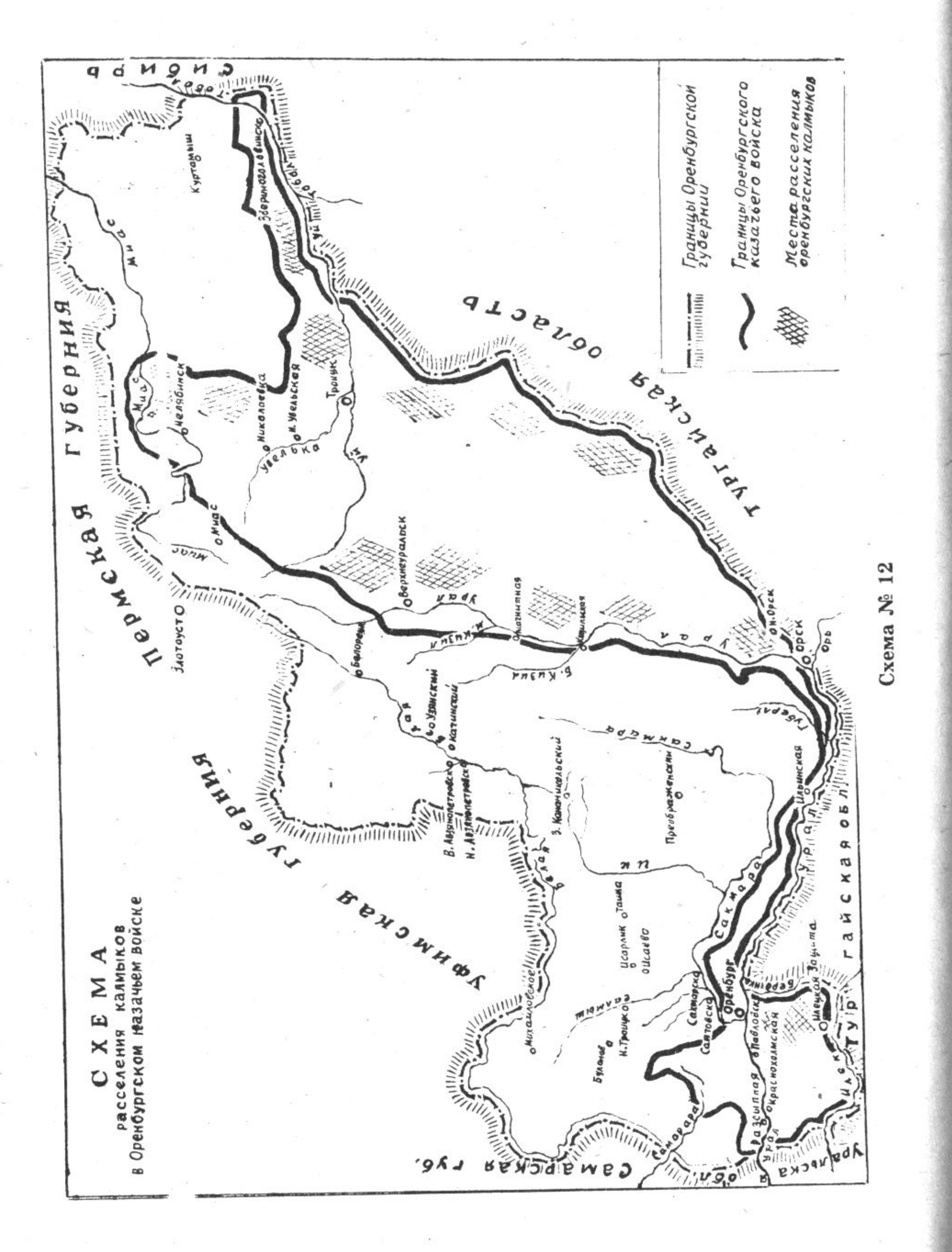

Схема № 12

уезде 3 отдела – 548 человек. Судя по списку селений Оренбургской губернии, на данный период некоторые были переименованы. Так, по сравнению с 1843 г. появляются новые названия: Полоцкий, Рымниковский, Фершампенуаз, Калмыково[20]. В военном отношении из 10 рот Оренбургского нерегулярного казачьего корпуса из служилой части калмыков скомплектовали две отдельные роты[21].

В начале 1877 г. Военный совет Главного управления иррегулярных войск провёл частичную реорганизацию в Оренбургском войске для уравнения численности казаков в военных отделах. Станицы с калмыцким населением бывшего Ставропольского войска были переданы в состав второго отдела. В частности, станица Кваркенская состояла из посёлков Адрианопольский, Бриенский, Елисаветинский, Аландский, Кульмский; в станицу Кизильскую входили известные посёлки Браиловский и Измаильский; в составе станицы Варшавской находились посёлки Полоцкий, Кацбахский; станица Великопетровская включала посёлки Парижский, Аннинский, Полтавский, Варнинский; станица Верхне-Уральская – посёлки Кассельский, Остроленский, Арси; станица Карачайская – посёлки Ахунов и Краснинский; станица Березинская – посёлки Чесменский, Бородинский, Куликовский, Фершампенуазский, Берлинский, Тарутинский. Калмыки, проживавшие в Оренбургском войске, издавна были определены в третий военный отдел; из бывших ставропольских сюда был причислен посёлок Лейпциг[22].

В религиозном отношении как ставропольские, так и оренбургские калмыки, официально считаясь православными с 1725г., фактически оставались ламаистами. Они, несмотря на строгие преследования светских и церковных властей, негласно содержали хурулы и тайные кумирни. Войсковой старшина Ф.М. Стариков писал: "Калмыки до сих пор строго чтут обряды и обычаи своих предков. Они и доныне придерживаются двуеверия – наружно христианству и секретно буддийству. Они, хотя и соблюдают воскресные и праздничные дни и исполняют некоторые христианские обряды, но в то же время не соблюдают постов, едят что попало, посещают церковь очень редко: окрестить ребёнка, совершить брак, отпеть умершего – вот всё, что заставляет калмыков являться в церковь. Хотя калмыки и ходят в церковь, но в то же время тайно поклоняются идолам"[24].

Почти в аналогичном положении находились уральские калмыки-казаки. Ввиду отсутствия материалов за последнюю треть XVIII-первую треть XIX вв. подробно о них речь можно вести лишь с 40-х годов XIX в.

В отличие от других нерусских народов Уральского казачьего войска, калмыки входили в группу войскового населения. По данным 1845 г. основной его состав был распределён по 9 населённым пунктам и форпостам войска: в Кирсановском форпосте

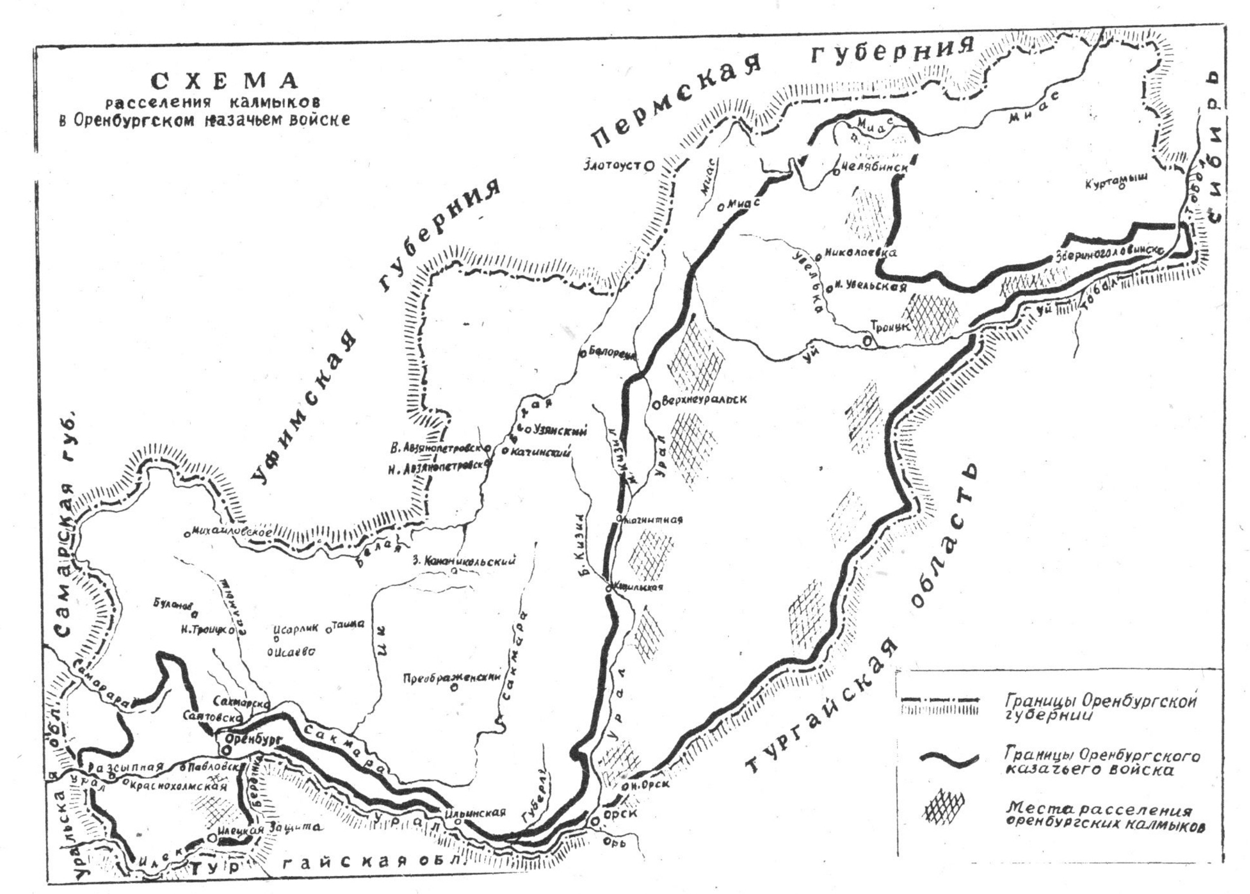

СХЕМА
расселения калмыков
в Оренбургском казачьем войске
Пермская губерния
Уфимская губерния
Самарская губ.
Тургайская область
Сибирь
Уральская обл.
Тургайская обл.
Златоуст
Миас
Челябинск
Куртамыш
Николаевка
Н. Увельская
Увелька
Троицк
Уй
Тобол
Звериноголовинск
Белорецк
Верхнеуральск
Узянский
Кагинский
В. Авзянопетровск
Н. Авзянопетровск
Белая
Михайловское
З. Кананикольский
Магнитная
Кизильская
Б. Кизил
М. Кизил
Урал
Буланово
Н. Троицко
Салмыш
Исарлик
Таима
Исаево
Ик
Преображенский
Сакмара
Сакмарск
Сеитовская
Оренбург
Самара
Разсыпная
Павловск
Краснохолмская
Бердянка
Илецкая Защита
Илек
Ильинская
Губерля
Н. Орск
Орск
Орь
Границы Оренбургской губернии
Границы Оренбургского казачьего войска
Места расселения оренбургских калмыков

Схема № 12

проживали 109 человек обоего пола, из них мужчин 52, в Требушинском хуторе – 161 (86 мужчин), Лбищенском – 199 (105 мужчин), Кущумском – 136 (70 мужчин), Мопринском и Абинском форпостах – 85 (50 мужчин), во 2-м Чижинском посёлке – 88 (46 мужчин). Кроме того, небольшие группы калмыков-казаков, находясь на форпостной службе, проживали с семьями в Горской крепости и Гребещиковском форпосте, относившихся к Нижней дистанции Нижне-Уральской линии[25]. Общая численность калмыцкого населения по всему войску составляла около 1200 человек.

Подавляющая часть уральских калмыков вела кочевой образ жизни. Но сроки для этого были ограничены пятью месяцами. С 15 мая по 15 сентября они могли кочевать в кибитках поблизости оседлых населённых пунктов, причём места кочёвок определялись войсковым правлением. Средства для пропитания и расходы на подготовку к военной службе калмыки, как и остальная часть казачьего населения, должны были извлекать от хлебопашества и скотоводства[26].

К середине XIX в. Уральское казачье войско в административном отношении делилось на 10 отделов, а каждый из них состоял из округов. Общая численность войска достигла 31 тысячи человек. По национальному и социальному составу население было неоднородным и подразделялось на православных и нехристиан, войсковых и иногородних, вольных и крепостных, чистых уральцев и неуральцев. Калмыки были отнесены к неуральцам. Небольсин объяснял это тем, что "уральские калмыки не сплотились в одну массу с коренными уральцами вследствие идолопоклоннических своих верований"[27].

Первый (Уральский) отдел состоял из 4 округов. Здесь калмыки были расселены: в 1 округе, состоявшем из 24 хуторов и 2 скитов – 54 чел.; в 3-м (14 хуторов и 1 скит) – 55 человек. 4-й отдел был расположен на Верхней дистанции, которая протянулась от границ Илецкой станицы по р. Уралу до г. Уральска. Здесь было учреждено 10 форпостов, охрану которых почти полностью обеспечивали калмыки-казаки. Общее их число составляло 201 человек (100 мужчин). 5-й отдел осуществлял охрану Средней дистанции, находившейся со своими 14 крепостями между границами округа г. Уральска и Калмыковской крепостью. На его территории проживали 223 калмыка. В 6-й отдел входила Нижняя дистанция, протянувшаяся от границ Средней дистанции до Гурьева – городка, с 5 крепостями и 11 форпостами. Здесь насчитывалось 87 калмыков. Наибольшее число калмыков (381 человек обоего пола) служили в 8-м отделе. По его землям проходила Внутренняя Уральская линия, которая представляла собой полосу земли по реке Узень, между Средней дистанцией и степью Букеевских казахов. Здесь были расположены 7 форпостов, 3 хутора, 174 калмыцкие кибитки. 99 калмыков проживали в 9-м отделе по

Чижинской дистанции, на северо-западной полосе войсковой земли. На ней были расположены 3 форпоста, 1 кордон, 2 хутора и 14 зимовников[28]. Общая численность калмыцкого населения составляла 1013 человек или около 460 семей.

Казачье сословие было разделено на 11 категорий: 1 – служивые (все казаки от 20 до 50 лет); 2 – служилые (казаки, находившиеся на службе за пределами войска); 3 – льготные (те, до которых ещё не дошла очередная служба); 4 – вольные (те казаки, которые за себя выставляли на службу других); 5 – гражданские (казаки, выслужившие 25-летний срок (термин) и последние 5 лет находившиеся на внутренней службе); 6 – отставные (отслужившие 30 лет); 7 – чистые (казаки свыше 60 лет); 8 – градские (те же чистые, но жившие в г. Уральске); 9 – линейные (живущие по берегу р. Урал); 10 – малолетки (юноши от 17 до 19 лет); 11 – торговые казаки (получившие льготы от службы)[29].

Воинская повинность уральских казаков отличалась от других казачьих войск. Все казаки по достижении 17 лет зачислялись в разряд малолеток, где оставались два года. В это время они освобождались от всяких общественных повинностей, не несли военной службы, но облагались денежным сбором. В 19 -летнем возрасте они зачислялись в казаки, принимали присягу и числились 2 года в разряде внутренне-служащих. Они заводили лошадей, обмундирование, снаряжение и вооружение, после чего призывались на летние учебные сборы. По достижении 21 года зачислялись в полевой разряд, в котором оставались 15 лет, а с 36 лет снова переводились в разряд внутренне-служащих на 5 лет[30].

Этот же порядок непосредственно касался и калмыков. Войсковые власти своих подопечных калмыков-казаков обычно характеризовали так: "Калмыки имеют способность к военной и особенно иррегулярной службе: проворны, расторопны, сметливы и наделены удивительным зрением; отличаются бдительностью и точным исполнением полученных ими от начальства приказаний. Ум их быстрый, нрав кроткий и весёлый, они обходительны, услужливы, верны и привержены к тем, кто умеет заслужить их любовь"[31].

В 1862 г. на территории Уральского войска было зарегистрировано 1184 калмыка. Однако, в результате огромной смертности численность их катастрофически падала. Например, в течение 10 лет (с 1876 по 1885 гг.) родилось 450, умерло 574 человека, или разница между рождаемостью и смертностью давала отрицательный баланс, равный 124[32].

По данным 1885 г. основная масса калмыцкого населения проживала в Калмыковском отделе – 710 человек. Остальная часть была распределена: в Уральском – 128, Гурьевском – 93 и только 3 калмыка относились к городским жителям. В общей сложности в Уральском войске числилось 934 калмыка (мужчин – 517, женщин – 417), что составляло 0,9 процента ко всему населению этого края[33].

На конец XIX в. Уральское войско было разделено на 3 военных отдела, состоявших из 30 станиц, в которые входило 163 хутора, скитов и других населённых пунктов[34]. Что касается калмыков, то они были распределены по всем трём отделам, но не везде равномерно. Наибольшее количество семей попали во 2-й отдел. На территории 1-го отдела калмыки находились: в станице Рубежанской 3 семьи (8 душ обоего пола), в посёлке Требушинском – 9 дворов (17 мужчин, 13 женщин), в Январцевском посёлке Кирсановской станицы – 2 двора. Во 2-м отделе средоточием калмыков являлась станица Кармановская, состоявшая из трёх посёлков: Кизил-Убинский, Пятимарский, Кисык-Камышенский. В первом из них насчитывался 31 калмыцкий двор (143 человека), во втором – 38 дворов (176 человек обоего пола), в третьем – 43 двора с числом жителей 138 человек. Несколько меньше калмыков, а именно 32 двора (120 человек) были зачислены в состав посёлка Подтяженский станицы Чижинской. В составе 3-го военного отдела насчитывалось всего 4 калмыцких двора, размещённых в станице Кулагинской. Таким образом, к концу XIX в. в составе Уральского казачьего войска осталось всего 167 калмыцких семей или 706 мужчин и женщин, которые в целях ассимиляции, как показывают вышеприведенные факты, были расселены между русскими казаками.

Несмотря на свою малочисленность, отдельные представители этого народа продвигались по служебной лестнице. Например, уроженец станицы Кармановской имел чин полковника и являлся старшим членом войскового управления[35].

Уральские калмыки-казаки, в отличие от ставропольских и оренбургских, были крещены на ранней стадии казачьей жизни, но постоянно исповедовали ламаизм. Посёлки с наибольшим скоплением калмыцкого населения имели свои молитвенные дома – хурулы с необходимым числом хувараков (служителей хурулов). Из рапорта уральской войсковой канцелярии оренбургскому военному губернатору от марта 1845 г., написанного по поводу избрания гецюля Гитдина Бимбеева к Кулагинскому мольбищу (хурулу) вместо умершего Деньзина Мечинова, выясняется следующее. В Уральском войске функционировали 10 хурульных домов, в которых штат духовных лиц состоял из 8 гелюнгов, 8 гецюлей и 5 манжиков. До 1835 г. калмыки избирали на должности духовенства самостоятельно, без разрешения местных властей. Поэтому число духовных лиц было велико. Но с 1835 г. войсковая канцелярия ограничила непомерно раздутый штат духовенства пределами необходимого, а сверхштатные были призваны на службу.

Вместе с тем войсковое руководство приняло неофициальное положение из 4 пунктов: 1) на должности гелюнгов и гецюлей полагалось избирать калмыцким обществом в присутствии представителя станичного руководства и только на вакантные места; 2) избираемый должен быть безупречного поведения, высокой нравственности и не моложе 21 года; 3) если выдвигался в духовенство из среды служащих казаков, то должен был получить разрешение командира корпуса; 4) лица, не достигшие 21 года, должны были пройти испытательный срок до совершеннолетия[36]. Такой порядок действовал до конца 60-х годов XIX в. Но после введения положения "Об управлении в степных областях" от 21 октября 1868 г. и положения "Об общественном управлении Уральского казачьего войска" 1874 г. назначение духовенства проводилось областным управлением с обязательной санкцией общекалмыцкого ламы, для чего рекомендуемым лицам приходилось ездить к Астрахани.

При хурулах были созданы конфессиальные школы для подготовки будущих хувараков. Число учащихся в каждой из них достигало 15-20 человек, т.е. их практически посещали все калмыцкие дети, которые в первой половине дня обучались в начальных войсковых школах, а вечером – в конфессиональных.

Как положено по ламаистской вере, здешние калмыки молились ежедневно два раза: утром и вечером. В течение месяца было установлено три мацака службы: 8-го числа – день явления Манлайн-гэгэна, 15 – день явления Окон-Тэнгрийн гэгэна, 30 – день явления Майдарийн гэгэна. Уральские калмыки на протяжении года отмечали 5 праздников и проводили столько же хуралов (собраний, съездов): с 21 по 25 число месяца Быка уральцы отмечали праздник Зулайн хурал – день кончины Зонкавы; с 25 дня месяца Зайца по 1 число месяца Дракона совершался хурал новолетия, именуемый Цагана хурал – день проповеди Будды Шакчжамуни; с 8 по 15 число месяца Овна – Даркийн хурал, означающий, что 8 числа вспоминалось событие принятия Буддою Шакчжамуни духовного звания, а 15-го – день смерти того же Будды; 4 числа месяца Курицы праздновался день, когда впервые Будда Шакчжамуни проповедовал основанное им учение; 22 числа месяца Мыши совершалось празднование в честь воспоминания о совершении в этот день Буддою Шакчжамуни различных чудес в доказательство истинности проповедуемой им веры и божественности ее происхождения[37].

Военно-административное положение калмыков Чугуевского полка и Астраханского войска

Калмыки Чугуевского полка, проживая в самом г. Чугуеве, вынуждены были оставить кочевую жизнь. Чугуевский полк, хотя назывался казачьим, находился на положении регулярной боевой единицы в составе вооружённых сил России. В силу этого мужская часть населения полка, в том числе и калмыки, исполняла сугубо солдатскую службу, за что выплачивалось жалованье деньгами и продуктами. Эта выплата являлась единственным источником

жизни казаков и их семей. Женщины же занимались только домашними делами. Чем же обеспечивались калмыки? По штатному расписанию мурза (так именовался старший чин у чугуевских калмыков) получал в год 50 руб., 10 четвертей ржаной муки, столько же овса (фураж для лошадей), хорунжий – 40 руб., муки и овса по 9 четвертей, есаул соответственно – 30 руб. и по 7 четвертей, рядовые – по 25 руб. и по 6 четвертей муки и овса. Если русский казак имел сравнительно крепкое домашнее хозяйство, по 2 лошади, а командный состав – по 3-5 лошадей, то калмыцкие семьи их растеряли во время переездов в эти места[38].

Однако такая система выплаты жалованья не была гарантирована стабильностью, от чего калмыцкие семьи часто оказывались в бедственном положении. Например, в прошении чугуевских калмыков на имя императрицы Анны в 1735 г. сообщалось, что их жёны и дети, оставшись дома, терпят большую нужду и живут впроголодь. Особенно в затруднительном положении оказались те семьи, которые были включены в состав полка позже. Из-за срочной мобилизации мужей в поход эти семьи не успели построить себе жильё, а домохозяйки не были приспособленными вести хозяйство в условиях оседлости. В заключении авторы письма просили, чтобы рядовым из новокрещёных калмыков сверх жалованья выдать по 10 руб. и муки, а старшинам – по усмотрению правительства. Указом Анны государственная Военная коллегия ходатайствовала перед Сенатом выдавать мурзе 12,5 руб., хорунжему и есаулу – по 7 руб., рядовым – по 5 руб. В целях улучшения материального и социального положения, а также морального состояния в целом всех калмыков-казаков группа старшин дополнительно направила письмо в Петербург, в котором была выражена просьба сравнять их с армейскими чинами и обеспечивать рационом по норме регулярных частей[39].

На протяжении XVIII в. военные власти осуществили ряд кардинальных реорганизаций в устройстве Чугуевского полка. В середине 30-х годов Миних представил проект реорганизации команды и предложил её преобразовать по типу казачьего полка, доведя контингент до 367 человек. Жалованье за службу в виде денежного оклада и провианта выплачивалось калмыкам-казакам одинаково как в военное, так и в мирное время, а русским казакам размеры его в мирное время уменьшили, так как последние занимались личным хозяйством. Кроме того, в период продолжительных походов предусматривалось выдавать подъёмные деньги не помесячно, как было раньше, а на весь период пребывания на внешней службе: полковнику – 50 рублей., калмыцким мурзе и хорунжему, русским ротмистрам – по 12,5 руб., хорунжим и есаулам русского происхождения – по 7,5, писарю – 6, литаврщику, трубачам, рядовым калмыкам и казакам – по 5 руб.[40]. В

данный период команду возглавлял калмык Семён Авксентьев, в апреле 1740 г. получивший армейский чин премьер-майора. В 1739 г., во время участия в Хотинском походе, по указанию Миниха команде было выдано знамя, а через год Военная коллегия учредила Чугуевской команде постоянное знамя[41].

В 1747 г. генерал П.П. Ласси вошёл с предложением в Военную коллегию о переименовании команды в казачий пятисотенный полк пятиротного состава. Указ о переименовании команды в Чугуевский конно-казачий полк вышел только в 1749 г. Теперь штат полка состоял из командира полка (Илья Булацель), полкового хорунжего, вакансротмистра (калмык Григорий Иванов). Кроме них в полковой штат вошли 3 есаула, 2 писаря, 1 литаврщик, 2 трубача. Из пяти рот две были скомплектованы из калмыков, а каждая рота состояла из 4 десятков. Всего в полку состояло 458 человек и до полного комплекта недоставало 86. В связи с этим полк был доукомплектован 17 калмыками и 65 казаками.

Смотр полка, проведённый 10 мая 1750 г., показал, что он "весьма исправен". Строевая организация полка сохранялась не только в военное, но и в мирное время. Полк считался регулярной единицей в составе русской армии. Поэтому на содержание личного состава и семей военнослужащих, приобретение боевого снаряжения государство вновь выплачивало казакам и калмыкам жалованье, с таким расчётом, чтобы они постоянно были заняты службой[42]. Как все казачьи войска, чугуевцы служили "о-дву-конь", без обоза. К середине 50-х годов, при инспектировании военными ведомствами всех казачьих войск Чугуевский полк во всех отношениях был признан одним из лучших[43].

Как и на начальном этапе своей истории, чугуевские калмыки-казаки всё ещё не были наделены пахотными землями, поэтому выплачиваемое жалованье расходовалось на бытовые нужды и приобретение боевого снаряжения. Кроме того, их семьи содержались на дополнительном (особом – так проходило в официальных документах) отпуске средств из казны. Всё это показывает, что военное дело оставалось для калмыков-казаков главным занятием и источником существования.

На основании указа от 7 декабря 1755 г. специальная комиссия при Военной коллегии предложила рассмотреть вопрос об увеличении численности Чугуевского полка до 800 человек и образовать 8 рот[44]. Однако, в связи с участием русских войск в Семилетней войне этот указ остался невыполненным. К этому вопросу правительство вернулось в 1769 г., но несколько в другом варианте. Оставляя без изменений Чугуевский регулярный казачий полк, была учреждена отдельная легкоконная команда в 389 человек из свободных от службы казаков и калмыков[45].

На протяжении 80-х годов XVIII в. к России были присоединены вместе с Крымом земли, лежащие за Кубанью и территория

всего северного побережья Чёрного моря. В связи с этим возникла необходимость увеличить военный контингент в регионе. В 1788 г. вместо Екатеринославского пехотного полка, считавшегося передовым стражем на юге, был учреждён корпус, называвшийся Екатеринославским казачьим войском. В него вошли Бугский казачий полк (5291 душа обоего пола), так называемые разные выходцы (1459), основную часть которых составляли калмыки (1014 мужчин), крестьяне (3567 душ), старообрядцы (6305 душ), мещане и цеховые (15079), однодворцы и малороссияне (украинцы, 28893 души). В составе корпуса было скомплектовано 10 полков[46]. В рамках этих преобразований также были сформированы вместо бывших 2 калмыцких рот 8 сотен со штатом: сотников – 8, поручиков – 8, хорунжих – 6, урядников – 32, рядовых калмыков-казаков – 960, всего 1014 человек[47]. Следовательно, с учётом детей мужского пола, малолеток (17-19 лет) и женщин, соотношение которых к мужчинам составляло 1:1, все калмыцкое население превышало 2,5 тысячи человек.

Во время второй турецкой войны по указанию Потёмкина три полка под названием Чугуевский, Конвойный и Малороссийский были направлены на театр военных действий, а в 1793 г. эти полки были наименованы 1-м, 2-м, 3-м Чугуевскими полками[48]. Один из них в военных документах проходил под названием Регулярный Чугуевский казачий. Из послужного списка штаб-офицеров данного полка за май 1793 г. видно: командиром его был Яков Калмыков, имевший армейское звание премьер-майора; в графах "происхождение", "вероисповедание" значатся – "из калмыцких детей", "греческое"; сотниками числились крещёные калмыки Степан Зелчин и Василий Овсянников. В чине вахмистров и капралов значились из калмыков Семён Дабин, Илья Калмыков, Николай Калмыков, Сергей Шадоев[49]. В 1796 г. корпус был вновь расформирован[50], а из оставшегося в Чугуевском уезде русского казачьего и калмыцкого населения, вместе насчитывавшего более 22 тысяч человек, был скомплектован казачий полк в составе 10 эскадронов. На его содержание казна отпустила на жалованье, провиант и фураж 86738 руб. Казаки были освобождены от разных податей на сумму 78582 руб.[51].

21 апреля 1802 г. вышел царский указ "О переводе чугуевских и доломановских калмыков, в Мариупольском уезде кочующих, для кочевья на земли войска Донского и о невзимании с них казённых податей, ни рекрутской повинности" и был передан Сенату для исполнения. Причиной выхода этого указа стало обращение доломановских калмыков (406 ревизских душ) в Новороссийскую казённую палату о переводе их на Дон, по поводу чего ею был составлен проект. Затем проект получил одобрение со стороны новороссийского военного и гражданского губернаторов Михельсона и

Миклашевского. Наконец, положительно отозвался на это войсковой атаман войска Донского М.И. Платов. В его отзыве говорилось: "Чтобы означенных калмык... перевести для кочевья на земли войска Донского и причислить их к таковым же, там уже кочующим, поставить в рассуждении отправления службы на равных с ними (донскими калмыками –К.Ш.) правилах, не взимая с них казённых податей, ни рекрутских повинностей". На основании вышеприведённых рассуждений, в виде конечного мнения в царском указе было записано: "Находя распоряжение сие, сколько с желанием калмык согласным, столько и с родом жизни, какую по местным сведениям досели они вели, сообразным, повелеваем обратить его к надлежащему исполнению"[52].

Итак, в 1803 г. 613 семей чугуевских и доломановских крещёных калмыков были переведены в пределы войска Донского.

Некоторое количество калмыцких семей осталось в пределах уезда и самого г. Чугуева. Например, имеются сведения, что в 6-м военном округе, в Скрыпаеве и других местах "ещё можно видить лица с чистым калмыцким типом"[53]. Часть из них ассимилировалась с русскими казаками посредством смешанных браков и, в конечном итоге, обрусела. Эти калмыки продолжали оставаться в казачьем сословии, находясь в составе Чугуевского регулярного казачьего полка со штатом гусарских частей.

Как упоминалось выше, 28 марта 1750 г. по указу Сената трёхсотенная команда из калмыков в Астрахани была преобразована в полк пятисотенного состава, получивший наименование Астраханский казачий конный. В указе предусматривалось укомплектовать его за счёт привлечения в него русских казаков, вновь крещёных калмыков и татар. Штат полка состоял из полковника с окладом 200 руб., 5 сотников с выплатой денежного жалованья по 12 руб., 5 хорунжих (размер окладов по 10 руб.), 10 урядников (по 9 руб.), 20 капралов (оклады – по 8 руб.), 50 рядовых казаков (оклады – по 8 руб.). Для казаков единая военная форма не была установлена, поэтому русские казаки носили бешметы и архалуки разных цветов, калмыки – свои национальные костюмы. Вооружение казаков составляли сабли, ружья и дротики.

В этом же году полк был выведен из Астрахани на Казачий Бугор и расселён по речке Болда. До его перевода многие служилые калмыки с семьями кочевали по реке Луковке с правом выхода в пределы Красноярского уезда[54].

С учреждением Астраханского полка, по указу Коллегии иностранных дел от 21 августа 1764 г. было намечено построить новые поселения для калмыков по Волге, начиная от Енотаевска вниз и вверх по реке до г. Чёрного Яра. В течение последующего года были построены станицы Лебяжинская, Замьян-городок, Сероглазинская, Ветлянская, Грачёвская, в 1766 г. – Косикинская, Копа-

новская. Однако, калмыки-казаки не стали первыми поселенцами этих станиц, а заселили их городские казаки и казаки Дубовского казачьего полка[55]. В последующем для уравнения станиц по числу людей в Красный Яр, Енотаевск и в новые населённые пункты были переведены калмыки из Казачьебугровской станицы. Отказавшись от оседлости, но исполняя службу, калмыки продолжали кочевую жизнь в пределах соответствующих станичных юртов. На содержание всех казаков было выделено 3 тыс. руб. в год из астраханских доходов.

В рамках установленных обязанностей отдельные группы казаков посылались курьерами в Царицын, Кизляр, на Кавказ и в Крым; содержали по Волге разъезды и форпосты; командировались к морю для предупреждения набегов со стороны казахов; охраняли рыбные ватаги и соляные промыслы; содержали заставы по дороге от Астрахани к Кизляру; использовались для перевозки почты[56].

Волжское казачье войско было расформировано в два этапа и переведено на Терек: часть – в 1770 г., другая половина – в 1777 г. В связи с этим все функции бывших волжских казаков стали постепенно перекладывать на плечи Астраханского полка. Разумеется, имеющимся контингентом этот полк не в силах был справиться с растущим объёмом службы. Военные власти вынуждены были увеличивать его численность[57]. К 1795 г. Астраханский полк в своём составе насчитывал уже 12 сотен (1200 человек) за счёт подчинения ему Царицынской, Камышенской и Саратовской казачьих команд. Теперь полк обеспечивал охрану четырёх кордонных линий – Каспийской, Ахтубинской, Эльтонской и Узеньской[58].

Большая протяжённость обслуживаемых кордонных линий, разнообразные виды службы, выросшая численность казаков и другие факторы требовали более высокую ступень военно-административного устройства. На повестку дня военных ведомств встал вопрос о преобразовании полка в казачье войско, проект которого обсуждался с 1806 по 1809 гг. Но пока вместо учреждения войска в 1810 г. было сформировано 3 казачьих полка. Кроме того, в помощь полкам было решено привлекать ежегодно команду в 300, а иногда в 400 человек из астраханских калмыцких улусов с выплатой им жалованья по 12 руб. в год и выдачей муки, овса по норме казаков[59]. Наконец, в 1817 г. правительство России сочло необходимым учредить на базе трёх полков Астраханское казачье войско. К этому времени штат полка разросся до 1684 различных чинов, а неслужилая часть составляла 3506 человек. Территория, занимаемая полком, была расположена по обоим берегам Волги до её притока Бузан и относилась частью к Астраханской, частью к Саратовской губерниям. В указе об учреждении войска было записано: ”Предоставить Астраханскому казачьему войску право приумножать сословие своё, как и прежде, калмыками, татарами, вступающими в христианскую веру”[60].

Кочевой образ жизни калмыцкой части казачества приносил значительные неудобства войсковому начальству. Поэтому в 1819 г. войсковой атаман В.Ф. Скворцов, безусловно, не без участия станичных атаманов настойчиво требовал, чтобы всех калмыков-казаков перевести на оседлость. В этих целях он предложил строить для них дома, а при нехватке средств – землянки. Но предложение атамана вызвало серьёзные возражения со стороны самих калмыков. В ответ они представили прошение, в котором писали, что хотя и должны беспрекословно подчиняться распоряжениям начальства, но данное требование они не смогут выполнить. Калмыки мотивировали свой отказ двумя обстоятельствами: с одной стороны, они считали себя не подготовленными заниматься оседлым хозяйством, с другой, отход от кочевой жизни неминуемо загубил бы скотоводство и гибельно отразился на здоровье и жизни людей. В итоге инициатива и грозные распоряжения Скворцова не привели к желаемым результатам.

К этому вопросу вновь вернулись через 18 лет, теперь по инициативе губернатора Тимирязева. Он настаивал на применении самых строгих мер по реализации данного мероприятия. Наряду с осуществлением столь важного дела губернатор предлагал в принудительном порядке заставлять когда-то крещёных калмыков исполнять христианские обряды. Противоборство калмыков этим мерам стало вниманием даже святейшего Синода. Рассмотрев весьма щепетильную проблему, поднятую астраханской администрацией, высший орган православия России пришёл к заключению, что принудительным порядком здесь ничего нельзя сделать и гораздо целесообразней ”учением и вразумлением приводить этих людей к оседлой жизни”. После всего этого калмыки-казаки оставались в положении полукочевников в течение ещё 30 лет и продолжали исповедовать ламаизм.

На протяжении первой половины XIX в. систематически велась работа по численному увеличению и укреплению Астраханского войска. Его руководство искало возможности привлечь в казачество дополнительно новые партии калмыков. На этот счёт в 1847 г. было издано положение, разрешающее зачислять в войсковое сословие желающих степняков-кочевников из владельческих улусов. Но охотников принять православную веру, которая являлась первым условием перехода в казачество, нашлось немного. И только в 1863 г. были дополнительно записаны в казаки и поселены в станице Михайловской всего лишь 12 калмыцких крещёных семей.

Безусловно, агитация представителей казачьего войска проводилась и в степной части Астраханской губернии, среди калмыцких улусов. По всей видимости, именно это обстоятельство могло повлиять и на владельца Малодербетовского улуса Деджипа Тундутова. Но вполне вероятно, что у него могли быть и другие

мотивы. В декабре 1843 г. капитан[61] Тундутов обратился к астраханскому военному губернатору генералу-лейтенанту Тимирязеву с просьбой причислить его к Астраханскому казачьему войску с правом управлять подвластным ему улусом. Тем более, что прецедент такой был: на этих условиях состоял в Астраханском казачестве один из владельцев рода Тюменевых. Тимирязев направил прошение военному министру, а последний ходатайствовал перед царём. 25 марта 1844 г. просьба Тундутова была удовлетворена[62].

Проблема приведения калмыков-казаков к единообразию с русскими казаками в хозяйственном, бытовом, религиозном отношениях по-прежнему оставалась актуальной для губернского руководства. За её решение взялся наказный атаман Гулькевич. 25 апреля 1872 г. он издаёт приказ о переходе калмыцких семей на жительство в станицы в обязательном порядке. В ходе исполнения указания атамана специально командированный землемер из Астрахани определил дворовые места для каждой казачьей семьи. Для устройства новой жизни всем калмыкам призывного возраста были предоставлены годовые льготы от наряда на очередную службу. Ответственность за выполнение данного мероприятия была возложена на начальника 1-го отдела. Усилия, приложенные казачьими властями к этому делу, имели некоторый положительный результат. Значительная часть калмыцких семей обзавелась деревянными или турлужными домами. Однако они не покинули и кибиток, в которых всё-таки проживали в тёплое время года. На конец XIX в. и начало XX в. было зарегистрировано оседло живущих в станицах калмыков: в Красноярской – 70 душ, Замьяновской – 100, Сероглазинской – 103, Косикинской – 50, Михайловской – 60, Грачёвской – 210, а всего 738 мужчин и женщин[63].

Сфера военной жизни казаков определялась специально принятыми положениями об Астраханском казачьем войске. Первое было утверждено 7 мая 1817 г., согласно которому к казачьей службе привлекались мужчины в возрасте от 16 до 50 лет, причём сроки и продолжительность службы не были оговорены. Новое положение о войске было принято в январе 1845 г. В отличие от предшествующего оно содержало обстоятельные указания на военные и гражданские права и обязанности казаков. Военная служба подразделялась на полевую со сроком в 25 лет и внутреннюю продолжительностью до 5 лет, в общей сложности – 30 лет. Полевая служба сводилась главным образом к содержанию кордонных линий, внутренняя включала в себя исправление всех должностей по разным частям войска[64].

Астраханские калмыки-казаки внешне соблюдали все христианские правила православной церкви, однако фактически исповедовали ламаизм. Оседлая жизнь в окружении русского населения и соблюдение православных канонов отразились на присвоении калмыкам русских фамилий и имён.

Терские калмыки

Чрезвычайно сложная и трудная жизнь выпала на долю группы крещёных калмыков, перекочевавших на Терек, о чём говорилось в предшествующем разделе. Совершенно справедливо об этом писал воспитанник Кутаисской учительской семинарии, посетивший терских калмыков в 1900 г. "Калмыки,– отмечал он,– самые несчастные существа: их жизнь – не жизнь, а скорее прозябание..."[65]. Тенденция превращения странствующих калмыков в крепостных крестьян предприимчивыми помещиками-крепостниками продолжалась в начале XIX в., о чём свидетельствует следующий уникальный случай. В 1804 г. бывший калмыцкий пристав Новицкий направил на имя царя совершенно нелепый проект проведения р. Кумы в Каспийское море. Если серьёзно вдуматься в содержание плана, так мог рассуждать психически неполноценный человек, но факт остаётся фактом. Обосновывая свой крайне авантюрный план, рассчитанный на безграмотных простаков, он писал: "...а мне прошу пожаловать за труды 160 кибиток новокрещёных калмыков, которые ни Богу, ни вашему императорскому величеству никакой должности не отправляют". Образованная по этому поводу комиссия, хорошо понимая бессмысленность идеи, мягко заключила: "...что же касается до просимых им за произведение сих работ 160 кибиток новокрещёных калмыков, то оне... суть единая цель всех его домогательств"[66].

По-прежнему кочуя по землям Моздокского полка, калмыки исполняли следующий круг обязанностей: выставляли вооружённый караул для охраны Можарского и Гайдукского соляных озёр, ежегодно вносили в полковые суммы деньги от общего количества своего скота из расчёта: за верблюда – 10 коп., за лошадь – 7,25 коп., за рогатую скотину – 4 коп. и мелкий скот – 1,75 коп., а общая годовая сумма денег составляла 3500 руб., что являлось причиной бедственного положения калмыков; в случае надобности снаряжали людей для конвоирования почтового и пассажирского транспорта, а также группы для заготовки сена на зиму лошадям артиллерийских частей[67].

В дальнейшем, на протяжении всего XIX и первого десятилетия нового века, наблюдается цепь различных предложений и проектов и ни одного конкретного решения. В чём их суть, что же они преследовали и почему не получали реализацию? Об этом речь пойдёт ниже.

В марте 1820 г. главнокомандующий на Кавказе генерал А.П. Ермолов разработал инструкцию и внёс её на рассмотрение руководства комиссии по наделению землёй поселённых на Кавказской линии казачьих полков. Всех калмыков Моздокского полка предлагалось оставить в прежнем состоянии и пока землёй не наделять. А в проекте генерального размежевания на Кавказской линии

этим калмыкам была назначена так называемая пустопорожняя земля в Пятигорском округе между реками Тумузлою и Карамыком среди предполагаемых казённых селений. Здесь преследовалась и другая цель – помещая среди русского населения бывших калмыков-христиан, вновь обратить их в православие[68]. Вопрос остался не решённым.

К середине 30-х годов часть терских калмыков, причисленных к Моздокскому полку, в количестве 328 кибиток (775 душ обоего пола) вела кочевую жизнь по станичным юртам. Территория полка простиралась от Моздока вниз по Тереку на 60 вёрст, в ширину углублялась в степь на 50 вёрст. Здесь были уже построены хутора, вырыты колодцы. Отдельная часть калмыков, оставив православную веру, восприняла магометанство и вышла из военного сословия.

Сложившаяся обстановка заставила наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска генерал-майора Верзилина ходатайствовать перед командиром отдельного Кавказского корпуса об отводе калмыкам земли для постоянного кочевья между заставами Можарской и Гайдукской и между реками Кумой и Гайдуком. Верзилин, соблюдая субординацию, обратился с этим вопросом к командующему войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту Вельяминову, а последний 15 февраля 1836 г. направил рапорт военному министру Чернышеву. В нём он писал, что из-за нехватки земель на территории Моздокского полка "...лучше было бы расселить этих калмыков по станицам всех кавказских линейных казачьих полков... Если императору угодно будет утвердить это предположение, то вероятно половина калмыков переведена будет в полки Кавказский, Кубанский и Ставропольский (на Кавказе – К.Ш.), как имеющие земли лучшего свойства и в значительнейшем против других количестве". Далее Вельяминов предлагал заранее, до расселения кочевников в станицы, построить для каждой семьи дома из сырого кирпича. К их постройке необходимо было привлечь местных русских казаков с использованием их же гужевого транспорта. Для оплаты работ планировалось просить от казны до 50-ти тысяч руб. из расчёта 200 руб. на один дом[69].

Анализируя меры по переустройству жизни терских калмыков и сравнивая внедрение их в других казачьих калмыцких поселениях, можно усмотреть общую закономерность, пронизанную идеей ассимиляции этого народа. В данном смысле весьма характерным являлось рассуждение Вельяминова. "Калмыки, находясь в небольшем числе при станицах,- утверждал он, – и потому имея в ограниченном кругу своём менее закостнелых в невежественных предрассудках, скорее могут обратиться к христианству, привыкнуть к образу жизни казаков и, постигнув удобства оседлой жизни, предпочесть её кочующей, словом, они б скорее обрусели и

принесли бы правительству ту же пользу, что и казаки". В этой небольшой цитате явно сказывалось со стороны представителей власти открытое пренебрежение к быту, вере и культуре другого народа, проявление ничем неприкрытого махрового шовинизма.

Бюрократическая машина, работая вхолостую, продолжала втягивать в это дело всё новые лица и их очередные проекты. За это время умер Вельяминов. Кончался уже 1838 г. На пост наказного атамана Кавказского казачьего войска пришёл генерал-лейтенант Граббе 1-й. 16 декабря 1838 г. командир корпуса генерал Головин направил в Военное министерство рапорт с соображением атамана. Надо отметить, что эти предложения по устройству жизни терских калмыков в отличии от предшествовавших содержали более обширные и детальные мероприятия.

Во-первых, предлагался конкретный пункт, связанный с разрушением целостности моздокской группы калмыков. В его основу был заложен проект расселения калмыцких семей по многочисленным станицам Северного Кавказа, о чём свидетельствует ведомость, представленная флигель-адьютантом полковником Траилиным.

В полки Кавказского линейного казачьего войска	Станицы полков	Число кибиток
1	2	3
Кавказский	Ильинская	20
	Дмитриевская	10
	Архангельская	15
	Новомалороссийская	15
	Новодонецкая	10
	Ладовская	10
	Казанская	10
Итого:		90
Кубанский	Успенская	25
	Новотроицкая	15
	Рашеватская	10
	Александровская	10
	Прочноокопская	10
	Григорполисская	10
Итого:		80
Ставропольский	Каменобродская	10
	Сенгилеевская	10
	Новомарьевская	10
	Михайловская	10

1	2	3
Итого:		40
Хопёрский	Суворовская	10
	Бекешевская	10
	Саблинская	5
	Сергиевская	20
	Северная	10
Итого:		55
Волгский	Незлобная	10
	Пробежная	5
	Беломечетская	10
	Есссентугская	10
	Горячеводская	8
Итого:		43
Моздокский	Наурская	10
	Низорская	10
	Голюгаевская	10
	Стодеревская	5
	Микенская	5
	Калиновская	10
Итого:		50
ВСЕГО:		358

Итак, предполагаемая раскладка расселения целиком отвечала выдвигаемым идеям: 358 семей должны были раствориться среди русского населения на обширной территории Северного Кавказа. Большинство групп состояло из 10 семей. Переселение их намечалось на весну 1839 г. Во-вторых, были предусмотрены меры осторожности и принцип постепенности при переводе калмыков к оседлости. В этой связи в одном из пунктов указывалось, чтобы "в станицах не водворять и не обращать их вдруг к земледелию, но оставить до некоторого времени на обычном житье в кибитках, дабы к оседлой жизни приучить исподволь, без малейшего принуждения, чем единственно отвратятся побеги и смертность, ибо для дикого калмыка, чуждого гражданственности и понятий о пользе оседлости, мера поспешного водворения может показаться стеснительностью". Вместе с этим не были упущены вопросы приобщения к новому образу жизни. В частности, для семей, пожелавших "прочного водворения", необходимо было создать максимум условий, имея в виду отпуск стройматериалов, выделение строителей и подвод, денежную помощь от казны в размере 200 руб. для каждой семьи и т.д. Кроме того, к прибывшим в станицы кибиткам следовало прикрепить одну или две семьи зажиточных казаков, в хозяйстве которых должны были трудиться кочевники в качестве помощников, но не наёмной рабочей силы. Принцип постепенности устройства калмыков в новых условиях должен был претвориться в следующих мерах: в первый год запрещалось привлекать их к службе, исключая тех, кто сам добровольно пожелает смотреть за станичными конскими табунами или пасти скот; на второй год привлекать их по мере необходимости к несложным станичным повинностям; после трёх лет проживания в станицах всех тех, кто изучал русский язык и окреп материально, зачислять в число служащих казаков[70].

Но когда этот проект в апреле 1839 г. был доведён до сведения калмыков, они обратились к Граббе 1-му с протестом против планируемых мер. Калмыки выставили такие доводы, что переход от кочевой жизни к оседлой, связанный с переменой климата и употреблением пресной воды на новых местах, может подвергнуть людей массовой смертности, а скот окончательному истреблению. Граббе согласился с мнением калмыцких депутатов, но с условием, что они, как и прежде, возобновят полный перечень своих обязанностей, о которых речь шла выше. Почему же атаман подчёркивал именно эти условия? Как мы знаем, калмыки постепенно самоустранились от прямых казачьих функций. Но в этой уступке следует заметить ещё одно важное обстоятельство. С 1822 г. калмыки вместо повинностей вносили в полковую кассу деньги за содержание скота. На сей раз эти нормы были увеличены в два раза: за одну голову рогатого скота – 15 коп., за лошадь и верблюда – 25 коп., с овцы – 5 коп., а в целом калмыки должны были внести от 1500 до 1700 руб. 13 мая 1839 г. доклад Департамента военных поселений, составленный на основании просьбы самих калмыков, получил одобрение царя, который наложил на нём резолюцию "утверждаю"[71]. К этому времени по официальным данным в Моздокском полку, не считая кумских, было зарегистрировано 952 человека обоего пола[72].

Получив положительный ответ, часть калмыков Моздокского полка откочевала на земли Астраханской губернии, принадлежавшие Эркетеневскому улусу, за что платила арендную плату. Однако эта группа продолжала оставаться подчинённой начальству полка. Предписанием управляющего Военным министерством генерал-адъютанта Долгорукова от 19 апреля 1850 г. к откочевавшим калмыкам был назначен пристав из полковых офицеров с годовым жалованьем 123 руб. серебром. Одна часть этой группы содержала караул при Можарской и Гайдукской соляных заставах, другая – вносила деньги за скот в полковую сумму. Из этих средств производили оплату приставу. С 1852 г. на должности

пристава находился есаул Семёнов. Моздокские калмыки продолжали посылать в караул двух соляных застав соответственно по 21 и 10 человек ежемесячно. Нарядом руководили избираемые из калмыков сотские. При отправлении очередной группы один из калмыков назначался приказным, на время несения караула поступая в ведение смотрителей соляных озёр. Численность калмыков Моздокского полка, кочующих на астраханских землях, по данным 1853 г. составляла 1253 человека (680 мужчин), на войсковых – 1663 человека (810 мужчин), а всего 2916 человек.

В начале 50-х годов такая разобщённость войсковых калмыков не удовлетворяла казачье руководство. Существовали различные мнения по поводу дальнейшего их устройства. Например, в 1856 г. командующий отдельным Кавказским корпусом генерал от кавалерии Заводовский считал необходимым часть терских калмыков, кочевавших в Астраханской губернии, отчислить из состава Моздокского полка и передать их той же губернии с оставлением за ними функций по охране соляных озёр с тем расчётом, чтобы от этой обязанности освободить Кавказское линейное казачье войско. Что касается той части, которая проживала на землях Моздокского полка, её предлагалось оставить в составе полка на прежних основаниях. Но как же быть с территориальной теснотой? В этом отношении войсковая администрация не усматривала никаких трудностей. Она исходила из простого арифметического расчёта: на 3583 человека мужского пола полка приходилось 328606 десятин 29 сажен земли, что превышало в 3 раза норму казачьих наделов, а численность мужской части калмыцкого населения составляла лишь 810 человек. Если исходить из установленной нормы земельных наделов – 30 десятин, то им понадобилось бы нарезать чуть более 24 тысяч десятин, что в никоей мере не привело бы к ущемлению интересов русских казаков. Но решая вопрос в данном варианте, необходимо было наладить надлежащий учёт и отчётность по калмыцкому скоту и правильно взимать с калмыков денежный сбор в полковую сумму.

Несколько иначе рассуждал наказный атаман Круковский. Он являлся сторонником сохранения всех калмыков, принадлежащих полку, но хотел оставить их на прежнем положении и правах до времени введения гражданского устройства среди кочевых инородцев Ставропольской губернии.

После смерти Круковского, в 1853 г. его заменил генерал-майор князь Эристов. Мысль предшественника об оставлении в полку калмыков в полном составе была поддержана новым атаманом, поскольку полковая казна могла бы лишиться получаемых от них доходов. Но кроме этого, Эристов внёс на рассмотрение руководства несколько собственных предложений. По его мнению, пребывавшее на полковых землях калмыцкое население должно было исполнять строевую службу наравне с казаками, назначая из своей

среды в строевой состав 50 человек на 3-летний срок. В связи с этим калмыки должны были освобождаться от денежных взносов и исполнения всех других повинностей. Далее Эристов пришёл также к выводу о том, что, если войсковые калмыки, проживавшие на астраханских землях, перейдут обратно, то это не сможет привести к стеснению местного населения. В крайнем случае, они могли бы кочевать в пределах территории Кизлярского и Гребенского полков, а также на свободных землях между станицей Курской и Дербентом и селениями, расположенными на Куме. Автор данного варианта не оставлял и идею перевода калмыков на оседлость. Для её реализации, по мнению его, следовало бы потребовать от самых уважаемых калмыков до 20 человек своих детей отдать в полковое училище за счёт средств, поступаемых от калмыков в войсковую казну. В этом он видел средство приобщения их к оседлой жизни[73].

До сих пор речь шла о моздокских или хуторских калмыках-казаках, но частью терских калмыков были и кумские. После распадения их на две части, а это произошло в 90-е годы XVIII в., для кумской части жизнь складывалась несколько иначе. К началу XIX в. кочевье кумских калмыков составляла полоса земли между реками Кумой и Гайдуком, где они жили более века. Кумский гелюнг Арслан так описывал эти земли: "Полоса эта начинается от истока р. Гайдука из левого берега Кумы до Каспийского моря и простирается приблизительно на 60 вёрст и более в длину, а в ширину около 10 вёрст. Почти половину всего кочевья занимают сыпучие пески, лишённые растительности. Почва солончаковая, на всём пространстве поросшая полынью, высоко растущим у песков и очень низкорослым на высоких местах. Тех разнообразных видов трав, какими изобилует Кара-ногайская степь или Калмыцкая, здесь не встречается, поэтому здешний скот не достигает тучного вида, как у соседних кочевников. В общем местность не пленительна для своих обитателей ни богатством травянистой растительности, ни живописностью, а больше всего она манит к себе калмыков лишь тем, что они здесь родились, росли и привыкли к ней". Переход калмыков с одного места на другое зависел от времени года и прихода кара-ногайцев на Куму из глубин степей. В апреле перекочёвывали сюда кара-ногайцы со своими табунами и овцами, а в это время калмыки перемещались на север[74].

Кумские калмыки к 70-м годам XIX в. составляли одно аймачное общество. Во главе его стоял аймачный старшина, избираемый населением и утверждаемый руководством войска. Всё население аймака составляло 1789 человек, из них 981 мужчин, объединённых в 404 кибитки. Надо заметить, что эта группа была очень сплочённой, отношения характеризовались взаимопомощью. Всех своих бедных членов общества освобождали от всяких повинностей, к тому же снабжали продуктами, шерстью, кошмами для кибиток и одеждой. На содержание общественного управления

производили особый кибиточный сбор по раскладке. К началу XX в. сумма от этого сбора доходила до 1570 руб. К уплате были привлечены из 404 кибиток – 240, на каждую из которых приходилось по 6 руб. 60 коп. Остальные 164 или 40 проц., будучи крайне бедными, освобождались от этой уплаты, но должны были находиться в работниках в зажиточных семьях. Уровень жизни кумских калмыков, определявшийся количеством скота, был вдвое ниже, чем у соседних кочевых народов[75].

В начале 1869 г. штаб Кавказского военного округа вновь поднял вопрос о переселении хуторских калмыков в Ставропольскую губернию, если они согласятся на оседлую жизнь. В этом случае им отводились места на бывших ногайских землях в районе балки Курбун-Джалга, вблизи дач селения Дербетовки (это название сохранилось до настоящего времени), а также около оз. Маныч. К указанным местам были направлены представители моздокских калмыков, после чего лидеры аймаков по существу отказались переселяться. Причину их нежелания наказный атаман генерал-майор Экельн объяснял тем, "что люди зажиточные из калмыков, имея значительные табуны скота и овец, перейти к оседлой жизни не желают, тогда как люди бедные склоняются к ней"[76].

В 1871 г. военно-административная структура Кавказского линейного казачьего войска была реорганизована: полки как структурные части были упразднены, а вместо них учредили окружное деление с полицейскими управлениями. Все терские калмыки были подчинены начальнику Грозненского округа. С 1874 г. среди этих калмыков также была введена новая форма управления. Предписаниями начальника Терской области генерал-адъютанта графа Лорис-Меликова от 12 февраля и 28 марта учреждаются аймачные общественные управления и суд применительно к положению об общественном управлении в казачьих войсках. Была установлена должность аймачного старшины с правом поселкового атамана, аймак делился на хотоны во главе со старостами. Такое устройство просуществовало до 90-х годов, но в 1888 г. терские калмыки вышли из подчинения начальника Грозненского округа и были переданы в ведение Кизлярского отдела.

Вплоть до начала нового века хуторские калмыки разделялись на Верхний улус с населением 1778 душ обоего пола (239 кибиток) и Нижний улус, в котором проживали 1058 мужчин и женщин, объединённых в 203 кибитки. В общей сложности на Тереке насчитывалось 4079 человек или 846 кибиток[77].

Таким образом проблема отвода отдельной территории для терских калмыков поднималась в местных и высших правительственных кругах вплоть до царя на протяжении целого столетия. Десятки крупных и мелких проектов повисали в воздухе, а положение калмыков скатывалось вниз по наклонной. Этот вопрос в половинчатом виде разрешился только в 1911 г.

У исследователей истории терских калмыков возникало много проблем относительно их религиозных воззрений. В литературе и официальных правительственных документах они утвердились как крещёные. Но было ли это так на самом деле? Над этим вопросом немало работал Н.Ф. Бурдуков, который в поисках истины обращался к многочисленным документам епархий и духовных правлений Астраханской и Кавказской губерний. Однако из выявленных материалов он не получил исчерпывающего ответа[78]. В 1821 г. было дано задание духовным правлениям Георгиевска и Кизляра "учинить справку" о новокрещёных калмыках, "кем сии последние были крещены, в каких кондициях и в каком году и тоже были ли о них доводимо в своё время до сведения духовному начальству от светского". Из ответов, запрошенных архиереем, лишь в одном со слов священника слободы Бергон-Можары Артьемьева сообщалось несколько слов о калмыках. В ответе говорилось, что "со вступления Артемьева в оный приход священников в 1796 г. никаких калмыков в христианство не обращал и ни с каким крещёными калмыками сношений не имел. Раз только, в бытность свою в имении помещика Реброва, встретил он несколько калмыков, называвших себя крещёными, но откуда они были, какие они калмыки, и ему неизвестно"[79].

В первой части настоящего труда мы высказали своё мнение, что основная часть калмыков при переходе в Притеречье прошла ритуал крещения. Но стали ли они православными в действительности? — это другая сторона вопроса. В одной из анонимных рукописей, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, говорится, что "это было не влечение к учению Христа, а просто обман, потому что они опять-таки оставались на своём"[80].

В 1795 г. была учреждена Моздокская епархия с целью "единственно для лучшего распространения и учреждения православия в народах, поближе к линии обитающих". Однако деятельность епархии оставалась безрезультатной. В начале нового века Синод снова возбудил этот вопрос. Экзарх Кавказского края, уклонившись от предложения Синода заняться просвещением горских народов, сообщал, что по его мнению было бы "гораздо приличнее местному духовному начальству прежде всего обратить внимание на калмык, известных под именем крещёных, числящихся при Моздокском казачьем полку...". И далее он разъяснял: "Народ сей... переведён на Кавказскую линию для удобнейшего познания закона, но вместо того вовсе отпал от веры и, кочуя внутри Кавказской губернии между калмык около Можарского озера, предался идолопоклонству, имея вместо наших священников гелюнгов калмыцких"[81].

Миссионерская деятельность православной церкви среди терских калмыков, впрочем как и в других местах страны, и следовавший за ней ритуал крещения не привели к желаемым результатам. Мобильная кочевая жизнь новой паствы и глубокая привер-

женность их к религии предков служили основным тормозом для привития им христианского учения. Учитывая эти существенные факторы, а главное, бесплодность дальнейших усилий, экзарх Кавказского края и его полномочные представители свели на нет первоначальную свою активность.

Таким образом, калмыки продолжали исповедовать ламаизм. К.И. Костенков писал: "В 1860 г. я имел случай быть в кочевьях этих калмык, между р. Кумою и притоком её Гайдук, из расспросов многих из них я узнал, что все они ламаиты и даже не запомнят кого-либо из своих крещёных родственников"[82]. На 1840 г. на территории терских кочевьев функционировали 2 хурула с 117 духовными служителями, из которых 45 являлись гелюнгами, 2 – гецюлями, 65 – манжиками[83]. По сведениям 1892 г. терские калмыки продолжали содержать два хурула – Большой и Малый, при которых служили 30 гелюнгов, 14 гецюлей, 16 манжиков. Здешнее калмыцкое духовенство не поддерживало каких-либо контактов с хурульными организациями волжских калмыков, поэтому назначение главного бакши не санкционировалось всекалмыцким верховным ламой[84].

Хурулы превратились в заметные по тому времени населённые пункты. Например, в 1899 г. для Большого хурула были построены просторный глинобитный дом с деревянными потолками и полами, семь глиняных домиков, что свидетельствовало о проникновении оседлости в жизнь калмыков. Хурулы стали крупными собственниками скота с применением наёмного труда простолюдинов[85].

Итак, картина религиозной жизни во всех казачьих поселениях складывалась идентично или почти одинаково.

Глава 4. ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО КАЛМЫКОВ-КАЗАКОВ

Развитие скотоводства у донских калмыков

Приступая к освещению хозяйственной жизни калмыцких казачьих поселений, следует заметить, что не все поселения найдут одинаково полное описание. Возникающая диспропорция зависит от наличия и полноты архивных и литературных источников по истории тех или других групп калмыков-казаков.

XVIII век был временем интенсивного освоения донской земли, вместе с тем и началом подъёма хозяйства донских казаков, которое долгое время тормозилось набегами турок и кубанских татар, а также постоянным отвлечением мужской части казачьего населения непрерывной военной службой. Устранение неблагоприятных внешних факторов и изобилие плодородных земель способствовали успешному развитию земледелия на Дону. Эти же условия определяли заметный подъём и степного скотоводства, оставшегося ведущей отраслью хозяйства казаков.

Изменения, происходившие в экономике Дона, не могли не коснуться развития хозяйства калмыков, основным занятием которых было скотоводство. Главное внимание они обращали на количественное увеличение поголовья скота, оставляя качественную сторону на втором плане. В силу этого скотоводство донских калмыков продолжало носить экстенсивный характер. В XVIII в. донские калмыки занимались разведением лошадей, но не уделяя внимания улучшению их породности[1]. В значительном количестве выращивали верблюдов, которые использовались как удобный вид транспорта при перекочёвках. По количеству поголовья в хозяйствах на первом месте стояли крупный рогатый скот и овцы.

Некоторая часть беднейших семей с разрешения начальства сотен уходила на временную сезонную работу в русские казачьи станицы, где калмыки занимались ремеслом (изготовлением сёдел, шорным делом, шитьём шуб и одежды из кожи), обработкой рыбы, а также нанимались для присмотра частных и станичных табунов. На 1821 г. количество таких семей доходило до 102, в которых насчитывалось 438 человек[2].

Например, население двух сотен – Чоносовской и Бурульской, кочевавших по реке Кагальнику, занималось рыболовством, а также солением и сушением тарани на рыбоспектных заводах. Поэтому эти сотни называли до 1846 г. Верхне-Таранниковской и Нижне-Таранниковской[3].

Заметное место в жизни донских калмыков, особенно в зимнее время, занимала охота. На волков охотились верхом на лошадях,обычно по глубокому снегу, а лисиц и зайцев травили собаками, в летнее время организовывали коллективную охоту на сайгаков и шкуры этих зверей сбывали промышленникам[4].

Если подавляющая часть донских калмыков занималась традиционным для них скотоводством, то некоторые калмыцкие семьи начинали приобщаться к занятиям оседлого населения. К ним относились те калмыки, которые нанимались к войсковому старшине для присмотра за табунами. Крещёные зайсанги приобретали дома и отстраивали усадьбы, а их подвластные поселялись близ казачьих станиц и хуторов[5].

Характерной особенностью развития сельского хозяйства Дона в первой половине XIX в. являлся рост товарного производства в скотоводстве и особенно в земледелии. Близость азовских портов создавала широкие возможности для сбыта сельскохозяйственной продукции и, прежде всего, хлеба на внешнем рынке. Товарное производство захватывало не только помещичьи имения, капиталистические экономии, но и казачьи и крестьянские хозяйства. Этот процесс охватил также хозяйственную жизнь Калмыцкого кочевья[6].

Прежде чем приступить к конкретной характеристике хозяйственной жизни донских калмыков, есть необходимость предпослать краткую географическую справку о Калмыцком кочевье в Задонской степи, ибо, как известно, географическая среда является немаловажным фактором экономического развития общества.

Территория, отведённая калмыкам в Сальских степях, относилась к зоне континентального климата с сухим жарким летом, сухой и суровой зимой. Результаты длительных наблюдений синоптиков выявили следующие закономерности: зима продолжалась 100 дней (с 25 ноября по 5 марта), весна – 57 дней (с 5 марта по 1 мая), лето – 133 дня (с 1 мая по 11 сентября), осень – 75 дней (с 11 сентября по 25 ноября).

Степь была бедна водными источниками, испытывала дефицит пресной воды. В наиболее благоприятных условиях находились близлежащие к району Гремучего колодца сотни. Этот источник давал в сутки до 100 тыс. вёдер воды. Верхний улус снабжался водами из рек Большого Гашуна, Джурака, Дружук-Сала и Сала, а также из балок Мокрой и Сухой Савды и Артогула. Через Средний улус протекали реки Сал, Большой Гашун, Большая и Малая Куберла, его прорезали балки Зундова, Ряска и Потанова, которые в половодье наполнялись водой[7].

В XIX в. на Дону наиболее специализированным скотоводческим районом являлось Калмыцкое кочевье с Задонскими степями (Сальский округ), а за ним шли 2-й Донской и Усть-Медведицкий округа[8].

В хозяйстве донских калмыков ведущее место занимало коневодство. Лошади обеспечивали калмыцкое население мясом, молочными продуктами и сырьём для одежды. В XIX в. конь, как основное средство транспорта для полукочевников, полностью заменил верблюда. Конь также был неотъемлемым спутником калмыка-пастуха и калмыка-казака. Но, пожалуй, главным стимулятором в развитии коневодства являлся растущий рыночный спрос на лошадей. В неменьшей степени разведение лошадей поощрялось военным ведомством.

Коневодство в Калмыцком кочевье, как и станичные конеплодовые табуны и задонские конзаводы, подчинялись одной задаче – разведению и улучшению породы лошадей, годных для лёгкой кавалерии и артиллерии. Например, в 1871 г. в калмыцких кочевьях из имеющихся 48370 голов только 7020 использовались как рабочие лошади[9], а остальные шли на нужды армии. Выбор и закупка коней ремонтёрами организовывались непосредственно в калмыцких улусах и сотнях по выгодным ценам.

Более или менее конкретно об уровне развития коневодства, да и в целом скотоводства у донских калмыков можно говорить начиная с 20-х годов XIX века, со времени учреждения правительственного комитета по подготовке нового положения о войске Донском, который наладил здесь правильный учёт и поднял статистическое дело на новый уровень.

По имеющимся данным на 1822 год калмыки содержали 23730 лошадей при общем количестве 372639 голов во всём войске[10], т.е. на долю калмыков приходилось около 7%. Если судить по средним показателям (на душу населения – 1,7 лошади, на семью – более 6 лошадей), то можно сказать, что уровень развития коневодства в калмыцких улусах значительно превосходил остальные округа Донского войска.

К 1840 г. в Калмыцком кочевье насчитывалось 27714 лошадей, т.е. поголовье возросло по сравнению с 1822 годом почти на 4 тыс. Но этот прирост произошёл не за счёт расширения производства, а в результате увеличения численности калмыцкого населения.

В следующем пятилетии продолжалось увеличение конского поголовья и по итогам 1846 г. у калмыков насчитывалось 30255 лошадей. Коневодство интенсивно развивалось в 4 Сальских и 4 Манычских сотнях, на долю которых из общего количества приходилась 29021 голова, а на остальные пять сотен – всего лишь 1234 головы. Наибольшее количество лошадей сосредоточилось в 3-й сотне Нижнего, в 1-й сотне Верхнего и двух сотнях Среднего улусов[11]. Об уровне развитости коневодства говорят следующие данные: на 1 кибитку приходилось 6,6 лошадей, на одного человека – 1,4 головы. Если средние показатели характеризовали довольно высокий уровень развития коневодства у донских калмыков в целом, то анализ этих же данных по отдельным сотням показывает совершенно противоположную картину. Для сравнения приведём две сотни: 1-ю Верхнего улуса и Нижне-Таранниковскую. В первой из них на кибитку приходилось 12 лошадей, на душу населения – 3,1, а во второй соответственно – 0,9 и 0,16[12]. В чём причины столь значительной разницы не только в коневодстве, но и в целом в скотоводстве? На наш взгляд, их три: прежде всего это зависело от численности населения в сотнях; сказывались природные условия; но всё-таки здесь определяющим фактором являлась различная степень приобщения калмыцких сотен к земледелию и рыболовству, о чём подробно будет сказано ниже.

Экстенсивное ведение скотоводства приводило к массовому падежу животных, особенно в суровые и снежные зимы. Так, в зиму с 1845 на 1846 г. в Калмыцком кочевье пало 1448 лошадей[13]. Катастрофическое состояние коневодства калмыков, как впрочем по всему Дону, возникло в результате стихийных бедствий суровой зимы 1847-1848 гг.[14], и в 1850 году поголовье составило всего 18920 лошадей[15]. Ущерб, нанесённый стихией коневодческому делу на Дону, был настолько ощутимым, что на протяжении более десяти лет казачьи и крестьянские хозяйства не могли достичь уровня 1822 года.

В 1859 году общее число лошадей в войске Донском достигло 330019 голов. Однако калмыцкие хозяйства с задонскими конезаводчиками превзошли уровень 1822 года почти в 1,5 раза. Из

указанного общего количества коней войска Донского на долю калмыцких кочевьев и задонских степей приходилось 82762 головы, а непосредственно в калмыцких табунах насчитывалось 34307 коней[16]. Если по области в среднем на одну семью приходилось свыше 2 лошадей, то в калмыцких кочевьях этот показатель составил приблизительно 7 голов.

Коневодческие хозяйства калмыков стали внедрять селекционное дело и специализацию. В 1846 году из общего количества лошадей 16224 относились к донской породе[17].

Дальнейшие годы характеризуются заметным подъёмом коневодческого хозяйства по всему Дону. В частности, к 1870 году конское поголовье калмыков увеличивается до 48371, т.е. на каждую семью приходилось в среднем 8,4, а в пересчёте на одного жителя калмыцких станиц 1,8 лошади[18]. Степень развитости калмыцкого коневодства характеризуется следующими данными: у донских калмыков на 100 человек приходилось 180 лошадей, и по сравнению с такими наиболее развитыми регионами страны, как Оренбургская область и Сибирь, калмыцкие кочевья на Дону превзошли по этим показателям первую в 3, вторую – в 1,5 раза.

Более точные данные о состоянии хозяйства Области войска Донского дала перепись 1873 года. По данной переписи здесь на 1,3 млн жителей числилось 451016 лошадей, в Калмыцком округе на 20,7 тыс. человек – 45550 голов. За 14 лет общее поголовье лошадей по области выросло на 120997, или на 36%. Теперь средние показатели лошадей в пересчёте на душу населения и на семью выглядели по войску Донскому соответственно 0,3 и 1,8 головы, по Калмыцкому округу – 2,2 и свыше 13[19].

Таким образом, в 70-е годы XIX в. калмыцкие кочевья превратились в коневодческий центр Области войска Донского. К середине 70-х годов здесь возник 101 конзавод, из которых 80 принадлежали калмыцким конезаводчикам. В среднем на завод приходилось 557 коней[20].

Выше упоминалось, что коневодство у донских калмыков было развито в неодинаковой степени. Это явление оставалось характерным и для 70-х гг. Во 2-й и 3-й сотнях Верхнего улуса собственного коневодства не было. Здесь содержали небольшое число рабочих коней для нужд земледельческого хозяйства. По сравнению с ними, в 4-й сотне улуса коневодство было развито лучше, но целенаправленная племенная работа не проводилась.

Основное коневодческое дело в Среднем улусе было сосредоточено во 2-й и 3-й сотнях. Однако во 2-й сотне из-за плохих почвенных условий (глинистая и солонцеватая земля) владельцам табунов приходилось перегонять их на реку Куму Ставропольской губернии, где около 6% лошадей заболевали почечуем, а в 3-й сотне конское поголовье страдало от недостатка пастбищ и непригодных водоёмов.

Наиболее выгодные условия для коневодства имелись в 3-й и 4-й сотнях Нижнего улуса, где пастбища отличались обильным травостоем и пресной водой. Но и здесь в засушливые годы от недостатка воды наблюдался значительный падёж скота. Лошади 3-й сотни были вполне пригодны для кавалерии, а часть их использовалась в артиллерии[21].

Дальнейшее развитие калмыцкого коневодства характеризовалось следующими данными. Перепись 1876 г. показала, что по выращиванию лошадей калмыки в масштабе Дона вышли на первое место: в среднем на калмыцкую семью (всего калмыков – 30685 человек, семья состояла из 6 душ) приходилось 6,8 лошадей, по войску – 2 головы.

Калмыцкое коневодство всё ещё носило экстенсивный характер. Обширные Задонские степи, в целом сравнительно неплохие пастбища, удовлетворительные климатические условия, положительно способствуя развитию коневодства, с другой стороны, как бы консервировали у калмыков примитивные формы хозяйства. Помещений, каких-либо базов для лошадей они не строили. Основное время года их табуны содержались под открытым небом, на подножном корму. Были частые случаи, когда суровые зимы застигали хозяев врасплох и приносили значительный урон поголовью. Однако зажиточные калмыки и конезаводчики в зимы с глубокими снегопадами и гололедицей сгоняли лошадей к собственным зимовникам, а порой прибегали к покупке сена у русского населения. Владельцы крупных табунов стали создавать достаточный запас сена на зиму.

Калмыки главным образом пользовались косячным методом, а также сводили коней в табуны различного количества. Во главе табуна стоял старший табунщик[22]. Калмыцкие конезаводчики обычно покупали производителей в Задонской степи, не всегда обращая внимание на их породность. Приплод получался смешанный, однако ремонтёры охотно покупали их для кавалерии.

Калмыцкие табунщики обучали лошадей верховой и гужевой езде жестокими приёмами, используя даже нещадные удары плетьми. В результате обученный калмыцкий конь становился удивительно смирным и послушным животным[23].

Законом от 23 мая 1877 г. калмыцкое коневодство в Области войска Донского было переведено на организованное начало. На основании закона было разрешено разработать положение Военного совета. Оно определило для калмыцкого коневодства 159 тыс. десятин земли из расчёта 40 десятин на каждую матку. Эта норма была введена особыми правилами для частного коннозаводства на войсковой Задонской степи, утверждённых царём 30 апреля того же года. Но для калмыцкого коневодства допускалось исключение, выразившееся в том, что при проверках конского состава не

относились строго к сорту разводимых лошадей. Однако отвод участков калмыкам-коневодам по указанной норме не удалось реализовать. При конкретном определении калмыков, занимавшихся коневодством, оказалось 152 хозяйства, которым принадлежало 11433 матки, не считая производителей и приплода. На это количество голов требовалось выделить всего 457320 десятин, а как указывалось выше, в наличии было только 159 тыс. десятин. Свободным резервом земли войско не обладало. Необходим был при тех же размерах земли приемлемый вариант, исключающий какой-либо ущерб калмыцкому коневодству.

С этой целью областное правление войска Донского представило Военному совету два предложения. В первом предлагалось "разрешить войску отводить калмыкам-коневодам участки по строгим определениям сорта и возраста лошадей, согласно с правилами о донском частном коннозаводстве". Суть его сводилась к тому, чтобы многие слабые и средние калмыцкие хозяйства (они составляли 2/3 от всех коневодческих хозяйств) лишить отвода земель из 159 тыс. десятин, а все эти земли передать в руки одной трети коневодческих хозяйств. По второму предложению необходимо было "разрешить войску сократить наполовину отвод земли под калмыцкие табуны против нормы, установленной правилами 1877 г. для донского частного коннозаводства, т.е. на табун в 60 маток отводить не 2400, а только 1200 десятин". По мнению областного правления вдвое уменьшенные наделы не могли отразиться на общем положении дел, так как калмыцкие коневоды безболезненно могли использовать свои юртовые земли. Размеры их составляли по 40 десятин на каждую душу мужского пола и при слабой ещё развитости земледелия и других сельскохозяйственных отраслей у калмыков они по существу пустовали.

Рассмотрев эти два предложения, Военный совет признал наиболее целесообразным последнее. Первое предложение, связанное со строгим определением годности табунов, нанесло бы существенный ущерб всему калмыцкому коневодству. До принятия закона 1877 г. коневодческие хозяйства калмыков давали для донских строевых частей 25% конского состава, в то время как конзаводы Задонских степей – не более 4%. Такое решение было государству невыгодно. В конечном итоге 5 августа 1880 года на основе второго варианта было утверждено новое положение Военного совета о калмыцком коневодстве[24]. В нём говорилось: "Оставить с свойственном действующим правами о большой снисходительностью при осмотре и оценке калмыцких табунов и о подчинении калмыков-коневодов этого района всем прочим условиям, установленным в 1877 г. для донского частного конзаводства вообще, отвод земли этим лицам производить участками в 1200 десятин с обязательством содержать на нём табуны с плодовым составом в 60 маток". В перспективе введение нового "Положения" сказалось отрицательно на калмыцком коневодстве. В первой половине 80-х годов, пока калмыки ещё пользовались собственными традиционными методами, поголовье лошадей оставалось на прежнем уровне. По данным 1881 г. на 100 душ калмыков приходилось 148 голов, у русского казачьего населения – 70. В 1882 г. из 21196 лошадей 15768 было выделено для использования в казачьих военных частях[25].

К концу 80-х – началу 90-х годов численность калмыцких конских табунов, как впрочем и по всему Дону, катастрофически шла на убыль. Здесь явно сказывалось уменьшение земельных наделов: в первой половине XIX в. на одного калмыка-казака приходилось 100 десятин, а во второй половине века – всего 40 десятин. Сокращение наделов вызывало процесс массового перехода полукочевников-скотоводов к земледелию.

Критическое положение, сложившееся в Калмыцком кочевье, стало предметом пристального внимания правительственных органов. В 1894 г. была создана авторитетная комиссия во главе с генерал-лейтенантом Струковым. Она установила, что из 12 тысяч маточного поголовья в начале 80-х годов, к 1894 г. в калмыцких табунах оставалось всего лишь 2938 лошадей, т.е. за 10 лет калмыки потеряли 75,55% общего поголовья. На основании материалов комиссии начальство Области войска Донского в 1897 г. ходатайствовало перед Военным советом о возрождении калмыцкого коневодства. Войсковое руководство, подчёркивая, что "в предупреждение дальнейшего уничтожения калмыцкого коневодства, приносящего собственно Донскому войску несравненно большую пользу, чем частное конзаводство, служившее главным образом интересам регулярной кавалерии", представило Военному совету проект новых правил. Проект получил положительное заключение Инспекции кавалерии. Но до утверждения этих правил, в целях уменьшения нагрузки на земли Калмыцкого кочевья, в декабре 1898 г. администрация Области войска Донского вошла с ходатайством в Военный совет об утверждении правил о частном коневодстве на территории Верхнего запаса Сальского округа. Суть предложения состояла в том, чтобы участки Верхнего запаса, определённые под частное коневодство, предоставлялись только калмыкам-казакам и лицам из войскового сословия. В связи с этим было включено требование вернуть другим арендаторам заявления на выделение участков и запретить впредь приём прошений. Однако Военный совет отклонил это предложение до согласования вопроса с царём[26]. Между тем проект 1897 г. после рассмотрения на заседании Военного совета в январе 1899 года был утверждён царём под названием "Положение о частном коневодстве на землях Верхнего запаса Сальского округа Области войска Донского". На этих землях было создано 139 участков, которые полностью арендовали калмыцкие конезаводчики. Результаты

были налицо: за 10 последующих лет маточное поголовье калмыцких коневодческих хозяйств вновь выросло до 13 тысяч[27].

Заметное место в хозяйственной жизни донских калмыков занимало разведение крупного рогатого скота, и из года в год его удельный вес возрастал.

Для скотоводства калмыков в рассматриваемый период характерным являлся не только его количественный рост, но и внедрение специализации, выразившееся в разведении рабочего скота. Она была связана главным образом с переходом калмыков к оседлости и их тесными связями с рынком.

По известной причине конкретные цифровые материалы по данной отрасли скотоводства появляются с 20-х годов XX в. На 1822 г. количество крупного рогатого скота доходило до 47257 голов. В связи с голодным 1833 г. численность поголовья по всему войску Донскому значительно уменьшилась[28]. Это же произошло и у калмыков: по сравнению с предыдущим показателем, в 1840 г. во всех калмыцких улусах рогатый скот сократился на 16659 голов, или в пересчёте на одну семью-кибитку в среднем приходилось 6,6 голов, на душу населения – 1,56. Через 6 лет эти показатели увеличились почти вдвое: соответственно 56447, 12,3 и около 3,1[29]. Основное количество крупного рогатого скота было сосредоточено в тех же 8 сальских и манычских сотнях. Из общего калмыцкого поголовья на их долю приходилось 46196[30]. Суровая зима 1848-1849 гг. вновь погубила большое количество скота и только к 1859 году калмыкам удалось увеличить общее поголовье. Так, в калмыцких кочевьях на этот год количество рогатого скота достигло 63195, из которых 5236 составляли рабочие волы, а 57958 – коровы и гулевой скот[31]. И снова стихийное бедствие 1865 г. вызвало огромнейший падёж скота, который калмыкам удалось не только восстановить через 5 лет, но и значительно превзойти уровень 1859 г.

Таким образом, калмыцкое скотоводство в силу экстенсивного характера целиком зависело от капризов погоды. Такие годы приносили неисчислимые бедствия полукочевому народу, каковыми были донские калмыки, особенно беднякам, попадавшим в конечном итоге в неоплатную кабалу к местной казачьей старшине.

На 1870 год численность скота в калмыцких улусах достигла 73016 голов. Указанная цифра показывает, что донские калмыки к этому времени достигли небывалых прежде успехов в развитии рогатого скота, о чём можно судить по среднему числу скота на семью и на одного человека: эти показатели составляли 12,6 голов на семью, 2,7 – на душу населения. Выросло поголовье рабочего скота, составив 8832 головы, в среднем на одного хлебопашца приходилось 7,3, а на один плуг 18,8 волов. Особенно выделялись постановкой дела по разведению рабочих волов 1-я и 2-я сотни

Нижнего улуса (1178 и 1058 голов), 2-я и 3-я сотни Среднего улуса (1521 и 1055 голов). Высокий уровень развитости скотоводства у донских калмыков подтверждают и другие данные. В Калмыцком кочевье на душу населения приходилось скота в 2,3 раза больше, чем в войске Донском и Астраханской губернии, в 8 раз превышало Европейскую Россию. А названные регионы являлись важнейшими скотоводческими центрами страны[32].

Развитие скотоводства в Калмыцком округе в следующее десятилетие видно из нижеприведённых данных:

Годы[33]	Рабочие волы	Коровы и гулевой скот	Всего[34]
1873	5564	68839	74303
1875	9063	68446	77509
1876	9110	63382	72492
1877	11672	69078	80750
1878	7028	72225	79253
1879	7667	49631	57298
1880	7066	42216	49281
1881	5564	68839	74303

Приведённые статистические данные показывают, что развитие скотоводства на данном отрезке времени по-прежнему зависело от погодно-климатических условий в силу всё ещё сохранявшегося его экстенсивного характера. Резкое понижение численности скота в 1879-1880 гг. было связано с постигшими хозяйства Дона неурожаями, когда скот в массовом порядке шёл в продажу и на забой для пищи[35].

В процессе выращивания скота больших материальных затрат калмыки не несли. За исключением двух-трёх месяцев весь год рогатый скот кормился на выпасах без присмотра пастухов. Донские калмыки разводили преимущественно скот калмыцкой породы, отличавшейся выносливостью, неприхотливостью к корму и содержанию, высоким качеством мяса и пригодностью к любой работе[36]. Довольно распространённая на Дону и Северном Кавказе "красная калмыцкая" порода крупного рогатого скота при скудном кормовом содержании доходила в стоимости: быки до 45, коровы до 26,5 руб., тогда как скот, выращенный в русских хозяйствах, уступал ей в цене в 2 раза. При хорошей постановке селекционной работы и ветеринарной службы калмыцкий скот мог бы дать за короткое время прирост общего поголовья в 4-5 раза выше имевшегося.

По свидетельству специалистов красная калмыцкая порода была способна перенимать лучшие качества других пород, сохраняя при этом отмеченные выше природные преимущества. Она давала небольшое количество молока, но зато высокой жирности. Калмыцкий скот мясного направления способен был давать большие привесы и высокую упитанность. Так, например, от быков этой породы в течение шести месяцев получали 14-17 пудов жирного мяса. Калмыцкий рогатый скот, уступая украинским волам в скорости передвижения, обладал завидной выносливостью. Пара таких волов могла совершать в сутки тридцативёрстный переход с грузом до 50, а то и до 80-100 пудов[37].

При неразвитости земледелия крупный рогатый скот играл исключительную роль. Он удовлетворял многие жизненно важные запросы людей в продуктах питания, в транспорте и тягловой силе, в предметах домашнего обихода. Скот являлся источником денежных доходов населения.

Донские калмыки придавали огромное значение такому же традиционному, как первые два, виду животноводства – овцеводству. Более или менее точные сведения о поголовье овец, как и в целом по животноводству, появляются в 1822 г. В этом году численность калмыцких овец достигла 50711 голов, что составляло на душу населения калмыцких кочевий 3,6 овцы. После неурожайного 1833 г. число овец уменьшилось до 19777, т.е. в 2,5 раза[38]. Уровень овцеводства 1822 г. удалось достигнуть и даже превзойти на 3606 голов только в 1846 г. Основная масса овец была сосредоточена в сальских и манычских сотнях (44950 голов из 54317)[39]. С 50-х годов в овцеводстве стала намечаться специализация. Если в 1846 г. всё поголовье состояло исключительно из калмыцкой породы, то в 1857 г. из 62295 овец 50721 была уже тонкорунной[40].

Об уровне развития овцеводства во второй половине XIX в. можно судить по следующей таблице[41].

Годы	Количество овец	На одну семью-кибитку	На душу населения
1850	48529	9,5	2,3[42]
1855	63736	12,4	3,1[43]
1860	64501	10,9	2,9
1865	58167	9,8	2,6
1870	121403	21,0	4,6

Таким образом, за 30 лет общее количество овец выросло в 4,8 раза, соответственно поднялись и средние показатели в расчёте на одну семью и на душу населения. Особенно бурный рост наблюдается в пятилетие между 1865 и 1870 годами, когда поголовье росло за счёт естественного приплода. Эти данные дают представление только об общем числе поголовья овец, но они не позволяют выявить удельный вес бедняцких и зажиточных хозяйств и провести между ними какую-либо дифференциацию.

Ведущее место в овцеводстве принадлежало Нижнему улусу, где было сосредоточено более 63 тыс. голов, а в самом улусе – 1-й и 4-й сотнях (20477 и 29828 овец). В этих сотнях, конечно же, были и лучшие показатели в исчислении на душу населения: в 1-й сотне – 7,4, в 4-й – 9,6 голов[44].

Степень развитости овцеводства у калмыков становится более наглядной в сравнении с основными овцеводческими районами России. По среднему показателю на одного человека по данным 1870 г. калмыцкие кочевья на Дону превзошли Таврическую губернию в 1,07, Астраханскую – в 1,45, Область войска Донского – в 1,95, европейскую часть страны в 6,38 и овцеводческую Англию – в 3,53 раза[45]. Таким образом, донские калмыки во второй половине XIX в. по уровню развития овцеводства вышли на первое место в Российской империи.

По общему признанию специалистов статистические данные 1873 г. отражали реальное состояние хозяйства на Дону. В этом году у калмыков было зарегистрировано 106547 овец. В среднем на одну семью приходилась 31 голова, а по области – только 17[46].

В целом 70-е годы характеризовались интенсивным развитием овцеводства. В 1877 г. общее поголовье достигло наивысшего уровня за всю историю Калмыцкого кочевья – 157669 голов. Однако под влиянием неблагоприятных погодных условий в 1880 г. их осталась всего 61801 штука. Но следует заметить, что восстановление поголовья достигалось довольно быстро и за год возросло уже в два раза (125461)[47].

Ориентируясь на высокий спрос в местном и государственном масштабе, зажиточные калмыцкие скотовладельцы заводили тонкорунных овец волжской породы, которых в 1881 г. у них насчитывалось 14400 голов. Разведение тонкорунных овец на юге России с конца XVIII в. стало общегосударственной политикой, и правительство старалось всячески поощрять овцеводов, занявшихся выращиванием мериносов[48]. С конца 70-х годов XIX столетия явно наметилась тенденция втягивания крупных калмыцких скотовладельцев в товарное производство, чему способствовала близость рынков в форме ярмарочной торговли. Калмыцкие кочевья поставляли на рынок баранину, овечье сало и грубые сорта шерсти. Курдючная овца давала до четырёх фунтов шерсти, причём стрижку проводили один раз в год, в мае месяце. Пуд шерсти этой овцы стоил от 3 до 5 руб.[49]. Из года в год сбор шерсти возрастал: в 1846 г. настриг шерсти составил 4611 пудов[50], в 1857 г. – 7472 пуда, а в 1870 г. со всего поголовья было получено свыше 12 тыс. пудов[51].

Кожа, шерсть, мясо, сало калмыцкой овцы через посредство торговых казаков и армян шли в Центральную Россию и за границу. Кроме того, от овцеводства получали исходное сырьё для кожевенной и свечной промышленности в виде шкур и сала.

Однако, наличие некоторых пережитков феодальных отношений в Калмыцком кочевье тормозили внедрение специализации в овцеводстве. Поэтому в 70-80-е годы по-прежнему калмыки выращивали преимущественно курдючных овец, в основном для собственных нужд. Мясо и жир овцы обеспечивали годовые запасы питания и средства освещения. Шерсть шла на изготовление тёплой одежды, овчина – на шитьё шуб и головных уборов. Из овечьего молока приготовлялись пищевые продукты. Наконец, овечий навоз использовался как топливо. Овцеводство являлось самой дешёвой отраслью животноводства. Если лошадь употребляла в пищу половину произрастающих в Сальских степях трав, рогатый скот – две третьих, то для овцы были пригодны к пище 3/4 дикорастущих трав[52]. За отарой (от 100 до 500 голов) ухаживал только один чабан. Хозяева использовали в качестве чабанов наряду с бедными калмыками русских и украинских крестьян. На низкую себестоимость овцы влияло также наличие обширных территорий, позволявших перегонять овец на свежие пастбища[53].

В XVIII – первой половине XIX вв. калмыки занимались разведением верблюдов, но к концу XIX в. эта отрасль скотоводства почти исчезла. По отчётам 1834 г. у них было зарегистрировано 1047 верблюдов[54], в 1857 г. их осталось всего 43[55]. На исчезновение этой отрасли, вероятно, сильно повлиял переход донских калмыков на полуоседлость, а затем и на оседлость.

Подводя итоги состояния и уровня развития животноводства в Калмыцком кочевье на Дону в XVIII-XIX вв., следует остановиться на следующих весьма характерных моментах.

Калмыцкое животноводство носило экстенсивный характер, но его удельный вес в экономической жизни Дона и России в целом был весьма значителен.

Выведенная калмыками ценная порода крупного рогатого скота пользовалась большим спросом населения юга страны. Всеобщее признание получило высокое качество мяса калмыцкого скота, волы ценились как тягловая сила, калмыцкая корова широко использовалась в племенном деле.

В Области войска Донского калмыки стали вторыми после войсковых конезаводчиков поставщиками строевых лошадей для армии.

Скотоводческое хозяйство калмыков, хотя и медленно, но неуклонно втягиваясь в орбиту всероссийского рынка, делало первоначальные шаги на пути превращения в товарное производство.

Скотоводство калмыков развивалось неравномерно. Его экстенсивный характер находился в прямой зависимости от погодно-климатических условий. Стихийные бедствия уносили иногда добрую половину численности скота. Массовый падёж возникал и в годы эпидемий, что свидетельствовало об отсутствии квалифицированного ветеринарного надзора. В условиях отсталых феодально-крепостнических отношений невозможно было принять какие-либо кардинальные меры по устранению этих бедствий. Традиционные хозяйственные навыки, вековой опыт животноводов-калмыков перед лицом грозных стихийных явлений выглядели как паллиатив.

Скотоводство, составлявшее основу экономики калмыков, и спрос на рынке на изделия животноводческой продукции определяли круг их ремесла. Ремесло у донских калмыков не стало самостоятельной отраслью производства; оно носило кустарный характер и им занималась фактически каждая семья, в основном женщины. Они изготовляли войлоки, унины, тесьму, выделывали шкуры и шили из них шубы, ергаки, обувь. Мужчины делали сёдла, ременные изделия для верховой езды и упряжек, изготовляли из дерева и кожи посуду, домашнюю утварь. Мастера из духовенства рисовали ламаистские божества, переписывали священные книги и мастерили музыкальные инструменты для богослужения.

Калмыки были прирождёнными охотниками. На охоту они[56] отводили немало времени, охотясь на волков, лис, зайцев, сурков. Кал-мыцкие охотники широко использовали собак, капканы, огнестрельное оружие. Продукция охотничьего промысла находила применение не только в домашнем хозяйстве, но всё больше становилась предметом торговли. Так, волчья шкура на рынке стоила от 5 до 10 руб., лисья – 10-15 руб., заячья и сурковая – от 1 до 2 руб.[57].

Состояние скотоводства в других казачьих поселениях

Во второй половине XVIII в. характер хозяйственной деятельности ставропольских калмыков оставался прежним. Они в основной массе всё ещё занимались скотоводством, причиной чему являлся полукочевой образ жизни. По разрешению начальства они могли кочевать в период с 15 мая по 15 сентября по окрестностям населённых пунктов. Только считанное число семей перешло на оседлость.

Положение 1803 г. об устройстве Ставропольского войска предусматривало восстановить внутренние хозяйственные распорядки на основе прежних положений. В частности, наделение землёй калмыков должно было производиться по нормам указов 1739 и 1745 годов. Однако новое положение в дальнейшем внесло заметные сдвиги в хозяйственную жизнь калмыцких семей. Например, для семей, проживавших в Самарском уезде Симбирской губернии (основная масса ставропольских калмыков), было выделено удоб-

ной земли 189547 десятин, неудобной – 7619 дес. Из этого количества земли русским крестьянам (731 чел.) было отведено удобной земли 10965, неудобной – 703 дес.[58]. Вся войсковая земля, в том числе и паевые наделы калмыков-казаков, предназначалась под хлебопашество, сенокосы и пастбища.

По состоянию на 1836 г. в среднем на калмыцкую семью приходилось 305,3 десятины удобной земли, 12 десятин – неудобной, а на одну мужскую душу средние данные соответственно составляли 79,1 и 3,5. В то же время на одну крестьянскую семью было отведено 45,1 дес. удобной и около 1 дес. неудобной земли. Такая разница между калмыцкими и крестьянскими наделами, на наш взгляд, была обусловлена характером хозяйственной деятельности того и другого населения: первые преимущественно занимались экстенсивным скотоводством, что требовало обширных территорий, вторые – земледелием.

По статистическим сведениям 1836 г. в 10 ротах войска насчитывалось 5293 лошадей, 3279 голов рогатого скота, 5704 овцы, 379 свиней. Об уровне развитости скотоводства дают представление средние показатели на одну семью и на душу населения. Так, лошадей приходилось в среднем на семью 6,4 головы, а на одного человека около 2 голов, соответственно рогатого скота 4 и более, овец – 7 и около 2 голов. По сравнению с донскими калмыками, ставропольские далеко уступали им в развитии скотоводства. Значительная часть скота ставропольского населения была сосредоточена в 15 улусах из 37, о чём свидетельствует следующая таблица[59].

Роты	Улусы	Количество скота				Число дворов
		лошади	рогат. скот	овцы	свиньи	
Ягодинская	Дубровский	400	280	350	90	52
Сусканская	Сусканский					
	Средний	294	179	332	49	30
	Курумчинский	205	140	76	10	22
Красноярская	Сосновский	194	170	224	–	29
	Солонцовский	210	203	220	–	31
Чекалинская	Микидосев	279	182	540	26	24
Кобельминская	Чесноковский	186	190	291	36	36
Предтеченская	Архипова	132	59	167	–	14
	Ашванова	318	162	385	–	19
	Тукшумский	102	72	18	–	12
Авралинская	Авралинский	300	136	72	3	40
Преображенская	Емелькин	206	38	361	–	27
	Улюмжиева	302	95	335	68	64
Тенеевская	Тростянский	268	146	317	–	23

Таблица показывает, что в вышеуказанных улусах основное внимание уделялось разведению лошадей и овец. Разведение первых было связано с казачьей службой калмыков, вторые обеспечивали повседневные потребности населения в пище и одежде (шубы, шерстяные изделия). Многие семьи выращивали свиней – домашних животных, характерных для оседлых хозяйств.

В последующие 5-7 лет скотоводство в поселении пережило резкий спад. По данным 1843 г. всё калмыцкое население (3311 чел.) имело 3173 лошади, 720 коров[60], то есть в среднем на одну душу приходилось 0,95 лошадей, 0,2 коровы, а на одну семью эти показатели соответственно составляли 4,2 и 0,9. Что касается овцеводства, то эта отрасль вообще нигде не значится. Сравнительно крепкими в скотоводческом отношении были буквально считанные улусы: Емелькина, Лузанова, Улюмжиева Преображенской роты, Среднего Кобельминской роты, Ашванова Предтеченской роты, Чёрного Тенеевской роты. Например, 17 семьям Емелькина улуса принадлежали 103 лошади, 33 коровы, или в среднем каждая семья имела соответственно 6 и 2 головы; 22 семьи Среднего улуса содержали 132 лошади и 30 коров (средние показатели на семью – 6 и 1,3)[61]. Но даже эти улусы далеко уступали уровню развития скотоводства в улусах средней развитости этой отрасли в 1836 г.

Таким образом, скотоводство у ставропольских калмыков было низведено до уровня оседлых хозяйств русского крестьянства. Причина такого упадка традиционной для калмыков отрасли кроется в следующем. Во-первых, в первой половине XIX в. в Ставропольском поселении происходило массовое обнищание калмыцких семей; во-вторых, здесь шёл интенсивный процесс перехода полукочевников к оседлости и земледельческому труду, о чём подробно будет сказано ниже.

Сведения о хозяйственной деятельности оренбургских и уральских калмыков весьма скудны и отрывочны, однако и они дают некоторое представление по интересующему нас вопросу. Эти калмыки также упорно сохраняли свою склонность к скотоводству. Так, из рапорта оренбургскому губернатору 1753 г. видно, что проживавшая при Оренбурге калмыцкая группа из 203 человек содержала 77 лошадей, 116 коров, 30 овец, 24 козы[62]. Приведённые данные говорят сами за себя: это была бедствующая группа, стремившаяся найти выход из нищеты путём вступления на казачью службу.

В Уральском казачьем войске к скотоводству тяготели калмыцкие семьи II военного округа. Здесь бедняки содержали на три семьи одну корову, два телёнка, 3 курицы, другие семьи имели по 2 лошади, до 6 голов рогатого скота, а семьи среднего достатка – до 4 верблюдов,3 лошадей, 35 голов рогатого скота. Скотоводство было развито в богатых хозяйствах. Семья Тушмакова из Кизил-Убинского посёлка имела 250 лошадей, 49 голов крупного рогатого

скота, 27 верблюдов, 1670 овец и коз. Хозяйство самого богатого уральского калмыка Пятимарской станицы состояло из 1000 лошадей, 3000 голов рогатого скота, 600 верблюдов, 5000 овец[63].

Основная масса калмыцких семей в Оренбуржье и на Урале жила очень бедно, что вынуждало их отправляться в русские селения на заработки. Так, в апреле 1768 г. к губернатору Путятину обращался от имени своих 82 подвластных калмыков зайсанг Фёдор Якшида: "Отпущены мы, нижайшие, с данными нам от ставро-польской канцелярии пашпортами сюда в Оренбург для пропитания себя ремеслом, то есть шитьём тулупов и работою, как подобных нам промышляющихся тем же как им, а особливо и здешних калмык очень здесь довольно, так мы, нижайшие, для того возымели желание ехать в Троицкую крепость, ибо мы и прошлого года по отпуску вашего сиятельства там с хорошею нам пользою находились". Обычно калмыкам разрешалось использовать для этих целей время с весны до поздней осени[64]. Об этом же сообщал в своём рапорте губернатору в июне 1780 г. комендант крепости Ставрополя Цызырев. Он писал, что бедные калмыки Ставропольского калмыцкого корпуса просили отпустить их с семьями для пропитания работой в Оренбургской и Казанской губерниях на год[65]. Почти все калмыки Рубежанской станицы занимались отхожим промыслом.

Подённые работы для уральских калмыков продолжались в весенне-летний сезон до 7 месяцев, в течение которого они зарабатывали до 65 руб.[66].

Для значительной части терских калмыков с последней трети XVIII и до начала XX в. основными занятиями являлись скотоводство, рыболовство, охота на степного зверя, покупка и продажа скота[67]. Причисленные в 60-е годы XIX в. к Моздокскому казачьему полку 254 семьи (1507 человек) калмыков, оставаясь кочевниками, занимались скотоводством. На 1870 г. общее количество поголовья скота у них составляло: лошадей – 1006, рогатого скота – 1051, верблюдов – 141, овец – 9012[68]. К концу XIX в. терские калмыки были разделены на хуторских и кумских. Первые, состоявшие из 514 кибиток (2665 душ обоего пола), в большинстве своём стали земледельцами и имели в среднем на семью ничтожно малое количество скота. Всего у них насчитывалось 490 лошадей, 1822 рогатого скота и 3660 овец. Кумские же калмыки всё ещё продолжали вести кочевую жизнь и оставались скотоводами. 375 кибиткам (1600 чел.) принадлежали 2109 лошадей, 731 верблюд, 24265 голов крупного рогатого скота и овец[69]. Судя по средним показателям на одну семью (соответственно: 5,6; 2; 64,7), развитие скотоводства здесь находилось на низком уровне. У них углублялся процесс обнищания: к началу нового века поголовье лошадей понизилось до 878 голов, верблюдов – до 229, крупного рогатого скота – до 847, овец и коз – до 14475[70].

В чём же причины столь низкого уровня развития скотоводства у этой группы калмыков? Во-первых, на Терек уходила беднейшая часть волжских калмыков, скрывавшихся от эксплуатации и произвола нойонов и зайсангов. Во-вторых, на протяжении более 130 лет они не были наделены землёй, что подрывало основы их хозяйства.

Калмыки Терека продолжали заниматься традиционными национальными ремёслами, продукция которых использовалась только для внутреннего потребления. Среди них выделялись кибиточники, изготовлявшие деревянный остов для кибиток, сапожники. Труд этих категорий ремесленников оплачивался сравнительно неплохо и годовой заработок доходил до 150 руб. Кочевой быт и скотоводческое хозяйство стимулировали развитие шерстобитного производства. Каждая семья изготовляла примитивным ручным способом кошмы, тёплые чулки, меховые шапки, верёвки и арканы. Разумеется, ремесленные мастерские в улусах отсутствовали[71].

Итак, скотоводство в рассматриваемый период продолжало оставаться одной из основных отраслей хозяйства калмыков-казаков. Однако в новых условиях, когда их землепользование стало ограничиваться казачьими нормами, а развивавшийся капиталистический способ производства коснулся казачьих регионов, постепенно, но гораздо быстрее, чем у волжских соплеменников, в калмыцких казачьих поселениях началось разложение кочевого скотоводства.

В ряде этих поселений наметился переход к более интенсивной форме скотоводства. Например, у донских калмыков развивалось селекционное дело (улучшение породности) и предпринимались попытки специализации скотоводческого хозяйства. Ставропольские и оренбургские калмыки стали разводить свиней и птицу (в основном кур), что характерно для хозяйственной деятельности оседлого населения.

Глава 5. ОСВОЕНИЕ ОСЕДЛОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛМЫКАМИ-КАЗАКАМИ. ТОРГОВЛЯ

Приобщение к земледельческому хозяйству донских калмыков

Сенокошение – разновидность хозяйственной деятельности оседлого населения. Приобщение калмыков к сенокошению явилось начальным этапом на их пути к оседлости. В условиях ограниченных кочевий заготовка сена на зимний период явилась единственным средством сохранения многочисленного скота.

В начале 70-х годов Н.А. Маслаковец отмечал, что "заготовкой сена занимались все калмыки" Донского войска. Более состоятель-

ная их часть старалась заготовить корма на зиму в расчёте на одну лошадь – 8 копен, на овцу – одну копну. Поскольку на семью донского калмыка приходилось в среднем 8 лошадей и 21 овца, сенокосной кампании придавалось большое значение. Зажиточные калмыки нанимали на период этой кампании до 40 косарей из русских крестьян и татар[1].

По данным 1746 г. всего в Калмыцком кочевье на Дону, без учёта 4-й сотни Нижнего улуса, было заготовлено 363656 копен сена. В описываемое время принято было считать в одной копне 10 пудов, следовательно данное количество кормов составляло 3636560 пудов. Основная часть заготовленного сена приходила на долю богатых скотом 4 сальских (1122152 копны) и 4 манычских (172164 копны) сотен[2]. Для ясного представления картины в целом приведём данные по каждой сотне[3].

Улусы	Сотни	Накошено сена в копнах	Общее поголовье всех видов скота
Верхний	1	41175	18873
	2	20245	10007
	3	38780	9934
	4	11992	7070
Средний	1	29437	16923
	2	24516	18478
Нижний	1	10160	3093
	5-я Беляевская	18280	3567
	В-Таранниковская	10800	5608
	Н-Таранниковская	19100	3403

Таблица показывает, что сравнительно неплохо кормами были обеспечены 3-я сотня Нижнего улуса, 1-я и 3-я сотни Верхнего улусов. Но даже в этих, на первый взгляд обеспеченных сеном сотнях, кормов могло хватить только на один-два месяца. Вот почему в продолжительные суровые зимы калмыцкие хозяйства оказывались в катастрофическом положении.

По сведениям за 1875 г. на десятине залежей калмыки накашивали 6 копен или 60 пудов, целинный же покос давал по 3,5 копны, а на лугах получали от 4 до 20 копен с десятины, в то время как на казачьем паю накашивали от 7 до 30 копен. Продавался сенокосный пай по цене от 70 коп. до 4 руб. Подённым рабочим платили: косарю – до 1 руб. 10 коп., гребцу – до 50 коп., копна сена обходилась от 30 до 70 коп. или от 3 до 7 коп. за пуд. В 1 дистанции, т.е. в Верхнем улусе и 1, 2, 5 сотнях Среднего улуса, сена было заготовлено на 2 месяца, во 2-й дистанции заготовлено местами на 1, 2, 4 и 5 месяцев[4].

Если говорить о сенокошении как новом виде хозяйственной деятельности с более широких позиций, то оно привнесло глубокие изменения в жизнь калмыков: скотоводство получило более надёжную основу для дальнейшего развития и реже стало подвергаться капризам природы; сенокосная кампания даже в летнее время удерживала многие калмыцкие семьи от кочёвок.

Сенокошение среди ставропольских калмыков внедрялось сравнительно быстро и без особых усилий со стороны контролирующих органов. Даже документы XVIII в. свидетельствуют, что заготовкой сена на зиму занимались все калмыки. Сенокосный сезон у них начинался обычно поздней осенью[5]. В связи с переходом на оседлость сенокошение здесь стало ведущим родом хозяйственной деятельности.

Все сенокосные угодья делились между дворами на паи. В 1842 г. во всём поселении насчитывалось 1413 паёв[6]. Судя по количеству паевых наделов, интенсивно занимались сенокошением в Красноярской, Раковской, Предтеченской, Кобельминской ротах. Особенно много сена заготавливали на зиму в Чесноковском, Курумчинском, Сосновском, Авралинском улусах. Например, сотник Михаил Церенжапов из Авралинского улуса имел 10 сенокосных паёв. К этому времени калмыки приобрели более 900 кос, то есть практически каждая семья считала её необходимым орудием[7].

Основным занятием чугуевских калмыков также стало сенокошение. В 1747 г. калмыки и казаки повторно обращались к Военной коллегии с просьбой наделить их землёй. По этому поводу в справке коллегии отмечалось, что "по челобитьям калмык и казаков дано им сенных покосов в конец поль, кои расстоянием от Чугуева в 30 и 35 верстах". Каждая семья получила сенокосные угодья в расчёте на 50 возов сена. Фактически же они заготавливали его значительно меньше. Из документов видно, что в урожайные годы старшины накашивали по 20-30, а рядовые по 10 возов сена. Позднее, с ликвидацией землепользования в Чугуевском полку резко сократилось сенокошение. В неменьшей мере сенокошение являлось предметом первейшей заботы и в других калмыцких поселениях. Например, в главные служебные обязанности калмыков-казаков Терской области прежде всего входила заготовка сена для лошадей казачьих полков.

В исторической литературе о донских калмыках бытует мнение, что они стали приобщаться к хлебопашеству только с 30-х годов XIX в. Однако в справке комитета об устройстве войска Донского за 1819 г. говорилось: "Отдельная часть калмыков в свободное от службы время... уходила на подённые работы по обработке пашни, севу, уборке урожая, на сенокос... небольшая часть калмыков занималась постоянным хлебопашеством"[9]. Об этом же свидетельствует и другой документ – рапорт, поданный из

5-й Беляевской сотни 8 марта 1836 г. наказному атаману и Войсковому правлению, в котором калмыки этой сотни писали следующее: "Из давних лет на одном месте кочуем и занимаемся хлебопашеством по сие время и тем пропитывались. Желаем и сей год заниматься пахотою..."[10]. По всей видимости, беляевские и чугуевские калмыки, переселённые из прежних мест в войско Донское ещё в 1803 году, сразу же стали заниматься земледелием. Кроме того, к давним земледельцам можно отнести группу юртовых калмыков, живших среди казачества с 70-х годов XVII в. Комиссия, созданная для разработки нового положения по устройству войска Донского, удовлетворяя просьбу калмыков Беляевской сотни, приняла относительно всех 3-х калмыцких улусов следующее решение: для каждой сотни пропорционально выделить земли для распашки и покосов в пределах их кочевьев в одном месте. Вместе с тем она строго запретила передавать пахотные земли наёмщикам[11].

Таким образом, некоторая часть донских калмыков не только стала приобщаться, но уже в начале XIX в. и даже раньше основательно занималась земледелием.

Об уровне развития земледелия у калмыков в первой четверти XIX в. можно судить по следующим данным. В 1822 г. общее количество отведённой под калмыцкие кочевья земли составляло 14203204 десятин, из них под пашнями было занято 2309469 десятин (16,2%), под фруктовыми садами – 4163 десятины, под сенокосными угодьями – 9540033 (более 67%)[12]. Эти данные свидетельствуют, что в первой четверти XIX в. у донских калмыков заметную роль играло хлебопашество, уже зарождалось садоводство и очень важным делом становилась заготовка на зиму сена.

Несмотря на существующий запрет донской администрации, калмыки всё же сдавали пахотную землю в аренду. Калмыцкая семья, получив участок земли, полностью сдавала его в аренду крестьянам, за что получала небольшую долю урожая со своего надела. Безусловно, при такой системе арендовавший землю крестьянин извлекал выгоду прежде всего для себя.

В дальнейшем калмыки стали пользоваться системой так называемых спряжек. Суть её заключалась в том, что калмык-земледелец, нанимая русских крестьян, обеспечивал их полностью тягловой силой, а те прикладывали свой труд, использовали собственные орудия производства и семенное зерно. Но и в этом случае доля урожая, достававшаяся калмыкам, была также невелика.

С накоплением практического навыка в хлебопашестве калмыки переходят к обработке земли собственными силами. У них возникает необходимость приобретения земледельческих орудий и семенного зерна. В 1842 году в калмыцких улусах было зарегистрировано всего 29 плугов[13].

По сравнению с началом 40-х годов заметный сдвиг в хлебопашестве произошёл в следующем пятилетии. Материалы за 1846 г. показали, что земледелие охватило значительную часть калмыцких семей. В конце этого года было зарегистрировано 67 хлебопашцев[14], которые использовали 35 собственных и 32 складочных плугов. Ими было посеяно ржи (озимых 119 четвертей или 1428 пудов), пшеницы 204 четверти (2448 пудов), проса – 30 четвертей (360 пудов), овса – 225 четвертей (2700 пудов), ячменя – 41 четверть (492 пуда) и получено урожая озимой ржи 585 четвертей (6924 пуда), всех яровых – 2063 четверти (24756 пудов), а всего было собрано в переводе на современную меру весов 507 тонн 8 центнеров зерна. В среднем на калмыцкую семью приходилось 111 кг зерна, а на душу населения – 25 кг. Кроме того, отдельные семьи получали некоторое количества зерна за сдачу в наём рабочих волов русским крестьянам в рамках системы спряжек[15].

Как показывают средние данные, до полного обеспечения хлебом всего калмыцкого населения на Дону было ещё далеко. Но семьям, занимающимся земледелием, этого зерна вполне хватало (на одну семью приходилось в среднем более 7,5 тонн). Ясно, что не все семьи в равной мере распахивали землю и сеяли хлеб. На более зажиточные из них приходилось по 15-20 тонн зерна, что хватало не только на личное потребление и семена, но и оставалось на продажу.

Если в тридцатые годы калмыки, приступавшие к земледелию, использовали для работы крестьян и бедных казаков или же систему спряжек, то в 40-е годы все виды земледельческой деятельности, начиная от распашки и кончая уборкой урожая, производили в основном собственными силами. Занятие земледелием при экстенсивном ведении скотоводства, целиком зависевшего от климатических условий, несомненно, упрочило хозяйство донских калмыков и гарантировало им весьма сносную жизнь. Заседатель донских калмыков Верхней дистанции Бондарев в отчёте Калмыцкому правлению за 1846 г. отмечал: "Состояние земледельцев в сравнении с людьми, занимающимися одним скотоводством, несравненно превосходнее, во-первых, потому, что они имеют с семействами безнужное пропитание, по обычаю своему иногда безденежно снабжают в зимнее время не только своих бедных родственников, но и бедных соседей, а, во-вторых, солома, приобретаемая с сею отраслею, также небесполезна, ибо по неурожаю трав они скот свой в течение зимы содержат безнужно"[16].

Как же развивалось земледелие внутри сотен? Заседатель Калмыцкого правления Епифанов Нижнюю дистанцию, куда входили 8 сотен Нижнего и Среднего улусов, характеризовал так: "Калмыки заведываемой мною дистанции значительно увеличили и ныне занимаются хлебопашеством: Среднего улуса в двух и Нижнего

улуса в трёх сотнях"[17]. Об этом свидетельствуют и данные "Ведомости о количестве посеянного и собранного озимого и ярового хлеба". Хлебопашцы Верхне-Таранниковской сотни имели 8 собственных и 8 складочных плугов и засеяли 18 четвертей и 5 четвериков озимой ржи, 49 четвертей и 11 четвериков ярового хлеба, а получили урожай в размере 352 четвертей и 16 четвериков зерна. 13 семей 3 сотни Нижнего улуса, обрабатывая землю 14 плугами, собрали урожай в 423 четверти и 2 четверика, 505 четвертей и 8 четвериков зерна собрали земледельцы 2-й сотни Среднего улуса, обрабатывавшие землю 12 плугами[18].

Необходимо отметить, что земледелие, как новый для калмыков вид хозяйственной деятельности, велось на очень низком агротехническом уровне. К этому следует добавить, что почва калмыцких кочевий была малопригодной для хлебопашества. Следствием этого были очень низкие урожаи, причём в каждой сотне разные. Например, земледельцы 3-й сотни Нижнего улуса, используя 14 плугов и посеяв 81 четверть и 16 четвериков зерна, получили всего 423 четверика хлеба. Наоборот, в 3-й сотне Верхнего улуса при наличии 5 плугов и посеве 40 четвертей и 12 четвериков семенного зерна сняли более 457 четвертей урожая[19].

На своих зимних кочевьях калмыки распахивали обычно целину. Бывшие под посевами хлебов участки продолжали обрабатывать не десятинами, а выборочно, оставляя солончаковые участки. Каждый хлебопашец по праву первенства прибавлял себе соседние годные под пашню участки, а новые хлебопашцы начинали распахивать соседние свободные земли.

В конце 1846 г. на сотенных сборах обсуждалось положение, утверждённое правительством в этом же году. В связи с этим было принято решение привлечь к хлебопашеству новые калмыцкие семьи. В результате изъявили желание приступить к земледелию со следующего года по одной только Верхней дистанции 206 новых семей. Среди калмыков-хлебопашцев, пользующихся складочными плугами, на один плуг приходилось от 2 до 6 семей[20].

В течение последующих 10 лет количество земледельческих хозяйств выросло в 5 раз и по итогам 1857 г. их насчитывалось 349 с 67 собственными и 107 складочными плугами. Из этого количества 194 семей было сосредоточено в Среднем улусе. Если в 40-х и начале 50-х годов хлебопашество больше всего было развито в Беляевской и 4-й сотнях Нижнего улуса, то со второй половины 50-х годов центр земледелия перемещается во 2-ю (Бемдякинскую) сотню (69 семей) Среднего улуса и во 2-ю (Бултуковскую) сотню (62 семьи) Нижнего улусов. В 1857 г. в кочевьях донских калмыков на площади 527 десятин было засеяно более 470 четвертей озимых и яровых семян, а урожай составлял 1234 четвертей (236 т. 9 ц) хлеба[21]. Но если сравнить количество хлеба, полученного в 1846 г.

и теперь, то окажется, что через 10 лет 349 хозяйств собрали хлеба вдвое меньше. По всей видимости, или приведены ошибочные данные в отчетах, или 1857 г. был засушливым.

К 1870 г. на ведущие позиции в земледелии вышли, кроме указанных ранее, 3-я (Геленгекинская) сотня (170 семей) Среднего и 1-я (Рынцановская–Зюнгарская) сотня (174 семьи) Нижнего улусов. В этом году во всех улусах и сотнях было зарегистрировано более 1770 семей хлебопашцев[22], что составляло от общей массы донских калмыков более 20%.[23].

Калмыки сеяли преимущественно пшеницу и рожь. Но в 70-е годы значительно возрос удельный вес льна, так как эта культура давала хороший урожай, а на рынке пользовалась большим спросом и ценилась дороже пшеницы. Земледелие у калмыков по-прежнему велось самым примитивным способом и на низком агротех-ническом уровне. Очевидцы отмечали такой уровень в хлебопашестве даже в 80-е годы XIX в. Автор статьи "Быт донских калмыков" писал, что "...каждый пашет сколько душе угодно и где угодно: поднятое поле два года подряд засевается каким-нибудь хлебом..."[24].

Что касается получаемого урожая, то он рос из года в год пропорционально росту численности хлебопашцев. Например, в 1840 г. калмыки собрали 1034, в 1844 г. – 1881, в 1865 г. – 20653 и в 1870 – 28488 четвертей разных видов зерна[25].

Как видно, процесс превращения калмыков в земледельцев протекал медленно и мучительно. Понятно, что для бывших полукочевников, с одной стороны, хлебопашество являлось новой формой хозяйства и довольно трудоёмкой. С другой, преимущества скотоводства были налицо: во-первых, оно не требовало приложения такого усилия, как земледелие, и к тому же являлось привычным для калмыков делом, во-вторых, заниматься им в тех условиях было гораздо рентабельней, чем хлебопашеством, но тем не менее земледелие неуклонно проникало в хозяйственную деятельность калмыков-казаков, способствуя постепенному переходу их к оседлости.

По сравнению с первой половиной XIX в. к концу этого столетия характер хозяйственной деятельности калмыков в корне изменился. Земледелием занимались 4353 семьи или 19900 человек, животноводством – 2259 семьи (9909 чел.), на частной службе в качестве прислуги и на подёнщине было занято 353 семьи (1301 чел.), обработкой животноводческой продукции занимались 32 семьи (131 чел.), изготовлением одежды – 220 человек. И всего лишь 9 семей торговали скотом и продуктами земледелия[26].

В калмыцких улусах был учреждён общественный капитал, составлявший часть общевойскового. Он складывался из таких доходов, как проценты при обращении общей его суммы в кредитных учреждениях, из выплаты за участки земли запасного фонда, розданных в оброчное содержание, и пошлины, выплачиваемой

частной мельницей, построенной на калмыцкой территории. О размерах общественного капитала можно судить по имеющимся данным только на 1879-1882 годы. Например, в 1879 году его размер составил 96606 руб., в 1880 – 110839 руб., в 1881 г. – 143375 руб. и в 1882 г. – 156384 руб.

Калмыцкий капитал расходовался по следующим статьям: на содержание аппарата Калмыцкого правления, на содержание окружного и приходского училищ, на наём помещений для правления, на уплату областных и окружных земских повинностей за свободные калмыцкие земли и пр.

Доходы по калмыцкому капиталу, в отличие от капиталов других округов области, превышали расходы, в результате остатки по отдельным статьям достигали солидных размеров. С 18 февраля 1877г. из этого капитала стали отчислять 6523 руб. 20 коп. в калмыцкий продовольственный капитал[27].

Внедрение хлебопашества среди калмыков других казачьих войск

Чугуевские калмыки, являясь служилыми казаками и оказавшись в условиях земельной тесноты, были лишены возможности продолжать кочевую жизнь. Эти обстоятельства способствовали быстрому приобщению их к оседлости. С 1700 г. они были наделены "подворными и огородными" участками, а также пользовались лесными угодьями, обеспечивая себя строевым лесом и топливом[28].

В связи с ростом населения в Чугуевском уезде создалась острая нехватка на землю. Поэтому с 1711 г. указом Петра 1 калмыки вместе с казаками на долгое время были переведены на государственное жалованье. В рапорте генерал-фельдмаршала Ласси от 5 января 1747 г. сообщалось, что "пашенных земель, рыбных ловль, лесов и никаких угодий у калмыков и казаков никому не дано, а пропитание и исправление к службе имеют от одного жалованья". Отставные и освобождённые от службы калмыки прибегали к найму пахотных земель у однодворцев и выращивали хлеб[29]. В середине XVIII в. калмыки и казаки вновь были наделены землёй, однако позднее они снова были лишены её.

Таким образом, чугуевские калмыки приобщились к земледелию и оседлости намного раньше своих соплеменников других казачьих поселений и в течение пятидесятилетнего срока жизни в Чугуеве земледелие превратилось в их естественную потребность. Вот почему, прибыв в 1803 г. на территорию войска Донского, эти калмыки сразу потребовали наделить себя землей по нормам казаков.

Процесс перехода ставропольских калмыков к оседлости и земледельческому хозяйству охватывает период с 40-х годов XVIII по 40-е годы XIX вв., то есть целое столетие. В освоении ими

земледельческого дела огромную роль играли русские государственные крестьяне, переселенные властями в Ставропольский уезд. Безусловно, в этом деле большое значение имели мероприятия, проводимые официальными правительственными и местными органами. Так, во время расселения первых калмыцких партий с 1739 г. по ротам, образованным в Ягодной, Преображенской, Курумчинской слободах, одновременно с ними были поселены крестьяне из Симбирского уезда. Согласно указу Сената от 16 апреля 1744 г. по инициативе И.И. Неплюева в Ставропольском поселении вводилась общественная запашка земли по образцу Уральского казачьего войска. Суть нововведения состояла в том, чтобы отвести общую пашню для каждого улуса и разделить её на две части: с одной получать зерно на семена, а урожай с другой части распределять между членами этой общины (улуса)[30]. Прослеживая развитие нового хозяйственного процесса, оренбургский губернатор А.А. Путятин в 1768 г. сообщал в Сенат: "Если волжские калмыки имели некоторую склонность к оседлой жизни, то зюнгарские не имели никаких навыков". В этой связи губернатор просил разрешения правительства рядом с калмыками-джунгарами Авралинской, Тенеевской и Чекалинской рот поселить оседлое население (русских крестьян, белопахатных солдат и крещёных мордовцев), которое должно было привить кочевникам навыки земледелия и на первых порах обеспечивать их хлебом. Об этом же просили властные органы и сами калмыки[31].

Некоторые сдвиги к оседлости наметились у калмыков в начале XIX в. В это время часть бывших кочевников вела смешанное хозяйство: наряду со скотоводством занималась сенокошением, отхожими промыслами, хлебопашеством.

Статистические сведения по ротам и улусам Ставропольского поселения за 1836 г. показывают следующее. Калмыки 6 рот из 10 – Чекалинской, Ягодинской, Суханской, Красноярской, Предтеченской, Тенеевской – вели комплексное хозяйство с преобладанием земледелия. Рост зерновых запасов диктовал необходимость постройки мельниц. В Чекалинской роте было построено 27 мельниц. В Дубровском улусе Ягодинской роты на 52 двора приходилось 2 мельницы; об оседлости этого улуса говорил и тот факт, что население его вплотную занялось разведением свиней. 22 двора Куромчинского улуса владели 6 мельницами и также занимались свиноводством. В общей сложности из 34 улусов в 23 занимались земледелием и вели оседлую жизнь[32].

Однако более 30 процентов семей в силу приверженности к скотоводству и из-за отсутствия навыков к земледельческому труду сдавали свои наделы в аренду (картому) русским крестьянам, войсковым чиновникам, купцам. На конец 1842 г. по всем ротам было сдано 164 пастбищных, сенокосных, пахотных и рыболовецких участков на сумму 18954 руб. 56 коп. Например, титулярный со-

ветник Розанов в двух ротах приобрёл 8 паевых наделов, а купеческий сын Шихбанов выкупил в трёх ротах 22 участка на 2350 руб.[34].

Но и калмыки-земледельцы всё ещё не достигли в хлебопашестве желаемых результатов: получаемый ими урожай был невелик и хватал им внатяжку. Вот почему калмыки сдавали многие мельницы в картому русским жителям. С 1833 по 1842 гг. было сдано в аренду 10 мукомольных мельниц сроком на 10-12 лет на сумму 1316 руб. 85 коп.[35].

К 1843 г., ко времени упразднения Ставропольского калмыцкого войска, земледельческие хозяйства в поселении ещё более укрепились. К тому времени здесь было зарегистрировано 3645 десятин пахотной земли, или в среднем на одну семью приходилось 4,6 десятин. К сожалению мы не располагаем данными о количестве засеваемого зерна и получаемого урожая. Сравнительно большие площади пашни были освоены в Верхне- и Нижне-Дубровских улусах Ягодинской роты (401 десятина на 49 семей), в улусе Белом Сусканской роты (339 десятин на 20 семей), Чёрном Кобельминской роты (322 десятины на 35 семей) и в улусах Красноярской роты (694 десятины на 114 семей).

К концу 40-х годов можно выделить отдельные дворы войсковых чиновников как крупные земледельческие хозяйства. Например, у хорунжего Сидора Шарапова (Верхне-Дубровский улус) было вспахано 20 десятин земли, у урядника Василия Яковлева (Средний улус) – 25 десятин, у хорунжего Гаврилы Жемчуева (Подстепной улус) – 32 десятины, хорунжему Алексею Петрову принадлежали 43 десятины пахотной земли и т.д.[36].

Хлебопашество требовало приобретения соответствующего количества инвентаря. В 1843 г. по всем улусам было зарегистрировано 235 сабанов (плугов), 459 борон. Лучше других были обеспечены земледельческими орудиями улусы: Чесноковский (19 сабанов, 33 бо-роны), Авралинский (соответственно – 21 и 36), Белый (10 и 44), Улюмжиев (11 и 18), Сосновский (10 и 23)[37]. Что же из себя представлял сабан? Этот грузный и грубый плуг требовал до 5-6 пар волов при подъёме целинных земель на глубину всего лишь 3-4 вершков[38]. Разумеется, не каждая семья могла приобрести это орудие, так как такое количество тягловой силы не имел даже хозяин среднего достатка.

Оседлая жизнь вызвала необходимость приобретения калмыцкими семьями строительного инвентаря. Учёт движимого и недвижимого имущества калмыков в 1842 г. выявил наличие у них 966 топоров, 95 пил, 401 бурав, 442 долота. К этому же времени ими было построено 758 домов, 39 изб, 869 лачуг, 48 мельниц и других хозяйственных помещений[39].

В целом картина, характеризовавшая оседлую жизнь калмыков Ставропольского казачьего поселения, выражена в составленной нами таблице на основе архивных данных за 1836 и 1843 годы.

Состояние хозяйства калмыков Ставропольского казачьего войска

Роты и улусы	Число семей	Сенокошение		Хлебопашество			Кол-во мельниц	Строительный инвентарь			
		сенокосные паи	инвентарь (косы)	пахотн. земли (в десят.)	инвентарь: сабаны (плуги)	инвентарь: бороны		топоры	пилы	буравы	долото
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ягодинская рота,											
улусы:											
Вехне-Дубровский	17	57	17	238	10	18	–	17	2	17	17
Нижне-Дубровский	25	38	27	163	7	12	1	27	2	27	26
Средний	13	22,5	10	116,5	2	3	27	10	–	10	10
Подстепной	13	13	13	171	5	9	2	13	–	13	13
Сусканская рота,											
улусы:											
Белый	22	63	22	339	9	13	–	23	1	11	11
Чёрный	24	13	25	182,5	8	13	–	27	–	13	14
Авралинская рота,											
улусы:											
Авралинский	47	87	78	253	21	36	2	81	5	33	37
Кобельминская рота,											
улусы:											
Чёрный		66	25	322	8	13	–	27	–	13	14
Средний	22	48	24	148,5	8	16	2	27	4	7	7
Чесноковский	21	41	25	121	5	12	–	30	3	12	12
Предтеченская рота,											
улусы:											
Красноселенский	37	79	43	14	10	18	–	46	4	11	14
Ашванов	22	25	30	34,5	10	17	3	28	5	7	9
Менкеев	12	24	16	16	7	10	–	15	5	8	8
Турдуев	17	23	22	5	4	4	–	23	2	4	5
Анчуков	9	13	12	2	1	1	–	12	–	1	1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Преображенская рота,											
улусы:											
Лузановский	20	31	15	108	7	11	–	15	3	7	9
Емелькин	17	29	17	31	5	11	–	17	2	2	4
Хотонов		17	8	23	1	2	–	8	3	4	5
Улюмжиев	15	33	15	57,5	11	18	–	8	3	4	5
Чедыровский		27		14							
Тенеевская рота,											
улусы:											
Белый	25	51	25	130	10	44	–	34	6	15	15
Чёрный	20	25	16	18	2	4	–	24	–	–	–
Тростянский	30	51	40	42,5	9	14	1	44	4	7	10
Чекалинская рота,											
улусы:											
Цохоровский	17	41	27	99,5	5	13	–	32	3	17	17
Колошков	17	23	17	16,3	4	8	–	20	4	10	4
Цагантуковский	29	47	37	5,5	5	10	–	45	–	20	22
Раковская рота,											
улусы:											
Чесноковский	46	109	67	191,5	19	33	–	64	6	33	34
Потаповский	23	42	24	89	7	12	–	26	7	16	16
Красноярская рота,											
улусы:											
Сосновский	28	50	38	184	23	36	1	38	–	9	9
Вислодубовский	28	41	25	177,25	8	17	1	25	2	9	12
Куромчинский	41	64	39	163,25	5	9	6	45	1	16	19
Солонцовский:											
Верхний	18										
Нижний	18	55	43	168,5	5	12	1	46	2	6	8

С переводом в 1843-1844 гг. ставропольских калмыков на новую пограничную линию Оренбургского казачьего войска они стали вместе с ранее служившими здесь соотечественниками называться оренбургскими. С этого времени для них окончательно ушла в прошлое кочевая жизнь и сопряжённое с ней скотоводство. Однако оренбургское войсковое руководство планировало тех, кто ещё оставался кочевником-скотоводом, приобщать к оседлости постепенно. В рапорте наказного атамана Оренбургского казачьего войска военному губернатору от 14 ноября 1842 г. предлагалось "счесть возможным дозволить заняться посевом хлеба на новых местах только тем, кои до сего времени производили хлебопашество", а остальных обращать в земледельцев, когда начнут совместно жить с белопахатными солдатами[40].

На практике всё выглядело наоборот: по отношению к переселённым калмыкам преобладали насильственные методы обоседления. Уже в первый год на новых местах калмыцкими семьями 30 селений было вспахано 1075 десятин земли и засеяно 10099 пудов пшеницы, ярицы, ячменя, гороха и проса. На каждую семью равномерно было распахано более 1,4 десятины земли и посеяно 13 пудов различного зерна. Кроме того, ими выращивались картофель и капуста[41].

В обязательном порядке все калмыцкие семьи занялись заготовкой сена, рубкой леса и строительством домов. По этому поводу в специальной инструкции войсковой канцелярии указывалось, "чтобы калмыки по окончании запашки немедленно приступили к заготовке леса для постройки домов, потом занялись перевозкою или сплавом оного в станицы". Дома строились по утверждённому проекту для казачьих станиц[42].

Уральские калмыки наряду с занятием скотоводством также начинали интересоваться и заниматься земледелием. В военно-статистическом обозрении Российской империи по Оренбургской губернии за 1848 г. уральские калмыки характеризовались так: "Средства к пропитанию и содержанию себя на службе состоят у них в хлебопашестве и скотоводстве"[43]. Данный факт довольно убедительно свидетельствует о том, что к середине XIX в. они серьёзное внимание придавали выращиванию хлеба.

Отсутствие подробных сведений за XIX век вынуждает нас обратиться к фактическим данным самого начала XX в., характеризующим результаты предшествующей хозяйственной эволюции. Они показывают, что успешно осваивали земледельческое дело жители Пятимарского посёлка Кармановской станицы. Например, семья среднего достатка Ангучаева в 1906 г. засевала 3 десятины поля и получала урожай хлеба до 120 пудов, в 1907 г. – 4 десятины, в 1908 г. – 5 десятин, в 1909 г. – 14 десятин, причём урожай хлеба составил более 400 пудов. Семья богача Кизыл-Убинского посёлка Тушмакова с 8 десятин в 1905 г. увеличила

посевные площади в 1909 г. до 46 десятин при урожае более 1500 пудов. Семьи двух братьев Мазановых из Требушинского посёлка обрабатывали 30 десятин, высевая хлеба разного сорта. Бедные семьи засевали от 3 до 5 десятин[44].

Относительно астраханской казачьей команды калмыков из трёхсот человек в 1737 г. вышло распоряжение оберкоменданта г. Астрахани Юнгера, требовавшего "для жилья калмыкам выделить под Астраханью земли и сенные покосы". Это означало, что вчерашние кочевники по образу жизни должны были сравняться с русским населением, но резкая перемена в жизни была неприемлема для калмыков. Реально оценивая положение дел, Юнгер предоставил им возможность кочевать по речкам Рыче, Луковке и окрестностям Бугра. Но тем не менее, калмыки оказались в тесном соприкосновении с оседлым населением и были приобщены к сенокошению[45].

Первые успехи калмыков-казаков в земледелии навели астраханского губернатора А.А. Бекетова на идею превратить всех кочевников губернии в оседлое население. Но его предложение не нашло поддержки в правительстве. Заметных успехов в этом деле своими решительными действиями добился лишь более чем через столетие атаман Гулькевич. Для калмыков в станицах были в 1872 г. отведены дворовые места, и основная масса казаков была вынуждена занять их. В связи с этим им предоставили льготы от службы на один год, в течение которого они должны были устроить новую жизнь. В станицах Красноярской, Дурновской, Лебяжинской, Замьяновской, Сероглазинской, Косикинской, Михайловской и Грачёвской 738 душ калмыков обзавелись деревянными и турлужными домами., а в тёплое время всё-таки продолжали жить в кибитках[46]. К началу XX в. калмыки-казаки Астраханского казачьего войска окончательно стали заниматься земледельческим трудом и освоились с оседлостью.

На развитие хозяйственной жизни терских калмыков определяющее влияние оказали тесные контакты с русскими казаками и официальная правительственная политика по переводу их к оседлости. Но было бы неверным утверждать, что процесс ломки национальных хозяйственных традиций произошёл сразу.

В силу своего социально-экономического положения хуторские калмыки были приобщены к земледелию гораздо раньше, чем кумские. По свидетельству К.И. Костенкова ещё в первой половине XIX в. они нанимались в массовом порядке на разные работы к казакам[47]. Многие из них безвыездно жили на станичных землях и убирали хлеб, виноград, косили сено, занимались рыбными промыслами. В то же время терские казаки, пренебрегая трудом хлебопашца, предпочитали сдавать свои наделы в аренду калмыкам по 50 коп. за десятину. Эти участки они распахивали и выращивали на них хлеб.

Наметились явные признаки перехода к оседлости и у кумских калмыков, хотя они в основной массе всё ещё были кочевниками-скотоводами. Документами начала XX в. засвидетельствовано, что по левому берегу Кумы располагалось несколько калмыцких хуторов с саманными домами и хозяйственными постройками. Хутор калмыка Акимова выглядел на уровне крепкого оседлого хозяйства: большая роща, обнесённая канавой, двор с добротными сараями для скота, амбарами под хлеб и скирдами сена. Покосные участки вокруг хутора также были окопаны. Заимки калмыков, обнесённые канавами, встречались очень часто[48]. На наш взгляд, их вполне можно классифицировать как кулацкие хозяйства.

Приведённые выше факты показывают, что на Тереке, как и в других казачьих поселениях, на протяжении XIX в. происходил постепенный процесс обоседления кочевников-скотоводов, который в первом десятилетии XX в. завершился для подавляющего большинства окончательной оседлостью.

Таким образом, первые земледельческие опыты у калмыков-казаков приходятся на XVIII столетие. Тогда же у них получило широкое распространение сенокошение как первый естественный шаг к оседлости. В первой половине XIX в. в большинстве казачьих поселений, особенно в Донском войске, Чугуевском конно-казачьем полку, в Ставропольском поселении почти половина калмыцкого населения уже освоила оседлое хозяйство. В сложном процессе перехода к оседлости в значительной степени сказалась целенаправленная политика центральных правительственных органов, а также усилия и даже в ряде случаев принудительные меры со стороны администраций казачьих войск.

Вторая половина XIX в. явилась временем сплошного перехода бывших полукочевников на оседлость и к земледельческой деятельности. Можно смело утверждать, что в это время процесс перехода калмыков-казаков от кочевой жизни к оседлости в основном завершился.

Торговля в жизни калмыков-казаков

В первой половине XIX в. в Донском крае с развитием товарно-денежных отношений наряду с внешней торговлей росла и внутренняя. Она имела огромное значение для хозяйственного развития донских калмыков, животноводческая продукция которых приобретала немалый удельный вес в торговой жизни Дона. Основной формой внутренней торговли здесь была ярмарочная, возникшая в этом регионе ещё в конце XVIII в. Калмыкам были предоставлены фактически все рынки сбыта Области войска Донского, в частности, в слободах Орловка, Мартыновка и Ильинка,

расположенные по реке Салу и в станицах Черкасского, 1-го и 2-го Донских округов по реке Дон; ярмарочные пункты Донецкого округа, Луганской и Митякинской станиц, слободы Криворожье; в селах Ремонтное и Торговое, расположенных у западных границ Астраханской губернии. Особо важную роль для Калмыцкого кочевья и задонских конезаводских степей играла Манычская (Терентьевская) ярмарка[49]. Кроме того, закупка калмыцкого скота происходила непосредственно на местах: в хотонах и сотенных кочевьях калмыков.

Основным видом товаров, поставляемых калмыками на рынок, безусловно, был скот. В первые десятилетия XIX в. лошадей закупали за бесценок скупщики-евреи и перегоняли их в Австрию, что невыгодно было государству. Вскоре на это дело был наложен запрет и главными скупщиками стали военное ведомство и кавалерийские части.

Широким спросом на рынке пользовался калмыцкий рогатый скот, особенно рабочие волы. В 40-е годы их цена колебалась от 30 до 40 руб., а в 70-е – от 120 до 150 руб. серебром за пару. Калмыки сбывали скот в крестьянских слободах по Салу и в казачьих станицах на Дону от Цимлянской до Старочеркасской.

Определённую долю калмыцкой торговли составляла овечья шерсть. Её свозили на ярмарки Мартыновской и Ильинской слобод и, кроме того, сбывали скупщикам из Ростова непосредственно на дому по цене от 3 до 4 руб. за пуд при рыночной цене до 5 руб.[50]. В продажу шли овчина и овцы. Живых овец скупали армяне из Нахичевани и забивали в своих салганах[51]. Калмыки торговали также продуктами земледелия и ремесленными изделиями.

К сожалению, имеющиеся сведения о торговле позволяют воссоздать несколько одностороннюю картину. Дело в том, что выявленные материалы, сообщая о продаже скота, практически не дают сведений о сбыте калмыками животноводческой продукции (шерсти, кожи, животного жира), а также продуктов земледелия. Совершенно ничего они не сообщают о приобретении калмыцким населением промышленных товаров и предметов быта. Но тем не менее мы постараемся проанализировать развитие калмыцкой торговли, начиная с 40-х годов XIX в.

По сведениям 1846 г. всеми калмыцкими сотнями было продано 2560 лошадей на сумму 56320 руб. серебром, 3612 рогатого скота (31774 руб.), 666 штук кожи-сырца (999 руб.). Таким образом, от реализованного калмыцкими хозяйствами скота на ярмарках общая прибыль составила 89043 руб. серебром[52]. Однако в данной сумме не учтена прибыль от продажи овец, продуктов животноводства и земледелия. Активную торговую деятельность развернуло население Верхнего улуса, особенно 1-3 сотен, которые только одного рогатого скота продали соответственно 746, 561, 531 голов[53].

Результаты торговли за 1847 г. выглядят гораздо скромнее предыдущего года: было продано лошадей 1362 головы, рогатого скота 2517 голов[54], сведения по овцам отсутствуют.

Калмыцкая торговля на Дону заметно оживилась в 50-е годы: по сравнению с 40 годами она возросла почти в 5 раз. Особенно далеко вперёд продвинулся Нижний улус. Его хозяйства были значительно крепче остальных улусов, к тому же географически он был ближе к торговым центрам Области войска Донского.

За 1857 г. 4-я Кебютовская сотня Среднего, Зюнгарская, Бултуковская (Богшракинская), Батлаевская, Намровская сотни Нижнего улусов реализовали 5548 лошадей, выручив за них 88760 руб. серебром, 10303 рогатого скота – на 68708 руб., 17927 овец – на 35854 руб.[55]. Остальные сотни продали 1868 лошадей на 29880 руб., 4000 голов рогатого скота – на 68708 руб., 8119 овец – на 16243 руб.[56]. В общей сложности калмыками было продано на рынках 46765 голов различного скота (около 30% всего поголовья) и выручено 409059 руб. серебром. Приведённый факт является ярким примером закономерного втягивания хозяйства донских калмыков в товарно-денежные отношения.

В 50-е годы почти каждая калмыцкая семья была связана с рынком. Так, на Мартыновской ярмарке в декабре 1861 г. участвовало до 15 калмыков Кебютовской сотни Среднего и Зюнгарской сотни Нижнего улусов. Один из них, Батыр Чурюмов, за продажу скота выручил 160 руб. Для одной семьи это была довольно большая прибыль, если учесть стоимость скота того времени: цена лошади составляла 22 руб., коровы – 8 руб. и овцы – от 1 до 2 руб. Следовательно, на вырученную Чурюмовым сумму надо было продать 7 коней или 20 коров, или 80-160 овец. Калмыки-хлебопашцы сбывали продукты земледелия на рынках Ростова-на-Дону, ярмарках станиц Раздорской и Аксайской, Иловайской и Мартыновской[57]. Придавая важное значение калмыцкой торговле, Комитет казачьих войск при Военном министерстве в августе 1897 г. разрешил администрации войска Донского открыть в станице Граббевской дважды в год – 23 апреля и 14 сентября ярмарки скотом и промышленными товарами[58].

Права ставропольских калмыков на торговлю были определены ещё указом Сената от 19 февраля 1745 г. "О добропорядочном Ставропольской крепости крещёных калмык содержании, о градском порядке и о протчем". В частности, пунктом 15 предписывалось "...никому из них не возбранять внутрь Ставропольского ведомства иметь торги и купечества позволенными товарами, какие кто может, також и ремёслами своими промышлять", причём для калмыков вводилась беспошлинная торговля[59]. Основным центром торговли для них являлся г. Самара.

О торговой жизни других калмыцких казачьих поселений имеются всего лишь краткие упоминания, на основе которых,

безусловно, невозможно воссоздать такую подробную картину, как для донского поселения.

Юг России, в том числе Донская земля, был раньше втянут в процесс развития буржуазных отношений, здесь больше использовали наёмный труд, интенсивно росла внутренняя и внешняя торговля.. Эти факторы стимулировали более быстрое хозяйственное развитие, чем в центральных районах России, где оставались сильными пережитки феодализма.

Разумеется, не осталось в стороне от этих процессов и хозяйство донских калмыков. Вот почему в Калмыцком кочевье Области войска Донского раньше других калмыцких казачьих поселений возникло смешанное хозяйство (скотоводство и земледелие). В силу доходности скота в торговом обращении скотоводство у донских калмыков, всё ещё преобладая над земледельческими отраслями, приобрело товарный характер. Возникшее в начале и получившее во второй половине XIX в. дальнейшее развитие земледелия характеризовалось низким агротехническим уровнем с преобладанием средневековых способов ведения хозяйства.

В остальных казачьих войсках калмыцкое население также перешло к ведению смешанного хозяйства. Однако по размерам и объёму оно далеко уступало хозяйствам донских соплеменников. Следовательно, удельный вес его продукции не имел столь заметного значения в торговле, как это было на Дону.

Часть 3. КАЛМЫКИ-КАЗАКИ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Глава 1. СЛУЖБА КАЛМЫЦКИХ КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ В XVIII В.

Пограничная и внутренняя служба калмыков-казаков

Сформировавшиеся к началу XVIII в. калмыцкие казачьи поселения были взяты на учёт военными ведомствами страны и стали привлекаться к военной службе во всех её формах.

Большое значение правительство России придавало охране границ империи, которые распространились от Прибалтики до Черноморья, от Каспия до Камчатки. На юго-востоке, где российские владения граничили с землями кочевых народов, создавались укреплённые линии. Для этого государству требовалось огромное количество войск. Имевшийся же военный потенциал в конце XVII в. позволял весь состав русской армии довести лишь до 200 тыс. человек[1], из которого постоянный контингент войск достигал не более 20 тыс. солдат[2]. Эта же проблема оставалась острой и в дальнейшем, несмотря на то, что к концу первой четверти XVIII в. Пётр 1 довёл русскую регулярную армию до 220 тыс. человек[3]. Правительство пошло по пути увеличения казачьих войск, незаменимых на кордонной службе. В этих условиях на пограничную линию активно привлекались и калмыки-казаки.

К охране границ на Северном Кавказе активно привлекались донские калмыки. Например, в 1695 г. в грамоте на Дон Пётр 1 писал о том, чтобы посылали "казаков и калмыков и татар 150 человек для взятия языков и проведение о их неприятельских замыслах под Крымские жилища"[4]. Сложное положение складывалось в этом регионе особенно в годы Северной войны. В феврале 1703 года к тайшам Баахану и Батырю из Москвы была направлена царская грамота, в которой указывалось, что "...впредь будут посланы к крымским местам, людей своих на стороне велеть держать по небольшому числу, а многим людям там быть и кочевь-

ями жить велено". Подобная задача была возложена и на калмыков тайши Мунко Темира, также кочевавшего в это время на Дону. Силами калмыцких партий были организованы наблюдательные посты по границам войска Донского. В середине июня 1703 г. Мунко Темир извещал Москву о принятых им мерах и о том, что "караулы от их приходов неприятельских и до ныне стоят". В 1717 г. на охране новых городков по южным границам находились калмыки Азовского полка[5].

После Персидского похода 1722-1723 гг. русскими военными ведомствами был скомплектован Низовой корпус, призванный охранять земли в восточной части Кавказа. Находясь в его составе с 1728 г., калмыки Азовского полка дислоцировались в районе западного побережья Каспийского моря и использовались для патрулирования дорог, сопровождения торговых караванов и почтового транспорта[6]. Из донесения командира полка Ивана Стрекалова от 24 июня 1731 г. видно, что во второй половине 20-х годов и в начале 30-х годов полк пребывал в постоянных разъездах по обеим сторонам Дона, имея два форпоста: первый – за Доном, на границе с кубанскими татарами, второй – на границе с Крымом, у речки Темерники. Полк был разделён на мелкие группы по 20 калмыков и казаков. Каждая такая группа сменялась через неделю. В сенокосный период они увеличивались до 30 человек. Кроме того, в обязанности полка входило патрулирование на всех пограничных дорогах партиями по 50 человек. Систематически мелкие отряды использовались для сопровождения торговых караванов и почтового транспорта в Воронежскую губернию, Харьков, Бахмутскую крепость, на Царицынскую линию. Во второй половине XVIII в. служба полка, уже переименованного в Павловский, проходила в крепости Святой Анны, для которой вместе с прилегающей к ней территорией требовалась надёжная охрана[7].

В мае 1733 г. в Низовой корпус были направлены 8 сотен донских калмыков в составе команды Ивана Фролова[8]. Значительное число калмыков и казаков использовалось в разведывательных целях. Так, в 1737 г. наказный атаман сообщал генералу В.А. Левашову: "Беспрерывно продолжаем мы посылки нарочных от себя добрых казаков и юртовых наших калмык для осматривания неприятельские шляхи и войск..."[9].

Чугуевская команда чаще всего призывалась на театр военных действий, а в мирное время она систематически командировалась на кордонную службу. В 1719 г. чугуевские калмыки вместе с командой были направлены в Азовскую губернию, в район Павловска, на помощь Азовскому полку по охране пограничной зоны[10].

Астраханская трёхсотенная казачья команда, учреждённая в 1727 г. из крещёных калмыков, обеспечивала охрану пограничной линии с казахами на левобережье Волги от Прикаспия до Царицына. С преобразованием команды в казачий полк его функции были намного расширены. Одна сотня полка посылалась в качестве курьеров в Царицын, Кизляр, на Кавказ и в Крым, другая осуществляла охрану рыбных и соляных промыслов, обеспечивала безопасность на дорогах от Астрахани до Кизляра, а также использовалась для сопровождения почтового транспорта. Остальные три сотни содержали по Волге разъезды и форпосты. Несколько партий командировались к морю для предотвращения набегов со стороны казахов[11].

Во второй половине XVIII в. стабилизировалась система призыва донских калмыков на внутреннюю и пограничную службу. В октябре 1765 г. четыре сотни калмыков были командированы на службу с походным атаманом Макаром Грековым, полковниками Фетисовым и Денисовым. На следующий год ещё триста человек были мобилизованы на прикрытие южных границ, от которых одна сотня направляется на вновь учреждённую заставу по р. Сал, в урочище Каргальская Россошь[12]. Кроме того, ещё одна калмыцкая сотня была командирована в Кизляр в состав команды в 651 человек полковника Денисова[13].

Роты Ставропольского калмыцкого войска в летнее время поочерёдно направлялись к Оренбургской, Илецкой линиям и за Урал, к Сибирским линиям. В 60-е годы охрану Оренбургской укреплённой линии осуществлял Оренбургский нерегулярный корпус, в составе которого несла службу одна из калмыцких рот с полковником Андреем Анчуковым во главе. Эта рота была рассредоточена по нескольким форпостам. Сам Анчуков с частью корпуса дислоцировался при Сухореченском форпосте. Остальные роты ставропольских калмыков охраняли границу в трёх местах: одна из них во главе с ротным сотником Иваном Човдыром находилась при Худоложском форпосте, казаки второй роты под командой хорунжего Ильи Басанга с семьями кочевали на р. Чусихе, одновременно неся охранную службу. Ещё одна группа во главе с капралом Василием Индоновым была командирована на форпост за Яиком[14]. По наряду 1765 г. все 11 рот Ставропольского войска были поставлены на охрану Красноярской крепости. Командному и рядовому составу стали отпускать провиант и фураж по норме донских казаков[15]. С весны и до зимы 1768 г. пять рот Ставропольского корпуса в 526 человек призвали на охрану г. Оренбурга[16].

Калмыцкие казачьи части в войнах России первой половины XVIII в.

Наличие в вооружённых силах иррегулярных войск составляло одну из особенностей России, обусловленную её общественно-политическим строем, многонациональным составом населения и наличием сугубо военного сословия – казачества. Для ведения

боевых действий в годы Северной войны (1700-1721 гг.) Пётр 1 широко привлекал лёгкую конницу казаков, калмыков и башкир. В поле зрения военных ведомств находились и те калмыки, которые проживали на Дону и в Чугуеве. В первые два года войны они снарядили в состав действующей армии в Прибалтике более 1200 человек[18]. Мобилизация проходила в следующем порядке. В феврале 1702 г. вышел указ об отправлении в Новгород 1000 отборных донских казаков и 500 калмыков из улусов владельца Мунко Темира, кочевавших в то время на Дону. К войсковому атаману Лукьяну Максимову обратились ещё и базовые (юртовые) калмыки с просьбой отправить их на службу в составе тысячного донского отряда. По этому поводу атаман доносил в Москву: "Да у нас же, холопей твоих, издавно живут и служат тебе, великому государю, с нами сообща юртовые калмыки, кроме мункотемировых, и татаре. А желают и они также быть на той же твоей, великого государя, службе в Великом Новегороде". К началу апреля 1702 г. упомянутый отряд, скомплектованный из русских казаков, базовых калмыков и татар, находился уже в Черкасске, готовый выступить в поход[19].

Группа Мунко Темира не вошла в состав тысячной донской команды. В группе, разделённой на пять сотен, насчитывалось 545 человек. Сотня, по всей вероятности, делилась на десятки, так как кроме указанных сотников упоминались ещё 40 старших калмыков. Судя по тому, что 70 человек были "панцырными", воины были вооружены неплохо[20]. Эта группа была дополнена 455 базовыми калмыками и отправлена на север. По указанию Петра 1 "900 юртовых и мункотемировых" калмыков по прибытии в Новгород должны были войти в состав дивизии П.М. Апраксина. Однако из письма последнего от 27 апреля 1702 г. к царю видно, что этих калмыков Посольский приказ направил в корпус Б.П. Шереметева[21].

В мае 1702 г. обратилась к правительству с просьбой направить в действующую армию калмыцкая группа тайши Бока, вторично перешедшая с Волги на Дон. Она снарядила небольшую команду из 200 человек, которую возглавил сам тайша. Её , объединив с новым отрядом донских казаков, вскоре отправили в Новгород[22]. По прибытии на место отряд был зачислен в войско того же генерал-фельдмаршала Шереметева. В конце ноября 1702 г. он писал в Москву о назначении жалованья вновь прибывшим калмыкам и казакам в сумме 433 руб.[23]. В составе этих же войск находилась и Чугуевская команда, успевшая принять участие в боях под Дерптом[24]. Таким образом, войска Шереметева были усилены калмыцкой и казачьей лёгкой конницей, дававшей возможность командующему легко маневрировать широким фронтом, проводить глубокие рейды по тылам противника, развёртывать разведывательные действия и наносить неожиданные фланговые удары.

Калмыцкая конница вместе с казачьей использовалась почти во всех главных операциях войны. Интенсивность её боевого применения видна из того, что только отряды из улусов Мунко Темира и Черкеса в боях за 1702 г. потеряли 1500 лошадей[25]. Русское командование, учитывая подвижность, смелость, находчивость калмыков и казаков, комплектовало из них специальные летучие отряды для действий в тылу неприятельских войск, о чём свидетельствовали сами шведские офицеры. Так, русский посол в Дании В.Л. Долгоруков писал в Петербург: "И все приезжие офицеры из обозу швецкого в Стокгольм единогласно сказывают, что превеликую терпят обиду от партий, которые посылаютца от войска царскова величества, а особливо от казаков и от калмык, которые выспатца не дадут"[26]. Лёгкая калмыцко-казачья конница могла совершить за сутки 80-100-километровый переход вглубь неприятельских расположений и там неожиданными действиями навести ужас и посеять панику.

Успешные её действия обратили внимание польского короля Августа II (в то время ещё союзника Петра 1). Король настоятельно просил у русского царя "дать конницы 8 полков и 4000 калмыков"[27].

Принудив в сентябре 1706 г. Августа II заключить сепаратный мир со Швецией, Карл XII перенес свои действия на восток, против русской армии. Он планировал нанести решающий удар по Москве, но до этого должен был перезимовать на Украине, а летом 1709 г. продолжить реализацию своего замысла.

В начале июня 1708 г. армия Карла XII через Минск двинулась на Украину. Кратчайший путь сюда через Березину прикрывал отряд Гольца, в составе которого находились 4 тысячи казаков и калмыков с Дона. Шведские войска вынуждены были повернуть вправо и трудным обходным манёвром искать переправу. На всё это было затрачено время, которое позволило главным силам русской армии занять позиции у Головчина. На их левый фланг был переброшен кавалерийский отряд Гольца в составе 10 драгунских полков и тех же казаков и калмыков. Он противостоял шведской кавалерии Реншильда. Явное превосходство сил противника заставило русскую армию отступить, а кавалерия Гольца отошла к Могилёву[28]. Дальнейшее продвижение шведских войск развивалось чрезвычайно медленно, что давало возможность отрядам лёгкой казачьей и калмыцкой конницы навязывать короткие изматывающие стычки и перехватывать коммуникации противника[29].

Чугуевская команда находилась в составе корпуса генерала Боура, о чём свидетельствует следующий документ. В своём прошении к императрице Анне от 13 июля 1734 г. чугуевский калмык Иван Баранов, участник Северной войны, констатирует, что он со своей командой "посылан был его превосходительства господина генерала Боура в партии под шведов и привёл языка"[30].

Калмыки-казаки принимали участие в ликвидации крупного отряда Левенгаупта у деревни Лесной. Придавая огромное значение этому отряду, руководство по его разгрому Пётр 1 взял на себя. Для проведения операции был скомплектован отряд из 5 тыс. пехоты и 7-тысячной кавалерии, в том числе нескольких сотен калмыков и казаков. 28 сентября шведам было навязано сражение. Бой длился в течение дня с переменным успехом. В реляции, составленной Петром 1, говорилось: "Побил более 500 человек и остальных взял в плен", а также "где и до тако их обоз больши дву тысяч телег взял, также по дороге и по лесам бегущих неприятелей казаки и калмыки много побили..."[31]. Истощённый боем противник вынужден был отступить. Об отходе шведов Пётр 1 узнал только на рассвете следующего дня. Сразу же для преследования был отряжен отряд генерала Флуга, состоявший из нескольких драгунских полков, казаков и калмыков. Отряд нагнал арьергард Левенгаупта у Пропойска и в неожиданном бою разбил его. Левенгаупту удалось бежать с небольшой частью своего отряда. В известном нам донесении Баранова говорится, что в сражении при Лесной принимала участие также Чугуевская команда[32]. Пётр 1 дал высокую оценку этой крупной победе, назвав её "матерью победы Полтавской"[33].

Кульминационным событием Северной войны была Полтавская битва, переломившая дальнейший ход войны в пользу России. Пётр планировал начать сражение 29 июня, однако Карл XII навязал его на 2 дня раньше. Излишнюю торопливость шведского короля в литературе связывают с днём его рождения. Но логика возникших накануне битвы обстоятельств наводит и на другие мысли. Пётр 1 распространил дезинформационное сообщение о подходе к Полтаве 30-тысячной конницы Калмыцкого ханства, постаравшись сделать эти сведения достоянием шведских шпионов. Ещё задолго до Полтавского сражения Пётр 1 направил в Польшу корпус Гольца, в котором, как известно, находились донские калмыки вместе с казаками. Успешные действия корпуса против шведских и польских войск лишили Карла XII подкрепления со стороны Станислава Лещинского.

Значительное число калмыков, находившихся с самого начала войны в составе русской армии, приняло непосредственное участие в Полтавской битве. При подготовке диспозиции русских войск к сражению калмыки (донские и ханские) в составе кавалерии генералов Ренне и Боура были расположены за передовыми редутами[34], а чугуевская команда в составе шести полков кавалерии князя Волконского была поставлена для связи с гетманом Скоропадским[35], где и сражалась до конца битвы.

Ко второй половине дня силы шведов заметно ослабли и войска Карла в панике бежали с поля боя. В погоню за отступающими шведами были направлены казаки, калмыки и другая иррегулярная конница.

Таким образом, калмыки внесли определённую лепту в победу над шведами под Полтавой. Русское командование правильно определило место иррегулярной конницы в сражении. Оно использовало калмыков вместе с казаками в летучих отрядах, в преследовании разгромленных частей противника для окончательного их поражения, во фланговых ударах по врагу.

После Персидского похода Петра 1 Турция, недовольная итогами войны, стала прощупывать наличие и расположение военной силы России на юге. С этой политикой были связаны частые набеги в 20-е и начале 30-х годов XVIII в. крымских татар и ногайцев в пределы Российского государства вплоть до Тамбова и Пензы. Назревала новая война с Турцией. Правительство России подготовило план укрепления южных границ. Согласно плану главнокомандующий русскими войсками фельдмаршал Миних развернул работу по созданию провиантских магазинов в крепости Святой Анны, в Изюме, Воронеже, Киеве и других местах.

Для осуществления плана кампании 1736 г. было скомплектовано две армии: Днепровская – под командованием Б.Х. Миниха, куда входили чугуевские калмыки со своим полком и Павловский конно-казачий полк, в котором несли службу 180 калмыков;[36] Донская – под командованием фельдмаршала П.П. Ласси. В неё вошли 8 тыс. казаков и донских калмыков. Кроме того, в эту армию прибыл ещё один отряд донских калмыков во главе с владельцем Бату[37].

Армия Миниха развернула наступление в Крыму. Летом и осенью она захватила Перекоп, Бахчисарай и Султан-Сарай. С наступлением зимы Миних прекратил военные действия и армию отвёл к своим границам.

Часть войск Донской армии была занята осадой Азова. В конце мая отряд атамана Краснощёкова, состоявший из казаков и юртовых калмыков, приступом взял два передовых укрепления, а 19 июня 1736 г. гарнизон крепости Азов капитулировал[38]. Охрана крепости была поручена гарнизонному отряду генерала Левашова. В конце августа для его пополнения прибыли с Дона ещё 150 калмыков под командой владельца Алексея Даржи[39].

Надо отметить, что большую помощь армии Ласси оказали 40-тысячное войско калмыцкого тайши Дондук-Омбо и отряд донских казаков и калмыков. На них была возложена задача по обеспечению безопасности войск, осаждавших Азов, со стороны кубанских татар.

После взятия Азова армия Ласси вместе с калмыцко-казачьими формированиями была направлена в Крым на помощь первой армии. Армия, построенная громадным четырёхугольником, охранялась калмыцко-казачьими отрядами и пикетами от нападений крымских татар и ногайцев.

При подготовке кампании 1737 г. русское командование было озабочено проблемой пополнения обеих армий казаками и калмыками. Оно вновь обратилось непосредственно к Калмыцкому ханству, а также максимально использовало калмыцкие казачьи поселения. Чугуевская команда и калмыки Павловского кампанейского полка, как и прежде, вошли в армию Миниха. Донские калмыки в составе 6-тысячного казачьего отряда были включены в армию Ласси[40].

В этой кампании главный удар по турецким войскам наносила армия Миниха в направлении Очакова. К 24 мая Миних сосредоточил свою армию в верховьях речки Каменки. Чугуевская команда в числе 400 калмыков и казаков была придана первой дивизии генерала Гессена-Гамбургского. В период движения армии к Южному Бугу чугуевцы и калмыки Павловского кампанейского полка обеспечивали безопасность левого фланга армии[41].

Штурм Очакова начался 1 июля. По свидетельству калмыцкого хорунжего Чугуевской команды Сергея Демьянова калмыки и казаки приняли самое активное участие в штурме и во взятии Очакова[42].

Донская армия Ласси насчитывала более 40 тысяч регулярного и 25 тысяч иррегулярного войска. В состав последнего входили: донских казаков – 6000, из них донских калмыков – 747, слободских и малороссийских казаков – 9000, ханских калмыков – 10000[43]. Наступая в направлении Крыма, 26 июня русские войска переправились через Сиваш. Для нейтрализации татарских войск были направлены к Перекопу бригада донских казаков и юртовых калмыков Краснощёкова и часть конницы Калмыцкого ханства. Они расположились с северной стороны Перекопа, при урочище Чепрак, и постоянно совершали налёты на лагерь крымских татар.

При возобновлении военных действий в 1738 г. Чугуевская команда снова вошла в состав Днепровской армии Миниха. Во время похода армии к Бендерам команда обеспечивала патрулирование фланга своей дивизии[44]. В дальнейшем калмыки приняли участие в основных боевых операциях с турками. Походы обеих русских армий в кампании 1738 г. не принесли ощутимых результатов. Довольно удачные действия калмыков на Северо-Кавказском театре не могли компенсировать неудачи кампании в целом.

Летом 1739 г. Дондук-Омбо с 40-тысячной конницей совершил новый поход на Кубань, часть калмыцкой конницы, донские и чугуевские калмыки-казаки участвовали в военных действиях в составе прежних армий[45].

Мобилизация калмыков-казаков на театры военных действий интенсивно продолжалась в 40-50-е годы. Воспользовавшись сложной международной обстановкой для России и её внутренними неурядицами, Швеция с согласия Франции решила взять реванш за поражение в Северной войне. 28 июля 1741 г. она объявила войну России.

В рамках мобилизационного плана в связи с новой войной чугуевцы во главе с полковником Семёном Авксентьевым (из калмыков-казаков) в числе 337 чел. по распоряжению генерала Кейта выступили в поход в мае и прибыли к театру войны к началу июня 1741 г. 23 августа 1741 г. в сражении при Вильманстранде команда действовала на левом фланге русских войск. Зимой 1741-1742 гг., в период перемирия, команда расположилась на зимние квартиры в Олонецком уезде, а после прекращения перемирия вновь подключилась к боевым операциям. Участник войны калмыцкий есаул Григорий Иванов вспоминал: "Всё лето... имели с неприятелем немалые частые сражения и на оного всякими удобными вымышлениями способы имели нападение и чинили разорение. И оного командного много неприятелей побито и поколото и живых ради языка в полон взято". В одном из этих сражений 8 августа погиб полковник Авксентьев. В сентябре 1742 г. команда получила передышку, а уже в июле 1743 г. чугуевцы были возвращены домой[46].

В апреле 1742 г. в Петербург прибыл 5-тысячный отряд донских казаков во главе с бригадиром Краснощёковым. В его составе находились 500 донских калмыков[47]. Отряд участвовал в войне вплоть до заключения мира.

В это время Ставропольское (на Волге) калмыцкое войско, калмыки Яицкого и Оренбургского казачьих войск были привлечены к охране восточных границ страны.

Несмотря на заключение мира между Россией и Швецией, обстановка на северо-западе требовала содержания там значительных войск. Поэтому после короткой передышки донские и чугуевские калмыки в составе казачьих формирований были вновь мобилизованы в Прибалтику и пополнили так называемый вспомогательный корпус. 8 октября 1745 г. администрация войска Донского получила указ о том, чтобы "в прибавок ко учреждённому в Лифляндии и Эстляндии корпуса нарядить из донских казаков 6000 человек доброконных и вооружённых, употребляя в то число и всех живущих на Дону калмык". Точное число калмыков, состоявших в этом отряде, неизвестно, но в документах Военной коллегии сообщалось, что было их "немалое количество"[48].

К концу сентября 1747 г. в Псков прибыла ещё одна тысячная команда при походном атамане Уварове. Из рапорта атамана от 31 декабря 1741 г. видно, что в этой команде состояло калмыцких чинов: один атаман, один есаул, один хорунжий. Через три месяца направляется в Псков ещё 3 тысячи казаков, в том числе 500 донских калмыков. В течение года 4-тысячный отряд использовался на военной службе, главным образом в охране пограничных линий. Сообразуясь со складывающейся обстановкой в Прибалтике и потребностей казачьих сил на юге, в сентябре 1748 г. командо-

вание провело реорганизацию этого отряда и отобрало из него 1000 человек, которые вскоре были направлены к Выборгу. В отборную команду вошли триста "доброконных и исправных" калмыков, в том числе 1 мурза, два атамана, 4 есаула, 4 хорунжих, 5 сотников. На зиму команду разместили в г. Вязьме. Остальные же три тысячи казаков и калмыков вернули на Дон[49].

В конце 40-х годов возникла необходимость увеличения гарнизонных войск на Северном Кавказе. В 1748 г. одна сотня донских калмыков пополнила команды Ивана Иловайского и Левицы в Кизляре[50]. В этом же году сюда в состав Низового корпуса направляется Чугуевский полк. Находясь на службе, он неоднократно удостаивался похвалы командования. В приказе коллегии за 1749 г. отмечалось, что "о храбрых их и верных поступках командующий при том корпусе в генералитет Военной коллегии довольно рекомендовал". В октябре 1749 г. полк был возвращён домой[51].

В 1753 г. вместе с двухтысячным отрядом Калмыцкого ханства в Лифляндию был мобилизован 5-сотенный полк ставропольских казаков[52].

Таким образом, неблагоприятные отношения с северным соседом, Швецией, и развернувшиеся военные действия требовали содержания значительных контингентов войск на севере и пополнять их казачьими частями, в том числе военными формированиями калмыков-казаков, а также конницей Калмыцкого ханства.

Калмыки-казаки в войнах России во второй половине XVIII в.

Выше уже говорилось о привлечении Калмыцкого ханства и калмыков-казаков к военным действиям в Семилетней войне. В первой половине 1757 г. в состав русской армии Апраксина были включены пятисотенный Ставропольский (на Волге) конно-казачий полк, 200 калмыков-казаков Чугуевского полка, донские калмыки в казачьих командах. Например, в четырёхтысячном отряде бригадира И. Краснощёкова состояли 8 калмыцких старшин (два атамана, два есаула, два сотника, два хорунжих) и 200 рядовых калмыков[53]. Кроме того, юртовые калмыки были распределены по отдельным казачьим полкам по 15-20 человек. Так, в четырёхсотенной команде походного атамана Грекова числилось 20 калмыков, которые использовались в качестве табунщиков при каждой сотне[54]. Все казачьи части были приданы корпусу Ливена.

По настоятельному требованию Конференции Апраксин в конце января 1757 г. направил с Днепра конницу Ливена в пределы Литвы и приказал ей сосредоточиться по линии Вильно-Слуцк. Она следовала четырьмя колоннами, в авангарде которых находились две тысячи донцов и Чугуевский полк. Они были выдвинуты

на форпосты к прусской границе для проведения небольшими партиями разведки на территории противника, причём тщательно следили за положением войск Левальдта.

Накануне военных действий в составе русской армии насчитывалось 1330 калмыков-казаков, в том числе: в 18 донских полках – 450, в Чугуевском полку – 200, в Ставропольском калмыцком – 500, в Павловском кампанейском – 180[55]. Кроме указанных калмыков в этой войне участвовало 4-тысячное войско Калмыцкого ханства.

После окончательного сбора всех частей армия Апраксина была разделена на 2 дивизии. Конница была сведена в отдельные бригады, смешанные с иррегулярными. Чугуевцы вошли в состав первой дивизии Броуна. Часть команды волжских калмыков в количестве 1000 человек была включена в состав корпуса Зыбина. Одновременно с этим все лёгкие и иррегулярные части, в том числе 1000 волжских калмыков, комплектовались в Гродно в единый "лёгкий корпус" под командованием генерала Сибильского.

В первых числах июля корпус направили в тыл Левальдта[56]. Действия отряда вызвали массовую панику среди прусских войск и гражданского населения. Жители Кенигсберга в ожидании нападения конницы Сибильского покинули город. Задачи, поставленные перед отрядом, были осуществлены блестяще.

Несколько позднее к границам Пруссии двинулись главные силы русской армии. Чугуевский и Ставропольский полки следовали в составе передовых частей и вместе с ними вступили в пределы Пруссии. После занятия Сталлупян 220 всадников Нарвского и Рязанского конно-гренадерских полков и 180 чугуевцев были посланы "для разведывания дорог и засевших в лесах неприятеля". При исполнении очередного задания чугуевцы встретились с гусарским отрядом Маловского. В результате короткой стычки чугуевцы рассеяли отряд противника. 31 июля без боя был занят Инстербург.

Отряд Сибильского присоединился к главным силам в Инстербурге 2 августа, а 7 августа сюда подошли войска Фермора[57]. За 3 дня до этого состоялся военный совет, на котором было принято решение провести разведку по обоим берегам р. Прегеля, а для захвата наиболее важных пунктов скомплектовать два отряда из иррегулярных войск численностью в 6500 человек.

Правый конный отряд под командованием Кастюрина состоял из трёх донских казачьих полков Серебрякова (1500 человек), 500 ставропольских калмыков, 500 башкир и 500 казанских татар, всего 3000 человек. Этот отряд должен был направиться по правому берегу Прегеля. Левый конный отряд во главе с бригадиром Капнистом в составе 2 тысяч слободских казаков и 1500 волжских калмыков должен был следовать по левому берегу на Велау. После присоединения войск Фермора состоялся очередной Военный со-

вет, на котором было пересмотрено прежнее решение в отношении иррегулярной конницы. Теперь считали целесообразным иметь авангардную часть из 11 тысяч всадников иррегулярного войска. Полуторатысячная команда волжских калмыков снова вошла в состав отряда Кастюрина, увеличенного до 5,5 тысяч человек. Отряд, имея 6-дневный запас провианта, должен был двигаться в направлении Велау, миновать его и избегая столкновений с противником следовать по главной дороге к Кенигсбергу.

Второй отряд по командой Краснощёкова в составе 2,5 тысяч донских казаков, тысячного кампанейского полка, 1000 слободских казаков и 1000 "разнородных" (в том числе ставропольского полка) должен был прикрыть фронт армий и разведать позицию у д. Калонен.

Чугуевские казаки вместе с четырьмя гусарскими полками были предназначены для поддержки отряда Краснощёкова. Между тем Краснощёков со своим отрядом продвинулся только до р. Нехте, так как невозможно было обойти фланги пруссаков, а вступать в бой с их главными силами не было смысла. В более выгодных условиях оказался отряд Кастюрина: дорога на Кенигсберг была совершенно свободной от неприятельских войск. 8 августа Кастюрин, сосредоточив свой отряд у Норкитена, направился через Остравишкинский лес через Мульден к Алленбургу. 11 августа отряд занял Алленбург, но наступать дальше не решился и после неудачного изучения местности прибыл в Заалау[58].

В августе Военный совет провёл новое перераспределение в армии. Она была разделена на авангард и 3 дивизии. Чугуевский полк вошёл в авангард 1-й дивизии Фермора, Ставропольский полк – в 3-ю дивизию Броуна. Не вошли в общее распределение слободские казаки, полки Серебрякова, павловский кампанейский казачий полк, часть волжских калмыков.

Дальнейшее продвижение русской армии от Заалау до Алленбурга проходило в тесном соприкосновении с пруссаками. 15 августа Левальдт выслал к русским позициям конницу в 5-6 тысяч всадников, чтобы провести разведку и при возможности нанести по ним неожиданный удар. Но они были встречены калмыками и казаками и отброшены от позиций 1 и 3 дивизий. Об одном из эпизодов этого столкновения очевидец А.Т. Болотов пишет: "Говорили тогда, что калмыки наши оказали при сём случае довольные знаки своего проворства и свойственной таким лёгким народам храбрости. 7 человек из них, усмотря человек двадцать прусских гусар, удалившихся от прочих, переплыв нагие и без сёдел, с одними только дротиками через Прегель, ударили с такою жестокостью на них, обративши их в бегство, гнали до самого их стана и, как выше упомянуто, трёх убили, а одного в плен взяли"[59].

Отличились в этих боях и калмыки Ставропольской команды. За храбрые действия им было назначено "...за три месяца не в зачёт жалованье по три рубли каждому". Всего им было выделено наградных денег 4329 рублей[60].

Действиями казаков и калмыков был доволен и сам Апраксин. Он писал: "Я обойтись не могу об отменной храбрости сразившихся казаков, калмыков и гусар не донести"[61].

Одним из крупных событий в Семилетней войне явилось сражение у д. Гросс-Егерсдорф. Оно завершилось победой русских войск. Оценивая результаты сражения, Л.Г. Бескровный наряду с умелыми действиями пехоты и особенно артиллерии отмечал, что "действия кавалерии отличались высокой маневренностью"[62]. В это дело свой посильный вклад внесла и калмыцкая конница.

Дальнейшее движение русской армии на Алленбург проходило согласно решению Военного совета от 7 августа. Схема походного порядка русских войск на 19 августа 1757 г. показывает, что произошло некоторое изменение в составе авангарда Сибильского[63].

Головную конницу авангарда составили ранее не вошедшие в распределение полки Серебрякова, выборочно слободские казаки, 1000 волжских калмыков, выборочно кампанейские казаки. Остальные волжские калмыки и казаки вошли в состав арьергарда армии и в так называемое прикрытие Капниста[64]. Вероятно, многие из них использовались в разъездах. Чугуевцы, как и раньше, вошли в дивизию Фермора, составлявшую вторую параллельную колонну. Ставропольская команда по-прежнему состояла в дивизии Броуна.

За невыполнение указания Конференции по захвату Кенигсберга Апраксин был снят с поста и предан суду. Главнокомандующим был назначен В. Фермор[65]. После смены руководства судьба иррегулярных войск сложилась следующим образом. Все они, кроме 4 тысяч донских казаков и 500 волжских калмыков, были возвращены в Россию. В результате неоднократных обсуждений в правительстве вопроса о их дальнейшем использовании было решено слободских казаков и "разнородные" команды отправить по домам. Здесь решающую роль сыграло мнение Фермора, противника использования иррегулярных войск в войне[66].

Следовательно, в армии Фермора, кроме указанных 500 волжских калмыков, оставались со своими подразделениями донские и чугуевские калмыки. В ведомостях за 1762 год в десяти донских полках бригадира Краснощёкова, возвращающихся из Пруссии, указываются калмыки. В частности, в полку самого Краснощёкова состояли двести калмыков, в том числе 2 атамана, 2 есаула, 2 сотника, 3 хорунжих. Имеется также указание на наличие калмыков и в остальных полках.

Осенью 1757 года перед русскими войсками стояла довольно сложная задача провести зимний поход в Восточную Пруссию. Во время этого похода в середине и в конце декабря казаки и калмыки Серебрякова провели разведку в направлении Тильзита и Кенигсберга. Проведение дополнительной разведки и подготовку переправы войск через Неман между Рагнитом и Тильзитом П.А. Румянцев поручил передовому отряду в составе гусарской команды, Чугуевского казачьего полка и эскадрона конных гренадер под общим командованием полковника Зоррица[68]. Вслед за этим отрядом двинулись главные силы, захватив Тильзит 2 января 1758 г. В период наступления на Кенигсберг чугуевцы были переброшены к правой колонне И. Салтыкова 2-го, в состав бригады Гартниса.

По расписанию армии на летнюю кампанию 1758 г., составленному 6 июня 1758 г., Чугуевский полк был зачислен в 3-ю дивизию Румянцева. Оставленные в армии волжские и донские калмыки вошли во 2-ю дивизию Голицына[69].

Кампания 1758 года ознаменовалась одним крупным сражением – у Цорндорфа, где приняли участие оставшиеся в армии калмыки. В подготовке этого сражения важным было наступление на г. Оборник. Выполнение этой задачи было связано, как считало командование, "с самым лихим из казачьих войск – Чугуевским полком и частью донских казаков". Они действовали в направлении Оборника по правому берегу Варты. Кроме них были посланы сюда и другие части казачьей конницы и волжские калмыки. Вообще результатами действий казачьей и калмыцкой конницы генерал П.С. Салтыков был вполне доволен. В донесении императрице он, в отличие от Фермора, просил на будущее обеспечить армию иррегулярной конницей[70].

В сражении при Пальциге 12 июля 1759 г. чугуевцы и волжские калмыки находились на левом фланге русских войск в команде генерала Тотлебена, где была одержана значительная победа над противником. В дальнейшем чугуевские калмыки приняли участие в захвате Берлина. К 26 июля 1760 г. Чугуевский полк находился под командованием бригадира Булацеля в корпусе генерала-поручика Чернышева.

Таким образом, калмыки приняли активное участие в Семилетней войне, проявляя мужество и отвагу при выполнении возложенных на них задач. Однако позиция, ошибочно занятая Конференцией и некоторыми представителями командования в отношении калмыков, равно как и ко всей иррегулярной коннице, не позволила широко использовать возможности этих войск в войне. Факты показали, что излишнее опасение за действия иррегулярных войск привели к срыву ряда важных боевых операций русской армии.

Рассматривая отношение правительства к калмыкам и казакам в период Семилетней войны, надо иметь в виду и другую сторону. Как и любая другая, эта война тяжёлым бременем легла на плечи русского крестьянства и бедноты нерусских народов, что вызывало недовольство со стороны народных масс. Вместе с этим создавалась тревожная обстановка на Кавказе, где столкнулись интересы России и Турции. Эти обстоятельства в немалой степени способствовали отправлению в Россию большинства нерегулярной конницы с европейского театра для использования в борьбе против народных движений и возможного нападения со стороны Турции и Крымского ханства.

Глава 2. КАЛМЫКИ-КАЗАКИ НА ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В XIX В.

Развитие военного дела в калмыцких казачьих поселениях. Внутренняя и полевая служба калмыков-казаков.

Главное назначение казачьих войск, в том числе калмыков-казаков,– несение военной службы – непрерывно совершенствовалось и на протяжении XIX в. Прежде всего, следует ответить на вопрос, каким людским потенциалом, разумеется мужского пола, обладали калмыцкие казачьи поселения? Для наглядности выразим это нижеследующей таблицей.

Калмыцкие казачьи поселения	В начале века	В середине века	В конце века
Донское	2100	10150	16568
Ставропольское (на Волге)[x]	1600	–	–
Оренбургское	776	2406	650
Уральское	около 500	506	353
Астраханское	около 200	около 250	363
Терское	около 1000	1490	2040
Итого:	6226	14802	19974

При подсчёте мужского населения Уральского, Астраханского и Терского калмыцких казачьих поселений не оказалось точных сведений, особенно за 1 половину XIX в., поэтому нам пришлось

[x] Ставропольское калмыцкое поселение в 1842 г. было упразднено, а его население переведено на земли Оренбургской губернии.

брать приблизительные, но близкие к истинному положению цифровые данные. Итак, калмыцкие поселения в XIX в. в мирное время в пределах установившегося процентного соотношения призыва казаков на службу (каждый шестой от общего контингента) могли выставить: в начале столетия 2 казачьих полка, в середине века – 5, в конце – около 7 полков.

Что касается развития военного дела в каждом из калмыцких поселений, то оно складывалось в зависимости от порядков, существовавших в тех войсках, к которым они были причислены.

После образования в 1803 г. Калмыцкого кочевья в составе войска Донского и поголовного перевода юртовых калмыков в казачье сословие, все они были обязаны поступать на службу[1]. Каким образом это осуществлялось, мы покажем на примере мобилизационных мероприятий на Дону во время Отечественной войны 1812 г. Вместе с тем, освещение данного вопроса позволит выяснить истинную численность калмыцких воинов, участвовавших в этой войне в рядах действующих армий. В исторической литературе утвердились и кочуют из книги в книгу сведения о трёх калмыцких полках с численным составом в 1500 человек. Однако на её страницах оставалось без внимания (в лучшем случае в редких трудах – всего лишь упоминание) участие в войне донских калмыков-казаков. Этот пробел объясняется тем, что они, не имея своих самостоятельных воинских формирований и входя непосредственно в состав донских полков, терялись в общей массе русского казачества. Между тем, по числу участвовавших в войне 1812 г. и заграничных освободительных походах 1813-1814 гг. они превосходили всё остальное калмыцкое население.

Итак, обратимся к фактам. Как было сказано выше, к 1812 г. категория служилых казаков калмыцкого происхождения на Дону достигла трёх тысяч. 3 июля 1812 г. Александром 1 был подписан указ "О сборе во временное ополчение", а 6 июля вышел манифест "О сборе внутри государства земского ополчения"[2]. К практическому выполнению манифеста одним из первых приступило донское казачество. Придавая огромное значение подготовке кавалерийских резервов для предстоящего контрнаступления, М.И. Кутузов внимательно следил за формированием ополчения на Дону. Непосредственный контроль за ходом этого важного дела взял на себя войсковой атаман М.И. Платов. Сразу же вслед за выходом манифеста он направил в войско Донское предписание о формировании дополнительного ополчения из оставшихся вне службы казаков и калмыков. Второй пункт предписания был адресован непосредственно калмыцкому правлению. В частности, сотенным атаманам калмыцких улусов предлагалось провести тщательный учёт всех калмыков-казаков, не исключая многочисленного духовенства, отставных, малолеток 17-летнего возраста, одним словом,

Музей Донского казачества, г. Новочеркасск.
Знамя 3-го калмыцкого донского полка.

всех способных носить оружие. Калмыцкому приставу и сотенным атаманам необходимо было все вопросы, связанные с вооружением, разрешить на месте, то есть изыскать возможности оснащения оружием ополченцев в самих сотнях и хотонах. Кроме того, всех калмыков, находившихся на подённых заработках в хуторах и станицах, работавших при частных и станичных табунах,— немедленно отозвать и концентрировать на сотенных сборных пунктах с тем расчётом, чтобы они в общей массе донских ополченцев смогли выступить в поход в течение 24 часов[3].

Однако в силу различных обстоятельство формирование воинского ополчения на Дону затягивалось. При всех стараниях организаторов на их пути возникло множество препятствий объективного и субъективного характера. Серьёзные затруднения складывались со сбором конского поголовья. Непросто оказалось провести тщательный отбор личного состава ополченцев, на что обращал особое внимание Платов. 26 июля он вторично направил предписание войсковой канцелярии, в котором указал: "При наряде вышепрописанных сортов офицеров, урядников, казаков и калмыков сделайте воззвание чрез сыскные начальства с прописанием надобности в усилении войска нашего..."[1]. Эту же мысль Платов повторил в новом предписании от 22 августа. Наконец, 1 сентября Денисов в своём рапорте информировал войскового атамана о том, что ополчение, собранное из служилых и отставных штаб-офицеров, урядников, полковых писарей, казаков включительно до 19 лет, "как равно из сих же сортов и калмык", в срочном порядке выступает на сборные пункты для отправки на театр военных действий, к местам расположения 1-й армии.

Строка рапорта Денисова 6-го "как равно из сих же сортов калмык" свидетельствовала об успешном выполнении поставленных задач перед руководством Калмыцкого правления. Основная часть калмыков для выступления в поход была включена в Черкасскую группу генерал-майора Иловайского 3-го, состоявшую из трёх полков. Многие калмыки вошли в другие группы, в частности в 1-ю Донскую команду генерал-майора Денисова 8-го[4]. В общей сложности в Тарутинский лагерь русских войск прибыло 20 новых донских полков[5].

Из приведённых выше документов, особенно последнего рапорта, видно, что из трёх тысяч калмыков-казаков, годных для службы, по самым минимальным подсчётам в ряды воюющей армии было мобилизовано дополнительно к тем, кто уже воевал, а их в 50 донских полках состояло более 800 человек[6], ещё не менее 2000.

Следовательно, на театре военных действий находились не 1500 калмыцких воинов, а более 3,5 тысяч. Сравнительно немногочисленный калмыцкий народ, к тому же после 1771 г. потерявший в глазах царизма своё былое политическое и военное значение,

направил на защиту Отечества каждого шестого от всего взрослого мужского населения. По казачьим штатам того времени они могли бы составить семь самостоятельных полков.

Мобилизованные накануне 1812 г. и в ходе формирования ополчения в донские полки калмыки-казаки были распределены в них партиями по 20-30 человек. Так, по свидетельству ветерана войны 1812 г. Шарапа Габунова из первой сотни (Чонса амиг) Среднего улуса, только в полку Кутейникова, переброшенного из Молдавии на западную границу, состояло 30 калмыков[7]. Столько же насчитывалось в полку В.А. Сысоева – 3-го. Этот полк в 1811 г. нёс кордонную службу на Северном Кавказе, в районе Дербента. В конце марта этого года М.И. Платов добился его перевода на западную границу в состав своего соединения[8].

Личность В.А. Сысоева 3-го, одного из прославленных казачьих командиров, представляет для нас особый интерес. Василий Алексеевич был крещёным калмыком, предки которого после принятия православной веры (по всей видимости, ещё в начале XVIII в.) получили право на проживание в станице Грушевской, недалеко от Черкасска. Сысоев 3-й родился в 1772 г. (по другим источникам – в 1774 г.) в указанной станице. В одном из документов Госархива Ростовской области о нём говорится следующее: "Василий Алексеевич Сысоев заслуживает внимание донцов как образец храбрейшего казака-рубаки. Кавалер орденов Св. Георгия 4-й и 3-й степеней и множества других орденов..."[9].

В послужном списке Сысоева за 1819 г. указывается: в 1786-1787 гг. пребывал в Санкт-Петербурге. В то время он был в возрасте 14-15 лет, следовательно его пребывание в столице, по-видимому, было связано с какой-то формой учёбы, но не со службой. С 1792 г. на протяжении трёх лет находился в Польше в связи с её разделами, с 1795 г. по 1799 г. – на охране границ с Пруссией и далее до 1802 г. служил в районе г. Пинска и на Днестре. С 1805 г. началась для него полоса беспрерывных войн[10]. Воевал он "со шведами, поляками, турками, французами, кавказскими горцами"[11]. За это время попеременно командовал 14 донскими полками. Об успехах Сысоева 3-го говорит тот факт, что его полк в составе отряда генерал-адъютанта Ливена за совершённый подвиг при Шенграбене 4 ноября 1805 г. был пожалован императором боевым знаменем и грамотой[12]. Отечественную войну В.А. Сысоев начал в чине войскового старшины, а затем в течение полутора лет был возведён в чины полковника и генерал-майора. После возвращения домой в 1814 г. из Парижа ему не удалось пожить спокойной мирной жизнью: уже в 1816 г. он был направлен на Кавказскую линию; в должности походного атамана командовал группой донских полков, расположенных на территории Грузии[13]. В 1826 г. Сысоев 3-й вместо провинившегося по службе генерала-майора Власова был назначен командующим Черноморским войском[14].

Характеризуя его боевые качества, вышестоящее начальство отмечало, что "в больших и малых чинах он был впереди своих подчинённых". Безусловно, такое поведение в боевой обстановке, связанное с беспредельной отвагой, не могло оставаться безопасным для его жизни – он имел две штыковые, одну сабельную раны. В многочисленных сражениях полками Сысоева были захвачены в плен до 150 офицеров, 4,5 тысяч солдат, 97 орудий, 8 знамён[15]. В совокупности это могло составить крупное армейское соединение. В конце 20-х годов Сысоев 3-й был удостоен звания генерал-лейтенанта и оставался в должности походного атамана[16].

Во второй половине XIX в. в Области войска Донского утвердилась традиция присваивать лучшим полкам имена прославленных казачьих генералов. Так 2-му донскому полку было присвоено имя "генерала Сысоева"[17]. Этим самым преследовалась цель, с одной стороны, воздать должное памяти заслуженных личностей Дона, с другой, на примере их безупречной преданности Отечеству воспитывать у последующих поколений патриотический дух и воинскую доблесть. В подтверждении сказанному приведём следующий пример. В одном из приказов от 30 июля 1714 г. по 2-му армейскому корпусу в обращении командующего к личному составу этого полка подчёркивалось: "...Я уж видел, что всем вам не страшны ни пики, ни пули немецкие и что все вы в бою не хуже славных дедов ваших – сысоевцев"[18].

Возвращаясь к событиям 1812 г. на Дону, следует подчеркнуть, что мобилизация донских калмыков в числе всех казаков войска даёт возможность раскрыть основные стороны военного устройства и правил их призыва на службу. В первые два десятилетия существования Калмыцкого почевья здесь шёл интенсивный рост населения, следовательно, и служилых казаков. По сведениям за 1819 год на внутренней службе числилось 420 калмыков, а годными для полевой службы были признаны 1 обер-офицер, 2 урядника, 1328 казаков и 144 малолетка (17-18 лет). Калмыки-казаки призывались на все виды военной службы. Например, в том же году в атаманском полку служило 88 калмыков, в двух артиллерийских ротах – 18[19]. Однако отдельные категории мужского населения освобождались от военной службы. На рассматриваемый год к таковым были отнесены 805 табунщиков, состоявших в частных табунах войска Донского, 21 человек, исполнявший обязанности сотников и пятидесятников в сотнях (аймаках), 256 служителей культа. Но некоторые из последних иногда использовались на внутренней службе[20].

Наряду с полевой службой казачьих войск военные ведомства страны и казачьи власти на местах большое значение придавали организации внутренней службы казаков. В основном для исполнения этого вида военной обязанности привлекались казаки, отслужившие 22 года на полевой службе. Внутренняя служба включала в себя различные виды нарядов: в Калмыцком правлении использовались для выполнения различных поручений; являлись охранниками в тюрьмах; обеспечивали охрану общественных заведений; сопровождали различный транспорт; обеспечивали карантинные посты и т.д. Для иллюстрации приведём следующий пример. В начале 30-х годов была скомплектована отдельная команда во главе с хорунжим Любгенковым для борьбы со спекулянтами самодельным алкогольным напитком (его называли на Дону "корчемное вино"). В 1834 г. Калмыцкое правление получило указание пополнить эту команду калмыками с внутренней службы изо всех трёх улусов[21]. Специфической формой службы для калмыков-казаков являлась работа в табунах, военными ведомствами была узаконена даже специальная категория служилых – табунщики. Контингент казаков на внутренней службе делился на пеших и конных. Пешие должны были иметь при себе шинель, мундир, фуражку, шашку и пику[22].

В середине 30-х годов в военном отношении Донское войско было разделено на 4 округа с неравным числом служилых казаков в каждом. Так, в 1-м округе было зарегистрировано 12535 казаков, во 2-м – 12111, в 3-м – 12322 и в 4-м – 12119. Для уравнения этих округов в численном отношении к ним были приписаны калмыки: к 1-му – 81 человек, ко 2-му – 425, к 3-му – 294, к 4-му – 398, в общей сложности 1198 человек[23].

Гражданский и воинский учёт, а также упорядочение управления донскими калмыками, как и в целом по войску, были налажены и приведены в реальное состояние в связи с подготовкой и введением в жизнь Положения 1835 г. С ним же связаны накопление и систематизация материалов по Калмыцкому кочевью, что позволяет нам подробней и шире оперировать фактическим материалом.

В предыдущих разделах "Положение об управлении Донского войска" 1835 г. привлекалось для освещения гражданского устройства донского поселения калмыков. Но с точки зрения военных задач комитет по разработке положения заложил в нём основную идею, которая сводилась к тому, что казаки, за исключением небольшого числа торговых и мастеровых, становились чисто военным сословием, а земли, отведённые казакам, должны были служить им средством для приобретения исправного вооружения и снаряжения к лёгкой кавалерийской (казачьей) службе. Итак, с 1835 г. казаки были превращены в тип поселённого войска, обязанного как в военное, так и в мирное время, составлять известное количество полков. Но поскольку военная повинность поголовно ложилась на все сословие, то срок действительной службы в казачьих войсках по сравнению с регулярной армией был сокращён. Казаки, прослужив несколько лет, возвращались домой на

Донской калмык-казак (20-е годы XIX в.)

льготу. После налаживания и укрепления своего хозяйства, они вновь призывались на службу. В мирное время в рядах воинства должно было находиться не более трети всего казачьего контингента, а в случае войн в действующие армии следовали все казаки, не отслужившие 25-летний срок[24].

Согласно Положению 1835 г. после поступления Калмыцкому правлению указания сверху в сотнях издавались приказы о подготовке к наряду очередных казаков.

В списках служилых казаков Калмыцкого правления за 1836 г. было зарегистрировано: по Верхнему улусу 645 человек (в том числе в 1-й сотне – 227, во 2-й – 202, в 3-й – 129, в 4-й – 87); по Среднему улусу – 310 человек (в 1-й сотне – 178, во 2-й – 132); по Нижнему улусу – 866 (в 1-й сотне – 74, во 2-й – 226, в 3-й – 180, в 4-й – 73, в 5-й – Беляевской – 70, в Верхне-Таранниковской – 135, Нижне-Таранниковской – 108). Всего же на всей территории Калмыцкого кочевья было занесено в списки 1820 калмыков-казаков[25]. В более развёрнутом виде эти данные отражены в отчётной ведомости правления за ноябрь этого же года. В частности, в полевых полках находились 494 человека, в должностях по Калмыцкому округу – 45, в табунщиках – 360, к присяге было приведено 174 малолетка[26].

Согласно § 647 Положения 1835 г. снабжение бедных калмыков-казаков было возложено на Калмыцкое правление, в бюджете которого закладывались специальные средства. В самом деле, мог ли казак из бедной семьи приобрести всё необходимое для службы, когда по инструкции призывнику полагалось иметь форменную шапку стоимостью 12 руб., куртку и шаровары из серого сукна (32 руб.), галстук (50 коп.), кушак (1 руб.), шинель из серого сукна (12 руб.), сапоги со шпорами (5 руб.), лядунку (4 руб.), портупею (2 руб.), седло с прибором (30 руб.), вольтрап из синего сукна (12 руб.), саблю (5 руб.), пистолет (5 руб.), патронташ (2 руб.), дротик (2 руб.), узду с нагрудником (6 руб.), коня (80 руб.)[27]. Общая стоимость всего снаряжения казака составляла 210 руб. 50 коп.

Все малолетки (юноши) по исполнению 19 лет переводились в разряд казаков и приводились к присяге. Представляет интерес текст самой клятвы калмыцкого юноши, произносимой на родном языке (приводим её в переводе на русский язык): "Я, ниже именованный (называется имя, фамилия – К.Ш.), обещаюсь и клянусь пред бурханом и Эмандугой в том, что хочу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему великому государю императору Николаю Павловичу самодержцу всероссийскому и его императорского величества всероссийского престола наследнику, его императорскому величеству государю цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу верно и нелицемерно служить и во всём повиноваться, не щадя

живота своего до последней капли крови и всё к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества узаконенных и впредь узаконяемые, по-прежнему разумению, силе и возможности и предостерегать и оборонять..."[28]. Следует заметить, что калмыцкие казаки были всегда верны однажды данной клятве.

Всё же главную военную повинность казаков составляла полевая служба. Она складывалась из многих функций: участия казачьих частей в боевых действиях на военном театре; охраны расширяющихся границ государства; привлечения казачьих команд на борьбу с эпидемиями заразных болезней в различных регионах страны; карательных экспедиций по подчинению империи других народов; несения гарнизонной службы в различных местах государства и т.д.

Сложной и изнурительной была полевая служба. Для примера возьмём 15-летнюю военную жизнь казака из 2 (Бугшракинской) сотни Нижнего улуса Джегуна Андрианова. В 1819 г. он находился в полку Карпова в Бессарабии, в 1821-1824 гг. служил на Кавказской линии в полку Победнова, а затем 8 лет кряду здесь же продолжал службу в полку Залищинского, а в 1832-1834 гг. был направлен в Польшу с полком Егорова[29].

В течение года призывы в полки для полевой службы проходили неоднократно. Они зависели от изменений обстановки в международных отношениях, возникавших потребностей внутри огромной империи и регулировались центральными военными ведомствами. Калмыцкое правление поставляло своих людей в полки согласно установленной раскладке по военным округам, о чём говорилось выше. Поэтому численность калмыков в полках зависела от того, к какому округу была отнесена та или другая сотня (аймак). Так, в семи донских полках, дислоцировавшихся с 1832 по 1835 год на Кавказской линии, служили 70 калмыков[30]. В связи с распространением в 1836 г. эпидемии чумы на побережье Чёрного моря, а затем в За-кавказье возникла необходимость учредить вторую карантинную линию. Её организацией занимался генерал Вельяминов. Для этой цели он дал указание Донскому войску скомплектовать 4 полка и направить в его распоряжение. В свою очередь войсковое дежурство обязало Калмыцкое правление подготовить в состав этих полков 90 человек. Из списка 106 очередников на данный месяц по кочевью было отобрано указанное число калмыков-казаков. В последующем ограничились мобилизацией двух полков, причём один из них – полк Борисова направлялся в Польшу, полк № 33 Платонова – в Грузию. В каждый из них были включены по 45 калмыков. Полк Платонова был размещён в особо опасном районе Грузии – Натухай, где проходила вторая карантинная линия[31].

В начале 40-х годов 24 донских полка находились за пределами войска: 5 – в составе действующих армий, 9 – на территории Грузии, 8 – в других местах Кавказа, по одному – в Крыму и Финляндии. Во всех этих полках состояли 534 калмыка. По данным 1852 г. 326 калмыков-казаков проходили службу в 18 полевых полках, размещённых также повсюду. В этом же году были призваны ещё 202 казака из калмыцких малолеток[32].

Во время Крымской войны общий контингент служилых в Калмыцком округе составлял: 1 офицер, 10 урядников, 2744 рядовых, из которых 266 урядников и казаков находились в составе 20 донских полков, направленных на театр военных действий, 933 калмыка были призваны в формирующиеся части Донского войска, получившие назначение следовать в действующие армии в Крым и Закавказье[33].

В 1870 г. полковник генерального штаба Краснов составил военное обозрение земли Донского войска за предшествующее 10-летие. Оно было опубликовано отдельной книгой[34]. В ней анализу был подвергнут и 8-й Калмыцкий округ.

В 1867 г. в Донском войске была проведена общая ревизия населения с проверкой посемейных списков во всех станицах, в том числе в калмыцких аймаках и хотонах. По уточнённым данным численность калмыцкого населения в округе составляла 23918 душ обоего пола (2,3 процента от всего населения Дона), из них 11968 душ мужского пола[35]. Возрастной состав мужской части округа выглядел следующим образом: до 20 лет – 5785 человек, от 20 до 30 лет – 2017, от 31 до 40 лет – 1411, от 41 до 50 лет – 1279,свыше 50 лет – 1476. Число казаков полевой и внутренней службы составило 4707 человек, из которых можно было скомплектовать 8 самостоятельных казачьих полков. Для наглядности характеристику мужского состава по улусам и сотням в военном отношении можно представить следующей таблицей[36].

Улусы и сотни	На полевой службе				На внутренней службе		Отставные		
	обер офиц.	уряд-ников	каза-ков	мало-лет. пере-писи 1867	уряд-ников	каза-ков	обер офиц.	уряд-ников	каза-ков
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Верхний улус									
1 сотня (Цевднякна амиг)	–	–	315	14	1	140	–	2	274
2 сотня (Белявэ амиг)	–	–	61	4	–	25	–	3	69

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
3 сотня (Балдра амиг)	–	–	55	5	1	16	–	2	59
4 сотня (Эркетна амиг)	–	1	58	5	2	21	–	3	63
Всего:	–	1	489	28	4	202	–	10	465
Средний улус									
1 сотня (Чонса амиг)	–	3	126	15	1	57	–	4	157
2 сотня (Бемдэкна амиг)	–	–	268	23	–	114	–	2	211
3 сотня (Геленгэкна амиг)	–	1	265	10	–	100	–	7	225
4 сотня (Кевюда амиг)	–	1	184	21	2	79	–	4	182
5 сотня (Бурла амиг)	–	–	72	7	–	23	–	3	93
Всего:	–	5	915	76	3	373	–	20	878
Нижний улус									
1 сотня (Зюнгара амиг)	1	2	290	24	1	83	1	5	226
2 сотня (Бухшракна амиг)	–	3	258	23	–	132	1	4	290
3 сотня (Багуда амиг)	–	–	125	6	–	39	–	3	98
4 сотня (Ики-Бурла амиг)	–	1	276	14	1	110	–	4	302
Всего:	1	6	949	67	2	364	2	16	916
ИТОГО:	1	12	3253	171	9	939	2	46	2259

Из таблицы видно, что в 1863 г. на полевой службе находились 1 офицер, 12 урядников и 2524 казака, на внутренней – 9 урядников и 939 казаков. Следует заметить, что в предыдущие годы число урядников из калмыков было гораздо больше, чем на данный год. Вероятно, это объясняется военным временем, когда в боевой обстановке можно было быстрее продвинуться в звании, тем более в таком, как урядник.

Что касается командного состава, вышедшего из среды донских калмыков, то большая его часть проживала и находилась на службе вне Калмыцкого округа. По данным 1897 г. в Области

Бадма Шургучевич Мартышкин, ст. Потаповской.

войска Донского среди высших офицерских чинов значатся многие фамилии лиц калмыцкого происхождения. В числе войсковых старшин (третья ступень офицерских чинов после генералов и полковников) находился Сысоев С.С., потомок известного генерала Сысоева 3-го. Он служил в комплектном полку, в 1874 г. получил офицерский чин. Сысоев был награждён пятью орденами: Св. Станислава 2 степени, 4 орденами Св. Анны 2, 3, 4 степеней. Среди есаулов числились Еманов А.Г., служивший по войску; Сысоев А.А., занимавший должность участкового заседателя 1-го Донского округа и награждённый орденом Св. Станислава 3 степени; Сысоев П.В., находившийся на полевой службе в комплектном полку и имевший орден Св. Станислава 3 степени и Св. Анны 3 степени.

Большинство лиц калмыцкого происхождения имели обер-офицерские чины: подъесаулов, сотников, хорунжих. Подъесаульские звания имели Бозавов М.В., находившийся на полевой службе в комплектном полку и награждённый Св. Станиславом 3 степени, Еманов П.М., занимавший должность военного пристава в Донецком округе, Саринов А.И. и Саринов Н.В., служившие в комплектном полку.

Звания сотников имели 5 калмыков: Уланов Наран Эренцинович с 1891 г. служил сотником в комплектном полку, а с 1895 г. являлся станичным атаманом Кутейниковской станицы (Кевюда амиг); Аксёнов Евгений Степанович с 1891 г. находился на службе сотником в комплектном полку, в 1895 г. был избран атаманом Ново-Николаевской станицы; Балтынов Бар Ланцынович занимал должность сотника по войску; Дербенцев Алексей Потапович, уроженец станицы Нижне-Чирской, служил сотником по войску; Мангатов Борис Леонидович, уроженец станицы Денисовской (Бухшракна амиг), службу проходил в чине сотника в комплектном полку.

В чине хорунжих находились: Саринов Илья Васильевич, уроженец станицы Новочеркасской, с 1894 г. службу проходил в должности хорунжего лейб-гвардии казачьего его величества полка; Еманов Пётр Михайлович, родившийся в станице Елисаветовской, с 1894 г. служил в комплектном полку; Саринов Василий Иванович из станицы Новочеркасской находился на службе в комплектном полку; Бакбушев Бадьма Санжинович, уроженец станицы Власовской (Бемдякна амиг), служил на полевой службе в комплектном полку[37].

К началу XIX в. Ставропольское калмыцкое войско, находясь в ведении Оренбургского военного губернатора, являлось одним из кантонов Оренбургского казачьего войска и состояло из 11 рот. На 1801 г. контингент казаков калмыцкого войска включал в себя 920 служилых, 1164 малолеток, 685 отставных. Из этого числа ежегодно направлялись 400 казаков при одном войсковом старшине и 12 ротных командирах для службы в г. Оренбург и в Зауралье, в

Киргизскую степь (Тургайская область) по тракту до Илецкой Защиты. Кроме того, партия из 50 калмыков-казаков ежегодно командировалась на Деркульскую линию (по р. Деркул, притоку Северского Донца) и базировалась в г. Беловодске[38].

В связи с прошедшей реорганизацией войска установленная прежде норма командирования в Оренбург была уменьшена. Из отношения военного губернатора от апреля 1804 г. видно, что в этом году поступили на службу из Ставрополя всего 300 человек[39]. По расписанию, составленному на данный период, калмыки были распределены за Уралом: в Разбойном Овраге – 50, Ельшанском – 50, Илецкой Защите – 100[40]. Остальные 100 человек оставались в резерве и для содержания форпостов и обычных разъездов вблизи Оренбурга[41].

Положение 1803 г. "Об устройстве Ставропольского калмыцкого войска" преобразовало не только социально-экономические стороны жизни поселения, о чём говорилось выше, но несло существенные изменения и по военной части.

В Положении был урегулирован вопрос о рангах войсковых чиновников. Ранги были приведены в соответствие с другими иррегулярными войсками. В частности, полковнику присваивалось армейское звание майора, полковым есаулам – капитанов, сотникам – поручиков, хорунжим – корнетов, квартирмейстер приравнивался к квартирмейстеру регулярных войск, урядники – унтер-офицерам. Повышение армейских чинов решал сам император на основании представления инспектора Оренбургского войска, а казачьих чинов – Военная коллегия по ходатайству войскового атамана, опять же через инспектора, нижние чины мог присваивать сам атаман, но не превышая положенных штатов полка. В военное время все эти вопросы переходили в ведение командующих армий и корпусов. Однако в Положении было оговорено, что "в чинах состоять за уряд, пока будут в должностях".

На офицерские вакансии полка должны были назначаться представители из калмыков владельческого и зайсангского происхождения. "Сие нужно,– говорилось в Положении,– во-первых, потому, чтобы избежать неудовольствий от несходства в правах и обычаях между калмыками и сторонними начальниками и, во-вторых, чтобы отверзть всякому из них путь добрыми качествами и усердною службою достичь степеней отличия". Отставка от службы офицерам, имеющим армейские чины, производилась высочайшей властью, а нижних чинов утверждал инспектор войск, причём отставка давалась при глубокой старости или в результате неизлечимых болезней и увечий. Во всём Оренбургском войске срок службы не был определён, поскольку казаки освобождались от всех государственных повинностей и налогов. По примеру донских полков, призванным на службу отпускали из казны порох и свинец.

Вооружение всадника Ставропольского казачьего полка состояло из следующих видов оружия: сабли, карабина, 2 пистолетов, пики с хорунжевкой красного и чёрного цветов. Была определена казачья форма из шаровар и кафтана синего цвета с красным воротником и выпушкой, красной шапки с чёрным околышем, чёрных кушаков и синих чепраков с красной оторочкой. Всё обмундирование приобреталось за свой счёт. Форма офицеров оставалась общепринятой казачьей, но в отличие от оренбургских прибор был серебряным. Таким образом, штат полка и его материальное содержание было приведено к единообразию с оренбургским тысячным полком (1074 чел.), на его содержание отпускалось 15616 руб.

Командный состав, пребывая дома, получал жалованье по штату 1745 г., а при командировках далее 100 вёрст от места жительства – по Положению 1803 г. Нижние чины получали жалованье, провиант и фураж на зимние месяцы на две лошади. В случае командировки полка за пределы губернии для участия в боевых действиях офицеры обеспечивались довольствием по штату армейских губернских полков в соответствии со званием[42].

К концу своего существования Ставропольское войско насчитывало 1588 человек мужского пола, из которых 815 были способными к службе, в том числе 34 обер-офицера, 40 урядников[43].

Уральские калмыки-казаки главным образом использовались на охране кордонных линий Уральского казачьего войска. В отличии от других калмыцких поселений, уральские калмыки в местах прохождения казачьей службы проживали с семьями. Таким образом, здесь не было особых разграничений между домашним бытом и военной обстановкой. В середине XIX в. уральские калмыки-казаки, располагаясь по всем пограничным дистанциям, обеспечивали 45 форпостов, т.е. передовых сторожевых постов, 6 крепостей и 1 кордон[44].

Участие калмыцких казачьих частей в войнах России первой четверти XIX в.

В первой четверти XIX в. Россия была занята непрерывными войнами: русско-персидской 1804-1813 гг.; войной с Францией в 1805 г. и 1806-1807 гг.; русско-турецкой 1806-1812 г.; войной со Швецией в 1808-1809 гг.; Отечественной 1812 г.; заграничными походами 1813-1814 гг. Приведённый перечень показывает, что одна военная кампания наслаивалась на другую и их география расширялась. Безусловно, эти войны требовали всё новые и новые контингенты войск. В связи с этим участилась мобилизация казачьих частей на Кавказ, на территорию европейской части страны и за границу.

К началу XIX в. политические противоречия между Персией, Турцией и Россией замкнулись на Закавказье. Все три стороны были устремлены к подчинению находившихся здесь многочисленных слабых государственных образований. В силу надвигающейся агрессии со стороны Персии и Турции с 1801 г. постепенно начался переход грузинских царств под покровительство России, закончившийся в 1804 г. Одновременно началось, за исключением немногих, добровольное присоединение к России азербайджанских ханств и султанств.

Начало XIX в. ознаменовалось стремлением Наполеона к господству над Европой, которое затронуло интересы всех стран Европы и Ближнего Востока. Французская экспансия угрожала и России. Русское правительство перешло от курса дипломатических акций к активным военно-политическим действиям против наполеоновской Франции. Русские войска приняли активное участие во всех коалиционных боевых операциях против наполеоновской армии, в том числе в грандиозном сражении 1805 г. при Аустерлице.

Среди донских полков, участвовавших в Аустерлицком сражении, находился полк подполковника Сысоева 1-го, происходившего из крещёных калмыков, по всей видимости, он был отцом прославленного генерала В.А. Сысоева 3-го. В августе 1805 г. полк находился в 6 колонне Подольской армии М.И. Кутузова. При манёврах, совершаемых союзными войсками в ноябре, Сысоев 1-ый вошёл в состав корпуса Ф.Ф. Буксгевдена и вместе с казачьими полками Малахова, Киселёва, Ханжонкова составил его авангард[45].

Объединённая армия союзников 15 ноября 1805 г. развернула наступление к Предлице. К этому времени полк Сысоева был причислен к дивизии генерал-лейтенанта принца Гогенлое. Аустерлицкое сражение началось 20 ноября. Всего в нём в составе русских войск участвовали 5 донских полков. Сражение выиграл Наполеон. В этих боях полк Сысоева потерял убитыми 13 казаков и 21 лошадь[46].

Выйдя из сражения, русская армия к концу декабря расположилась квартирами в Волынской губернии. Вся кавалерия, в том числе полк Сысоева вместе с 10 донскими полками, подчинялась генерал-лейтенанту Шепелеву. Казаки были дислоцированы по границе от местечка Вышгорода до местечка Райгородок[47].

Опираясь на поддержку Наполеона, к 1806 г. Турция перестала считаться с интересами России, препятствуя проходу русских судов через проливы Босфор и Дарданеллы, а также проводя одностороннюю политику в дунайских княжествах, на Балканах и на Кавказе. К концу первого десятилетия XIX в. всплыли старые противоречия между Россией и Швецией[48]. В результате начались военные действия в Восточной Пруссии, на Дунае и в Финляндии.

В составе казачьих полков и самостоятельных формирований ко всем этим военным кампаниям активно привлекались калмыки-казаки.

Аустерлицкое поражение армий третьей коалиции не привело Россию к миру с Францией. В течение 1806 г. была сколочена четвёртая коалиция под эгидой Англии против Франции в составе Пруссии, России и Швеции. Готовившаяся война снова не исключала вторжения наполеоновской армии на территорию нашей страны. Нависшая угроза вынудила Александра 1 приступить к формированию земского ополчения.

9 ноября 1806 г., накануне объявления войны русским правительством Франции, в государственную Военную коллегию поступила копия письма министра Военных сухопутных сил Вязьмитинова, в котором разъяснялась сложная международная обстановка и говорилось о нарастании угрозы вторжения французских войск в пределы России. Письмо было подписано царём и адресовано оренбургскому военному губернатору князю Волконскому. В данной обстановке необходимо было усилить и пополнить регулярную армию определённым количеством иррегулярных казачьих войск. Другими словами, вопрос ставился так, чтобы, в частности, ставропольское калмыцкое войско вместе с другими оренбургскими полками превратить в регулярные части. В связи с этим оренбургскому военному губернатору повелевалось в экстренном порядке подготовить к походу Уральское, Оренбургское и Ставропольское калмыцкое казачьи войска, а также скомплектовать полки из тептяр, исецких казаков, ногайцев и башкир. В приложении к письму была определена мобилизация конкретного числа казаков от указанных районов Оренбургской губернии. Уральское войско скомплектовало два полка из 1120 чел., Оренбургское – то же количество, башкиры – 10 полков (5 тыс. чел.), Ставропольское – один полк из 560 чел. во главе с войсковым атаманом, тептяри – один полк.

После окончания сборов полки должны были направиться к Москве в состав команды московского губернатора Тутолмина. Было дано указание, чтобы всем казачьим частям иметь надлежащее оружие, по положению быть "о-дву-конь", а башкирам – "употребляемое по их обыкновению"[49]. Среди них лучше обеспеченным оружием признавался Ставропольский калмыцкий полк. Руководство войска ещё в феврале 1805 г. позаботилось о вооружении полка. Есаул Яков Тандукаткаев и сотник Барышевский заключили договор с вольными мастерами Тульского завода Романом и Фёдором Гнедиными, Андреем и Егором Вешниковыми по изготовлению оружия из их собственного материала. Они изготовили 634 ружья типа гусарских карабинов и отремонтировали 108 старых карабинов, изготовили 604 пистолета, из них 31 пару офицерских, 500 железных шомполов, 1042 отвертки, 10 форм для литья пуль, 500 казацких дротиков, отковали 517 и отремонтировали 85 казацких сабель, 190 гусарских крюков[50].

Ставропольский калмыцкий полк под командой войскового атамана майора Баглюнова выступил к Москве 15 февраля 1807 г.[51]. 4 июня калмыки с двумя башкирскими полками влились в конницу М.И. Платова, которая вела бои на территории Пруссии. Новое пополнение было придано атаманскому полку и составило четвёртую резервную часть.

М.И. Платов, готовясь к фланговому удару, развернул боевые действия на правом берегу Прегеля в районе Пилау. Французская кавалерия под командой генерала Груши в полдень 4 июля начала переправу через реку. Оценив обстановку, командиры башкирского и калмыцкого полков предложили атаману смелое решение – атаковать превосходящие силы противника внезапно. Платов одобрил этот смелый план и отдал приказ начать атаку. Дерзкий налёт завершился успешно. Башкиры и калмыки "выполнили приказание с отличным мужеством", а французы, потерпев поражение, назвали их "злыми купидонами". Подытоживая боевые действия корпуса, прославленный донской атаман Платов в рапорте главнокомандующему в числе отличившихся в боях казаков отметил командира калмыцкого полка майора Баглюнова, прапорщика Анчукова, есаула Барышевского[52].

Из полосы непрерывных войн первого десятилетия XIX в. Россия вышла с неплохими итогами. Но надвигалась гроза 1812 года. Правительство России к ней готовилось заранее. Оно понимало, что наполеоновский союз обладает большими военными ресурсами, нежели Россия. Среди многих проблем русская армия ощущала ещё значительный недостаток в кавалерии. Без достаточного количества этого наиболее подвижного рода войск армия выглядела слабой. Образовавшуюся диспропорцию между кавалерией и другими родами войск в тех условиях необходимо было ликвидировать за счёт иррегулярных войск, т.е. казачьей, калмыцкой, башкирской, татарской и другой конницей.

Мобилизация Ставропольского калмыцкого полка, равно как и двух калмыцких (Тундутова и Тюменя), сформированных из астраханских калмыков, была проведена накануне Отечественной войны. Эта и другие меры связывались с идеей Александра 1 по организации превентивной войны с Наполеоном, а также со значительным дефицитом кавалерии в составе русской армии. Для реализации указанных целей перед войной были изданы два правительственных указа (оба от 7 апреля 1811 г.), один из которых был направлен оренбургскому губернатору князю Волконскому "о наряжении одного полка из ставропольских калмыков и двух башкир". Ставропольский полк должен был состоять из 560

человек рядовых, надлежащего числа офицеров и урядников, "иметь исправное оружие по положению"[53].

Формирование Ставропольского калмыцкого полка проходило успешно. Вначале командиром был назначен подпоручик Барышевский 1-й (крещёный калмык), затем он был заменён капитаном Диомидием, который командовал этим полком в течение всей войны. По сравнению с 1 и 2 калмыцкими полками Ставропольский был обмундирован и вооружён гораздо лучше. Костюмы были тёмно-синего цвета с выпушками на воротнике, погонах и обшлагах, но в отличие от других казаков, ставропольские носили жёлтый кушак и такого же цвета лампасы на шароварах. Шапки у них были особого образца, по форме сходные со стрелками императорской фамилии, с меховым околышем и высоким, наподобие уланских, четырёхгранным жёлтым суконным верхом[54].

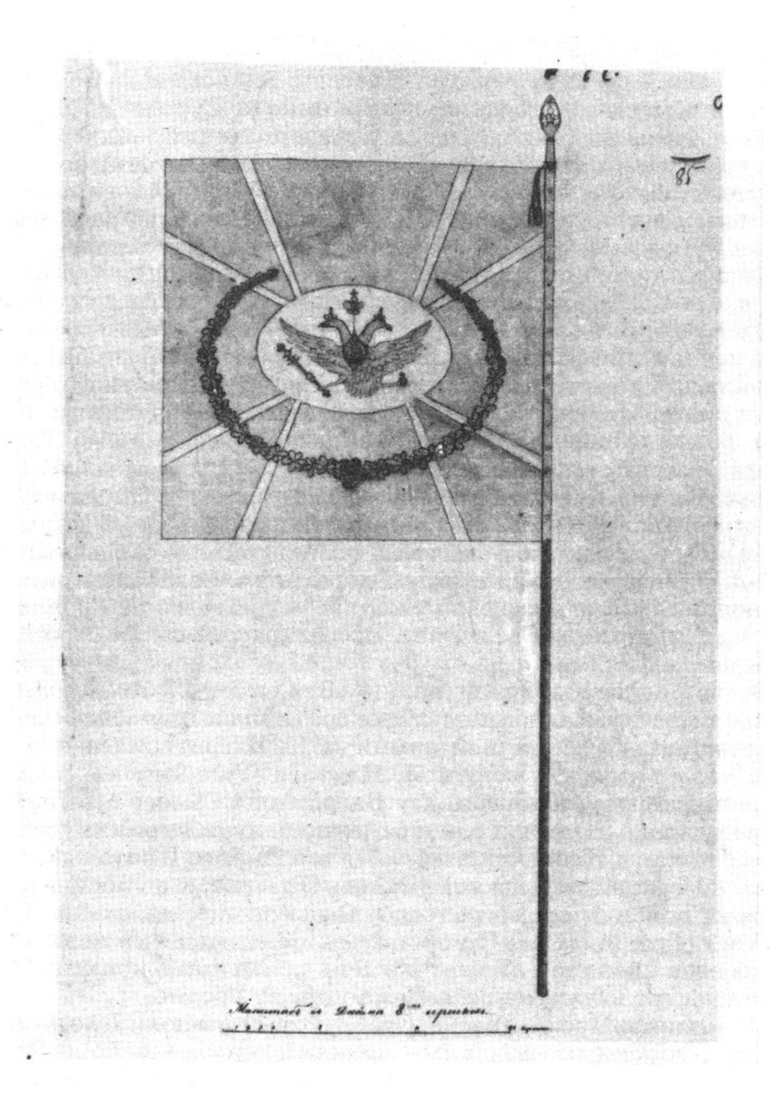
20 июня 1811 года этот полк миновал Корсунский уезд Симбирской губернии и через Симбирск проследовал к Серпухову. В феврале 1812 года по указанию командования полк выступил к Вильно в распоряжение генерал-лейтенанта Эссена 1-го[55].

27 марта 1812 года Ессен 1-й рапортовал Барклаю де-Толли: "Командиры калмыцкого и 1-го башкирского полков от 9-го сего месяца доносят, что сходно с посланным к ним повелением от г. генерала-фельдмаршала графа Гудовича, оные из Серпухова по данным от него маршрутам следуют под мою команду, к городу Вильно"[56].

Полк прибыл на службу без знамени и хоругвей. Символы, пожалованные войску Сенатом ещё в 1756 г., были утеряны в годы крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачёва. По устному распоряжению командира корпуса Платова было изготовлено для ставропольцев одно полковое знамя и семь хоругвей белого, зелёного, голубого, жёлтого, алого цветов с изображением по обеим сторонам различных святых: Георгия Победоносца, апостолов Петра и Павла, архангела Михаила, Святой Троицы, Христа Спасителя и Божьей матери. Знамя было изготовлено из шёлка светло-голубого цвета квадратной формы, в центре – эллипс в озарении, обрамлённый венком из синих цветов на красной ленте. Внутри эллипса был помещён двуглавый орёл, на груди которого изображался значок с Георгием Победоносцем, поражающим пикой змею[57]. Окончательно полк был укомплектован по штатам казачьих войск и состоял из 17 офицеров, 1 писаря, 20 урядников и 540 рядовых казаков. Все они были "о-дву-конь" (строевая и вьючная), всего 1178 лошадей[58].

Активное и массовое участие в Отечественной войне 1812 г. приняли донские калмыки.

Ко времени вторжения наполеоновских войск в пределы России донские калмыки (около 300 человек), находившиеся в действую-

Знамя Ставропольского калмыцкого полка, изготовленное в 1812 г. по указанию М. И. Платова.

щей армии в составе корпуса Платова, дислоцировались в Белостокской области на кордонах по границе от Сурожа до Добровольщины. Здесь же находился и Ставропольский полк. По этому району наносил удар правый фланг наполеоновской армии[59]. 12 казачьих полков под командой генерал-майора Иловайского 5-го, в которых несли службу до 300 донских калмыков, располагались у Брест-Литовска[60]. До 7 донских полков (в том числе около 200 калмыков-казаков, находились в составе 3-й Западной армии Тормасова, располагаясь на Волыни. Здесь же проходили службу два полка волжских калмыков (1-й Тундутова, 2-й Тюменя)[61].

В первые дни войны события развивались чрезвычайно быстро. Первая русская армия, практически не оказывая никакого сопротивления врагу, отступила к Вильно и 16 июня без боя покинула город.

В более сложных условиях оказались войска 2-й Западной армии Багратиона. В арьергарде этих войск двигался летучий корпус Платова, в котором находился вместе с другими национальными полками и Ставропольский конноказачий калмыцкий полк. Перед корпусом легендарного атамана была выдвинута задача прикрыть отход армии Багратиона. Согласно приказу командования, Платов со своим корпусом двигался от Гродно, через Лиду и Сморгонь к Свенцянам для открытия связи с 1-й армией Барклая де-Толли.

В этот период донской полк А.В. Сысоева 3-го находился на самых ответственных участках оперативных замыслов главнокомандующего 2-й Западной армии П.И. Багратиона и командующего казачьим корпусом М.И. Платова. Уже 9 июня 1812 г. для усиления кордонов по приказу Багратиона Сысоев был переведён из Брянска в г. Бельск и одновременно получил приказ установить связь с полком Иловайского 4-го, оставленного Платовым в Белостоке[62]. 16 июня между конниками Платова и авангардом французских войск Жерома развернулись бои под деревней Лососня, вблизи г. Гродно. Здесь Ставропольский калмыцкий полк получил своё боевое крещение. В этот же день калмыцкие конники принимали участие в боях на реке Неман при г. Гродно.

По мнению Прозрителева, Ставропольский полк Диомидия совместно с донскими казачьими полками генерал-майора Денисова 7-го сражался с французской кавалерией и 18 июня[63]. Действительно, к этому времени полк Диомидия входил в состав отряда Денисова 7-го, который в бою 18 июня участвовал в полном своём составе.

В течение 21 июня и вечером того же дня калмыцкий полк участвовал в стычках с авангардом маршала Даву при деревнях Вороново, Вишнево, Закревчизна. Как доносил Платов Багратиону, "он (противник –К.Ш.) разбит и ретировался назад"[64]. При этом неприятель понёс значительный урон.

В виду складывавшихся обстоятельств Багратион планировал к 22 июня переправить армию через Неман и дальше отходить по

двум вариантам. В случае получения известий от Платова об отсутствии французских войск в пунктах Вишнево и Воложино, следовать двумя колоннами: правой – на Воложин, левой – через деревню Довняры на Вишнево, имея в авангарде генерал-майора Васильчикова с полками Ахтырским гусарским и Донским Сысоева. В противном случае он планировал двигаться одной колонной на Воложин, имея в авангарде атаманский полк Платова[65].

Между тем тяжёлая обстановка складывалась на участке Донского корпуса: на него усиленно наседал противник. В связи с этим Платов, имея при себе только три сотни атаманского, Ставропольский калмыцкий, башкирский полки и расположившись с ними недалеко от местечка Мир, 26 июня просил главнокомандующего временно передать в его распоряжение полки генерал-майора Иловайского 5-го и полковника Сысоева 3-го[66].

В тот же день в ответ на просьбу Багратион предписал корпусу Платова закрепиться в Мире и удерживать этот пункт во чтобы то ни стало. Вслед за этим главнокомандующий передал в распоряжение донского атамана отряд генерала Васильчикова в составе трёх конных, двух пехотных полков и полков Иловайского 5-го и Сысоева 3-го. На второй день Платов уже докладывал Багратиону, что он расположился у деревни Симоновки, вблизи Мира, а само местечко Мир занял полк Сысоева 3-го. Выполняя приказ Багратиона по удержанию этого пункта, Платов разработал план сражения с использованием казачьего тактического приёма "вентерь". В чём заключался замысел? На подступах к Миру, по дороге к Кареличам была поставлена застава численностью в сто казаков, которая должна была наблюдать за движением противника и преднамеренным отходом заманивать его к Миру. По обеим сторонам дороги в скрытых местах были устроены две засады, каждая из ста отборных казаков. Неприятель, увлечённый преследованием казачьей заставы, должен был попасть в тиски. При замешательстве увлечённого преследованием врага застава наносила ему встречный удар, и тут в дело по окончательному разгрому должен был стремительно вступить полк Сысоева[67]. Атакующие три полка Польской дивизии под командой генерала Турно попались на эту "удочку" и, потеряв 248 пленных, кроме убитых, спаслись бегством. В ходе боя было разгромлено 6 кавалерийских полков противника. В бою при местечке Мир участвовали и калмыцкие конники.

В ночь с 27 на 28 июня французы значительными силами продолжали атаковать казачьи отряды на протяжении четырёх часов. Во взаимодействии с летучим отрядом генерал-майора Кутейникова, который зашёл с фланга, казачья конница нанесла им ощутимый удар.

Казачьим корпусом Платова была одержана вторая крупная победа у местечка Романово. 1 июля Платов получил приказ Багратиона задержать наступление неприятеля до ночи 3 июля. Аван-

гард французов из 7 кавалерийских полков предпринял в этот день две атаки, однако казаки, калмыки и башкиры успешно отбили и опрокинули французов. "Два лучшие полка, 1-й шассерский (конно-егерский) и конно-гренадерский, истреблены на прах",– доносил Платов Багратиону[68]. За проявленное мужество и храбрость калмыцкого полка в боях под Миром и Романовым, за личную отвагу командир полка Диомидий получил чин майора, зауряд-есаулы Дарфаев (Доржиев – К.Ш.) и Тандаров, зауряд-сотники Медичев, Лекбедондоков и Соломов были произведены в хорунжие[69].

Лихое дело при Романове позволило армии Багратиона успешно отойти и оторваться от противника. Надо отметить и то, что кавалерия Платова, совмещая боевые действия с разведкой, сковывала действия французской кавалерийской разведки. На неоднократные решительные требования Наполеона об установлении точного количества дивизий у Багратиона, французская разведка не могла дать вразумительного ответа. "Для меня по-прежнему загадка, четыре или шесть дивизий у Багратиона" – беспомощно возмущался Наполеон[70].

Победы, одержанные при Мире и Романове казачьими войсками, состоящими из русских, калмыков, башкир и татар, имели не только чисто военное, но и моральное значение. Они способствовали укреплению боевой дружбы воинов народов России в борьбе с чужеземными захватчиками за свою независимость и свободу, способствовали подъёму патриотического духа в русской армии.

Продвижение авангарда войск Наполеона, наступавших вслед за армией Багратиона, сдерживалось силами донских полков Краснова 1-го, Иловайского 4-го, Иловайского 5-го, Иловайского 11-го, Иловайского 12-го, Карпова 2-го, Денисова 6-го, Сысоева 3-го, Грекова 18-го, Харитонова 7-го, половиной атаманского полка под начальством полковника Кирсанова, двух донских конно-артиллерийских рот. Сюда же входили полки: Перекопский, татарский и Ставропольский калмыцкий[71].

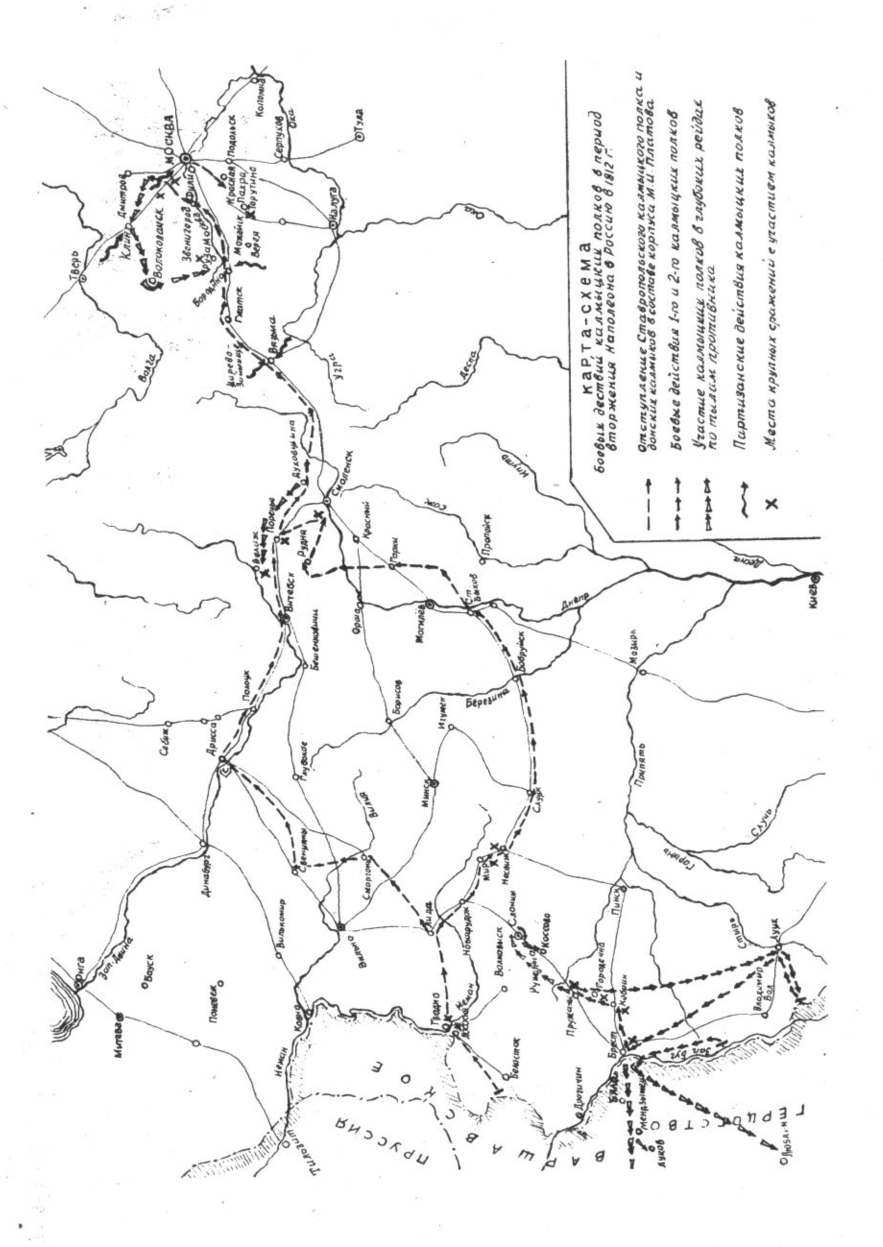
7-8 июля авангардные части маршала Даву заняли Могилёв. Отряд полковника Грессера из трёх батальонов, оставив город, преследовался противником на расстоянии 30 вёрст до д. Баркалобово. Вовремя подоспевший полк Сысоева 3-го остановил наступление французов. К 9 июля сюда прибыл отряд генерал-майора Сиверса в составе двух драгунских и двух казачьих полков, а полк Сысоева двинулся навстречу противнику и в 5 км от Могилёва обнаружил крупную группировку неприятеля из 4 конноегерских полков. Несмотря на неблагоприятное соотношение сил, Сысоев смог незаметно окружить французов и внезапно напасть на них со всех сторон. Ошеломляющий натиск казаков не позволил противнику развернуть силы. Отряд был наголову разгромлен, при этом захвачены в плен 1 полковник, 8 обер-офицеров и более 200 рядовых всадников. Остатки отряда казаки преследовали до Могилёва, однако, натолкнувшись на крупную силу неприятеля из четырёх батальонов с 6 орудиями, Сысоев вернулся в отряд Сиверса[71].

В течение месяца первая и вторая русские армии с боями отходили вглубь страны, стремясь соединиться в Смоленске. К 20 июля кавалерия Платова уже находилась у деревни Шаламец, в десяти километрах от Смоленска. В этом же направлении через Поречье следовал арьергард 1-й армии под командой генерал-майора Палена. Для прикрытия войск Палена был направлен генерал-майор Иловайский 4-й с двумя донскими и Ставропольским калмыцким полками. Платов писал Барклаю де-Толли: "...приказал генерал-майору Иловайскому 4-му следовать поспешнее к соединению с ним, Паленом, и вообще, прикрывая арьергард армии, действовать на неприятеля". 22 июля 1-я и 2-я армии встретились под Смоленском.

В сражениях, происходивших во время отступления русской армии, под Могилёвым и за город Смоленск калмыки-казаки Улан Ульчинов из полка Андрианова 2-го, Кука Джиганов и Бултук Шарапов из лейб-гвардейского казачьего полка за проявленную храбрость удостоились орденов Святой Анны 3-го класса[73].

Ставропольский калмыцкий полк был поставлен на охрану Духовщинской дороги. Приказом Барклая де-Толли от 23 июля бригада Иловайского 4-го в составе тех же полков (2-х казачьих и Ставропольского калмыцкого) была переведена в летучий партизанский отряд генерал-адъютанта Ф.Ф. Винценгероде, которому было предписано "тревожить левый фланг неприятеля и схватывать все партии и курьеров". Кроме бригады Иловайского 4-го, в состав летучего отряда входили: полки Лейб-Казачий, Казанский драгунский, Изюмский гусарский, Лейб-гвардии Черноморская сотня, казачьи Иловайского 12-го, Иловайского 7-го и Перекопский татарский. Всего в отряде насчитывалось 3800 человек. Перед отрядом Винценгероде ставилась задача охраны Петербургской дороги в случае возможного наступления французских войск на Петербург. Вместе с тем отряд должен был вести разведку за действиями противника. С этого времени для Ставропольского калмыцкого полка начался этап "малой войны", которой Кутузов в будущем придаст ещё более широкий размах. В связи с этим следует заметить, что в литературе утвердилось мнение, что первым партизанским отрядом якобы стала группа Дениса Давыдова. Однако партизанскую войну армейских частей открыл именно отряд Винценгероде.

Вскоре отряд был разбит на ряд мелких партий, перед которыми ставились более конкретные самостоятельные задачи. В частности, Ставропольскому калмыцкому полку необходимо было оседлать Витебскую дорогу. 27 июля полк навязал французам внезапный бой за г. Велиж, чем "привёл их в полное расстройство". 8 августа полк участвовал уже в боях под Звенигородом.

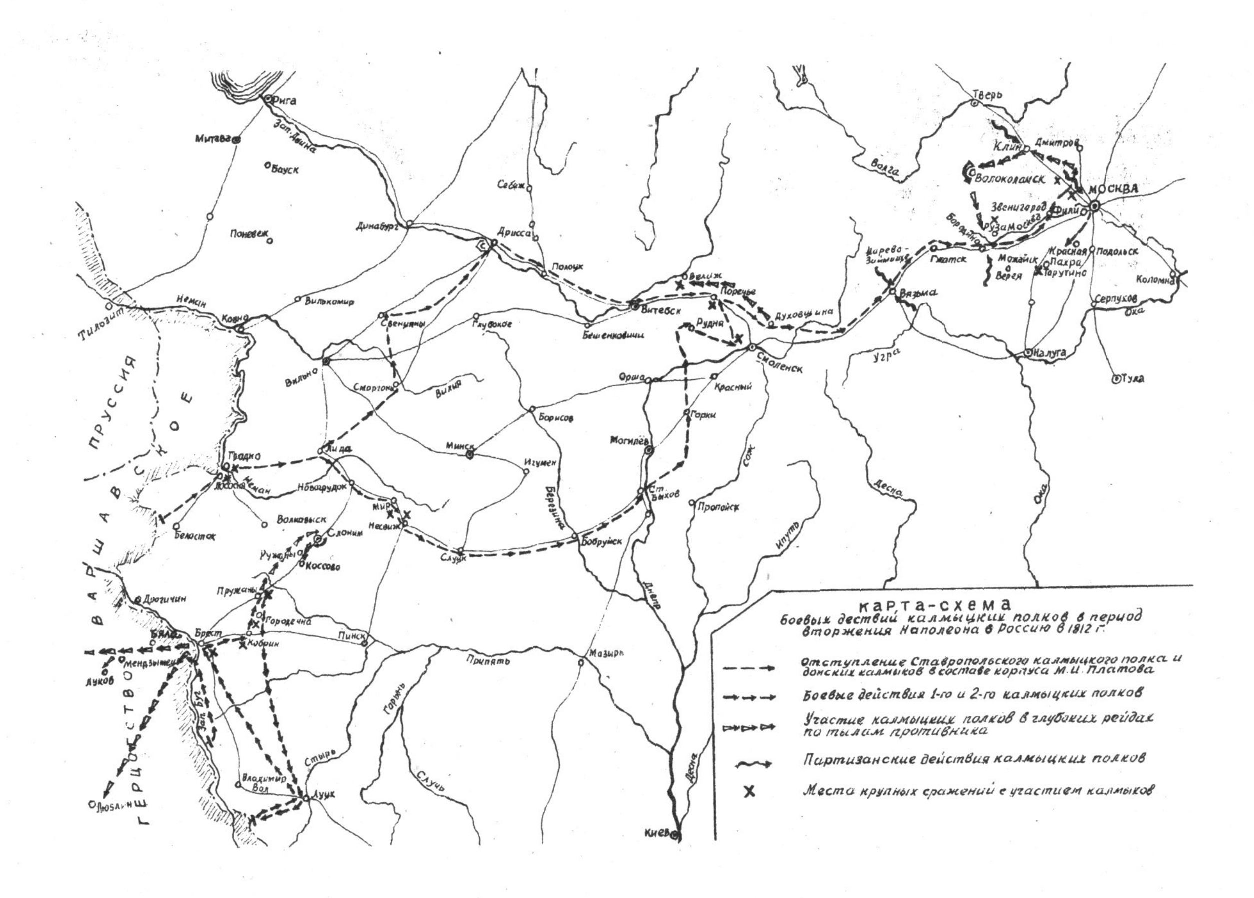
Карта-схема № 17

Основные черты дальнейшего плана войны были определены М.И. Кутузовым ещё накануне Бородинского сражения. Конкретный же стратегический план разгрома французской армии, исходивший из анализа создавшейся обстановки, учёта реальных сил и средств воюющих сторон, был разработан после совета в Филях. План содержал в себе наиболее рациональные способы и формы борьбы, с помощью которых русская армия добилась положительного для себя исхода войны в целом. Отличительная черта кутузовского плана заключалась в том, что он использовал широкую борьбу народных масс против Наполеона, содействуя их вооружению, чего так боялось дворянство во главе с Александром[74]. Кутузов по-новому определил и функции родов войск. В частности, в период подготовки контрнаступления большая часть иррегулярной и лёгкой кавалерии использовалась в "малой войне".

В "малой войне" иррегулярная (казачья, калмыцкая, башкирская, татарская) конница являлась ударной силой. Она была реорганизована в мелкие отряды и их действия были увязаны с действиями стихийных партизанских отрядов и народных ополчений. Однако, главные задачи сводились к нарушению связи войск Наполеона с тылом, к уничтожению обозов с продовольствием. Всё это вынуждало противника стягивать регулярные части для охраны своих коммуникаций. Неожиданные, стремительные налёты, массовое уничтожение живой силы противника подрывали моральный дух французских войск. В журнале военных действий отряда Чернышева отмечалось: "...казачьи партии, разделяясь во все стороны по следам неприятеля, несли ужас и опустошение..."[75]. Здесь же мы находим интересные замечания об особенностях действий армейских партизан. "Прежде всего (в прежних войнах – К.Ш.) партизанами называли малые отряды, поручаемые командующими офицерами для выполнения незначущего предприятия,– говорилось в журнале,– ...в нынешнюю кампанию они оказали величайшие заслуги, возымели совсем иное назначение, главный предмет их состоит в том, чтобы врезаясь в неприятельские операционные линии, пресекать на продолжительное время всякое сообщение; окружать неприятеля со всех сторон, открывать движение его, и таким образом, как бы ограждая нашу армию, обманывать неприятеля насчёт наших действий"[76], или, говоря словами Дениса Давыдова, "вырвать корень его существования"[77].

Соответственно изменилась и роль командиров этих отрядов. "Непомерная деятельность, присутствие духа, предусмотрительность и большое соображение требовалось от начальников сих летучих корпусов,– отмечалось в журнале,– и потому они вверяемы были достойнейшим офицерам...".

Итак, лёгкая казачья конница и национальные формирования, сведённые в летучие отряды, способствали осуществлению куту-

Карта-схема № 17

зовского плана контрнаступления. Именно такое содержание получили действия ранее упомянутого летучего отряда Винценгероде при непосредственном руководстве Кутузова.

С 7 по 19 августа казаками и солдатами этого отряда было взято в плен 710 неприятельских солдат и офицеров. Потери же отряда составили 30 человек. 29 августа увеличенный численно отряд Винценгероде был переименован в корпус. В последних числах августа корпус стоял на Звенигородской дороге, имея авангард из казаков и калмыков в с. Воронцово. 31 августа под давлением противника корпус вынужден был отступить от Звенигорода[78].

К началу сентября корпус Винценгероде состоял из 5 донских, Ставропольского калмыцкого, Перекопского конно-татарского, Казанского драгунского и Изюмского гусарского полков, а позднее был дополнен ещё 300 конными ратниками Тверского ополчения[79]. Калмыцкий полк Диомидия вёл ожесточённые бои под Москвой, а затем с корпусом Винценгероде был переброшен на охрану Петербургской, Ярославской, Владимирской дорог[80].

14 сентября калмыцкий полк вместе с главными силами корпуса двинулся к Клину с целью "предупредить неприятеля в случае его движения к Твери"[81]. После оставления Москвы, 27 сентября корпус получил приказ действовать на Тверской дороге. Винценгероде вновь собрал мелкие отряды и совершил рейд по тылам противника вначале к Волоколамску, а затем к Рузе. В этом рейде участвовал и Ставропольский калмыцкий полк. Участники рейда захватывали французские обозы с продовольствием, добывали ценные разведывательные данные. Наполеон вынужден был направить против корпуса часть войск Нея, действия которого не принесли желаемого результата. Летучий корпус одновременно участвовал в крупных боевых операциях. В первых числах октября калмыцкий полк в составе отряда участвовал в освобождении г. Рузы.

В своём донесении Кутузову от 10 сентября 1812 года Винценгероде просил отметить наградами урядников Ивана Бояртуева, Степана Лузаева, Андрея Домбаева, Фёдора Сахажаева, казаков Григория Кортиева, Ивана Санжаева, Алексея Кучелева, Сидора Шарапова, Василия Габунова, Ивана Болоша-Закбаева, Алексея Нимкуева, Алексея Чекаева, Осипа Бадмаева, Дмитрия Соломова, Ивана Хотапова, Николая Лаузанова, Ивана Нориева, Афанасия Аргабаева, отличившихся с 22 июля по 9 сентября 1812 года в боях против неприятеля[82].

За три недели с 14 сентября по 5 октября отрядами корпуса Винценгероде было захвачено в плен и отослано в Тверь 277 французов, в том числе 33 офицера.

Об эффективности действий армейских партизанских соединений свидетельствует письмо Бертье к Бесьеру из Москвы от 23 сентября 1812 г.: "Пять и шесть (!) сотен казаков, беспокоющих Московскую дорогу причинили нам много беды: они вырвали 15 зарядных ящиков и взяли в плен два маршевых эскадрона кавалерии, т.е. около 200 лошадей, из маршевой колонны генерала Ланюсса, неблагоразумно пустившего их на своём фланге...".

Ценой больших усилий, обусловленных объективными и субъективными трудностями, Кутузов осуществил основную задачу разгрома и уничтожения иностранных завоевателей.

Для перехода в контрнаступление надо было обеспечить численное превосходство русской армии. Эта задача Кутузовым была решена двумя путями: увеличением армии за счёт мобилизации новых резервов и методами "малой войны", в результате которой враг потерял 30 тысяч человек.

Период пребывания русской армии в Тарутине складывался из четырёх этапов и был насыщен планомерной, последовательной подготовкой контрнаступления[83]. 6 октября 1812 года под Тарутиным в результате внезапной атаки русских войск корпус Мюрата был разгромлен. В этом сражении отличился донской полк Сысоева 3-го, входивший в колонну генерала В.А. Орлова-Денисова на правом крыле русских войск. На рассвете 6 октября казаки нанесли внезапный удар по левому флангу противника. Смело и умело действовал на своём участке полк Сысоева 3-го. Одна из сотен полка, в составе которой находились казаки Манжиков и Шиханов, захватила 19 орудий противника со всей прислугой. Названные казаки-калмыки были награждены знаками военного ордена[84]. Поражение корпуса послужило толчком к спешному оставлению Москвы французами.

Теперь на очередь дня вставала задача уничтожения основной группировки противника путём стратегического окружения совместными силами всех русских армий.

В результате стремительного наступления русских войск, к 10 ноября главные силы Наполеона откатились к Толочину и Бобру, маршала Удино – к Логинице, Виктора – к Череповцу. Практически они оказывались в кольце русских войск. В этот период Ставропольский полк находился в составе отряда генерал-адъютанта Голинищева-Кутузова на правом фланге русских армий. Полный разгром французов был неминуем. Однако ошибка Чичагова позволила Наполеону вырваться со своей армией из "мешка".

После катастрофы французской армии на Березине калмыцкие конники в составе своих соединений продолжали успешное наступление на Запад, изгоняя агрессора с территории своей страны. В декабре 1812 года вся территория России была очищена от поработителей.

Конкретное участие донских калмыков в войне, их боевые подвиги подтверждаются весьма ценным документом из госархива Ростовской области. В 1836 году Калмыцким правлением был

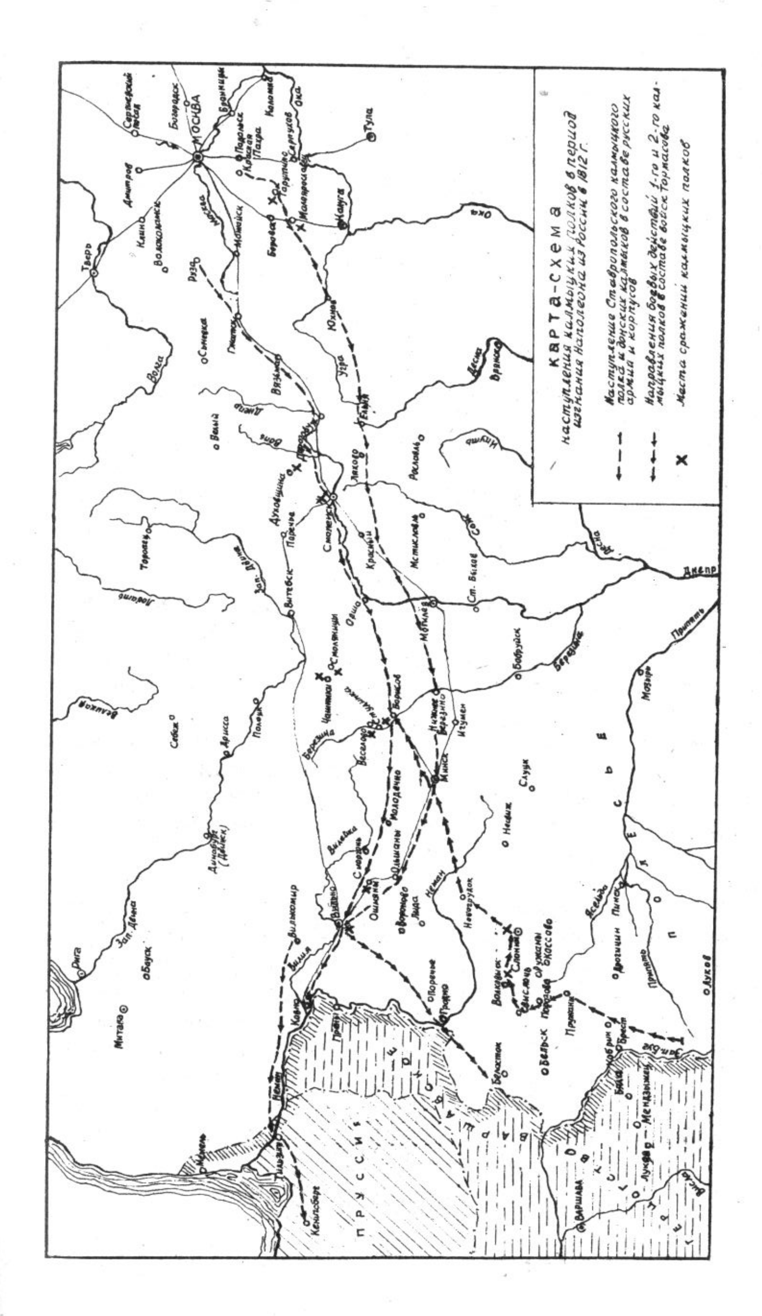
составлен список калмыкам-казакам, имеющим знаки отличия военного ордена Святой Анны. Награждённых этим орденом оказалось 15 человек, причём 12 из них получили указанную награду за различные подвиги в Отечественной войне 1812 г.[85]

На полях России были уничтожены основные, причём наиболее боеспособные силы французской армии, что позволило развернуться национально-освободительной борьбе порабощённых народов Западной Европы и в конечном итоге привело к краху наполеоновской системы национального угнетения[86]. Ф. Энгельс писал: "Уничтожение наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе"[87].

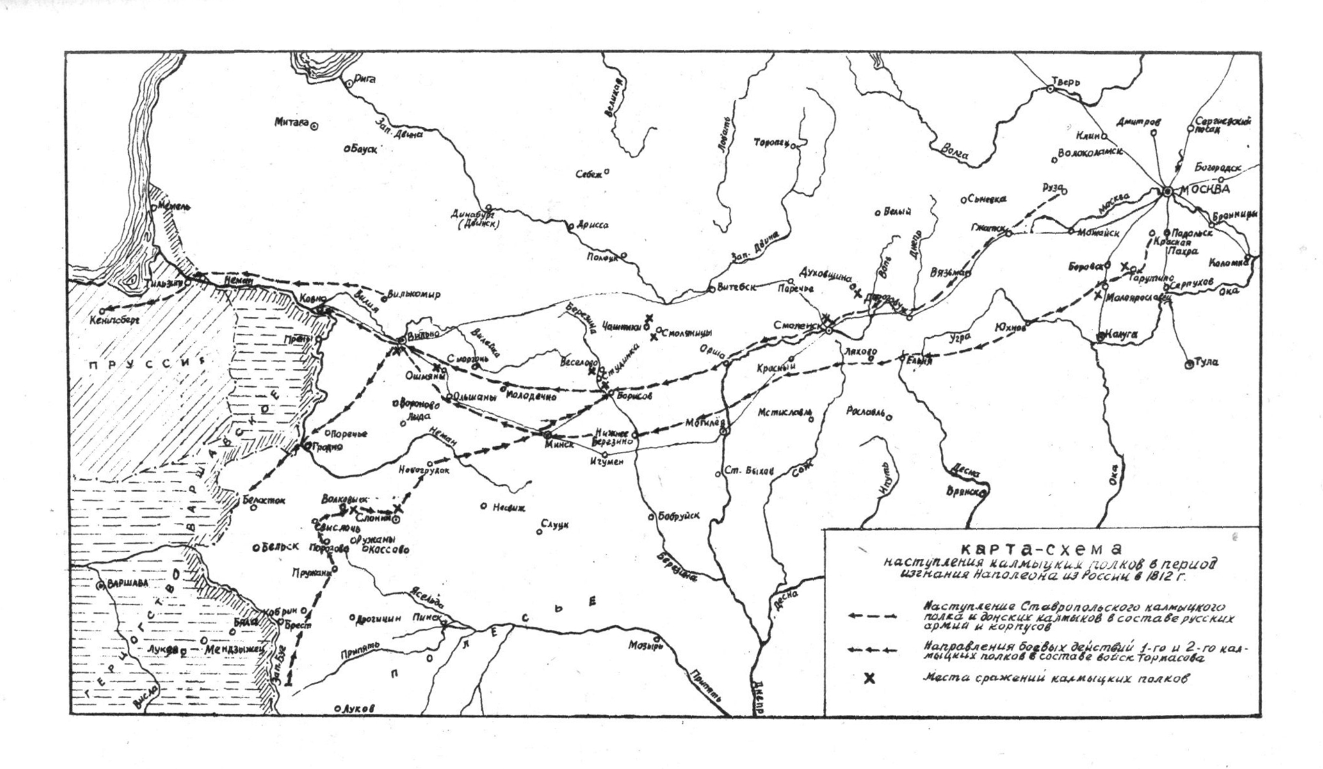
Победоносно завершив Отечественную войну 1812 г., Россия не помышляла прекращать борьбу с агрессором. Она преследовала цель освобождения западно-европейских стран от наполеоновского гнёта. Однако царское самодержавие было озабочено и своими корыстными интересами, связанными с захватом Польши и реставрацией старого монархического режима в самой Франции. В целом же война 1813 г. носила такой же национально-освободительный характер, как и Отечественная 1812 г.

Главная задача русской армии в начальный период войны состояла в том, чтобы нанести основной удар на правом фланге в направлении Кенигсберг-Данциг и вывести из войны Пруссию, а вспомогательный – на Полоцк и Варшаву с целью изоляции Австрии, которая в это время придерживалась нейтралитета[89]. Исходя из этой задачи, силы России были перестроены и сведены в Главную армию, армию Чичагова, корпус Витгенштейна, а также в отдельные корпуса Ф.В. Сакена и П.К. Эссена. "Русские войска,– писал Ф. Энгельс,– составляли основное ядро, вокруг которого лишь позднее сгруппировались пруссаки, австрийцы и остальные"[90].

В весенней кампании 1813 г. главный удар своих войск Наполеон направил на Дрезденский плацдарм, который являлся ключом к удержанию Нижней Эльбы. Союзное командование, также понимая значение Дрездена, выдвинуло свои войска навстречу французам. 20 апреля произошло первое сражение под Люценом. С 17 апреля по 9 мая, в период между Дрезденским и Бауценским сражениями Ставропольский казачий полк, находясь в летучем отряде генерал-майора Емануэля[91], участвовал в общем наступлении к г. Бауцену. Бои завязались на подступах к городу. Полк действовал на участках: 17 апреля – при селении Вейсиге, 18 – в боях у Штолпена, 8-9 мая – во взятии Бауцена. После его захвата полк был направлен для преследования отступавшего французского гарнизона. 11 мая, опередив противника, калмыки захватили переправу в селе Радмирц, 14 – навязали ему бой при селе Лаубане. 19-20 мая ставропольцы вместе с отрядом зашли в тыл и во

Карта-схема № 18

Карта-схема № 18

фланг французов и, нанеся им ощутимый удар, захватили большое количество пленных. За успешное выполнение приказов командования командир полка Диомидий был представлен к ордену Святой Анны 2-го класса, хорунжие Шарапов, Доржиев, Дандаров, урядники Беков и Ильцхиев – к этому же ордену 3-го класса.

Героически сражались в этих боях нижние чины и рядовые казаки полка. 29 человек были награждены знаками отличия военного ордена. Два старших урядника Андрей Шармаков и Лавр Анчуков в наградном документе характеризовались следующим образом: "Апреля 29 при селении Вейсих, 30-го около города Штолпен, мая 6-го при Нейкирхе, 8-го, 9-го при Бауцене оказали собой мужество и храбрость против неприятеля в сражениях... бросаясь наперёд со отчаянною храбростью поражали, ...побив многих на месте и немалое число в плен взяли". Три младших урядника Данила Дамбаев, Иван Нестеров, Козьма Сосоев со своими подчинёнными в боях при селениях Вейсих, Нейкирх, Наударих уничтожили 25 неприятельских солдат, захватили в плен 37 человек. Группа из 7 рядовых казаков (Самтинов, Бембеев, Эмгенов, Анчинов, Дамбаев, Соломов, Бурутов) 8 мая при Бауцене во время сильной атаки французской кавалерии бесстрашно бросились в гущу врага и отбили трёх своих урядников, побив при этом до 15 вражеских солдат. Другая группа казаков из 17 человек 9 мая при Бауцене во время "чрезвычайного неприятельского нападения на левый наш фланг", удерживая натиск на своём участке, уничтожила до 24 человек и захватила в плен двух офицеров и 50 рядовых[92].

Однако общий ход войны для союзников на данном плацдарме оказался неудачным. Из-за боязни прусского короля и русского царя использовать народные ополчения в сражениях, союзники оказались численно слабее французских войск. В результате союзные войска, потерпев поражение под Люценом и Бауценом, оставили Саксонию.

В декабре 1812 г. развернулось наступление крупной группировки русских войск (армия Чичагова, войска Витгенштейна, корпус Платова) против группы Мюрата и Макдональда в направлении Кенигсберг – Эльбинг – Торн. Во время этого наступления Ставропольский полк получил приказ преследовать одну из французских колонн. Навязывая беспрерывные стычки, калмыки шли по её пятам вплоть до Вильно. За период преследования полк захватил в плен 4 офицера и 220 французских солдат. За успешное выполнение поставленной задачи командир полка Диомидий и хорунжий Дандаров были представлены к наградам[93].

С 23 мая до 8 июля было заключено перемирие, и боевые действия возобновились в конце июля 1813 г. Время с 29 июля по 28 августа было особым периодом осенней кампании, главным

содержанием которого являлась борьба воюющих сторон за захват в свои руки стратегической инициативы. План Наполеона состоял в том, чтобы ударом на Берлин вывести из войны Пруссию (Австрия после этого отпадала сама), а затем вновь столкнуться лицом к лицу с Россией.

Калмыцкие и донские полки были распределены между тремя армиями – Богемской Шварценберга, Силезской Блюхера и Польской Беннигсена. В частности, Ставропольский полк в составе корпуса Ланжерона входил в Богемскую армию, а донские полки были разделены между двумя армиями[94].

В августовских боях Ставропольский полк находился на острие всех событий. 14-15 августа он участвовал в Дрезденском сражении. Богемская армия вынуждена была оставить Дрезденский плацдарм. Арьергардные части союзных войск с 21 августа по 4 сентября вели ожесточённые бои с противником. 28-29 августа Ставропольский полк участвовал в крупных столкновениях с французами при г. Ленбау и у д. Чокхире, 1-4 сентября, находясь в корпусе Ланжерона, продолжал отбивать атаки наполеоновских частей. Сражения были настолько ожесточёнными и упорными, что за полмесяца полк понёс большие потери в людской силе и конском составе (убито и ранено 13 человек, 34 лошади)[95].

В период относительного затишья осенней кампании союзники развернули малую войну.. В ней главную роль играл рейд Чернышева в Вестфалию. К рейду, проходившем во второй половине сентября, был подключен Ставропольский полк в составе отряда генерал-майора Езефовича в направлении г. Торгау и м. Шильда. Героический рейд отряда подробно был описан в рапорте генерала Корфа командиру корпуса Ланжерону. Из рапорта узнаём, что отряд Езефовича состоял из Киевского и Харьковского драгунских, Ставропольского казачьего полков и двух орудий донской конной артиллерии. Отряд выступил в поход 21 сентября и направился на Эльбу. А затем, двигаясь на Торгау, переправился ещё через реку Мульду в местечке Дибен и неожиданно наскочил на арьергардную дивизию противника. Стремительно навязанный неприятелю бой завершился блестящим успехом русского отряда, причём с захватом значительного числа пленных французов.

Продолжая рейд, на второй день отряд обнаружил сильно укреплённый лагерь противника в местечке Долич. В ходе завязавшегося боя, несмотря на самоотверженную оборону города доличским гарнизоном, отряд вынудил противника сложить оружие без каких-либо условий. В течение 23 сентября сдались русским ещё три укреплённых пункта в селениях Нидсне, Ципие и Заптице. За три дня отрядом были захвачены в плен 300 солдат, в том числе 4 офицера.

После занятия названных пунктов для отряда открылся прямой путь на г. Торгау. Уже в ночь на 24 сентября город был

окружён и правый фланг отряда вышел на Мейсенскую дорогу. Здесь русские захватили двух курьеров из главной квартиры Наполеона с секретным донесением. В нём приказывалось 3-му французскому корпусу генерала Сухама 24 сентября двинуться по Мейсенской дороге к Торгау и оттуда в Вурсуен. 25 сентября Езефович совершил бросок к г. Екленбург. На подступах к нему при деревне Кельгау располагалась крупная неприятельская пехотная часть из 1500 человек. Незамеченный противником, отряд всеми силами внезапно напал на французов и рассеял их. Затем, разведав подступы к городу, артиллерийским огнём частично разрушил оборонительные укрепления и в часовом бою выбил противника из города[96]. Достигнув 27 сентября Шильды, отряд обнаружил продвижение крупных колонн французской кавалерии, о чём немедленно было доложено корпусному командиру Сакену.

Между тем противник занял господствующие высоты у Шильды и начал угрожать левому флангу отряда, но к нему вовремя подоспело подкрепление. В завязавшейся схватке враг не выдержал натиска и с большими потерями отступил. 28 сентября Сакен отозвал отряд в расположение корпуса. За проявленные подвиги в ходе героического рейда сотник Медичев был повышен в чине, урядник Ширмаков получил орден Святой Анны 3-го класса. Характеризуя действия полка в недельном походе, Ланжерон писал: "На аванпостах и в ударах был примером храбрости и деятельности"[97].

Генеральным сражением кампании 1813 г. явилась "битва народов" под Лейпцигом, состоявшаяся 4-7 (16-19) октября. На поле брани с обеих сторон участвовало более полумиллиона солдат и ополченцев. В боях под Лейпцигом проявили героизм сыны донских калмыков. Казаки 2-й (Беляевской) сотни Верхнего улуса Имши Лузанов и Джембо Гицуль Неминов из донского полка Золотарёва за проявленные подвиги и захват в плен пяти французских солдат были награждены орденом Св. Анны 3-го класса[98].

К концу 1813 г. территория Германии была освобождена полностью, немецкий народ с помощью русской армии приобрёл свободу и независимость от чужеземного ига.

Освобождение Германии не принесло мира с Наполеоном, который всё ещё надеялся на чудодейственные обстоятельства и стремился выиграть войну. Россия вместе с Пруссией требовала от союзных Австрии и Англии окончательного разгрома Франции и утверждения легитимизма не только во Франции, но и во всей Европе. Война была продолжена.

20 декабря 1813 г. началось общее наступление войск союзников. Наполеон предпринимал отчаянные попытки задержать форсирование союзными войсками Рейна и не допустить их на свою территорию. Однако высокий моральный дух российского воинства и объединённые силы союзников уже предопределили исход

Бивак казаков в Гамбурге.
С гравюры по рисунку с натуры Хр. Зур, 1813 г.

войны. Наступал последний час расплаты агрессором, принесшим неисчислимые беды и страдания народам России. Донские и ставропольские калмыки-казаки со своими полками в составе корпуса Сакена форсировали Рейн у Мангейма.

После декабрьских боёв на территории Силезии генерал Ланжерон представил к наградам 956 нижних чинов, в том числе 2 человек из Ставропольского полка. Из атаманского полка М.И. Платова удостаивались орденов 10 рядовых казаков, два из которых были донские калмыки Манджик Чульчинов и Степан Насонов[99].

Перед наступлением на Париж русские войска численностью в 280 тыс. солдат были распределены по всем пяти армиям союзников. Они представляли собой самую боеспособную часть этих соединений. Из расписания русских войск на 1814 г. видно, что 12 донских полков были поровну распределены между 3-м и 4-м корпусами. В последний вошёл также Ставропольский полк[100].

С 12 марта союзники силами двух армий из окрестностей Витри развернули наступление на Париж. Однако Наполеон сосредоточил крупные силы в составе двух отрядов – Мармона из 22 тысяч и Пакто в 6 тысяч солдат при Фершампенуазе. Уже сам факт сосредоточения почти 30-тысячной группировки на подступах к столице Франции говорил о решающем значении этого стратегического пункта для дальнейшей судьбы войны 1814 г. С севера сюда наступала Силезская армия Блюхера, южнее двигалась Главная армия союзников. На участке продвижения Силезской армии первым столкнулся с противником авангард русского корпуса Ланжерона, состоявший из лёгкой конницы под командой Корфа, в том числе 2-го и Ставропольского калмыцких полков. Затем основные силы Ланжерона окружили отряд Пакто и принудили его сложить оружие. Время наиболее ожесточённых боёв у Фершампенуаза падает на 12-14марта. Ланжерон дал высокую оценку действиям Ставропольского полка и особенно восхищался героизмом воинов сотни есаула Медичева. Эта сотня находилась в непосредственном подчинении командира корпуса и исполняла самые важные его поручения во время боя. Самого Медичева Ланжерон характеризовал так: "...показал великое рвение к службе храбростью и мужеством и во время атаки на неприятельские колонны находился неотлучно при мне, стараясь примером своим поощрять нижних чинов к храбрости и неустрашимости". Медичев заслуженно удостоился ордена Святого Владимира 4 класса[101].

Героически исполнял свой боевой долг в февральских и мартовских боях донской казачий полк Денисова 7-го, входивший в состав 2-го кавалерийского корпуса генерала Орурка. Лучшие 59 казаков полка были награждены знаком отличия военного ордена и среди них донские калмыки Сарап (Шарап – К.Ш.) Цебеков и Чурюм Харцымнов[102].

Общие потери французов при Фершампенуазе составили 11 тысяч человек, 80 пушек, 200 ящиков боеприпасов, почти весь обоз. По итогам сражения командование справедливо отмечало, что основную лепту в эту важную победу внесла русская кавалерия. Так, П. Андрианов, автор книги о последних боевых событиях 1814 г., писал: "В бою во всей красе сказалась доблесть русской конницы, действовавшей быстро, стремительно, ошеломляюще, не останавливающейся перед дождём смертоносных пуль, перед градом картечи"[103].

Заключительным актом войны 1812-1814 гг. с наполеоновской Францией являлось сражение под Парижем и его захват союзными войсками. Как же выглядели диспозиции обеих сражающихся сторон?

Париж прикрывался выгодными для обороны высотами: Роменвиль и Бельвиль с восточной стороны и Монмартр с северной, которые являлись главными бастионами обороны. Для защиты своей столицы французы смогли мобилизовать 45 тысяч человек: корпуса Мармона и Мортье, лучшие силы гвардейских и армейских полков, национальную гвардию. Обороной руководил брат Наполеона король Иосиф.

Для штурма цитадели Франции союзники сосредоточили 100-тысячное войско в составе двух армий – Главной и Силезской. Корпус Ланжерона из Силезской армии, в составе которого находились 2-й калмыцкий, Ставропольский и часть донских полков, 18 марта в 5 часов утра начал штурм крутых склонов Монмартрских высот и к концу дня сломил сопротивление французов.

Спустя много лет участник штурма Парижа, поэт, декабрист Ф.Н. Глинка, создавший цикл стихотворений, песен и записок об Отечественной войне 1812 г., с гордостью напишет:

> Я видел, как коня степного
> На Сену пить водил калмык,
> И в тюльери у часового
> Сиял, как дома, русский штык[104].

Однако, с падением Парижа для Ставропольского калмыцкого полка война ещё не окончилась. В апреле 1814 г. союзным командованием был скомплектован крупный отряд для ликвидации гарнизона не сдавшейся пограничной крепости Майнца. Отряд был составлен из 5-го германского корпуса и частей русской армии: лёгкой артиллерийской роты № 32, части донской артиллерийской роты № 2, донских казачьих полков Исаева 2-го, Ежова 2-го, Ставропольского калмыцкого полка Даржаева[105], сотни 1 тептярского полка есаула Сагитова и других под общим руководством герцога Саксен-Кобургского[106].

С самого начала осады этой крепости блокадные войска не ставили перед собой цели немедленного штурма, чтобы любыми

Бивак казаков в Елисейских полях.
С офорта по рисунку с натуры Г. Ониц, 1814 г.

средствами захватить её, наоборот, стремились затяжной осадой принудить гарнизон сдаться. Но противник предпринимал неоднократные попытки прорвать оборону и вырваться из блокады. В одной из таких вылазок французов на участке сотни Ставропольского полка калмыки проявили "себя особенным мужеством и храбростью", за что командир сотни хорунжий Батырев был представлен Саксеном-Кобургским к награде орденом Св. Анны 3-го класса[107].

Командование требовало от командиров частей бдительности, соблюдения неукоснительной дисциплины, сохранения жизни не только воинского контингента, но и конского состава, целости войскового имущества. Из докладной записки Барклая де-Толли Александру 1 видно, что эти требования выполнялись исправно. В частности, по ходатайству Саксен-Кобургского 4 мая 1814 г. Барклай де-Толли представил к наградам наряду с другими командирами есаула Даржаева, возглавлявшего в то время Ставропольский полк и бригадного командира подполковника Диомидия. Царь поставил на докладной записке резолюцию – "благоволение"[108].

Итак, долгий и чрезвычайно трудный боевой путь русской армии от стен Москвы до Парижа увенчался справедливой победой славных российских богатырей. Овеянные славой многих победных сражений боевые знамёна Наполеона были повергнуты к ногам российских, немецких, австрийских, польских, английских и шведских солдат. 30 мая 1814 г. был подписан Парижский договор, которым определялся вывод союзных войск с территории Франции. Казачьи полки и национальные формирования русской армии возвращались на родину в организованном порядке.

Калмыки-казаки в последующих войнах XIX в.

После войны с Францией Россия вновь вернулась к реализации задач по колонизации Кавказа. Она затеяла войны с Персией (1826-1828 гг.) и Турцией (1828-1829 гг.), участвовала в Крымской войне 1853-1856 гг.

Как и прежде, участниками этих войн были калмыки-казаки, но теперь главным образом донские. Это было связано с тем, что эти военные кампании не требовали привлечения большой массы войск, и остальные казачьи войска использовались в основном на кордонной и внутренней службе.

Конец первых двух десятилетий XIX в. в кавказской политике России ознаменовался продолжением колонизации Чечни и Дагестана. Весной и летом 1818 г. здесь были заложены новые крепости – Грозная и Внезапная, опорные пункты Российской империи на Северном Кавказе. Царское правительство усиленно наращивало военные силы в этом регионе. Все эти меры явились причиной активи-

зации сопротивления со стороны партий антирусской ориентации, подогреваемых правительствами соседних Персии и Турции.

В середине апреля 1818 г. в станице Червлёной был скомплектован экспедиционный отряд из 6 батальонов егерских и пехотных полков, 6 батарей, 8 лёгких и 6 конных орудий, а также 400 линейных и донских казаков. Вскоре отряд начал карательную акцию в восточной части Кавказа. Упорное сопротивление русским войскам оказывали чеченцы. Против них был наряжен отдельный крупный отряд во главе с генералом-майором Сысоевым 3-м. В труднейших условиях отряд штурмом овладел качалыковским селением Дадан-Юрт. Горцы защищались с отчаянием. В плен попадали только женщины и дети, но и те с кинжалами бросались на солдат[109]. Трудно осудить столь самоотверженную борьбу горских народов, ибо они отстаивали свою независимость.

После истребления селения Дадан-Юрт в конце сентября командующий отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии А.П. Ермолов приказал Сысоеву со своим полком, батальоном 16-го егерского полка и прибывшим недавно из России Куринским полком следовать в крепость Грозную и оттуда провести карательную акцию по р. Сунже. С целью дезориентации чеченских вооружённых групп часть отряда Сысоев направил вверх по реке, а сам с главными силами на рассвете прошёл через селение Хан-Калу и вышел на равнину, где находились хлеб и сено, заготовленные на зиму. Всё это было сожжено, ибо уничтожением жизненно важных запасов продовольствия и корма для скота ставилась задача ослабить борющееся население и привести его к покорности. Безусловно, методы и формы для достижения своих целей царизм применял самые жестокие и изощрённые.

Сопротивление чеченцев было настолько упорным, что в столкновениях с ними потери отряда были велики: убито 2 солдата, ранены среди казаков 1 обер-офицер, 10 нижних чинов[110]. Пройдя через качкалыковские селения, рассеяв вооружённые партии горцев, 30 сентября отряд Сысоева вернулся в крепость Грозную[111].

Где бы не служил Сысоев 3-й, его всегда высоко ценило командование, уважали и любили подчинённые, о чём свидетельствовал, в частности, приказ А.П. Ермолова по войскам в Грузии от 22 августа 1818 г. "Дошло до сведения моего,— говорилось в приказе,— что июля на 15 число , в ночи, хищническая из Ахалцыкского пошалыка партия осмелилась из самого лагеря донского майора Балабина полка отогнать девять казачьих лошадей. Происшествие сие утверждает сделанные мною замечания на счёт оплошной и чести войску не приносящей службы донских казаков в Грузии. Одна деятельность и неусыпное старание начальствующаго ими генерала-майора Сысоева 3-го могла удержать их в некотором порядке, но лишь я отозвал его из Грузии к другом по службе

назначению, не узнаю я казаков, и у самых хищников, известных трусостию впали они в неуважение и терпят от них поносные поручения"[112].

На следующий год поднялась новая волна сопротивления в Дагестане и Чечне. Её возглавил Сурхай-хан, стремившийся объединить все разрозненные выступления горских народов против натиска Российской империи. Центром антироссийского сопротивления стали предводители воинственного акушинского народа. Нарастающее движение распространилось вплоть до кумыкских земель и андреевцев, которые считались наиболее благонадёжными районами на Кавказе. Сильное сопротивление российским властям оказывали снова чеченцы. В этих условиях перед Ермоловым стояла задача до прихода дополнительных войск из России воспрепятствовать объединению горцев. В начале июля 1819 г. он объединил свой корпус с отрядом генерал-майора Вельяминова, и общая численность войск достигла 6 тысяч солдат при 22 орудиях. В августе в спешном порядке достраивали крепость Внезапную. Между тем, обстановка в Дагестане накалялась. Пророссийски настроенный шамхал Тарковский с тревогой доносил Ермолову, "что акушинцы возмутили его владения и грозят изгнать его из Тарки". Генерал Сысоев вновь был направлен в труднейшие точки театра борьбы[113].

Рассмотрев всего лишь отдельные эпизоды колонизации Кавказа Россией, связанные с участием в ней калмыков-казаков и калмыцкого генерала Сысоева 3-го, следует отметить, что процесс присоединения Кавказа и Закавказья к Российской империи был далеко не добровольным актом. Этот процесс осуществлялся, как свидетельствуют приведённые факты, различными средствами: от мирных дипломатических приёмов до жестоких, а порой варварских методов подавления сопротивления народов с помощью регулярной армии и казачьих войск.

В первой половине 20-х годов шахский Иран стремился вновь вернуть под свою власть азербайджанские ханства, в чём он получил поддержку со стороны Турции и Англии. Как бы продолжением русско-персидской войны явилась русско-турецкая. Военные события начались в середине июля 1826 г. Россия располагала в этой войне только одним отдельным Кавказским корпусом, куда входили и 16 казачьих полков.

Согласно расписанию, составленному в 1827 г. для открытия военных действий против Персии, корпус был разделён на отряды. Главный отряд состоял из 14 батальонов, 6 эскадронов, 4 донских полков Иловайского, Сергеева, Андреева, Леонова с общим числом казаков в 1945 человек, 5 артиллерийских рот из 52 орудий. Резервом главного отряда служили 8 батальонов, набранных из 4 пехотных полков, 24 эскадрона 2-й уланской дивизии, 2 полка Черно-

морского войска, 2 донских полка Шамшова и Карпова (950 казаков) и 24 орудия.

В Карабахе дислоцировался вспомогательный отряд, состоявший из 8 батальонов, трёх донских полков Костина, Победнова и Грекова (1469 казаков), 24 орудий. Для охраны Шуши были оставлены 2 батальона. Были созданы ещё два отдельных отряда – Дагестанский и Кахетинский: в первый входили 8 батальонов, донской полк Семеюгикова (444 человека), 18 орудий; во второй – 2 батальона, донской полк Кутейникова (543 человека), 6 орудий.

Часть Кавказского корпуса была оставлена в Грузии. Здесь находились 6 батальонов, 19 рот, 16 орудий, 4 казачьих полка. В частности, полк Ребрикова был размещён в Имеретии, Мингрелии и Гургии (531 казак), полк Сысоева 3-го – в Карталинии и на Военно-грузинской дороге (432 казака), Фомина – на турецкой границе (560 человек) и сборный линейный полк размещался в Тифлисе (144 человека)[114].

Сотни донских калмыков находились в этих полках. Например, более 200 калмыков-казаков вошли в состав двух донских полков Каргина 1-го, Гринёва 17-го и воевали в 1827-1829 гг. на территории Грузии и Молдавии. За проявленные подвиги в боях (лишь по известным нам документам) 6 человек были награждены серебряными медалями, а казак 4 сотни (Багуда амиг) Верхнего улуса Мунджиган Налайнов удостоился ордена Святого Георгия[115].

Поголовная мобилизация донских казаков, в том числе калмыков, была проведена в период Крымской войны 1853-1856 гг. За четыре года было скомплектовано 87 конных полков, 14 конно-артиллерийских батарей[116]. По данным на 1 января 1856 г. донские формирования пополнили почти все действующие армии и корпуса, а также воинские части в других регионах России. 12 донских полков (№№ 9, 22, 37, 42, 53, 55, 56, 57, 60, 61, 65, 67) были включены в состав Западной и Средней армий, 10 полков (№№ 51, 59, 62, 36, 41, 48, 49, 52, 54, 58) пополнили Южную армию и находились в Крыму, ещё вновь сформированные 9 полков (№№ 66, 88, 70, 71, 73, 76, 78, 79, 81) были направлены во все армии, действующие на театре войны. 30 полков были включены в состав отдельного Кавказского корпуса. Кроме того, 3 полка были командированы в Финляндию, 2 – в Эстляндию и Лифляндию[117].

В течение 1853-1854 гг. было мобилизовано около 600 донских калмыков, включённых в состав 13 полков: уже известных № 9 (Фомина), 22 (Валуева), 37 (Шапошникова), 42 (Ульнова), 53 (Колдурова), 55 (Филина), 56 (Золотарёва), 57 (Тацына), 60 (Надрубовского), 61 (графа Орлова–Денисова), 62 (Зарубина), 65 (Попова), 67 (Маркова).[118].

К 1855 г. в составе армии А.С. Меншикова сражалось 27 казачьих сотен, из которых 9 сотен были оставлены в Севастополе,

18 сотен казаков вошли в отряд генерала Хомутова для обороны Феодосии и Керчи[119]. Казачьи полки под командованием генерал-лейтенанта Краснова не дали противнику высадиться в Азове, Ейске, Таганроге, Мариуполе, Бердянске[120].

Немного сохранилось документов, которые свидетельствовали бы об участниках войны из калмыцких сотен на Дону. Найдено всего два документа, где упоминаются конкретные имена. Например, Шавиль Санжинов, Кичик Андриянов, Нахошка Марсонкин из 3 сотни (Багуд), Узюмче Абушинов из 4 (Ики-Бурульской), Церен Манжиков и Буха Уланов 1 (Зюнгарской) сотен Нижнего улуса состояли в 61 полку графа Орлова-Денисова и сражались у аулов Сабай, Курло-Кавчак, Мудбебен и Багай с передовым турецким отрядом, вышедшим из Авпатории. Макар Манжиков из 4-й (Ики-Бурульской) сотни того же улуса 5 лет находился в составе 4-го полка и участвовал в Крымской войне. За проявленные подвиги в боях был награждён орденом Св. Георгия, бронзовой медалью на Георгиевской ленте, учреждённой специально для этой войны. Вернулся он домой только в 1858 г.[121]. Георгиевскими кавалерами стали казаки Гуче Басанов из 2 (Беляевской) сотни Верхнего улуса и Габун Чурюмов из 4 (Ики-Бурульской) сотни Нижнего улуса[122].

К июню 1857 г. часть донских полков была демобилизована, а в ноябре войсковое дежурство затребовало от Калмыцкого правления составить на всех участников прошедшей войны формулярные списки для награждения[123].

Войны уносили массу жизней калмыков-казаков, о чём говорят списки вдов и детей-сирот, отцы и мужья которых погибли или умерли от ран за 1853-1854 гг. Нам удалось обнаружить в Госархиве Ростовской области такой документ только по трём сотням Нижнего улуса. В список занесены фамилии 22 калмыков-казаков. Например, во 2-й сотне (Бокшракна амиг) осиротели 11 семей: Бютсюна Джамбинова, Басана Харцыгинова, Мукекена Дарпикова, Мукубена Джамбинова, Мукекена Альчинова, Полина Лузанова, Бадмы Цебдинова, Манжика Басанова, Мухнука Ематинова, Ульче Перликова, Хора Куюкинова[124].

В первой половине 60-х годов казачьи войска широко использовались на Кавказе. Немало донских полков, а в них калмыков-казаков, вновь участвовали в колонизации Чечни и Горного Дагестана. Так, в августе 1867 г. в Калмыцкое правление было доставлено 8 медалей с лентами для награждения калмыков 49-го полка, принявших участие в этих акциях[125].

По данным 1866 г. на полевой службе находилось 874 калмыка, из которых около 400 были командированы за пределы Донской земли, в частности в Польшу и Грузию[126].

Урядник 2-го Донского казачьего полка Егор Басанов (ст. Денисовская, слева). 1905 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновению калмыцких казачьих поселений способствовал ряд факторов, определявший внутреннее состояние Калмыцкого ханства и его военно-политическое положение в Российском государстве. Калмыцкое общество во второй половине XVII в. раздирала непримиримая конфронтация между ведущими тайшами за лидерство и подчинение себе более слабых владельцев, в конечном итоге переходившая в борьбу за ханский престол. А это, в свою очередь, порождало сепаратизм многих улусов и приводило некоторых из них к обособлению от ханства. До XVIII в. правительство России не заинтересовано было иметь на окраине государства сильное, независимое военно-феодальное образование. Оно всячески способствовало развитию центробежных тенденций в вассальном ханстве, что вело к его ослаблению. В этих целях царизм использовал различные рычаги. Одним из них являлась миссионерская деятельность православной церкви по вовлечению калмыков в христианство, которая завершилась их обособлением от основной массы сородичей. С другой стороны, всячески поощрялось центральными властями причисление многих калмыцких групп в состав казачества. Начавшемуся процессу благоприятствовали исторически сложившиеся условия: налаживание дружеских калмыцко-казачьих связей на основе общей борьбы против враждебных России народов, предоставление отделившимся калмыцким группам правительственными и казачьими администрациями обширных территорий для кочёвок. В итоге в течение последней трети XVII и в XVIII веках возникло 10 калмыцких казачьих поселений на Урале, Средней и Нижней Волге, в Слободской Украине, на Дону, Днепре и Тереке с общей численностью населения к концу XIX в. около 40 тысяч человек.

Центральные правительственные ведомства через местные казачьи власти проводили в калмыцких поселениях политику ассимиляции, которая составляла главную цель процесса оказачивания кочевников. Следует отметить, что реализация этой идеи происходила целенаправленно, постепенно и весьма продуманно. Здесь учитывались и степень сопротивления со стороны самих

калмыков, и численный состав тех или других калмыцких групп, и реальные возможности различных казачьих войск.

XVIII столетие являлось временем значительных перемен в организации власти и управления в существовавших и вновь возникавших казачьих войсках. В русле этих преобразований осуществлялись социально-политические и экономические изменения в жизни калмыков-казаков.

На калмыцкие казачьи поселения постепенно распространялось общеказачье устройство, которое с 20-х годов XVIII в. само всё больше подчинялось государственным военным ведомствам, и этим путём калмыки-казаки приобщались к общеимперским порядкам. Однако казачьи администрации, особенно в Донском и Ставропольском калмыцком войсках, старались создать видимость сохранения национальных традиций в калмыцких поселениях. Но с введением в 1877 г. станичного правления в Калмыцком кочевье на Дону окончательно были ликвидированы даже внешние признаки национальных особенностей в устройстве. В 1884 г. Калмыцкий округ здесь был упразднён и на базе его учреждён Сальский округ. В других же поселениях, которые в численном отношении далеко уступали донскому, эти процессы были завершены ещё в первой половине XIX в.

В сфере хозяйственной деятельности калмыков-казаков настойчиво осуществлялся перевод их от кочевого скотоводства к земледелию, и они в конечном итоге превратились из кочевников в оседлое население. Вначале калмыцкое население приобщалось к сенокошению, что способствовало интенсификации животноводческого хозяйства. Донские калмыки стали внедрять специализацию во все отрасли скотоводства: в коневодческом деле преобладало разведение верховых лошадей для кавалерии; развитие крупного рогатого скота было ориентировано на выращивание рабочих волов для продажи; основой овцеводства стала мериносная порода овцы. В целом калмыцкое животноводство на Дону ориентировалось на рынок, что обусловило превращение его в товарное производство.

Крайне медленно, но довольно уверенно в жизнь калмыков-казаков проникало земледелие. К концу XVIII в. оно составляло основу хозяйства чугуевских калмыков. К 40-м годам XIX в. к хлебопашеству перешли все оренбургские калмыки. У донских калмыков этот процесс завершился к 80-м годам столетия. Оседлость стала главной чертой жизни калмыков-казаков.

Если социально-политическое развитие и складывавшийся хозяйственный уклад в калмыцких поселениях способствовали ассимиляционным процессам, то духовно-культурная сфера калмыков-казаков (национальные традиции, язык, религия, культура, нравственные устои и психический склад) являлась важнейшим показателем того, чтобы их с полным основанием считать частью калмыцкой народности.

Военная служба была главной обязанностью калмыков-казаков. Она подразделялась на пограничную, внутреннюю и полевую. Во второй половине XVII-первой половине XVIII в. государство испытывало острую потребность в охране растянувшихся границ в Предкавказье, на юго-востоке и в Сибири. К этому опасному и трудному делу активно привлекались состоявшие в казачестве калмыки, имевшие для этого природные способности. Военные специалисты прошлых веков, характеризуя боевые качества калмыцкого воина, подчёркивали великолепное зрение, способное за несколько километров определить небольшие объекты; удивительный слух, улавливающий на большом расстоянии движение неприятельских войск; прекрасную способность ориентироваться на местности в любое время суток, даже в непогоду; непревзойдённую выносливость, филигранную технику владения холодным оружием.

Другим видом службы являлась внутренняя, состоявшая из различных видов нарядов (обеспечение охраны в тюрьмах, общественных заведений; сопровождение различного транспорта; обеспечение карантинных постов и т.д.). На эту службу привлекались калмыки всех казачьих войск.

Калмыцкие казачьи части в массовом порядке призывались на театр военных действий. Многочисленные войны второй половины XVII-XIX столетий носили различный характер: среди них были захватнические, но в большинстве своём они являлись справедливыми. Однако, какой бы характер они не носили, все были связаны с массовыми жертвами людей, гигантскими материальными затратами и разрушениями человеческого творения, обнищанием народов, ростом всё нового числа сирот, вдов. В силу своего положения калмыцкие казачьи поселения были втянуты в 12 крупных войн России.

Несмотря на сравнительную малочисленность, калмыки-казаки выдвинули из своих рядов сотни талантливых командиров, вплоть до генералов. В их числе были командиры корпусов и отдельных армий.

Начало 90-х годов XX в. является временем возрождения казачества России. Краткие, но ёмкие по смыслу слова великого русского писателя Л.Н. Толстого "казаки сделали Россию" – вновь приобрели историческую актуальность. Да, ценой величайших усилий, ценой сотен тысяч человеческих жизней казачество создавало великую Российскую державу. Этот святой долг был немыслим при отсутствии любви к Отечеству, без сыновней преданности своему народу. Для этого воину нужны были присутствие рыцарского духа, врождённый воинский талант, мужество и смелость. Всё это было присуще казакам. В лучах ратной славы казачества сияют и искры, высеченные победным оружием калмыков-казаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Пронштейн А.П. Войско Донское накануне Булавинского восстания.– Вопросы военной истории России XVIII и перв. пол. XIX в. М., 1969.– С. 315-316.

2. *Нефедьев Н.А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранного на месте. СПб., 1834.– С. 56.

3. *Ку-м А.К.* Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле войска Донского.– Северный Архив. 1824. № 6.

4. Там же.– С. 304-305.

5. *Крылов А.Л.* Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта.– Донские епархиальные ведомоти.– 1873. №№ 12, 14, 16, 18.

6. Там же.– С. 403.

7. *Л-н.* Быт донских калмыков.– Экономический журнал, издаваемый под редакцией А.П. Субботина. Книжка первая. СПб., 1890.

8. *Маслаковец Н.А.* Статистическое описание кочевья донских калмыков.– Труды области войска Донского Статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874.

9. *Браиловский С., Немцов Н.* Из поездки к донским калмыкам.– Исторический вестник. № 86. Новочеркасск, 1901.

10. *Павловский С.* Краткие сведения о донских калмыках.– Донские епархиальные ведомости. № 36. 1911.

11. *Сурожский П.* Донские калмыки. Очерк. Новочеркасск, 1912.

12. *Попов И.И.* Донские калмыки-казаки.– Очерки географии Всевеликого войска Донского. Издание отдела народного просвещения Всевеликого войска Донского. 1918.

13. *Броневский В.* Описание Донской земли, нравов и обычаев жителей, Ч. 1. СПб., 1834.

14. *Номикосов С.* Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884.

15. К биографии В.Д. Сухорукова. Письма к Строеву.– Сборник Области войска Донского Статистического комитета. Вып. 1. 1901.– С. 47; Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Из-во Ростовского университета, 1961.– С. 8.

16. *Броневский В.* Указ. соч.– С. 69.

17. *Гумелевский Ф.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 4,5. Харьков, 1857-1859.

18. *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.

19. Там же.– С. 530.

20. *Рычков П.И.* Топография Оренбургская. СПб., 1762.

21. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Историческая монография. Вып. III. Казань, 1891.

22. Там же.– С. 534.

23. Там же.– С. 536.

24. *Казин В.Х.* Казачьи войска. Справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912.

25. *Чуйкевич П.* Подвиги казаков в Пруссии. С планами театра кампании 1807 года и многими любопытными анекдотами. СПб., 1810.

26. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.

27. Краткая историческая записка об участии Оренбургских казаков в Отечественной войне 1812-1814 годов с Наполеоном. Оренбург, 1912.

28. *Прозрителев Г.Н.* Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года.– Труды Ставропольской учёной архиграфической комиссии. Вып. III. Ставрополь, 1912.

29. *Небольсин П.* Несколько замечаний об уральских казаках.– Вестник императорского русского географического общества за 1854 год. Книжка VI. СПб., 1855.

30. *Рябинин А.* Уральское казачье войско. Ч. 1.– Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1866.

31. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии. М., 1857.

32. *Жуковский И.* Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 гг. Оренбург, 1832.

33. *Рязанов А.Ф.* Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928.

34. Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах с 10 картами. Т. 1. Уральск, 1891.

35. *Хорошихин Н.* Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881.

36. *Бирюков И.А.* История Астраханского казачьего войска. Саратов, 1911.

37. *Костенков К.И.* Калмыки Моздокского казачьего полка.– Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань, 1869.; Бентковский И.В. Моздокские так называемые крещёные калмыки.– Ставропольские губернские ведомости. 1880. №№ 35, 38, 42; Губанов Ч. Очерк жизни калмыков на Тереке.– Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901; Бурдуков Н.Ф. Митричин кристен (терские калмыки 1777-1905 гг.). СПб., 1906; Суровицкий. Крещёные калмыки в Терской области.– Труды Ставропольской учёной архграфической комиссии. Ставрополь, 1911.

38. *Бурдуков Н.Ф.* Указ. соч.– С. 15.

39. *Губанов Ч.* Указ. соч.– С. 154.

40. *Никольский А.И.* Главное управление казачьих войск (Исторический очерк),– Столетие военного министерства. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902; Борисевич А.Т. Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск.– Столетие военного министерства. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. СПб., 1902.

41. *Bruckner.* Russische Aktenstucke zur Geschichte des Jahres 1756.– Baltische Monatsschrift. 1872; Die Kosaken oder historische Darstellung ihrer Sitten, Gebrauche, Kleidung, Waffen und Art Krieg zu fuhren. Cpt., 1779; Zesur M. Histoire des Kosaques. Vol. I-II. Paris, 1814; Macneal R.H. Tsar and Cossack, 1855-1914. Oxford, Macmillan, 1987; Rawita-Gawronski Fr. Bohdan Chmelnicki. Vol. I. Lwow, 1906;Springer A. Die Kosaken, deren historische Entwicklung, gegenwartige Organisation, Kriegstatugkeit und nummerische Starke. Leitmeriz, 1877; Stein F. V. Die russische Kosaken-Heeren. Nach dem Werke des Obersten Chozoschin und anderen Quellen. Lotha, 1883. Erganzungsheft, № 71 zu Petermmans Mitteilungen; Thr, von Tettau. Die Kosaken-Heeren. Militarischstatistische Beschreibung. Berlin, 1892; Willhelm Hupel. Von den Kosaken. Riga, 1790.

42. *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Изд-во Ростовского университета, 1961.– С. 14.

43. *Ташнинов Н.Ш.* О донских калмыках. Вестник института. № 2. Ч. 1 (серия историческая). Элиста, 1967.

44. *Гучинов М.И.* Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине XVII в. Вестник института. № 3. Элиста, 1968.

45. *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста,1965.

46. *Беликов Т.И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачёва (1773-1775 гг.). Элиста, 1971.

47. *Борисенко И.В.* Расселение терских калмыков (XVIII-XXвв.)– Роль ленинских декретов в образовании и развитии Советской автономии Калмыкии. Элиста, 1982.

Шовунов К.П. Ставропольское калмыцкое войско.– Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии. Элиста, 1974; Калмыцкие казачьи поселения и их военная организация в XVIII в.– Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981; К вопросу о земельной политике царизма в калмыцких казачьих поселениях (XVIII – первая половина XIX в)– Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982; Социально-политическое развитие донских калмыков (последняя треть XVIII – первая половина XIX в.); Терское поселение калмыков.– Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984; Во славу Отчизны. Теегин Герл. № 5. Элиста, 1984; О развитии казачества в России в XVII-XIX вв.– Военно-исторический журнал. № 3. М., 1987; История Калмыкии с древнейших времён до XX века. (Учебное пособие для 7-8 кл.). Элиста, 1987; Архивные материалы по военной истории калмыцкого народа XVIII – первой половины XIX в.– Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста, 1987; И почестей, и памяти достойны.– Теегин Герл. № 6. Элиста, 1987; Военное прошлое калмыцкого народа в дооктябрьской историографии России.– Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста, 1988; Положение рядовых калмыков-казаков в XIX в.– Социально-экономическое положение крестьянства Калмыкии в доктябрьский период. Элиста, 1989; Во славу Отечества. Элиста, 1990.

48. *Bormanshinov Arach.* Lama Arkad Chubanov. His Predessors and Successors A. Study of the Histoury of the Kalmyk Lamaist Ckuch in the Don Cossacks Region of Russia. Birchbark Press College Park, Md, 1980.

49. Книга переведена с английского языка на русский ст. научн. сотр. КИОН РАН В. П. Санчировым, который любезно предоставил мне для работы рукопись своего перевода.

50. *Macneal R. H.* Tsar and Cossack, 1855-1914. Oxford. Macmillan. 1987.

51. Вопросы истории. № 3. М., 1988.

52. Подробную характеристику приведённых документов см.: Шовунов К. П. Архивные материалы по военной истории калмыцкого народа XVIII – первой половины XIX в.– Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста, 1990.– С. 60-61.

Часть 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАЛМЫЦКИХ КАЗАЧЬИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Глава 1. *КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО (XVII-XVIII). ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕХОДА ЧАСТИ КАЛМЫКОВ В КАЗАЧЕСТВО*

1. *Нефедьев Н.А.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб., 1854.– С. 256.

2. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т. 1. Изд. 2. СПб., 1809.– С. 479.

3. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. (В дальн.– Очерки...).– С. 16.

4. Там же.– С. 164.

5. Там же.– С. 167-168.

6. АСПбОИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10202, л. 9.

7. Там же. Д. 9914, л. 1.

8. РОГПБ. Г. IV. 825[1], л. 52.

9. Очерки...– С. 168.

10. ЦГА Калмыкии. Ф.Р.– 145 (Н. Н. Пальмова). Оп. 1. Д. 99, л. 1.

11. *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.

12. АСПбОИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 9931., л. 2; д. 10307, л. 8; д. 12806, л. 1.

13. РОГПБ. Ф. 590 (Позднеевы Д.М. и А.М.), л. 14.

14. *Адлер Б.* Луки и стрелы Северной Азии.– Русский антропологический журнал. 1903. № 3-4.– С. 187-193.

15. ЦГА Калмыкии. Ф. Р-145 (Н. Н. Пальмова). Оп. 1. Д. 99, л.1.

16. Там же.

17. ЦГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). Оп. 1. Д. 1, л. 6.

18. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.– С. 47-48.

19. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956.– С. 142.

20. *Шовунов К. П.* Калмыки в системе военной организации России. Дисс. канд. ист. наук. Элиста, 1980.– С. 141.

21. ЦГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2, л. 7.

22. Там же.

23. РОГПБ. IV.20 – Послужной список Кубанского походу 1711 году, лл. 20 об., 22 об., 23.

24. *Шовунов К. П.* Указ. соч.– С. 145.

25. ЦГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра 1). Отд. 2. Д. 59, л. 772.

26. *Сираев З.И.* О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII в.– Научная сессия по вопросам истории Башкирии. Тезисы докладов. Уфа, 1961.– С. 16-17.

27. *Бескровный Л.Г.* Указ. соч.– С. 39.
28. *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоановны. Война России с Турцией в 1736 -1739 гг. Первые три года войны. Т. 2. СПб., 1906. Приложения.– С. 5.
29. *Бескровный Л.Г.* Указ. соч.– С. 48. Данные в книге Баиова по иррегулярным войскам чрезмерно завышены (более 70 тыс. чел.– Указ. соч.– С. 78), а в книге Д. Ф. Масловского, наоборот, значительно занижены (приложения к 1 вып. книги, таблица № 14).
30. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 47, л. 10.
31. *Баиов А.К.* Указ. соч.– С. 315.
32. ЦГИАР. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 47, л. 279об.
33. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч.– С. 29-30.
34. ЦГА Калмыкии. Ф. 36. Оп. 1. Д. 306, лл. 50об., 51, 62, 62об., 153об.
35. АСПб. ОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 436, л. 143.
36. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, л. 191об.
37. *Витевский В.Н.* Указ. соч. – С. 504.
38. *Костенков К.И.* О распространении христианства у калмыков – Астраханские епархиальные ведомости. 1892. № 13-14.– С. 404.
39. ПСЗ. Т. III. – № 1591.
40. *Костенков К.* Указ. соч.– С. 470.
41. ПСЗ. Т. 1. – № 540.
42. ПСЗ. Т. II. – №№ 672 и 990.
43. Там же. Т. V. – № 3001.
44. Там же. – № 3062.
45. *Шестаков П.* Некоторые сведения о распространении христианства у калмыков. – Астраханские епархиальные ведомости. 1893. № 9.– С. 250.
46. *Костенков К.* Указ. соч. № 16. – С. 473.
47. *Нефедьев Н.* Указ. соч. – С. 56, 64.
48. ПСЗ. Т. VII. – № 4683.
49. *Шестаков П.* Указ. соч. – С. 260.
50. Там же.– С. 261.

Глава 2. *КАЛМЫЦКО-КАЗАЧЬИ ОТНОШЕНИЯ В XVII В. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАЛМЫЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ.*

1. *Маслаковец Н.* А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Новочеркасск, 1874.– С. 11.
2. Там же.– С. 10.
3. ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 176, лл. 146, 150, 152.
4. Там же. Л. 153.
5. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 11-12.
6. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. Т. III. (в дальн. – Крестьянская война.) – № 112; см. Гучинов М. И. Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века.– Вестник института. Элиста, № 3. 1968. – С. 64.
7. Дополнения к актам историческим (дальше – ДАИ). Т. VII. № 47, 1-XX. – С. 233-248.
8. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону, 1961.– С. 41.

9. ДАИ. Т. VII. № 47. – С. 247.
10. Там же. – С. 248; Гучинов М.И. Указ. соч. – С. 72.
11. *Гучинов М.И.* Указ. соч. – С. 73.
12. ЦГА Калмыкии. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 158, л. 136.
13. *Ку-м А.К.* – Указ. соч. – С. 303.
14. ЦГА Калмыкии. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 158, л. 148об.
15. ДАИ. Т. X. – № 1; Крестьянская война. Т. 1. – № 162; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. – с. 137; Гучинов М.И. Указ. соч. – С. 90.
16. П. Хованский, возглавляя русские войска, в это время находился на Дону.
17. Ратный городок находился в 2-х верстах от Черкасска, позднее вошёл в черту Черкасска.
18. РОГПТ. F. IV, 825[1], л. 76.
19. ДАИ. Т. X. – № 1; Гучинов М.И. Указ. соч. – С. 90.
20. РОГПБ. F. IV, 825[1], л. 28.
21. ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 176, лл. 204, 256-257.
22. Там же.
23. Там же, лл. 77-78; Столетие Военного Министерства 1802-1902 гг. – Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902. – С. 63.
24. РОГПБ. F. IV. 825[1], л. 28.
25. Там же, лл. 86, 87.
26. РОГПБ. F. IV. 825[1], лл. 52-53; Маслаковец Н.А. Указ. соч. – С. 14.
27. РОГПБ. F. IV. 825[1], л. 54; Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902. – С. 63.
28. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. XII. Т. 14. М., 1962. – С. 596.
29. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 14.
30. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. – № 125.
31. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 14.
32. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. – № 125.
33. ЦГАДА. Ф. 119. Д. 11, лл. 1-3.
34. Там же. Ф. 111. Д. 2, лл. 8 и об.
35. ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 176, лл. 287, 305.
36. РОГПБ, F. IV. 825[1], л. 33.
37. ЦГА Калмыкии. Ф. 36. Оп. 1. Д. 14, л. 482об.
38. ЦГА Калмыкии. Ф. 36. Оп. 1. Д. 27, лл. 86-87.
39. Там же. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 246, л. 10об.
40. ЦГА Калмыкии. Ф. 36. Оп. 1. Д. 237, л. 196об.
41. ПСЗ-1. Т. VIII. – № 5443. – С. 216.
42. Северный архив. № 6, 1824. – С. 305; см. Беликов Т.И. Указ. соч. – С. 155.
43. РОГПБ. F. IV, 825[1], л. 73.
44. ЦГА Калмыкии. Ф. 36. Оп. 1. Д. 237, л. 168.
45. Там же, л. 169.
46. Там же, л. 73.
47. Там же, л. 74.
48. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 8, л. 377об.
49. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 15.
50. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 56, лл. 589 и об., 635.
51. Там же. Д. 26, л. 897.

Глава 3. *ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРУГИХ КАЛМЫЦКИХ КАЗАЧЬИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII-XVIII ВВ.*

1. *Кованько С. И.* Описание Харьковской губернии. Харьков, 1856. – С. 64-68.
2. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. 3. СПб., 1899. – С. 84.
3. *Кованько С. И.* Указ. соч. – С. 68.
4. ПСЗ. Т. V. – № 3001.
5. Там же. – № 3062.
6. Там же. Т. VII. – № 4795.
7. ЦГВИА. Ф. 9. Оп. 2/22. Д. 90, л. 553.
8. *Гумилевский Ф.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 4 и 5. – С. 74.
9. *Беликов Т. И.* Указ. соч. – С. 157-158.
10. *Гумилевский Ф.* Указ. соч. – С. 74.
11. *Багалей Д. И.* Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. – С. 530-531; Беликов Т. И. Указ. соч. – С. 158.
12. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. К. Св. 90, л. 9.
13. ЦГИА Украины. Ф. 51. Оп. 3. Д. 2797, лл. 59, 66.
14. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 90, л. 15.
15. *Гумилевский Ф.* Указ. соч. – С. 75.
16. ЦГВИА. Ф. 9. Оп. 2/22. Д. 90, л. 521об.
17. *Гумилевский Ф.* Указ. соч. – С. 78.
18. *Головинский П.* Слободские полки. СПб., 1865. – С. 240-241; Энциклопедический словарь. Т. XXIIА. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С-Петербург). СПб., 1897. – С. 565.
19. *Хорошихин М.* Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881.
20. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 47, л. 7.
21. Там же, л. 167об.
22. Там же, лл. 4об., 5, 7об., 54об.
23. Там же, лл. 97-98, 122об.
24. Там же, л. 169.
25. Там же, лл. 125, 158об.
26. Там же, лл. 13 и об.
27. Там же, – С. 158.
28. *Лишин А. А.* Акты... № 65. – С. 140.
29. Там же. – С. 108.
30. Там же. № 65. – С. 136.
31. *Хорошихин М.* Указ. соч. – С. 31.
32. ПСЗ. Т. XX. 1775 . № 14340. – С. 170.
33. ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 156. Т. 1–5, л. 63.
34. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, лл. 191 и об.
35. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1а, л. 6об.
36. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, л. 192; ПСЗ. Т. XII. – № 9175; см. Витевский В. Н. Указ. соч.
37. ГАОО. Ф. 6. Д. 1а, лл. 5об., 6.
38. Там же, л. 6; Витевский В. Н. Указ. соч. – С. 597.
39. *Лишин А. А.* Акты... № 65.. – С. 136.

40. *Хорошихин М.* Указ. соч. – С. 31.
41. ПСЗ. Т. XVI. № 12198.
42. Столетие Военного Министерства. – С. 71.
43. ЦГВИА. Ф. 17. Оп. 4/49. Д. 4823. Кн. 150, л. 301.
44. Там же, лл. 301об., 302, 304об., 305, 308об., 309.
45. Там же, лл. 327об., 328, 329об., 330, 334об., 335.
46. *Витевский В. Н.* Указ. соч. Вып. III Казань., 1891. – С. 508.
47. *Шестаков П.* Указ. соч. – С. 255.
48. *Рычков П.* Топография Оренбургская. Ч. 1. СПб., 1762. – С. 109-110.
49. *Рязанов А. Ф.* Оренбургский край. Исторический очерк. Издание журнала "Вестник Просвещенца". Оренбург, 1928. – С. 23.
50. РОГПБ. Ф. 96 (Воронцовых). Оп. 1. Д. 524, л. 50.
51. РОГПБ. Ф. 36. Д. 524, лл. 47 и об.
52. *Рычков П.* Указ. соч. – С. 115-116.
53. *Витевский В. Н.* Указ. соч. – С. 558.
54. ЦГИАР. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 51., л. 408.
55. ПСЗ. Т. XII. – № 9110.
56. ЦГИАР. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 51. л. 410об.
57. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, лл. 19об., 20.
58. ПСЗ. Т. XII. № 9444. – С. 761.
59. *Витевский В. Н.* Указ. соч. - С. 567.
60. *И. Лепехин.* Указ. соч. – С. 219, 231.
61. ЦГИАР. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 51, л. 411.
62. *И. Лепехин.* Указ. соч. – С. 218.
63. ЦГИАР. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 51, л. 408.
64. Там же, л. 421.
65. ПСЗ. Т. XII. № 8920. – С. 78.
66. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, л. 18об.; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, лл. 50, 52.
67. Там же.
68. *Рязанов А. Ф.* Указ. соч. – С. 49.
69. Там же. – С. 41-42.
70. *Витевский В. Н.* Указ. соч. – С. 665.
71. *Рычков П.* Указ. соч. – С. 87.
72. ЦГВИА. Ф. 17. Оп. 4/49. Д. 4823. Кн. 150, лл. 159об., 173.
73. Там же, лл. 366об., 376.
74. Там же, лл. 224об., 225об., 226об., 227об., 228об., 234-237, 239об.
75. Там же, лл. 159об., 173.
76. РОГПБ. F. IV. № 489. – Сведения о кумских калмыках, 1900 г. (автор неизвестен, но на наш взгляд, им был Бурдуков), л. 2об.
77. *Хорошихин М.* Указ. соч. – С. 33–34.
78. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 94, л. 18.
79. Там же. Д. 358, л. 2; РОГПБ. F. IV. №489, л. 2; Костенков К. Указ. соч.–С. 165; Бурдуков Н. Ф. Митричен кристен (Терские калмыки). 1777-1905. СПб., 1906. – С. 5.
80. *Бурдуков Н. Ф.* Указ. соч. – С. 7.
81. Там же. – С. 8.
82. РОГПБ. Q. IV. № 48, лл. 3 и об.
83. Там же, л. 3-4. и об.
84. *Бурдуков Н. Ф.* Указ. соч. – С. 13-14.

85. ЦГВИА. Ф. 52. (Потёмкина), Оп. 14. Д. 155. Ч. 1-5. л. 63об.
86. Там же, лл. 4-а и об.
87. Там же, л. 64.
88. Там же, лл. 62об., 63.
89. Там же, лл. 4-а и об.
90. Там же, лл. 7, 8-15.
91. Там же, л. 64.
92. Там же, л. 74.

Часть II. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЛМЫКОВ-КАЗАКОВ.

Глава 1. *ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КАЛМЫЦКОМ КОЧЕВЬЕ НА ДОНУ. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ.*

1. *Попов И. И.* Донские калмыки-казаки. – Очерки географии Всевеликого войска Донского. Издание отдела народного просвещения Всевеликого войска Донского. 1918. – С. 301.
2. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 26. Св. 58, лл. 884об., 892 и об.
3. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 21.
4. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. II. Вып. 2. СПб., 1864. – С. 442.
5. РОГПБ. F. IV. 825[1], лл. 83, 84.
6. Там же.
7. ПСЗ-II. Т. XXII. № 16387. – С. 585.
8. Лишин А.А. Акты... Т. III. – С. 216.
9. РОГПБ. F. IV. 825[1], лл. 83-84; ПСЗ-II. Т. XXV. № 18860. – С. 568.
10. РОГПБ. F. IV. 825[1], лл. 85-88.
11. Там же, л. 90; Маслаковец Н. А. Указ. соч. – С. 17.
12. *Броневский В. Б.* История Донского войска. СПб., 1834. – С. 83.
13. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Д. 139, л. 1.
14. РОГПБ. F. IV. 825[1], л. 94.
15. Так называемые беляевские калмыки с 70-х годов XVII в. кочевали у местечка Беляево на реке Самаре (приток Днепра), а затем под именем доломановских служили в Ростовском казачьем полку. (Маслаковец Н. А. Указ. Соч. – С. 17).
16. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, л. 4.
17. Там же, лл. 10, 25.
18. Там же, лл. 14об., 25.
19. *Номикосов С.* Статистическое описание войска Донского, Новочеркасск, 1884 (в дальн. – Указ. соч.). – С. 255.
20. В марте 1860 г. управлением иррегулярных войск было принято решение об открытиии в Новочеркасске временного комитета для подготовки проекта "Положения о Донском войске", в связи с чем проводилась новая перепись населения на Дону. – ЦГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 84, л. 119.
21. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 49.
22. Памятная книжка области войска Донского на 1871 год. Отдел второй. 1 статистические сведения. Новочеркасск, 1871. – С. 11, 114.

23. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 49..
24. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 280.
25. Населённые места Российской империи в 500 и более жителей по данным переписи 1897 г. СПб., 1905. – С. 48-49.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. XII. Область войска Донского. СПб., 1905. Табл. XIV.
27. См. Дон и степное Предкавказье (II). XVIII – первая половина XIX в. Социальные отношения, управление, классовая борьба. (В дальн. – Дон и степное Предкавказье (II). Ростов-на-Дону, 1977.
28. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, л. 9.
29. Там же.
30. Там же, л. 9об.
31. Там же, лл. 4 и об.
32. Там же. Ф. ВУА. Д. 18538, л. 1.
33. Там же. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, л. 4об.
34. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 23.
35. Там же. – С. 25.
36. ЦГА Калмыкии. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 158, л. 148об.
37. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 301.
38. Там же.
39. Донские войсковые ведомости. № 68. 1871.
40. ЦГА Калмыкии. Ф. Р-145. (Н. Н. Пальмов). Оп. 1. Д. 246, л. 101.
41. Донские войсковые ведомости, № 68.. 1871.
42. Основанием для такого утверждения служит наличие одноимённых этнических групп в составе торгутовских улусов на Волге.
43. Столетие Военного министерства. Т. 9. Ч. 1. – С. 154.
44. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, л. 4об.
45. *Л-н (Лыткин).* Быт донских калмыков. – С. 60.
46. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, лл. 22об., 25.
47. См. Дон и степное Предкавказье (II).
48. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12. лл. 29, 29об., 30.
49. ПСЗ (II). Т. 10. № 8163.
50. ГАРО. Ф. 309 Оп. 1. Д. 68, лл. 1, 1об, 3, 3об., 4, 5, 5об.
51. Там же. Д. 67, л. 1.
52. Положение об управлении Донского войска. Ч. I, II, III с приложениями к наказу гражданскому управлению, штатами и общими положениями. Изд. второе (В дальн. – Положение... 1835 г.). СПб., 1842. – С. 314–315.
53. Там же. – С. 319.
54. Там же. – С. 407-409.
55. ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 85, лл. 2-3, 8, 10, 14, 16, 18.
56. Там же, лл. 42, 46-47.
57. Приложения к наказу гражданскому управлению Донского войска. Изд. второе. (В дальн. Приложения). СПб., 1842. – С. 280-283, 285-287.
58. Положение о размежевании земель Войска Донского. СПб., 1835.– С. 22.
59. ЦГВИА. Ф. 330. Оп. 2. Д. 117, лл. 2, 2об.
60. Там же, лл. 6 и об.
61. Там же. Ф. 405. Оп. 6. Д. 703, л. 386.
62. ЦГА Калмыкии. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 246, лл. 122-124.

63. *Крылов А. Л.* Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта. – Донские епархиальные ведомости. 1873. № 12.– С. 412. (В дальн. – Указ. соч.).

64. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, лл. 71-78 и об.

65. ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 7, лл. 3 и об., 9.

66. Там же. Д. 9, л. 10.

67. Там же. Д. 100, лл.5, 19, 20.

68. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, л. 8.

69. Там же, л. 14об.

70. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 77, лл. 50 и об.

71. Там же. Оп. 1. Д. 238, лл. 3-4 и об.

72. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, л. 2об.

73. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 54.

74. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, лл. 81-84.

75. ГАРО. Ф. 309. ОП. 3. Д. 77, лл. 51об., 53об., 62об., 63об., 64об.

76. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 67.

77. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 82, л. 15.

78. Там же. Д. 62, лл. 36-40.

79. *Л-н (Лыткин).* Быт донских калмыков. – С. 66.

80. *Крылов А. Л.* Указ. соч. – С. 408.

81. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 595.

82. История Дона. Эпоха капитализма. Изд-во Ростовского университета, 1974. – С. 16-18.

83. Списки населённых мест Российской империи. XII. Земля Донского войска. Список населённых мест по сведениям 1859 г. СПб., 1864. – С. 98; Маслаковец Н. А. Указ. соч. – С. 30-31.

84. Военное обозрение земли Донского войска. Составил ген. штаба полковник Краснов. СПб., 1870 – С. 82-83.

85. В таблице, заимствованной из указанного выше сочинения, пропущена Эренценовская сотня.

86. ЦГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 76, лл. 1-6 и об.

87. История Дона... – С. 16.

88. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1517, лл. 15, 16-17 и об., 73-74.

89. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам Т. XIII. Ч. 1. С 1 января по 1 июля 1877 г. Издание Главного управления иррегулярных войск. СПб., 1877. – С. 182. (Далее – СПР по КВ).

90. Там же.– С. 370.

91. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 861, лл. 92-93.

92. История Дона. Эпоха капитализма. – С. 28.

93. Памятная книжка Области войска Донского на 1890 год. Новочеркасск, 1890.– С. 204.

94. СПР по КВ. Т. XXII. Ч. II. СПб., 1877. – С. 71-72.

95. Там же.

96. СПР по КВ. Т. XXVII. За 1891 год. СПб., 1892. – С. 58-102.

97. ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 977, лл. 2 и об.

98. СПР по КВ. Т. XXXIII. За 1897 год. СПб., 1898. – С. 211-212.

99. Там же. – С. 241.

100. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей по данным переписи 1897 г. СПб., 1905. – С. 48-58.

101. СПР по КВ. Т. XXXIV. За 1898 год. СПб., 1899. – С. 131; Т. XXXV. – С. 108-109, 165.

102. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, л. 38об.

103. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 313.

104. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, л. 38об.

105. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, л. 36об; Попов И. И. Указ. соч. – С. 314.

106. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 314.

107. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, л. 35об.

108. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 314.

109. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, лл. 40-40об.; Попов И. И. Указ. соч. – С. 309-312.

110. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, лл. 37об. – 38.

111. Там же. Лл. 50-53об.

112. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 320-321.

113. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, л. 41.

114. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 322.

115. ГАРО. Ф. 55. Д. 1367, св. 52, лл. 44-46.

116. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 323-324.

117. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, л. 46.

118. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 324.

119. *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. М., 1893. – С. 19-24.

120. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, лл. 47об-48об.

121. Там же, лл. 49об.

122. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 324.

123. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1345, св. 52, л. 16.

124. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 325-326.

125. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1345, лл. 17об., 18об.

126. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 308.

127. *Крылов А. Л.* Указ. соч. – С. 426-428; Попов И. И. Указ. соч. – С. 309.

128. *Крылов А. Л.* Указ. соч. – С. 428.

129. Там же. – С. 425.

130. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1367, св. 52, л. 43об.

131. Войсковой атаман М. И. Платов.

132. Генерал А. Д. Мартынов.

133. Калмыцкий сотник.

134. Река Донец.

135. Имеется в виду, что верность священной обязанности служить Отечеству должна подавить все личные дела и интересы.

136. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 300-302.

137. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1345, лл. 19-21.

138. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 284-286.

139. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1345, св. 52, лл. 22об.-23об.

140. Там же. Ф. 309. Оп. 1. Д. 80, лл. 183об., 189 и об., 190, 194 и об., 195, 196, 207-209об., 211 и об., 215-216об., 236-242.

141. Списки населённых мест Российской империи. XII. Земля Донского войска. Список населённых мест по сведениям 1859 г. СПб., 1864, – С. 98.

142. *Борманжинов Араш.* Указ. соч. – С . 18.

143. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 571.
144. *Борманжинов Араш.* Указ. соч. – С. 7-18.
145. Там же. – С. 13-14.
146. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1345, св. 52, л. 4.
147. Там же, лл. 5-15.
148. *Уланов Н.* Буддийско-ламаистское духовенство донских калмыков, его современное положение. (Усерднейшее подношение его Высокопревосходительству г. военному министру генерал-адьютанту Алексею Николаевичу Куропаткину). СПб., 1902. – С. 8.
149. *Попов И. И.* Указ. соч. – С. 320.
150. ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 80, лл. 36, 37 и об., 44.
151. Там же, л. 4об.
152. Там же, л. 126об.
153. ЦГВИА. Ф. 309. Оп. 1. Д. 12, л. 25.
154. ГАРО. Ф. 309. Оп. 2. Д. 83, л. 3.
155. Там же. Д. 17, лл. 10об., 11.
156. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 50.
157. ГАРО. Ф. 309. Д. 52, л. 3.
158. *Крылов А. Л.* Указ. соч. – С. 400.
159. СПР по КВ. За 1898 год. СПб., 1899. – С. 155.
160. *Крылов А. Л.* Указ. соч. – С. 400-416.
161. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 324.
162. ГАРО. Ф. 309. Оп. 2. Д. 56, лл. 539-540, 635.
163. Памятная книжка Области войска Донского на 1895 г. Новочеркасск, 1894. – С. 14.
164. Там же.

Глава 2. *ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТАВРОПОЛЬСКИХ КАЛМЫКОВ*

1. ЦГИАР. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 51, л. 408об.
2. Там же, л. 408.
3. Там же, л. 409.
4. Там же, л. 408об.
5. Там же. Оп. 2. Д. 138, л. 218.
6. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, л. 41.
7. Там же. Оп. 1. Д. 51, л. 421.
8. *Витевский В. Н.* Указ. соч. – С. 533.
9. ЦГИАР. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 51, л. 422.
10. Там же, л. 408об.
11. *Витевский В. Н.* Указ. соч. – С. 533.
12. ПСЗ. Т. XII. № 8920. – С. 78.
13. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, л. 48об.
14. Там же, л. 49.
15. Там же, лл. 4об., 48; ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, л. 39.
16. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, л. 66об.
17. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, л. 39.

18. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, л. 18об.; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, л. 50об.
19. Там же, л. 45.
20. *Витевский В. Н.* Указ. соч. – С. 558.
21. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, л. 35об.
22. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295, лл. 35 и об., 38об.
23. Там же.
24. Там же, л. 18об.; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, лл. 50об., 51.
25. Там же, л. 38, 39об.
26. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36, л. 242.
27. ГАОО. Ф. 1. (Военно-походная канцелярия командира Сибирского корпуса). Оп. 1. Д. №№ 47, 51, 55, 58.
28. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 39, лл. 44 и об., 50-51об., 52 и об., 93, 143, 173, 180; Д. 45, лл. 1 и об., 113об., 43, 74, 92-94, 97-103, 180-183об., 143, 148 и об.; Д. 51, лл. 162-164, 192-195, 196, 199-217, 296, 311; Д. 89, лл. 4об., 5; ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, л. 8.
29. Их стали именовать здесь "джунгарскими калмыками".
30. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6, лл. 5, 8, 9 и об., 10; ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, л. 9.
31. Там же
32. ЦГВИА. Ф. 1, Оп. 1. Д. 185, л. 9.
33. Там же, л. 8об.
34. Там же. Оп. 1. Д. 185, л. 5.
35. Там же, л. 8об.
36. *Стариков Ф. М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. – С. 97.
37. ЦГВИА. Ф. ВУА. Ф. 416. Д. 359/4 – Карта Ставропольского ведомства...
38. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 89, лл. 4об., 65.
39. Число джунгарских калмыков явно занижено, т.к. за 4 года их численность не могла сократиться в 2,2 раза.
40. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, л. 89об.
41. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, л. 5 и об.
42. *В. Н. Витевский.* Указ. соч. – Приложение. – С. 29.
43. Очерки.... – С. 222-223.
44. *Жижка М. В.* Емельян Пугачёв. М., 1950. – С. 107, 109.
45. Там же. – С. 67.
46. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 143, л. 108.
47. Очерки... – С. 223.
48. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 143, л. 108; Очерки... – С. 223.
49. *Дубровин Н.* Пугачёв и его сообщники. Т. II. СПб., 1884. – С. 105, 116.
50. ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 193. Ч. 1, лл. 34-35.
51. ПСЗ. Т. XXVII. 1802-1803. СПб., 1830. № 21025. – С. 970-971.
52. ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 193. Ч. 1, л. 55.
53. Там же. Ч. III, л. 55.
54. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 195, л. 89.
55. П. Е. Матвеевский в своей книге ошибочно относит проведённые в 1780 г. в Ставропольском войске мероприятия на 1796 г. – Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года Исторические очерки. – Учёные записки. Оренбург, 1962. – С.17.
56. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 145, л. 89.
57. ПСЗ. Т. XXV. (1748-1799). СПб., 1830. № 18477. – С. 190.

58. ПСЗ. Т. XXVII. 1802-1803. СПб., 1830. № 21025. – С. 971.
59. Там же.
60. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 668, лл. 22об., 26.
61. ПСЗ. Т. XXVII. 1802-1803. СПб., 1830. № 21025. – С. 969-970.
62. ПСЗ. Т. XXIV. – № 19926.
63. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. – С. 32.
64. ПСЗ. Т. XXV. СПб., 1830. № 18877. – С. 144.
65. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Д. 58, л. 20об.
66. Там же. Оп. 111. Д. 28, л. 1.
67. Там же. Ф. 414. Микроф. Д. 265, лл. 67-77.
68. 7 калмыцких рот, находясь территориально в Симбирской губернии, в административном отношении подчинялись Оренбургскому казачьему отдельному корпусу и принадлежали Ставропольскому калмыцкому войску.
69. ЦГВИА. Ф. 423. Оп. 1. Д. 65 (Карта и генеральный план Ставропольского уезда).
70. Там же. Ф. 414. Микроф. Д. 265, лл. 67-77.
71. ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.11852. Ч.2, лл. 692-697.
72. Там же, лл. 389-393.
73. ЦГВИА. Ф.13. Оп.3/III. Д.6, л.3.
74. 2 ПСЗ. Т.XVIII. №16811; Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. – С.118.
75. Там же.
76. *Машин М.Д.* Указ.соч. – С.120; Рязанов А.Ф. Оренбургский край. Исторический очерк. Издание журнала "Вестник просвещенца". Оренбург, 1928. – С.99-100.

Глава 3. *СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЛМЫКОВ ДРУГИХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК.*

1. ЦГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.140, лл.113об.,114.
2. Там же. Ф.405. Оп.6. Д.705, л. 7об.; Д. 946, лл. 1-3, 4, 6, об., 14, 19, 36об., 40, 54об., 59-62, 74об.
3. ПСЗ. Т.XXV. 1798-1799. СПб., 1830. № 18477. – С.190.
4. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.V. Оренбург, 1904. – С.24.
5. ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.11852, Ч.1, лл. 1об., 9.
6. Там же, л.17.
7. Там же, л. 15.
8. Там же, лл. 16-17.
9. Там же, лл. 218об., 261об.
10. *Алекторов А.* История Оренбургской губернии. Второе изд. Оренбург, 1880. – С. 98.
11. ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.11852. Ч. III, лл. 94 и об., 1028-1029об.
12. Там же. Д.11852. Ч.1, лл.357-359; Д. 11852. Ч. II, лл. 431-434об.
13. Там же. Д.11852. Ч.1, лл.357-359
14. Там же.
15. ЦГИАР. Ф.1291. Оп.84. Д.358, л.94 об.
16. ГАОО.Ф.6. Оп.6. Д.11852. Ч.1, лл.224-228, 241 об.; Д.12534/д, лл. 2, 13, 15.

17. Материалы по статистике, географии и этнографии Оренбургской губернии, издаваемые Оренбургским статистическим комитетом. Вып.1. Оренбург, 1877 (в дальн. - Материалы...) – С. 57-77, 126-127.
18. Там же. – С. 136.
19. ЦГИАР. Ф.1291. Оп.84. Д.358, лл.92-96об.
20. Материалы... – С.136.
21. *Машин М.Д.* Указ. соч. – С.84.
22. СПР по КВ. Т.XIII. Ч.1. СПб., 1877. – С. 252-256.
23. Материалы... Вып.II. Оренбург, 1889. – С. 30-31.
24. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, л. 86.
25. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 788, л. 9.
26. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18900. – С. 47 (Типографский экз.).
27. *Небольсин П.* Несколько замечаний об уральских казаках. – Вестник Императорского Русского географического общества за 1854 г. Книжка VI. СПб., 1855. – С.201.
28. Там же. – С. 210-213.
29. Там же. – С.202.
30. Энциклопедический словарь. Т.XIII^{А}. Издатели: Ф. А. Брокгауз. И. А. Ефрон. СПб., 1894. – С.892.
31. ЦГВИА. Ф.ВУА. Д. 18900. - С.47 (Типографский экз.).
32. *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах с 10 картами. Т. 1.Уральск, 1891. – С.138-139.
33. Там же.
34. Энциклопедический словарь. Т.XIII^{А}. СПб. , 1894. – С.892
35. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, лл. 49об., 53об. - 61об.; 78 об.- 83 об.
36. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 788, лл. 1, об., 4, 6 и об., 9.
37. ЦГИАР. Ф.1291. Оп. 84. Д. 358, лл.74 -75 и об., 77.
38. ЦГВИА. Ф. 9. Оп.2/22. Д.90, лл. 66об., 69.
39. Там же, лл. 77,88, 96 и об.
40. Там же, л. 15.
41. Там же, лл. 151, 153-154, 183об., 184об., 185.
42. Там же. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. К. Св. 96, лл.96об., 97-103, 104-111, 119.
43. *Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып.1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756-1757 гг). М., 1886. – С.46
44. ЦГВИА. Ф.13. Оп.1/107. Д. К. Св. 96, лл. 140 и об.
45. ЦГИА Украины. Ф. 246. Оп.1. Д. 734, л. 49
46. *Хорошихин М.* Указ.соч. – С. 32
47. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение 4 и 5. Харьков, 1858. – С.75
48. *Хорошихин М.* Указ.соч. – С. 31.
49. ЦГВИА. Ф.52. Оп.1/194. Д. 603, лл. 4, об., 5, 6, 7об., 8, 9об., 10, 23–27.
50. *Хорошихин М.* Указ. соч. – С. 32.
51. Столетие Военного министерства. 1802-1902. Главный штаб. Исторический очерк. Вып.1. Т.IV. Ч.1. Кн.2. Отдел 2. СПб., 1902. (В дальн. – Столетие Военного министерства. Т.IV.) – С.250.
52. ПСЗ. Т.XXIV. 1802-1803. СПб., 1830. № 20718. – С. 547.
53. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение 4 и 5. Харьков, 1858. – С.78

54. *Бирюков И.А.* История Астраханского казачьего войска. Часть 1. Саратов, 1911. – С. 35.
55. ПСЗ. Т. XVI. № 12198.
56. Столетие Военного Министерства. Т.1У. – С.72.
57. Там же.
58. Там же. – С.232.
59. *Бирюков И.А.* Указ. соч. – С.44, 59, 76, 113, 262.
60. ЦГИАР. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1, лл. 4об., 5, 14.
61. Указанный чин Тундутов получил 20 февраля 1838 г. за хорошее управление улусом.
62. ЦГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 5260, л. 8.
63. *Бирюков И.А.* Указ.соч. Часть II. – С. 9, 14-15.
64. Там же. Ч.III. – С. 234-236.
65. *Губанов Г.* Очерк жизни калмыков на Тереке. – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.29. – Тифлис, 1901. – С.154.
66. *Бурдуков Н. Ф.* Указ.соч. – С.15.
67. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, л. 3.
68. ЦГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 140, л. 6об.
69. Там же, лл. 7-9 и об., 11 и об.
70. Там же, лл. 26об., 27–28 и об.
71. Там же, лл. 34-35 и об.
72. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, л. 3.
73. ЦГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д.140, лл.43об., 50-53.
74. Там же. Ф. 400. Оп. 25. Д. 233, лл. 26-27.
75. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, лл. 7об., 8, 12,об., 13.
76. ЦГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 140, лл. 160 и об.
77. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, лл. 5, 8.
78. *Бурдуков Н.Ф.* Указ.соч. – С. 8, Борисенко И.В. Указ. соч.– С.119.
79. *Бурдуков Н.Ф.* Указ. соч. – С.7.
80. РОГПБ. Q. IV. № 489, л. 2об.
81. *Бурдуков Н.Ф.* Указ. соч. – С.7.
82. *Костенков К. И.* Указ. соч.– С.167.
83. Там же. – С.166
84. *Бурдуков Н.Ф.* Указ.соч. – С. 8-9.
85. *Губанов Г.* Указ. соч. – С. 144; Борисенко И. В. Указ. соч. – С.124.

Глава 4. *ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО КАЛМЫКОВ-КАЗАКОВ.*

1. ГАРО. Ф. 455. Оп. 1. Д.1267, л. 1.
2. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, л. 14; Д.4 54, л.31об.
3. Донские войсковые ведомости, 3 сентября 1871, № 63; Теегин герл, 1967. № 4. – С. 59.
4. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1267, лл. 1-2об.
5. ЦГВИА. Ф. 13. Д. 194, л.1211об.
6. История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Изд-во Ростовского университета, 1965. (В дальн. – История Дона). – С. 210.

7. *Номикосов С.* Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884. – С. 9, 125.
8. История Дона. – С.293.
9. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. Новочеркасск, 1874. Вып. 2. – С.73.
10. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 435.
11. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17, л. 12об.
12. Там же.
13. Там же.
14. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 72.
15. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX вв. Население и хозяйство. Ростов-на-Дону, 1977. – С. 110.
16. *Номикосов С.* Указ. соч. – С.435.
17. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17, лл. 12-13 и об.
18. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 73.
19. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 435-436.
20. Там же.
21. Там же. – С. 445.
22. *Л-н (Лыткин.)* Указ. соч. – С. 69.
23. *Номикосов С.* Указ. соч. – С.458.
24. ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 75, лл. 3 и об.
25. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 448-451.
26. СПР по КВ. Т.XXXV. За 1899 год. СПб., 1900. – С. 123.
27. ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 75, лл. 4об., 5.
28. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 458.
29. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17, лл.20об., 21.
30. Там же.
31. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 459.
32. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 75.
33-34. В таблицу, заимствованную из книги Номикосова С. (с. 463), данные на 1873, а также суммарные данные о поголовье скота введены автором.
35. *Номикосов С.* Указ. соч. – С.464.
36. *Л-н (Лыткин).* Указ. соч. – С. 67.
37. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 472-473.
38. Там же.
39. ГАРО. Ф. 309. Оп. 2. Д. 63, л. 3.
40. Там же.
41. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 87.
42-43. Данные 3 и 4 граф на 1850 и 1855 гг. подсчитаны нами, исходя из численности населения указанных годов.
44. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 88.
45. Там же. – С. 88.
46. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 476-477.
47. Там же, – С. 478.
48. ПСЗ. Т. 24. № 18092.
49. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX вв. Заселение и хозяйство. Под редакцией Пронштейна А. П. Изд-во Ростовского университета, 1977. – С. 96.
50. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д.17, л. 29.

51. Там же, Оп. 3. Д. 52, лл. 7об., 18.
52. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 484.
53. *Л-н (Лыткин).* Указ. соч. – С. 67.
54. ГАРО. Ф. 309. Оп. 2. Д. 83, л. 3.
55. Там же. Оп. 3. Д. 52, лл. 6, 17.
56. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 92.
57. Статистическое описание... – С. 213.
58. ЦГВИА. Ф. 423. Оп. 1. Д. 65. (Карта Симбирской губернии в Самарском уезде, составленная в 1825 г. самарским землемером Дмитрием Бурцевым).
59. ЦГВИА. Ф. 414. М/Ф. Д. 265, лл. 70-77.
60. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1182. Ч.III, лл. 944 и об., 1029 и об.
61. Там же, лл.1056, 1088об. – 1092.
62. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 39, лл.138об., 139.
63. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. д. 358, лл. 57, 58об.
64. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 89, л. 71.
65. Там же. Д. 195, л. 12.
66. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, лл. 58, 59.
67. РОГПБ. F. IV. № 489, л. 5.
68. *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870. – С. 168.
69. *Шовунов К. П.* Терское поселение калмыков. – Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. – С. 95.
70. Там же.
71. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, л. 13.

Глава 5. *ОСВОЕНИЕ ОСЕДЛОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛМЫКАМИ-КАЗАКАМИ. ТОРГОВЛЯ*

1. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 69.
2. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17, лл. 44об., 45.
3. В данной таблице пропущена 4 сотня Нижнего улуса, поскольку она не была отражена в отчётах Калмыцкого правления.
4. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 492.
5. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, л. 91.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11852. Ч. III, лл. 1056об. – 1160.
7. Там же.
8. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107 . Д. 96, лл. 17об., 18.
9. Там же. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, л. 1.
10. ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 87, л. 1.
11. Там же.
12. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822-1832 гг. Новочеркасск, 1891 (В дальн. – Статистическое описание). – С. 198.
13. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 59-60.
14. Сведения, приведённые Маслаковцем в указ. сочинении (С.59-60) о том, что в 1842 г. занимались хлебопашеством 164 семьи, мы считаем значительно завышенными.
15. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17, л. 48.

16. Там же, л. 87.
17. Там же, л. 83.
18. Там же, лл. 44об., 45–46об., 47.
19. Там же, лл. 44об., 45.
20. Там же, лл. 93-98.
21. Там же. Оп. 3. Д. 52, лл. 8,19, 27, 36.
22. *Маслаковец Н.А.* Указ. соч. – С. 59-60.
23. В статье автора "К вопросу о земельной политике царизма в калмыцких казачьих поселениях (XVIII – первая половина XIX в.)." Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982 (С. 31) этот показатель дан значительно заниженным (7%) вследствие механической ошибки при подсчёте.
24. *Л-н (Лыткин).* Указ. соч. – С. 66.
25. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. – С. 61.
26. Населённые места Российской империи в 500 и более жителей по данным переписи 1897. СПб.,1905. – С. 48-58.
27. СПР по КВ. Т. XIII. Ч. 1. СПб., 1877. – С. 265.
28. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 96, л. 17об., 18.
29. Там же, л. 18.
30. *Шовунов К. П.* К вопросу о земельной политике царизма в калмыцких казачьих поселениях (XVIII – первая половина XIXв.) – Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982. – С. 36.
31. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 145, лл. 141-142 и об.
32. ЦГВИА. Ф. 414. Д. 265, лл. 67-77.
33. ГАРО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11852. Ч. I, лл. 132-141.
34. Там же. Д. 11852. Ч. I, л. 377а об.
35. Там же. Д. 11851, лл. 25-88.
36. Там же. Д.11852. Ч. III., лл. 1056об.-1160.
37. Энциклопедический словарь. Т. 46. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1898.
38. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11852. Ч. III, лл. 213об., 1056об.-1160.
39. Там же. Ч. I, л. 214об.
40. Там же. Д. 11852. Ч. II, лл. 431-434об.
41. Там же, лл. 225-226об.
42. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.18900 (типографский экз.). – С. 47.
43. ЦГИАР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 358, лл. 44об.-53об., 56об.-58об.
44. *Бирюков И. А.* Указ. соч. – С. 18.
45. Там же. – С. 14-15.
46. *Костенков К. И.* Указ. соч. – С. 168.
47. *Шовунов К. П.* Указ. соч.
48. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 560.
49. Дон и Степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. Население и хозяйство. Изд-во Ростовского ун-та, 1977. – С. 96-97.
50. *Номикосов С.* Указ. соч. – С. 492.
51. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17, лл. 12об., 20об., 21.
52. Там же, лл. 20об, 21.
53. Там же. Д.19, лл. 8, 13, 19об.
54. Там же. Д. 17, лл. 20об., 21.
55. Там же, лл. 4, 5, 6, 7об.

56. Там же. Д. 52, лл. 84об., 86.
57. СПР и КВ. Т. XXXIII. За 1897 год. СПб., 1898. – С. 287.
58. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, лл. 14об., 27.

Часть III. КАЛМЫКИ-КАЗАКИ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА.

Глава 1. *СЛУЖБА КАЛМЫЦКИХ КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ В XVIII в.*

1. *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного государства в России. Вып. 1. – С. 51.
2. *Бобровский П.* Военное право в России. Вып. II. – С. 109.
3. Энциклопедический словарь. Т. XXVII А. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. – С. 172-173.
4. *Лишин А. А.* Указ. соч. Т.I. Новочеркасск, 1891. № 117.
5. ЦГВИА. Ф. 9. Оп.2/22. Д. 92, л. 6.
6. Там же.
7. Там же. Ф. ВУА. Д. 47, лл. 13об., 158.
8. Там же. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 8, лл. 310об., 311.
9. Там же. Ф. ВУА. Д. 47, л. 68об.
10. Там же. Д. 90, л. 28.
11. ПСЗ. Т. XVI. – № 12198.
12. ЦГВИА. Ф. 17. Оп. 4/49. Д. 4823. Кн. 150, лл. 12 и об.; Лишин А. А. Акты... Док № 36. – С. 66.
13. Там же. Ф. 13. Оп. 1/107, св. 12. Д. 8, лл. 377 и об.
14. Там же.
15. Там же. Ф. 17. Оп. 4/49. Д. 4823. Кн. 150, лл. 366об., 376.
16. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185, лл. 5 и об.
17. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 195, лл.102 и об., 103, 128об., 129.
18. ЦГАДА. Ф. 111. Д. 5, л. 1; ЦГВИА. Ф. 9. Оп. 2/33. Д. 90, л. 501.
19. ЦГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 7, лл. 1-3.
20. Там же. Ф. 119. Оп. 1. Д. 11, лл. 1об., 2об.
21. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702-1703). СПб., 1889. № 429. – С. 355.
22. ЦГДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14, лл. 2 и об.
23. Там же. Ф. 111. Д. 14, л. 1об.
24. ЦГВИА. Ф. 9. Оп. 2/22. Д. 90, л. 561.
25. ЦГАДА. Ф. 119. Д. 5, л. 1.
26. Письма и бумаги императора Петра Великого (В дальн. – П. и Б.). Т. 8. Вып. 2. М., 1951. – С.755; *Беликов Т.И.* Указ. соч. – С. 58.
27. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1837. – С. 228; Очерки... – С. 157.
28. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. (В дальн. – Обзор войн России...). Ч.1. СПб., 1885. – С. 38. (См. приложение № 3).
29. П. и Б. Т. 6. Вып. 2. М., 1951. – С. 755; см. Беликов Т. И. Участие калмыков в Северной войне. – Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 4. Элиста, 1965. – С. 71.
30. ЦГВИА. Ф. 4. Оп. 2/22. Д. 90, л. 10.

31. ЦГАДА. Ф. 9. 1отд. Д. 20(3). 1708, лл.154об., 159; ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 20. Д. 1435, лл.7-8, *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Т. VII. – С. 207.
32. ЦГВИА. Ф. 9. Оп. 2/22. Д. 90, л. 10.
33. Обзор войн России... Ч. I. СПб., 1885. – С. 53.
34. Там же.
35. Там же. – С. 72.
36. *Баиов А.К.* Указ. соч. Т.1. СПб., 1906. – С. 315.
37. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 47, л. 32.
38. Сыны донских степей. Ростов-на-Дону, 1975. - С. 36.
39. Сборник военно-исторических материалов. Вып. XIV. СПб., 1892. № 40. – С. 54.
40. *Баиов А. К.* Указ. соч. – С. 357-358.
41. Сборник военно-исторических материалов. Вып. XV. СПб., 1904.
42. ЦГВИА. Ф. 9. Оп.2/22. Д. 90, л. 561.
43. *Баиов А. К.* Указ. соч. Приложения. Док. № 36. – С. 57, 459.
44. Сборник военно-исторических материалов. № 168. – С. 189.
45. Там же.
46. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 2/22. Д. 90, лл. 178-179.
47. Там же. Ф. 9. Оп. 2/22. Д. 90, лл. 226 и об.
48. Там же. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 63, л. 396.
49. Там же, лл. 470, 478, 482, 556.
50. Там же. Д. 83, лл. 41, 117об.
51. Там же.
52. ЦГА Калмыкии. Ф. 36. Оп. 1. Д. 306, л. 13, 63об.
53. Там же. Д. 314, лл. 64, 100.
54. ЦГИА Украины. Ф. 59. Оп. 1. Д. 3953. лл. 9,10; *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. Примечания. Таблица № 16. – С. 175.
55. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. – С. 180-190; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времён. Т. 24. М., 1874 – С. 28.
56. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. – С. 230.
57. *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. – С. 270.
58. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. – С. 251, 254-255.
59. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Т. 4. 1-VII. Русская старина (ежемесячное историческое издание). СПб., 1870. – С. 496-497.
60. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 89, л. 53.
61. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 2240, л. 36.
62. *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. – С. 270.
63. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. Приложения.
64. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг. М., 1948. Док. № 63. – С. 152.
65. *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. – С. 271.
66. ЦГВИ. Ф. ВУА; Д. 224-в, л. 24.
67. ЦГИА Украины. Ф. 59. Оп. 1. Д. 3953, л. 9, 10.
68. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. Вып. II. Поход графа Фермора на восточные области Пруссии (1757-1759 гг.). М., 1888. – С. 34, 37.
69. Семилетняя война... Док. № 111. – С. 271.
70. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. Вып. III. М., 1891. – С.132.

Глава 2. *КАЛМЫКИ-КАЗАКИ НА ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В XIX В.*

1. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, л. 14.
2. *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. – С. 456.
3. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5734, л. 2, Донские казаки в 1812 году. Сборник документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 г. Ростов-на-Дону, 1954. – С. 33-38. (В дальн. – Донские казаки в 1812 году).
4. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 260, л. 28об.
5. Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Военное обозрение земли войска Донского. Составил Генерального штаба капитан Краснов. СПб., 1861. (Дальн. – Военное обозрение земли войска Донского). – С. 19.
6. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3473, лл. 1-2; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1333, л. 16; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года. По достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1859. – С. 315.
7. Донские войсковые ведомости. № 68. 3 сентября 1871.
8. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 244, л. 8.
9. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 59, л. 14.
10. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 39, л. 12об.
11. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 59, л. 14.
12. Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 244, л. 3.
13. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 38, л. 12об.
14. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным. М., 1864. – С. 358-359. (В дальн. – Погодин М. А. П. Ермолов).
15. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 59, л. 14.
16. ЦГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 734, л. 7.
17. СПР по КВ. За 1914 год. Пг., 1915. – С. 73.
18. ЦГВИА. Ф. 5056. Оп. 1. Д. 2, л. 19.
19. Там же. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12, лл. 8об., 14.
20. Там же. Д. 38, л. 581.
21. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 3, лл. 2, 4.
22. Там же. Оп. 2. Д. 30, л. 1об.
23. Положение об управлении Донского войска. Ч. I, II и III. С приложениями к наказу гражданскому управлению, штатами и общими положениями. СПб., 1835. – С. 84.
24. Военное обозрение земли войска Донского. – С. 20.
25. ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 107, лл. 35об., 93об., 143об.,168об., 217об., 252об., 272об., 334об., 378об., 399об., 418об., 453об., 482об.
26. Там же. Д. 77, лл. 11об., 12.
27. Там же. Д. 100, лл. 5, 19-20.
28. Там же. Д. 82, л. 52 и об.
29. Там же. Оп. 3. Д. 3, л. 66.
30. Там же. Оп. 2. Д. 30, л. 2.
31. Там же. Оп. 3. Д. 3, лл. 2-5, 145.
32. Там же. Д. 1, л. 42; Д. 10, л. 2.
33. Там же. Д. 48, л. 1об., 2.
34. *Краснов.* Военное обозрение земли Донского войска. СПб., 1870.

35. Там же. – С. 45.
36. Там же. – С. 66-67.
37. Список генералам, штаб и обер-офицерам войска Донского по старшинству. Новочеркасск, 1897. – С. 72, 116, 128, 136, 236, 249, 276, 288, 337, 338, 373, 391, 401, 419, 433, 467.
38. Столетие Военного министерства. 1802-1902. Т. IV. Ч. 1. Кн.2. Отдел 2. СПб., 1902. – С. 70.
39. Отечественная война 1812 года. Т. XXX. СПб., 1913. – С. 89.
40. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3406, л. 23.
41. ЦГИАР. Ф.1409. Оп. 1. Д. 694, лл. 31-32.
42. ЦГВИА. Ф.13. Оп.2/110. Д. 86, лл. 4об.-5; ПСЗ. Т. XXVII. 1802-1803. № 21025. СПб., 1830. – С. 971-975; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска, вып. XVI-XVIII. Оренбург, 1907. – С. 53-54.
43. Там же. Ф. 414. М/Ф. Д. 265, лл. 67-77.
44. *Небольсин П.* Указ. соч. – С. 210-213.
45. *Кутузов М. И.* Сб. док. Т. II. М., 1951. – С. 197.
46. Там же. – С. 325.
47. Там же. – С. 368.
48. *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. – С. 7-89.
49. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 3/III. Д. 43, лл. 2, 6об., 7, 8об.
50. Там же. Оп. 110. Д. 35, лл. 1 и об.; Беликов Т. И. Указ. соч. – С. 118-119.
51. ЦГВИА. Ф. 13. Оп. 3/III. Д. 43, лл. 2, 6об., 7, 8об.
52. *Чуйкевич П.* Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810. – С. 102-103, 119.
53. Калмыки в Отечественной войне 1812 года. Сборник док. Элиста, 1963. – № 1 (В дальн. – сборник).
54. *Габаев Г. С.* Роспись русским полкам 1812 года. Приложение к "Военно-историческому вестнику". Киев, 1912. – С. 33.
55. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА Главного штаба. Т. X. СПб., 1907. – С.220 (В дальн. – Отечественная война...).
56. Там же.
57. ЦГВИА. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 20, л. 7 и об.
58. Там же. Ф. 26. Оп. 152. Д. 510, л. 625 .
59. Там же. Ф. ВУА. Д. 3473, лл. 1-2 .
60. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1335, л. 16 .
61. *Богданович М. И.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1859. – С. 315 .
62. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 8-я. М., 1904. (В дальн. – Щукин П.И. Бумаги...). – С. 177.
63. *Прозрителев Г. Н.* Указ. соч. – С. 109.
64. *Беликов Т.И.* Указ. соч. – С. 145.
65. *Щукин П. И.* Бумаги... – С.198.
66. Там же. – С.210.
67. Там же. – С.211.
68. *Богданович М. И.* Указ. соч. Т. I. – С.208.
69. Т. И. Беликов неверно указывает на то, что первые двое якобы произведены в сотники, а вторые в хорунжие. К тому же пропущена фамилия Лекбедонкова (Указ. соч. – С.146). В представлении Платова было объяснено, что зауряд означает вообще урядник.
70. *Тарле Е. В.* 1812 год. М., 1959. – С.500.

71. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1334, лл. 37-44. По данным же Прозрителева (Указ. соч. – С. 108) участвовали: половина Донского атаманского полка (5 сотен), казачьи полки Иловайского 5-го, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Краснова 1-го, Сысоева 3-го, Перекопский конно-татарский князя Хункалова и Ставропольский калмыцкий капитана Диомидия.

72. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. – С. 228.

73. Там же. Ф. 309. Оп. 1. Д. 105, лл. 1об., 3.

74. Отечественная война... Т. XXX. – С. 89.

75. Там же, – С. 88.

76. *Михневич Н. Н.* Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 гг. – С. 3.

77. Отечественная война... Т. XXX. – С. 89.

78. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3406, л. 23.

79. ЦГИАР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 694, л. 31-32.

80. Там же, л. 31-32.

81. Там же, лл. 15об., 16, 25-26.

82. Там же.

83. *Бескровный Л. Г.* Две тактики – 1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны. М., 1962. – С. 93.

84. ГАРО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 105, лл. 1-3.

85. Там же.

86. *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968. – С. 27.

87. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. – С. 30.

88. *Бескровный Л. Г.* Боевые действия русской армии и освобождение Германии в 1813 г. Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник док. М., 1964. – С. XVII-XVIII.

90. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 7 – С. 502.

91. ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 208-в. Д. 3, лл. 103, 105, 107.

92. *Прозрителев Г. Н.* Указ. соч. Ч. II. – С. 18, 19; Сборник док. № 90.

93. ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 208 в. Д. 3, л. 92об.

94. Сборник. № 33; ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 208-а. Д. 29, л. 270.

95. Там же, лл. 106-109.

96. Там же, лл. 42,4 5-46об., 50-51.

97. Там же.

98. ГАРО. Ф. 309. Оп. 1 Д. 105, лл. 1 и об.

99. Там же. Д. 72 (листы не нумерованы).

100. ЦГВИА. Ф. 138. Оп.1/168 Г. Д. 3, лл. 2, 4, 5, 25.

101. Там же, л. 11об.

103. *Андрианов П.* Указ. соч. – С. 77-84.

104. Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1941. – С. 27.

105. В связи с тем, что подполковник Диомидий с 6 августа до падения крепости Майнца был назначен командиром бригады в составе Ставропольского, Грекова 21-го и Ежова полков, обязанности командира над ставропольцами были возложены на Даржаева.

106. ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 25, л. 68об; Сборник док. № 88.

107. Там же, лл. 70-71; Док. № 89.

108. Там же, лл. 68 и об; Док.№ 88.

109. *Погодин М. А.* П. Ермолов. – С. 236-238.

110. Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями. Часть II. 1816-1827 гг. М., 1868. Приложения. – С. 432-433.

111. Там же. – С. 88.

112. Там же. – С. 392.

113. *Погодин М. А.* П. Ермолов. – С. 237-238.

114. Там же. Часть II. 1816-1827 гг. М., 1868. Приложения. – С. 320-323.

115. ГАРО. Ф. 309. Оп. 2. Д. 26, лл. 1-2.

116. Военное обозрение земли войска Донского. – С. 20.

117. Там же. – С. 22-23.

118. ГАРО. Ф. 309. Оп. 2. Д. 26, лл. 1, 3об.

119. ЦГА Калмыкии. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 256, лл. 126-128, 147-148, 160-161об., 176-178об.

120. Военное обозрение земли войска Донского. – С. 20.

121. ГАРО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 62, л. 63.

122. Там же. Д. 56, л.12об.

123. Там же. Оп. 2. Д. 26, лл. 1, 3об.; Оп. 3. Д. 52, л. 23.

124. Там же. Оп. 3. Д. 35, лл. 3-4об., 11 и об., 21-22.

125. Там же. Оп. 3. Д. 77, л. 3.

126. Там же. Оп. 2. Д. 52, лл. 1-5об., 31-32, 37-38, 48; Д. 53, лл. 1-3, 7, 13, 14, 25-26, 72-74.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. КНИГИ

1.1. *Авдеев П. И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904.

1.2. *Алекторов А.* История Оренбургской губернии. Второе изд. Оренбург, 1880.

1.3. *Багалей Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI-XVIII столетии. Т. 1. Харьков, 1886.

1.4. Он же. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.

1.5. *Балуев П. С.* Исторические и статистические описания станиц и городов, посещенным военным министром при объезде войска Донского в 1900 году. Новочеркасск, 1900.

1.6. *Бантыш-Каменский Д.* История Малой России. М., 1830.

1.7. *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965.

1.8. Он же. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773-1775 гг.). Элиста, 1971.

1.9. Он же. Ф. И. Дербетев – сподвижник Е. И. Пугачева. Элиста, 1979.

1.10. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. М.,1958.

1.11. Он же. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

1.12. Он же. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.

1.13. Он же. Русское военное искусство XIX в. М., 1974.

1.14. *Белявский.* Манычские солёные озера в земле войска Донского.

1.15. *Бирюков И.А.* История Астраханского казачьего войска. Ч.1. Саратов,1911.

1.16. *Борисевич А. Г.* Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск. – Столетие Военного Министерства. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. СПб., 1902.

1.17. *Боплан.* Описание Украины. СПб., 1832.

1.18. *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах с 10 картами. Т. 1. Уральск, 1891.

1.19. *Броневский В. Б.* История Донского войска. СПб., 1834.

1.20. *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. М., 1976.

1.21. Он же. Очерки истории классовой борьбы в России XI-XVIII вв. М., 1986.

1.22. Он же. Пугачев. М., 1984.

1.23. Он же. Булавин. М., 1988.

1.24. *Б-ов Н.* Митричен Кристен: терские калмыки. СПб., 1906.

1.25. *Быкодоров В.* Былое Дона. Изд. 2-е. СПб., 1908.

1.26. *Быкодоров И.* Очерк участия Донского войска в Отечественной войне 1812 и заграничных походах 1813-1814 гг. Новочеркасск, 1911.

1.27. *Витевский В. Н.* И. И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Вып. 1. Казань, 1889, Вып. 2. 1890; вып. 3, 1891; вып. 4. 1892; вып. 5. 1895.

1.28. *Герасимова Э.И.* Уральск. Исторический очерк (1613-1917 гг.). Алма-Ата, 1969.

1.29. *Гербель П.* Изюмский слободской казачий полк (1651-1765). СПб., 1852.

1.30. *Головинский П.* Слободские казачьи полки. СПб., 1865.

1.31. *Гольдентул И.* Земельные отношения на Кубани. Ростов-Краснодар, 1924.

1.32. *Гриценко Н. П.* Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.

1.33. *Гумилевский Фил.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 4 и 5. Харьков, 1857-1859.

1.34. *Дебу И.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии. М., 1837.

1.35. *Донецкий М.* Донское казачество. Ростов-на-дону, 1926.

1.36. Донское казачье войско. История Донского казачества. Лекции. Новочеркасск, 1914.

1.37. Донское казачье войско. О военном управлении войска Донского. БМ., 1842.

1.38. Донское казачье войско. Сведения о войске Донском: статистические, исторические, географические. Вып. 1. Новочеркасск, 1878.

1.39. Донское казачье войско. Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории войска Донского. СПб., 1909.

1.40. *Жуковский В. Г.* Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края. СПб., 1832.

1.41. Он же. Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Составлено в 1832 году В. Жуковским. Изд. 2-е. Уфа, 1880.

1.42. Журналы о военных действиях российской императорской армии. Собраны из "Санкт-Петербургских ведомостей" в трёх частях: первая книга (1757-1758). СПб., 1861, вторая книга (1759-1760). СПб., 1862; третья книга (1761). СПб.,1863.

1.43. *Загоровский В. П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.

1.44. Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Ростов-на-Дону, 1912.

1.45. Земля Донского войска. XII. Список населённых мест. По сведениям 1859 года. СПб., 1864.

1.46. *Иверсен Ю. Б.* Медали, пожалованные императрицей Екатериной II некоторым лицам войска Донского. СПб., 1870.

1.47. История Дона с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов-на-Дону, 1965.

1.48. Исторический вестник. № 86. Новочеркасск, 1901.

1.49. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, Т. 1, 1867; Т. 2, 1872.

1.50. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. третья. СПб., 1899.

1.51. *Калмыков В. И.* Донская старина. Новочеркасск, 1896.

1.52. *Караулов М.А.* Терские казаки в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912.

1.53. Картины былого Тихого Дона. Краткий исторический очерк. СПб., 1909.

1.54. *Кириллов А. А.* Войсковой атаман войска Донского граф М. И. Платов и его административная деятельность. Новочеркасск, 1912.

1.55. К истории донского казачества. Ростов-на-Дону, 1939.

1.56. Кованько С. И. Описание Харьковской губернии. Харьков,1857.

1.57. Казин В. Х. Казачьи войска. Справочная книжка императорской главной квартиры. СПб., 1912.

1.58. *Коргин Н. М.* Донское казачество.(Из прошлого). Ростов-на-Дону, 1949.

1.59. *Краснитский.* Статистический указатель статей, помещённых в Донских епархиальных ведомостях от 1869-1891 гг. Новочеркасск, 1892.

1.60. *Краснов П. Н.* Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909.

1.61. Он же. Казаки в начале XIX столетия. СПб.1896.

1.62. *Краснов Н. И.* Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 4. Военное обозрение Земли войска Донского. СПб., 1864.

1.63. Краткий очерк истории Оренбургского неплюевского кадетского корпуса. Оренбург, 1913.

1.64. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания этого города до возвращения его под Российскую державу. Переведено с немецкого языка через И. К.Тауберта, академии наук адьюнкта. СПб., 1738.

1.65. *Лобов Н.* Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. XVII. Оренбург, 1907.

1.66. Он же. Краткая записка о старшине Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1911.

1.67.*Лобысевич Ф.* Город Оренбург. Историко-статистический очерк. СПб., 1878.

1.68. *Лола М.* О кубанском казачестве. Ростов-Краснодар, 1926.

1.69. *Лунин Б. В.* К истории Донского казачества. Ростиздат,1939.

1.70. Он же. Очерки истории Подонья-Приазовья. Кн. 1, 1949; Кн. II. Ростов-на-Дону, 1951.

1.71. *Марков М. И.* История конницы. Ч.1-5. Тверь, 1888-1896.

1.72. *Маркевич Н. А.* История Малороссии. Т. I-V. М., 1842-1843.

1.73. *Мартиросян Г. К.* Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Владикавказ, 1925.

1.74. *Маслаковец Н. А.* Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 1. Новочеркасск, 1872.

1.75. Он же. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 2. Новочеркасск, 1874.

1.76. *Матвеевский П. Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962.

1.77. Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. В 2-х частях. Астрахань, 1910.

1.78. *Мердер И. К.* Конская торговля в России (ярмарки). СПб., 1880.

1.79. *Машин М. Д.* Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976.

1.80. *Неплюев И. И.* Записки. СПб., 1893.

1.81. *Никольский А. И.* Главное управление казачьих войск. Исторический очерк — Столетие Военного Министерства. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902.

1.82. *Номикосов С.* Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884.

1.83. *Норов Н.* Участие донских казаков в азовских походах Петра Великого (1695-1696).

1.84. Область Войска Донского по переписи 1873 года. Новочеркасск, 1879.

1.85. Оренбургские епархиальные ведомости. Оренбург, 1873.

1.86. Очерк казачьих войск. СПб., 1884.

1.87. *Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. (Путешествие в 1768 и 1769 гг.). 1773.

1.88. Памятная книжка Области войска Донского на 1871 год. Новочеркасск, 1871 г.

1.89. Памятная книжка Области войска Донского на 1875 год. Новочеркасск, 1875 г.

1.90. Памятная книжка Области войска Донского на 1876 год. С приложением подробных сведений о всех населённых пунктах Донской области по переписи 1873 и карта области. Новочеркасск, 1876.

1.91. Памятная книжка Области войска Донского на 1879 год. Новочеркасск, 1879 г.

1.92. Памятная книжка Области войска Донского на 1880 год. Новочеркасск, 1880 г.

1.93. Памятная книжка Области войска Донского на 1890 год. Новочеркасск, 1890 г.

1.94. Памятная книжка Области войска Донского на 1910 год. Новочеркасск, 1910 г.

1.95. Памятная книжка Области войска Донского на 1913 год. Новочеркасск, 1913 г.

1.96. Памятная книжка Области войска Донского на 1914 год. Новочеркасск, 1914 г.

1.97. *Петров А.Н.* Устройство и управление военных поселений в России. Граф Аракчеев и военные поселения. 1809-1831. СПб.,1871.

1.98. *Попов А.* История о Донском войске, сочинённая директором училищ в войске Донском, коллежским советником и кавалером Алексеем Поповым 1812 года в Новочеркасске. Харьков. Часть 1 в 1814, часть 2 в 1816 году.

1.99. *Прозрителев Г. Н.* (Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий полк и астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. II. Ставрополь, 1912.

1.100. *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Изд-во Ростовского университета, 1961.

1.101. *Пудавов В. М.* История Войска Донского и старобытность начал казачества: в 2-х частях. Новочеркасск, 1890-1898.

1.102. Разгром русскими войсками Пруссии. 1756-1762 гг. М.,1943.

1.103. *Ратушнян В. Н.* Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX в. Краснодар, 1982.

1.104. *Ригельман А. И.* История, или повествование о донских казаках. М., 1846.

1.105. Он же. Летописное повествование о Малой России и её народе и казаках вообще. М., 1847.

1.106. Русский художественный листок В. Тимма. 1853.

1.107. *Рычков П.* Топография Оренбургская. (Обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое колежским советником императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым). Ч. I-II. СПб., 1762.

1.108. Он же. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770. СПб., 1770.

1.109. *Рябинин А.* Уральское казачье войско. Материалы для географии России. Ч.1 и 2. СПб., 1866.

1.110. *Савельев Е. П.* История казачества. Часть I-III. Репринтное воспроизведение изданий 1915, 1916, 1915-1918 гг. Ростов-на-Дону, 1990.

1.111. Сведения о войске Донском: статистические, исторические, географические, этнографические, сельско-хозяйственые и проч. Издание Ф. Траилина. Вып.1. Новочеркасск, 1878.

1.112. *Сватиков С. Г.* Россия и Дон. Белград, 1924.

1.113. *Семёнов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.,1895.

1.114. *Семёнов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Вып. 2. СПб., 1864.

1.115. *Сементовский Н.* Старина малороссийская, запорожская и донская. М.,1837.

1.116. *Сенюткин М.* Донцы, исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта и взгляд на историю войска Донского. 1-2 части. М., 1866.

1.117. *Скворцов С. А.* Землепользование в Кубанской области. Краснодар, 1925.

1.118. *Соколов Д. Н.* Оренбургская губерния. Географический очерк. М., 1916.

1.119. Список населённых мест Области войска Донского по переписи 1873 г. Новочеркасск, 1875.

1.120. *Стариков Ф.Н.* Откуда взялись казаки? (Исторический очерк). Оренбург, 1881.

1.121. Он же. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. Оренбург, 1890.

1.122. Он же. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891.

1.123. Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1902.

1.124. Столетие Военного министерства. Т.Х. СПб., 1903.

1.125. *Сурожский П.* Донские калмыки. Очерк. Новочеркасск, 1912.

1.126. *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли войска Донского. Т. I-II. Новочеркасск, 1867, 1872.

1.127. Он же. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822-1832 гг. Новочеркасск, 1891.

1.128. Сыны донских степей. Рост. кн. изд-во, 1973.

1.129. *Ткачев Г. А.* Казаки и туземцы в Терской области. Владикавказ, 1910.

1.130. Он же. О казачьем землепользовании. Пг., 1917.

1.131. *Толмачев.* В степях донских. М., 1959.

1.132. Труды Донского войскового статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск, 1867.

1.133. Труды Оренбургской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Оренбург, 1897.

1.134. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIX. Оренбург, 1903.

1.135. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIX. Оренбург, 1908.

1.136. *Уланов Н.* Буддийско-ламаистское духовенство донских калмыков, его современное положение (Усерднейшее подношение его высокопревосходительству г. военному министру генерал-адьютанту Алексею Николаевичу Куропаткину). СПб., 1902.

1.137. Уральцы. Полн. собр. соч. И. И. Железнова. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1888.

1.138. *Усов Ф.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

1.139. *Филарет, архиепископ.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 4. Харьков, 1857.

1.140. *Филонов.* Очерки Дона. СПб., 1859.

1.141. *Хлебников Б. В.* История 32-го драгунского Чугуевского полка. (1613-1893). СПб., 1893.

1.142. *Хорошихин М. П.* Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881.

1.143. Хрестоматия по истории Подонья и Приазовья. Кн. 1. Ростов-на-Дону, 1941.

1.144. *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

1.145. *Чернявский Н.* Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. Вып. 2. Оренбург, 1901-1902.

1.146. *Чернощеков Н. А.* Землеустройство казачьих войск. Исторический очерк. – Столетие Военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч. IV. СПб., 1911.

1.147. *Чуйкевич П.* Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810.

1.148. *Шаяков Н.* Начало казачества в России. Харьков, 1906.

1.149. *Шовунов К. П. (в соавторстве).* История Калмыкии с древнейших времён до XX века. Элиста, 1987.

1.150. Он же. Во славу Отечества. Элиста, 1990.

1.151. *Шутой В. Е.* Северная война (1700-1721 гг). М., 1970.

1.152. *Щербина Ф.* Земельная община кубанских казаков. Воронеж, 1889.

1.153. *Эварницкий Д. И.* Иван Дмитриевич Серко – славный атаман войска Запорожских низовых казаков. СПб., 1894.

1.154. *Юдин М. Л.* Оренбуржцы в войнах 1812-1814 годов. Ташкент, 1882.

1.155. *Янчевский Н.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI-XVII вв. Ростов-Дон, 1930.

1.156. Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю М. Н. Галкина, действительного члена Императорского русского географического общества. (Записки императорского русского географичеекого общества по отделению этнографии. 1867). СПб., 1867.

II. СТАТЬИ

II.157. *Абрамов Я.* Одна из погрешностей нашей земельной политики на Кавказе. – Терек. № 64, 65. Владикавказ, 1883.

II.158. Он же. Несколько исторических сведений о гребенских и терских казаках. – Военный сборник. № 6. 1877.

II.159. *Беликов Т. И.* Участие калмыков в Северной войне (1700-1721). – Записки. Серия историческая. Вып. 4. Элиста, 1965.

II.160. *Бескровный Л. Г.* Значение документов ЦГВИА СССР для развития военной историографии. – Советские архивы. № 4. 1969.

II.161. *Бирюков Н.* Участие калмыков и казаков Астраханского казачьего войска в войнах 1807 и 1812-14 годов. – Отчёт Петровского общества исследователей Астраханского края за 1896 год. Астрахань, 1898.

II.162. *Богачев В. В.* Сальский округ Донской области. – Очерки географии Всевеликого войска Донского. Новочеркасск, 1919.

II.163. *Борманжинов А. Е. и Крюгер И. Е.* Историческая основа русско-калмыцких отношений. – Калмыцко-ойратский сборник. Филадельфия, 1966.

II.164. *Браиловский С., Немцов Н.* Из поездки к донским калмыкам. – Исторический вестник. № 86. Новочеркасск, 1901.

II.165. *Вертепов Г.* Очерк движения частной поземельной собственности на территории Терского казачьего войска. – Терский сборник . Вып. 1. Владикавказ, 1890.

II.166. *Глаголев В. П.* Движение на Дону и на юге России весной 1682 г. – Учёные записки Московского заочного педагогического института. Т. 1. М., 1958.

II.167. *Гривин В.* Калмыцкие поминки. – Донские областные ведомости. № 19. 1871.

II.168. *Губанов Г.* Очерк жизни калмыков на Тереке. – Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901.

II.169. Донская летопись. № 3. Белград, 1924.

II.170. *Глаголев В. П.* Движение на Дону и на юге России весной 1682 г. – Ученые записки Московского заочного педагогического института. Т. 1, М., 1958.

II.171. *Гурий, иеромонах.* Донские калмыки и история их христианского просвещения. – По трудам Казанского миссионерского съезда. Т. XVI. № 1-4, 5-8. СПб., 1911.

II.172. Донские епархиальные ведомости. Новочеркасск, 1869.

II.173. Земля Донского войска. – Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1864.

II.174. Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII – нач. XX в. Материалы региональной научной конференции. (12-14 мая 1983 г., Оренбург). Свердловск, 1983.

II.175. Калмыцкий округ. – Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1864.

II.176. *Корниевский В. Н.* Калмыки Донской области, Астраханской и Ставропольской губерний. – Живописная Россия. Т. 7. Ч. 2. СПб., 1899.

II.177. *Короленко.* Кубанские казаки. – Сборник трудов Кубанского областного комитета.

II.178. *Костенков К.* Калмыки Моздокского казачьего полка. – Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. 1869.

II.179. *Краснитский.* Систематический указатель статей, помещенных в Донских епархиальных ведомостях от 1869-1891 годах. Новочеркасск, 1892.

II.180. *Краснов Н.* Калмыки. – Материалы для географии и статистики России. Т. 2. Земля войска Донского. СПб., 1863.

II.181. Он же. Народонаселение и территория казаков европейской и азиатской России. – Военный сборник. № 12. 1877.

II.182. Крылов А. Л. О буддизме. – Донские епархиальные ведомости. №№ 5-8, 10, 11, 16, 18, 19. 1871.

II.183. Он же. Поездка к калмыкам. – Донские епархиальные ведомости. №№ 1-3, 1872.

II.184. Он же. Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта. – Донские епархиальные ведомости. № 12. 1873.

II.185. *Ку-м А. К.* Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле войска Донского. – Северный архив. № 6. 1824.

II.186. *Лобачевский В.* Бугское казачество и военные поселения. – Киевская старина. № 12. 1887.

II.187. *Ло-ч. Ф.* (Лобычевич – К. Ш.). Корреспонденция из Оренбурга. – Санкт-Петербургские ведомости. №150.

II.188. *Л-н. (Лыткин – К. Ш.).* Быт донских калмыков. – Экономический журнал, издаваемый под редакцией А. П. Субботина. Книжка первая. СПб., 1890.

II.189. *Матющенко П. П., Труханович А. П.* Аграрный вопрос на Кубани во второй половине XIX – начале XX вв. в советской историографии. – Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983.

II.190. *Махотко О.* Дипломатическая деятельность "Священной лиги" среди казачества и калмыков в 1683-1686 гг. – Вестник ЛГУ. Вып. 3. № 14, 1958.

II.191. *Мевес В.* Путевые заметки о калмыках. – Кавказ. № 42. 1865.

II.192. *Небольсин П.* Несколько замечаний об уральских казаках. – Вестник императорского Русского географического общества за 1854 г. Книжка IV. СПб., 1855.

II.193. *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII века. – История СССР. № 4, 1986.

II.194. О донских калмыках. – Свод законов Российской империи. В 5-ти книгах. Т. II, IV. СПб., 1912.

II.195. Оренбургская ученая архивная комиссия. – Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. № 1-35, Оренбург, 1897-1917.

II.196. *Орлов Д. Н., протоиерей.* Ставрополь и его храмы. – Самарские епархиальные ведомости. №№ 1-5, 8-10, 12-15. 1882.

II.197. *Павловский С.* Краткие сведения о донских калмыках. – Донские епархиальные ведомости. № 36. 1911.

II.198. *Полушкин С. П.* О движении народонаселения в Области войска Донского с 1867 года по 1880 год включительно в связи с среднею продолжительностью жизни. – Донские областные ведомости. № 33, 40. 1882.

II.199. *Попов В. С.* Материалы к истории войска Донского. – Сборник областного войска Донского статистического комитета. Вып. XII. Новочеркасск, 1914.

II.200. *Попов И. И.* Донские калмыки-казаки. – Очерки географии Всевеликого войска Донского. Издание отдела народного просвещения, 1918.

II.201. *Постникова-Лосева М. М.* Из истории социально-экономических отношений на Дону в XVIII в. – Исторические записки. Т. 60. М., 1957.

II.202. *Пронштейн А. П.* Войско Донское накануне Булавинского восстания. – Вопросы военной истории России XVIII – первой половины XIX в. М., 1969.

II.203. Он же. Донское казачество эпохи феодализма в советской исторической литературе. Ростов-на-Дону, 1972.

II.204. *П-ский И. С.* Ставрополь и его храмы. Самарские епархиальные ведомости. 1882.

II.205. *Родожицкий И.* Дорога от реки Дона до Георгиевска на протяжении 500 вёрст. – Отечественные записки. № 41. 1823.

II.206. *Рязанов А. Ф.* Оренбургский край. Исторический очерк. – Вестник просвещенца. Оренбург, 1928.

II.207. *Сахаров П. П.* Материалы по истории колонизации и быта земли донских казаков XVIII в. — Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. X. 1910.

II.208. *Сизякин Е.* Донские калмыки.—Приазовский край. №245, 254, 264. 1885.

II.209. *Соколов Д. Н.* Оренбургские калмыки. Этнографическая записка. — Известия Оренбургского отдела Российского географического общества. Вып. 21. 1909.

II.210. *Станиславский А. Л.* Правительственная политика по отношению к "вольному" казачеству (1612-1619). — История СССР. № 5. 1984.

II.211. *Сулин П.* Очерки быта донских казаков. — Донская газета. № 5. 1878.

II.212. *Сулин И.* Исторические донские предания, относящиеся к колонизации земли Донского войска казачьими и крестьянскими хуторами. — Донские областные ведомости. №№ 143, 145, 146. 1902.

II.213. Он же. Материалы к истории заселения Черкасского округа. — Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. VIII. 1908.

II.214. *Суровицкий.* Крещёные калмыки в Терской области. — Труды Ставропольской учёной архивной комиссии. Вып.1. Ставрополь, 1911.

II.215. *Ташнинов Н. Ш.* О донских калмыках. — Вестник института. № 2. Ч. 1. Элиста, 1967.

II.216. *Траилин Ф.* Калмыцкий престольный праздник. — Донские войсковые ведомости. №№ 31-32. 1886.

II.217. Он же. Состояние животных под властью калмыков. — Земельная газета. № 26. 1867.

II.218. Он же. Санкерин. — Курэ дэ (калмыцкая икона). — Донской вестник. №№ 21, 24. 1869.

II.219. Он же. Из калмыцкой религии и прочее. — Донские епархиальные ведомости. №№ 4-6, 8-10. 1871.

II.220. Он же. Стремление калмыков к образованию "часовен". — Донской сборник. Вып.1. Новочеркасск, 1877.

II.221. *Тмутараканский Д.* Об экономическо-социальном значении поземельного владения кубанских казаков. — Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911.

II.222. *Усманский А. П.* Выезжие белые калмыки на службе у русского государства (вторая половина XVII — нач. XVIII вв.). — Из истории Западной Сибири. Вып. 64. Новосибирск, 1971.

II.223. *Чаев Н. С. и Бибикова К. М.* Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания. — Булавинское восстание (1707-1708 гг.). М., 1935.

II.224. *Шовунов К. П.* Ставропольское калмыцкое войско. — Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии. Элиста, 1974.

II.225. Он же. Калмыцкие казачьи поселения и их военная организация в XVIII в. — Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981.

II.226. Он же. К вопросу о земельной политике царизма в калмыцких казачьих поселениях (XVIII — первая половина XIX в.). — Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982.

II.227. Он же. Социально-политическое развитие донских калмыков. (Последняя треть XVIII — первая половина XIX в.). — Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983.

II.228. Он же. Терское поселение калмыков. — Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

II.229. Он же. Во славу Отчизны. — Теегин Герл. № 5. Элиста, 1984.

II.230. Он же. О развитии казачества в России в XVII—XIX вв. — Военно-исторический журнал. № 3. М.,1987.

II.231. Он же. Архивные материалы по военной истории калмыцкого народа XVIII — первой половины XIX в.— Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста, 1987.

II.232. Он же. И почестей, и памяти достойны. — Теегин Герл. № 6. Элиста, 1987.

II.233. Он же. Военное прошлое калмыцкого народа в доoктябрьской историографии России.—Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста, 1988.

II.234. Он же. Положение рядовых калмыков-казаков в XIX в. — Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста,1989.

III. НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

III.235. *Bruckner.* Russishe Aktenstucke zur Geschichte des Jahres 1756. — Baltische Menatsschrift, 1872.

III.236. Die Kosaken oder historische Darstellung ihrer Sitten, Gebrauche, Kleidung, Waffen und Art Krieg zu fuhren. Cpt., 1779.

III.237. *Lesur M.* Histoire des Kosagues. Vol. I-II. Paris, 1814.

III.238. *Macneal R.H.* Tsar and Cossack, 1855-1914. Oxford, Macmillan, 1987.

III.239. *Rawita-Gawronski.* Bohdan Chmelnicke. Vol. I. Lwow, 1906.

III.240. *Springer A.* Die Kosaken, deren historische Entwicklung, gegenwartige Organisation, Kriegstatigkeit und nummerische Starke. Leitmeriz, 1877.

III.241. *Stein F.V.* Die russischen Kosaken-Heeren. Nach dem Werke des Obersten Choroschin und anderen Quellen. Gotha, 1883. Erganzungsheft, №71 zu Petermanns Mitteilungen.

III.242. Thr. von Tettanu. Die Kosaken-Heeren. Militarisch-statistische Beschreibung. Berlin, 1892.

III.243. *Willhelm Hupel.* Von dem Kosaken. Riga, 1790.

III.244. X. Hommair de Hell. Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimee et la Russie meridionale. Paris, 1844.

IV. ДИССЕРТАЦИИ

IV.245. *Ананьев В. А.* Военные поселения в России (1810-1857 гг.). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Л., 1989.

IV.246. *Громов В. П.* Население степного Предкавказья (Ставропольской губернии и земли Черноморского войска) в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. Формирование. Социальный состав. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 1983.

IV.247. *Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири XVIII — первой четверти XIX вв. Диссертация кандидата исторических наук. Новосибирск, 1987.

IV.248. *Кириенко Ю. К.* Монография "Революция и донское казачество". Автореферат диссертации доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 1988.

IV.249. *Матющенко П. П.* Аграрная политика царизма в казачьих областях Северного Кавказа в капиталистический период. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 1989.

IV.250. *Мининков Н. А.* Политика Московского правительства на Дону в XIV-XVII вв. Диссертация кандидата исторических наук. Л., 1978.

IV.251. *Рябов С. И.* Донская земля в последней четверти XVII – начале XVIII вв. Диссертация кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 1984.

IV.252. *Станиславский А. Л.* Русское казачество в первой четверти XVII. Автореферат диссертации доктора исторических наук. М., 1984.

IV.253. *Трут В. П.* Казачество Дона, Кубани и Терека накануне и в ходе осуществления Великой Октябрьской социалистической революции. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 1988.

IV.254. *Хиони И. А.* Бугские казаки и их борьба против феодально-крепостнического гнёта (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX вв.). Одесса, 1973.

IV.255. *Шовунов К. П.* Калмыки в системе военной организации России (XVIII век). Диссертация кандидата исторических наук. Элиста, 1980.

V. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

V.256. Акты исторические, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 4-6. СПб., 1842.

V.257. Акты, относящиеся к истории войска Донского. Высочайшие грамоты, рескрипты и др. Новочеркасск, 1902.

V.258. *Лишин А.А.* Акты к истории войска Донского. Т. 1. №№ 6 и 24. Статистическое описание земли войска Донского, составленное в 1822-1832 гг. Новочеркасск, 1891.

V.259. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные г-м. А. А. Лишиным. Т. II. Ч. 1. Новочеркасск, 1894.

V.260. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные г-м. А. А. Лишиным. Т. III. (1762-1887). Новочеркасск, 1894.

V.261. Архив бывшего оренбургского генерал-губернатора управления. Вып. 1. Указы императрицы Екатерины II (1764 г.), императора Павла 1 (1797-1800) оренбургским военным губернаторам.

V.262. Высочайшие грамоты и регалии, пожалованные войску Донскому. Под ред. Х. И. Попова. Новочеркасск, 1887.

V.263. Действующие в иррегулярных войсках постановления, изданные с 1 января 1865 г. по 1 января 1878 г. Ч. 4. Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское и Амурское казачьи войска. СПб., 1878.

V.264. *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края в 1735 и 1736 годы. Т.II. Оренбург, 1900.

V.265. Доклад о назначении калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской земель, и о распоряжениях к тому относящихся. – Санктпетербургский журнал. № VII, месяц июль.1806.

V.266. Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773г. Сборник документов. Ростов-Дон, 1961.

V.267. Донские дела. Книга I-я. СПб., 1898.

V.268. Донские дела. Книга II-я. СПб., 1906.

V.269. Донские дела. Книга III-я. СПб., 1909.

V.270. Донские дела. Книга IV-я. СПб., 1913.

V.271. Донские казаки в 1812 году. Сборник документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года. Ростов-на-Дону, 1954.

V.272. Донское казачье войско. Высочайшие грамоты и регалии, пожалованные войску Донскому. Под ред. Х. И. Попова. Новочеркасск, 1887.

V.273. Донское казачье войско. Положение о войсковых конских заводах войска Донского. СПб., 1844.

V.274. Донское казачье войско. Сведения о войске Донском, статистические, исторические, географические. Вып. 1. Новочеркасск, 1878.

V.275. Донское казачье войско. Россия. Законы и постановления. СПб., 1835-1842.

V.276. Донское казачье войско. Материалы для истории войска Донского. Новочеркасск, 1886.

V.277. Донское казачье войско. Список генералам, штаб и обер-офицерам войска Донского по старшинству. Новочеркасск, 1897.

V.278. Донские казаки в 1812 г. Ростов-на-Дону, 1954.

V.279. Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. Т. VII. СПб., 1859. (ДАИ).

V.280. ДАИ. Т. VIII. СПб., 1860.

V.281. ДАИ. Т. X. СПб., 1867.

V.282. Записки Оренбургского отдела императорского Русского географического общества. Вып. 1. Казань, 1870; вып. 2. 1871.

V.283. Из боевого прошлого русской армии. Документы и материалы о доблести и героизме русских солдат и офицеров. Под ред. проф. Коробкова. М., Госполитиздат, 1944.

V.284. Известия Оренбургского отдела императорского Русского географического общества. Вып. 8. Оренбург, 1896; Вып. II. 1897; Вып. 13. 1899.

V.285. Инструкция, составленная к руководству станичным обществом войска Донского. Новочеркасск, 1842.

V.286. *Кичиков М. Л., Санджиев Б. С.* Калмыки в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов Элиста, 1962.

V.287. *Краснов Н.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863.

V.288. *Он же.* Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Военное обозрение земли войска Донского. СПб., 1864.

V.289. *Марков В.* Полный сборник законоположений по военно-конской повинности и переписи. СПб., 1893.

V.290. Материалы для истории войска Донского. Собраны И. П. Андреевым. Новочеркасск, 1886.

V.291. Материалы для истории войска Донского. Новочеркасск, б/д.

V.292. Материалы по истории колонизации и быта земли донских казаков в XVIII в. Новочеркасск, 1911.

V.293. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 1, 3, 5. Оренбург, 1903-1904.

V.294. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 7-8. Оренбург, 1907.

V.295. Материалы по статистике, географии и этнографии Оренбургской губернии, издаваемые Оренбургским губернским статистическим комитетом. Вып. 1. Оренбург, 1877.

V.296. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии, издаваемые Оренбургским губернским статистическим комитетом. Вып. II. Оренбург, 1889.

V.297. Населённые места Российской империи в 500 и более жителей по данным переписи 1897 г. СПб., 1905.

V.298. Наш край. Документы по истории Донской области. XVIII – начало XX века. Ростовское книжное изд-во, 1963.

V.299. Оренбургская учёная архивная комиссия. Вып. II, III. Оренбург, 1897.

V.300. Оренбургская учёная архивная комиссия. Вып. IV. 1898; Вып. V. 1899.

V.301. Оренбургское казачье войско. Положение об Оренбургском казачьем войске. СПб., 1840.

V.302. Оренбургское казачье войско. Положение о пеших батальонах Оренбургского казачьего полка. СПб., 1894.

V.303. Оренбургский областной архив. Путеводитель. М., 1966.

V.304. Отчёт о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1914 и 1915 гг. Оренбург, 1915-1916.

V.305. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 20 (1775-1780). Спб., 1830 (ПСЗ).

V.306. ПСЗ. Собр. 1. Т. XXI. (1781-1783). СПб., 1830.

V.307. ПСЗ. Собр. 1. Т. XXII. (1784-1788). СПб., 1830.

V.308. ПСЗ. Собр. 1. Т. XXV. (1798-1799). СПб., 1830.

V.309. ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. (1802-1803). СПб., 1830.

V.310. ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXI. (1810-1811). СПб., 1830.

V.311. ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXIII. (1815-1816). СПб., 1830.

V.312. ПСЗ. Собр. II. Т. XII. Отд. второе, 1867. СПб., 1871.

V.313. Положение об Оренбургском казачьем войске. СПб., 1840.

V.314. Положение об управлении Донского войска. Части с приложениями к наказу гражданскому управлению, штатами и общими приложениями. СПб., 1835.

V.315. Положение об управлении Донского войска. Ч. I. II., III с приложениями к наказу гражданскому управлению, штатами и общими положениями. Изд. второе. СПб., 1842.

V.316. *Попов И. П.* Материалы к истории Дона. Собранные действительным членом Области войска Донского статистического комитета И. И. Поповым. Новочеркасск, 1900.

V.317. Приказы военного министра по иррегулярным войскам за 1867. СПб., 1867; за 1868. СПб., 1868; за 1869. СПб., 1869; за 1870. СПб., 1870; за 1871. СПб., 1871; за 1876. СПб., 1876; за 1877. СПб., 1877; за 1878. СПб., 1878; за 1879. СПб., 1879; за 1880. СПб., 1880.

V.318. *Пранишников И.* Материалы для истории войска Донского. Новочеркасск, 1864.

V.319. Разгром русскими войсками Пруссии 1756-1762 гг. Документы. М., Госполитиздат, 1943.

V.320. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического. 1790-1793 гг. Под редакцией академика Н. Ф. Дубровина. СПб., 1895.

V.321. Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1. Северная война. Документы 1705-1708 гг. Вып. IXV. Журнал, введённый при Главной армии е.и.в. императрицы Анны Иоановны во время кампании 1737 г. и инструкция для действия войск против турок. СПб., 1892.

V.322. Сборник военно-исторических материалов. Вып. XIV. Приказы графа Миниха за 1736-1738 гг. Под ред. Генерального штаба полковника А. Баиова. СПб., 1904.

V.323. Сборник императорского Русского исторического общества Т.11. СПб., 1873.

V.324. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 12. Архив князя А. И. Чернышева. Бумаги А. И. Чернышева за царствование императора Александра 1. 1899-1825 гг. СПб., 1906.

V.325. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам (с 1 янв. 1865 по 1 янв. 1866 г.). Т. 1-2. СПб., 1870.

V.326. То же, (С 1 янв. 1867 по 1 янв. 1868). Т. 3. СПб., 1871.

V.327. То же, (С 1 янв. 1868 по 1 янв. 1869). Т. 4. СПб., 1871.

V.328. То же, (С 1 янв. 1869 по 1 янв. 1870). Т. 5. СПб., 1871.

V.329. То же, (С 1 янв. 1870 по 1 янв. 1871). Т. 6. СПб., 1871.

V.330. То же, (С 1 янв. 1871 по 1 янв. 1872). Т. 7. СПб., 1872.

V.331. То же, (С 1 янв. 1872 по 1 янв. 1873). Т. 8. Ч. 1. Т. 9. Ч. 1. СПб., 1873.

V.332. То же, (С 1 янв. 1873 по 1 янв. 1874). Т. 10. Ч. 1-2. СПб., 1874-1875.

V.333. То же, (С 1 янв. 1875 по 1 июня 1877). Т. 12. Ч. 1-2. СПб., 1876-1877.

V.334. То же, Т. 13. Ч. 1. (С 1 янв. по 1 июля 1877). СПб., 1877.

V.335. То же, Т. 22. Ч. 1. (С 1 янв. по 1 июля 1886). СПб., 1887.

V.336. То же, Т. 23.(С 1 янв. 1887 по 1 янв. 1888). СПб., 1888.

V.337. То же, Т. 35. За 1899. СПб., 1900.

V.338. Свод законов Российской империи. Т. II, IV-VIII. СПб., 1912.

VI. ИСТОЧНИКИ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

(Список архивов и архивных фондов)
Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА)

VI.339. Фонд 9. Кабинет Петра 1.

VI.340. Фонд 111. Донские дела.

VI.341. Фонд 119. Калмыцкие дела.

Центральный государственный
военно-исторический архив России (ЦГВИА)

VI.342. Фонд. Военно-учёный архив (ВУА). Коллекции.

VI.343. Фонд 1. Канцелярия Военного Министерства.

VI.344. Фонд 2. Журнальная часть канцелярии Военной коллегии.

VI.345. Фонд 9. Гарнизонная экспедиция Военной коллегии.

VI.346. Фонд 13. Казачья экспедиция при канцелярии Военной коллегии.

VI.347. Фонд 17. Приказной стол канцелярии Военной коллегии.

VI.348. Фонд 20. Воинская (Секретная) экспедиция Военной коллегии.

VI.349. Фонд 23. Военные комиссии.

VI.350. Фонд 52. Г. А. Потёмкин.

VI.351. Фонд 74. Управление окружных атаманов в области войска Донского. 1835-1921.
VI.352. Фонд 103. Барклай-де-Толли.
VI.353. Фонд 114. Статистические сведения о Российской империи.
VI.354. Фонд 138. Клейнмихель А. А.
VI.355. Фонд 287. Штаб Оренбургского казачьего войска. 1842-1916.
VI.356. Фонд 330. Главное управление казачьих войск.
VI.357. Фонд 331. Комитет об устройстве войска Донского.
VI.358. Фонд 400. Министерство военного Главного штаба. Казачий отдел.
VI.359. Фонд 405. Департамент военных поселений.
VI.360. Фонд 410. Материалы по истории народов СССР (коллекция).
VI.361. Фонд 411. Военные поселения (Коллекция). 1817-1857.
VI.362. Фонд 416. Генеральные карты России.
VI.363. Фонд 423. Материалы о границах России. Пограничные и землемерные карты (коллекция).
VI.364. Фонд 456. Северная война 1700-1721 гг.
VI.365. Фонд 458. Война с Персией 1722-1723 гг.
VI.366. Фонд 465. Война с Турцией 1787-1791 гг.
VI.367. Фонд 470. Война с Турцией 1806-1812 гг.
VI.368. Фонд 474. Отечественная война 1812 г. и кампания 1812-1814 гг.
VI.369. Фонд 487. Русско-японская война 1904-1905 гг.
VI.370. Фонд 799. Московское отделение общего архива Главного штаба.
VI.371. Фонд 1441. Отдельный Оренбургский корпус.
VI.372. Фонд 1445. Оренбургское казачье войско.

Центральный государственный исторический архив России (ЦГИАР)

VI.373. Фонд 381. Канцелярия министра земледелия.
VI.374. Фонд 970. Корнилов И. П.
VI.375. Фонд 1150. Департамент военных дел.
VI.376. Фонд 1264.
VI.377. Фонд 1291. Земский отдел МВД.
VI.378. Фонд 1409. Фонд собственной е.и.в. канцелярии.

Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины)

VI.379. Фонд 12. Походная генеральная войсковая канцелярия.
VI.380. Фонд 51. Генеральная войсковая канцелярия.
VI.381. Фонд 210. Чугуевский городской магистрат.
VI.382. Фонд 246. Военно-походная канцелярия Румянцева-Задунайского.
VI.383. Фонд 342. Чугуевский комиссар.
VI.384. Фонд 353. Чугуевская приказная изба.
VI.385. Фонд 666. Канцелярия Харьковского и Воронежского генерал-губернатора.
VI.386. Фонд 763. Канцелярия Малороссийского генерал-губернатора Румянцева-Задунайского П. А.

VI.387. Фонд 818. Харьковская воеводская канцелярия.
VI.388. Фонд 908. Чугуевская воеводская канцелярия.
VI.389. Фонд 1655. Чугуевское комиссарское правление.
VI. 390. Фонд 1709. Чугуевское наместническое правление.

Центральный государственный архив Республики Калмыкия – Хальмг Таңһч (ЦГА Калмыкии)

VI.391. Фонд Р-145. Личный фонд профессора Н. Н. Пальмова.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

VI.392. Фонд 1. Оренбургская экспедиция.
VI.393. Фонд 3. Оренбургская губернская канцелярия.
VI.394. Фонд 6. Канцелярия Оренбургского военного губернатора.
VI.395. Фонд 124. Планам и картам (Коллекция).

Государственный архив Омской области (ГАОмО)

VI.396. Фонд 1. Военно-походная канцелярия командира Сибирского корпуса.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

VI.397. Фонд 46. Атаманская канцелярия.
VI.398. Фонд 55. Х. И. Попова.
VI.399. Фонд 309. Калмыцкое правление.
VI.400. Фонд 341. Войсковая канцелярия войска Донского.
VI.401. Фонд 344. Войсковой штаб Области войска Донского.
VI.402. Фонд 353. Областной войска Донского статистический комитет.
VI.403. Фонд 374. Атаманская военно-походная канцелярия.

Архив Санкт-Петербургского отделения Института истории (АСПбОИИ)

VI.404. Фонд 36. Воронцова.
VI.405. Фонд 178. Астраханская приказная изба.

Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (РОГПБ)

VI.406. IV.
VI.407. IV.6
VI.408. IV.20.
VI.409. IV.38.
VI.410. Фонд 509. Позднеевы Д. М. и А. М.
VI.411. IV.825[1].
VI.412. Фонд 1001. Габаев Г. С.

СОДЕРЖАНИЕ

Монография

Ким Павлович Шовунов

КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА
(вторая половина XVII-XIX вв.)

Редактор *А. И. Наберухин.*
Художник *С. А. Бадендаев*
Технический редактор *К. П. Белова.*
Корректоры *С. Б. Михайлова, Э. Э. Иванова.*

Сдано в набор 12.05.92. Подписано в печать 8.XII.92. Формат 60x84 $^1/_{16}$. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,6. Усл. кр.-отт. 18,73. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 10000 экз. Заказ № 1. «С».

Калмыцкий институт общественных наук Российской Академии наук, 358000, ул. Революционная, 8.

Полиграфическое предприятие «Джангар» Госкомпечати и информации Республики Калмыкия — Хальмг Тангч, 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.